

1928 г.

№ 20.

ПРАЦЫ

Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту ў Менску.

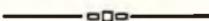
ТРУДЫ

Белорусского Государственного Университета в г. Минске.

LES ANNALES

de l'Université de la Blanche-Ruthénie.

1. ФАКУЛЬТЭТ ПРАВА І ГАСПАДАРКІ.

Выданье Праўлення Б. Д. У.
Менск — 1928

Райлит № 15.

(Тираж 700 экз.)

Борисов, тип. Комбината № 769.

Проф. С. Я. Вольфсон.

ЭКЗОГАМИЯ.¹⁾

Первичной и элементарной формой полового запрета, известной уже самым ранним ступеням первобытности, является запрет *возрастной*. Еще в эпоху превращения стадоподобных групп в примитивные орды нации отдалейшие предки устанавливали меж своими членами различных возрастов какие то грани, возбранявшие половое общение между ними. Мало-помалу эти грани стали более четкими и привели к возрастной дифференциации тех коллективов, в форме которых существовало первобытное человечество. Эти возрастные классы, олицетворяющие первичную форму полового запрета, совпадали обыкновенно с тремя поколениями, старшим, средним и младшим, меж которыми создавалась сексуальная изоляция: половые партнеры могли избирать друг друга лишь в кругу определенного поколения, определенного возрастного класса.

Наряду с этой, изначальной формой полового запрета, первобытность знала и другую, гораздо более сложную форму его, с легкой руки Мак-Ленниана известную под именем *экзогамии* (от греческого *ехо*—вне и *гаме*—вступать в брак).²⁾

Экзогамия обозначает запрет членам данного первобытного общественного коллектива (орда, племя, клан) вступать в брак с членами того же коллектива. Если дать тому же явлению не негативную а позитивную формулировку, оно обозначает, что каждый член такого коллектива должен искать себе брачного контрагента в другом коллективе (здесь встречаются два варианта: или обязанность вступать в брак с членами данного, вполне определенного коллектива, или же право на брак с членом любого коллектива-за исключением своего собственного).

Вместе с экзогамией мы встречаем у первобытных народов и явление обратного порядка—эндогамию т. е. запрет вступать в брак вне коллектива, к которому принадлежит брачующийся (от греческого *ендо*—внутри и *гаме*—вступать в брак). Здесь, опять-таки, мы можем прибегнуть к позитивной формулировке и сказать, что эндогамия обозначает обязанность вступать в брак только с членами того же коллектива, к которому принадлежит брачующийся.

1) Глава из подготовляемой к печати работы „Социология семьи“.

2) Факт экзогамии был известен и до Мак-Ленниана, работа которого вышла в 1866 году. Энгельс уже указал, что раньше Мак-Ленниана об экзогамии заговорили Латам и Моргай. Можно добавить сюда также Джорджа Грея, в тридцатых годах XIX века, путешествовавшего по Австралии и столкнувшегося у туземных племен с экзогамией.

Экзогамия представляет собою явление широчайшего распространения: нет почти народа, который не прошел бы через нее на определенных ступенях исторического прошлого, и миллионы людей подчиняются ей по настоящее время — один исследователь заметил, что лишь перечисление экзогамных племен современности заняло бы много страниц.

Однако, несмотря на такую широкую распространенность экзогамии и ее исключительную историческую живучесть, несмотря на то, что экзогамия является одной из узловых геноэкономических проблем, без освещения которой остается темным очень многое в эволюции брачно-семейных форм, наука до сих пор лишь *описала* экзогамию, но оказалась бессильной дать столь необходимое обяснение ее возникновению. Некоторые исследователи, как например Эрнст Гроссе, настроены весьма скептически даже к самой возможности отыскать такого рода обяснение и полагают, что науке придется ограничиваться в этом отношении лишь более или менее остроумными догадками. Мы считаем такого рода скептицизм чрезмерным и полагаем, что при здоровом, критическом анализе огромного, от года к году увеличивающегося этнографического материала в интересующей нас области, решительно разрывая с идеалистическими спекуляциями и систематически учитывая те материальные факторы, которые обусловили экзогамию, наука может еще многое сделать.

Попытаемся теперь подойти поближе к основным гипотезам происхождения экзогамии.

Что толкнуло первобытного человека с его столь необуздаными инстинктами наложить на себя узду экзогамии и заставить его разыскивать брачного партнера не по близости, а вдали от себя?

Сам Мак-Леннаан, приводивший внимание науки к экзогамии, обяснял ее помошью такой логически-спекулятивной догадки, которая уж давно не имеет ценности и упоминать о которой приходится лишь разве в порядке исторической постановки проблемы.

Ключ, помощью которого Мак-Леннаан пытается вскрыть происхождение экзогамии,—факт распространенного среди первобытных народов умерщвления младенцев женского пола. Так как эти народцы часто не в состоянии прокормить себя, то дабы уменьшить численность населения, они прибегают к убийству новорожденных девочек, обусловленному тем, что женщина в то время в хозяйственной жизни играла ничтожную роль, подчас являясь лишь обузой для общества. Таким образом постепенно образуется нехватка женщин, которая компенсируется двумя путями: полигандрией, т. е. браком одной женщины с несколькими мужчинами и похищением женщин со стороны,—у чужих племен. Брак—похищение со временем становится столь распространенным явлением, что даже у множества цивилизованных народов брачная церемония содержит в себе символические следы похищения. Широкое распространение брака путем похищения до такой степени внедрилось в быт и нравы первобытных народов, что стало общепринятым заключать брак не со своими, а с иноплеменными женщинами. И тогда, когда отпали породившие этот обычай предпосылки, обычай стал уж всеобщим правилом.

Мак-Леннаанова гипотеза целиком соткана из допущений, находящихся в противоречии с исторической действительностью. За шестьдесят лет, прошедших с тех пор, как она была формулирована, против нее было сделано с самых разнообразных сторон столько всяких возражений, что она может считаться разрушенной. Я перечислю поэтому лишь основные из этих возражений.

1. Мак-Леннан преувеличил значение убийства девочек, как мас-сowego явления. Женщина из ранних ступенях первобытности, часто представляя собою высоко-полезную хозяйственную единицу (соби-ратательница кореньев, помощница в охоте, походах и т. д.). Экзогамия сплошь и рядом воинствует у племен, этого убийства совершение не практикующих.

2. Убийство девочек, нигде и никогда не носявшее *повального* характера, не могло резко изменить соотношение между мужской и женской частью населения, так как множество мужчин погибало в военных столкновениях и на охоте. Часто при похищении женщин имеет место и полигиния (многоженство), что опровергает их недоста-точность внутри группы.

3. Экзогамия широко распространена и при матриархате, когда мужчина перекочевывает в клан жены; следовательно, брак—похищение и экзогамия отнюдь не являются сопутствующими явлениями.

С гораздо большим внешним успехом нежели Мак-Леннанова, претендует на правильность гипотеза Льюиса Моргана и Сомнера Мэна. Морган-Мэнона гипотеза отыскивает корни экзогамии в стрем-лении противодействовать бракам между лицами, которые связаны между собой кровно-родственными узами. Таким образом, детер-минировавшей экзогамию предпосылкой об'является противодействие кровосмешению. Экзогамия рассматривается, как средство, предупре-ждающее возможность появления хилого и болезненного потомства в результате кровосмесительных браков. К экзогамии прибегают—с точки зрения этой гипотезы—такие орлы, которые на примере своих эндогамных соседей убедились в пагубном действии кровосмесительных браков, имеющих результатом вырождение орды—появление в ней уродов, идиотов, больных и т. д.

Основным грехом рассматриваемой гипотезы является то, что она приписывает первобытному человеку такую степень наблюдательности и такие логические способности, которые ему были далеко не свойственны.

Ниже мы коснемся того вопроса, насколько верно, что браки близких родственников дают уродливое и вырождающееся потомство. Но предположим пока, что это—бесспорный факт. Так мог ли, спра-шивается, первобытный человек— *Homo fabans*, относительно которого ведется оживленная дискуссия, понимал ли он даже связь, имеющуюся между зачатием и рождением, подняться на такие вершины синтети-ческих обобщений, с высоты которых можно лишь установить зависи-мость меж родственными отношениями супругов и сказывающимся иного через несколько поколений вырождением потомства?...

Я полагаю, что на этот вопрос может быть дан исключительно отрицательный ответ. Ответ положительный обозначал бы угодование первобытного человека с его примитивным, далеким от абстрактного мышления умом ученному евгенисту. Так поступить может лишь человечек, одержимый иносказанием т. е. через „культурные очки“ современ-ности рассматривавший явления, отделенные от нас неизмеримо боль-шими историческими расстояниями!...

Теперь укажем, что самый факт вредного влияния кровнородствен-ных связей на потомство отнюдь не является бесспорным и подвергается современной наукой серьезным сомнениям. Многие выдающиеся авто-ритеты выступают в настоящее время противниками этого взгляда. Чтобы не задерживаться долго на этом специальном вопросе, я сошлюсь лишь на взгляды известного немецкого психиатра профессора Освальда Бумке.

Бумке считает, что кронные связи (*Insicht*) усиливают наследствен-

ные тенденции, как хорошие, так и плохие. Суммируя наличные задатки сближающихся индивидуумов, кровная связь ведет как к вырождению, так и к улучшению вида. „Популярный взгляд на последствия кровных связей,—говорит Бумке,— весьма значительно отличается от этой точки зрения: в результате браков кровных родственников возникают будто бы всевозможнейшие болезни и уродства: кроме того моральная и интеллектуальная недостаточность, в довершение всего понижение способности к деторождению... Все это были впечатления и догадки: *научные исследования их не подтвердили*.¹⁾ (Курсив мой—С. В.)

В подтверждение этого положения Бумке ссылается на работы Шиллер-Титца, Пейперса, Крауссе, Майе и др. Исследования всех этих ученых опровергают ходячее мнение о пагубных последствиях кровных браков. Кроме того Бумке апеллирует к таким общеизвестным историческим фактам, как частые браки меж сестрами и братьями среди египетской, персидской и перуанской аристократии.

„В доме Итполомеев,—говорит он,— на протяжении семи или восьми поколений братья и сестры вступали в брак исключительно между собою, и известная царица Клеопатра была последним отпрыском этого рода. По Lorenzу у нас нет сведений, чтобы монархи, вышедшие из этих браков, проявили себя чем либо иенормальным. А в Перу инки заключали такие браки даже в течение четырнадцати поколений без того, чтобы это привело к каким нибудь угрожающим или даже просто бросающимся в глаза явлениям... В Европе в большинстве сельских местечек люди связаны друг с другом сто и тысячекратными родственными связями...²⁾ Общий вывод, к которому Бумке приходит по интересующему нас вопросу, гласит: „бракам между кровными родственниками нельзя приписывать, как таковым, сколько нибудь значительного влияния на развитие дегенерации. Если браки братьев и сестер в течение ряда поколений не ведут к дегенерации, то отдельные случаи браков между более или менее отдаленными по родству двоюродными братьями и сестрами, конечно, не в состоянии вызвать такого ухудшения вида, которое имело бы значение для всего вида в целом“.

Итак, отрицательные последствия кровных связей служат еще в наше время предметом серьезной научной дискуссии и отнюдь не являются установленным фактом. В крайнем случае здесь можно горорить о биологической тенденции. Так вот, приписывать человеку, которыйвел бродячий, звероподобный образ жизни, уловление этой тенденции,—не значит ли это совершать насилие над фактами?³⁾

Добавлю еще, что эта тенденция должна была проявляться тем слабее, что и в замкнутые орды неминуемо вливалась время от времени „свежая кровь“ со стороны,—это было результатом частых нападений на орду и сопутствовавших этим нападениям насилий над женщинами...

Как мы, наконец, обясним,—выводя экзогамию из противодействия кровосмесительству,—тот факт, что она очень часто ограничивается родством по женской линии, но совершенно не касается такового по мужской, и наоборот.

Каутский ссылается на пример иудеев, имеющих право вступать в брак с ближайшей родственницей с отцовской стороны (теткой, двоюродной сестрой и т. д.), но которым возвращается брак с самыми

¹⁾ Проф. Освальд Бумке. Культура и вырождение. Пер. под ред. проф. П. Б. Ганниушкина. Изд. Сабашниковых. М., 1926. Стр. 79.

²⁾ Ibidem. Стр. 70.

³⁾ Ibidem. Стр. 82.

дальными родственницами по клану матери¹⁾). Тоже, по свидетельству Ефименко, имеет место у самцов. Самоед может жениться на сестре матери, но ему воспрещен брак с сестрой отца.²⁾ У остяков при экзогамии разрешается, по сообщению Палласа, жениться на племяннице—дочери сестры. Максим Ковалевский показал, что у большинства племен дравитского происхождения экзогамические запреты, распространяются только на родство по отцовской линии.³⁾

У северных бурят и в настоящее время запрещено половое общение лишь между братьями и сестрами и кузенами—первой, второй и третьей степени, только с отцовской стороны.⁴⁾

Число этих примеров можно было бы без труда увеличить, так как они содержатся почти в любой истории брака.

О чем же они свидетельствуют?

О том, что экзогамия не была обусловлена пониманием со стороны первобытного человечества отрицательных действий кровнородственных связей. Если-б у него было это понимание, то экзогамический запрет одинаково бы касался родства и по материнской, и по отцовской линии.

Наконец, нельзя забывать, что экзогамический запрет иногда касается лишь в каком кровном родстве между собой не состоящих, а принадлежащих лишь к одному клану.

На основании всего сказанного мы имеем право утверждать, что гипотеза Моргана-Мэна не выдерживает критической проверки.

Я полагаю необходимым остановиться здесь и на том решении вопроса о происхождении экзогамии, которое предложил недавно Карл Каутский. Это сделать тем более необходимо, что предложенное Каутским решение, в сущности, реставрирует с некоторыми вариациями—гипотезу Моргана-Мэна, и что оно знаменует собой разрыв с теми взглядами, которые развивал по этому поводу сам Каутский в широко распространенной его работе „Возникновение брака и семьи“, написанной еще в 1882 году. В этой работе Каутский устанавливал, что экзогамия, становясь привычкой, постепенно превратилась в инстинкт, который в форме отвращения к кровосмешению сохранился и до нашего времени). Однако, так как отвращение к кровосмешению не вложено в человека самой природой, то стали искать для него иных причин. Его постигла же судьба, какая постигает и каждыйrudиментарный инстинкт человека: за ним старались открыть какую нибудь определенную цель, а раз эта цель найдена, то ей, явлению вторичному и производному от инстинкта, отвели первое место, превратили ее в причину инстинкта. Этот рационалистический прием, исходящий из того предположения, будто в основе всего, что только человек делает лежит определенное понимание, будто он все свои поступки совершает постоянно с заранее обдуманной целью,—прием этот из отвращения к кровосмешению... сделал такой вывод, что во времена возникновения их люди обладали характерными для того периода знаниями природы". Ссылаясь на ряд доводов, говорящих против выведения экзогамии из отвращения к кровосмешению, Каутский продолжал: „Но вопреки всему этому, еще и по сей день господствует то мнение, будто невежественные и легкомысленные дикари, у которых нет ни малейших сведений о физиологии, все врачебное искусство

1) Каутский. Возникновение брака и семьи. Изд. З-ье „Прибой“ П. 1923. Стр. 62.

2) А. Ефименко. Народные юридические обычаи лопарей, коряков и самоедов Архангельской губернии. Стр. 171-172. Приведено у А. Максимова „Что сказано по истории семьи“. М. 1901.

3) Максим Ковалевский. Родовой быт. СПБ. 1905. Стр. 132-137.

4) Проф. Б. Э. Петри. Внутри-родовые отношения у северных бурят. Иркутск. 1925. Стр. 32.

которых состоит лишь в чарах и колдовстве,— будто они сделали такое наблюдение, что кровосмешение вредно и вследствие этого запретили его,—так, примерно, как у нас введено принудительное оспопрививание. Но это значит приписывать дикарям виолю современный образ мышления¹⁾.

В своей обширной, вышедшей в конце 1927 г., работе— „Материалистическое понимание истории“ Каутский произвел ревизию тех взглядов на экзогамию, которые он развивал сороку пятью годами раньше.

Теперь Каутский отправляется от кровосмешения, как исходного пункта для рассмотрения экзогамии. При этом он уделяет особое внимание тому обстоятельству, что замкнутый—в эпоху первобытности—характер человеческого общества значительно повышал вредносность кровосмешения. В этой вредности же первобытный человек мог убедиться, наблюдая отрицательные результаты инцеста домашних животных, которых он начинал разводить.

Сознавая, однако, всю шаткость своих апелляций к вреду кровосмешения, Каутский пытается выдвинуть некоторые новые доводы, которые, по его мнению, вносят необходимое понимание в вопрос генезиса экзогамии. „Я надеюсь все же“,— пишет он,— „что нашел удовлетворительный ответ благодаря тому, что принял в соображение то обстоятельство, что наряду с последствиями кровосмешения выявлялись и последствия скрещения. Контраст того и другого может так сильно проявиться, что мимо него не мог пройти и первобытный человек, который хотя и был очень наивным и невежественным, но который точно также, как и животное, во всем, что непосредственно касается его блага, является крайне острым наблюдателем“²⁾. Каутский полагает, что первобытному человеку резко бросалась в глаза разница между племенем, в котором брачные союзы заключаются внутри него, и тем, которое эти союзы заключает во вне. В первом—женщины становятся бесплодными или дают хилое потомство. Во втором—появляется крепкое и здоровое потомство. Первобытный человек не знает физиологической причины этого явления. Он обясняет его проклятием богов, тяготеющим над браком со своими и их благословением по отношению к бракам с чужими. Отсюда запрет первых и поощрение вторых. „Именно потому, что запрет подобных (родственных—С. В.) связей основывается не на научном воззрении, а на наблюдениях, которые связываются с фантастическими и мистическими представлениями коллектива, он принимает религиозную и этическую форму“³⁾.

Совершенно очевидно, что Каутский в своих новейших взглядах выступает сторонником Морган-Мэновой теории экзогамии, в которую он вносит некоторые корректины.

Корректины эти, однако, нисколько не колеблют тех воззрений, которые мы привели выше против мысли о том, что запрещение кровно-родственных браков обусловлено их вредом для потомства.

Ведь, в самом деле, Каутский подменяет логическое осмысление первобытным человеком этого вреда мистическим страхом этого же человека перед кровно-родственным браком, дающим вырождающееся потомство. Но ведь для того, чтобы этот страх возник, необходимо наличие порождающего его фактора т.е. факт гибельных последствий инцеста. Между тем, как мы указывали выше, этот-то самый факт

1) K. Каутский. Возникновение брака и семьи. Стр. 62.

2) Karl Kaутский. Die materialistische Geschichtsauffassung. Berlin. Verlag Dietz 1927 Erster Band S. 313.

3) Ibidem S. 317.

и берется современной наукой под вопрос. Следовательно, на нем нельзя базировать тех взглядов, которые развивает в настоящее время Каутский. Каутский предлагает лишь новую вариацию гипотезы Морган-Мэна, но эта вариация имеет те же предпосылки, что и сама гипотеза. Потому она обнаруживает свою несостоятельность пред лицом тех же доводов, которые опровергивает эту гипотезу.

Мы считаем, что Каутский был прав тогда, когда протестовал против рационалистических приемов об объяснении экзогамии отвращением к кровосмешению и приписывания дикарям образа мышления современного культурного человека, а не теперь, когда он заявляет, что дикари и варвары придавали большое значение расовой гигиене!)

Не более устойчива по отношению к критической пропекре и попытка объяснить возникновение экзогамии, которую, видоизменяя Морган-Мэну гипотезу, делает ряд видных социологов, среди которых можно назвать Гелльвальда, Вестермарка, Фрезера и Мюллера-Лиэра. Исследователи эти, разобщенные друг от друга в своих генеомических взглядах серьезнейшими разногласиями, совместно защищают, однако, гипотезу, которую можно охарактеризовать как „теорию экзогамического инстинкта“.

Для представителей теории экзогамического инстинкта совершенно очевидна несостоятельность Морган-Мэновой гипотезы, приписывающей первобытному человеку понимание вреда, который приносят с собой кровнородственные связи. Поэтому они, отставая самый факт противодействия первобытного человека кровосмешению, рассматривают противодействие это как результат инстинктивно-присущего человеку отвращения к половой близости с лицами, с которыми вместе воспитываешься и растешь. Совместная жизнь оказывает, по выражению Гелльвальда „притупляющее влияние“ (*eine abflachende Wirkung*) на чувственное возбуждение¹⁾. Вестермарк также аппелирует к инстинкту который по его выражению „в нормальных условиях делает половую любовь между ближайшими родственниками психологической невозможностью“²⁾.

Он же утверждает, что „существует врожденное отвращение против половых сношений между лицами, которые совместно жили с ранней юности, и что так как в большинстве случаев такие лица находятся в кровном родстве, то это чувство проявляется преимущественно в виде отвращения к половым сношениям между близкими родственниками“³⁾. Той же точки зрения придерживается и Фрезер, для которого отвращение к кровосмешению таится не в действительном знании, а в чем то ином — „в бессознательном подчинении первобытных людей импульсу великих творческих сил, которые в физическом мире создают из низших форм бытия — высшие и в духовном мире из варварства — культуру“. Любопытно, что к тому же взгляду примыкает и Мюллер-Лиэр, материализм генеомической системы которого в этом пункте уступает место вульгарному идеализму.

Мюллер-Лиэр трактует экзогамию, как „всеобщий закон органического мира“. Для него экзогамия возникла в результате врожденного экзогамизма полового инстинкта, который должен рассматриваться „не только как иплоть до нашего времени существующий факт, но и... как всеобщий закон размножения органической природы. Эта „склонность к чужим женщинам“, повела сначала к примитивной экзогамии..., затем

¹⁾ *Ibidem* S. 319.

²⁾ Hellwald. *Geschichte der menschlichen Familie*. Leipzig 1889. S. 179.

³⁾ Ed. Westermarck. *Geschichte der menschlichen Ehe*. Verl. Bartsdorf Berlin. 1902. S. 319.

⁴⁾ *Ibidem* S. 321.

и к примечательным брачным запретам"...)». Все приведенные высказывания отбрасывают нас непосредственно к Платону с его "неписанным законом", предохраняющим красивых сестер от об'ятий их братьев...

В самом деле, что обозначает аппеляция к „экзогамическому инстинкту“, как к *alium agio* половых запретов? Что этот инстинкт внедрен в душу человеческую какими то потусторонними силами, что это, говоря языком Фрезера, „импульс великих творческих сил“. Но это обозначало бы отказ от научной аргументации и переход на поповскую точку зрения „искры божией“... Или же усмотреть в этом инстинкте спасительную преграду природы от пагубных для человечества кровных связей? Но для этого надо было бы раньше всего быть испоколебимо уверенным в биологической гибельности этих связей. Из того же, что мы говорили рассматривая гипотезу Моргана-Мэна, ясно, что этой уверенности у нас отнюдь не может быть... О большой проблематичности отрицательных последствий кровнородственных связей говорили неоднократно и сами сторонники теории „экзогамического инстинкта“, тем подрубая сук на котором они сидят. Против этой же теории выступает и тот выше охарактеризованный факт, что экзогамия, как правило, ведет к половым запретам лишь по линии одностороннего родительства. Ясно, что если бы „экзогамический инстинкт“ был бы действительностью, а не фикцией, то он проявлялся бы в отношении всякого родства—безразлично с отцовской или материнской стороны.

Фикцией же заставляют нас назвать экзогамический инстинкт и следующие соображения.

Наряду с миллионами, подчинявшимися экзогамии, всегда существовали и миллионы, ее не признававшие. Мы выше называли уж египетскую, персидскую и перуансскую аристократию, среди которых были узаконены браки меж сестрами и братьями. Можно назвать и множество эндогамических народностей, у которых как правило брачные узы соединяют ближайших родственников. Жиро-Теллон указывает на ряд строго эндогамных негрских племен. Старке сообщает, что половые связи между родителями и детьми, между братьями и сестрами очень часты в Бразилии, среди племен, живущих по Амазонке и Рио-Негру, у чинпевьев, у одной отрасли каренов; веддахи ставят брак с младшей сестрой выше всякого иного брачного союза.¹⁾

По сообщению Пешеля, в Египте две трети браков заключаются без всяких видимых дурных последствий меж детьми братьев и сестер. Поль Декан среди племен, у которых эндогамия ведет к постоянному кровосмешению, называет негрилов из Огоуйэ и Новой Гвинеи, ковбоев из Высокой Джамбии на Суматре, бушменов из Калагари, дайяков (Борнео), маори, алеутов, и веддов.²⁾

Интересна реплика, которую Маркс подал в одном своем письме по поводу содержавшейся в Вагнеровском тексте Нibelungов, фразы: „Слыхано ли когда нибудь, чтобы брат обнимал сестру, как супругу“. Маркс считал, что эта фраза искажает первобытность „В первобытную эпоху“,—говорит он,—„сестра *была* женой, и это было нравственно“.

Если, вслед за Фрезером и Мюллер-Лизром, считать экзогамический инстинкт врожденным в человеке, то придется, повидимому, об'явить не подчиняющиеся этому инстинкту миллионы—дефективными.

1) Fr. Müller-Ever, *Die Familie*, Albert Langen Verlag, München 1921 S. 42 und 78-79.

2) K. H. Старке *Первобытная семья, ее возникновение и развитие*. Изд. Л. Пантелейона СПб. 1901. Стр. 307.

3) Paul Deschamps, *Les causes de l'exogamie et de l'endogamie*. Revue de l'Institut de sociologie. Bruxelles. 1927 № 1, p. 74.

Но на это вряд ли отважится самый рьяный сторонник рассматриваемой теории.

Добавлю еще, как характерный штрих, что у многих народов экзогамия распространяется лишь на брачные союзы, но ее запретительное влияние не касается „случайных“ связей, которые сплошь и рядом широко практикуются внутри какой либо экзогамной группы, равно и половых сближений во время всяких празднеств и церемоний. Так, например, у пермяков возбраняются браки между всякими родственниками, но и самое близкое родство не составляет препятствия для заключения любовных связей.¹⁾

Сошлюсь также и на свидетельство лица, которое произвело относительно недавно—уж в период мировой войны,—щательное исследование общественных форм небольшого племени банао, обитающего на севере Новой Гвинеи и изложившего результаты своих наблюдений в специальной монографии, „Община банао“, появившейся в 1921 г.

Автор названной монографии Рихард Туриwald пишет между прочим: „Все что фантазировали касательно смысла экзогамии, будто она выражает отрицание к кровосмешению, или даже, что она предсматривает рассоно-гигиенические цели, совершенно необосновано, и в свете того, что определенно известно о первобытных народах, несодействует их знаниями и их представлениями о естественной взаимозависимости“.²⁾

Подводя итоги всему сказанному насчет теории экзогамического инстинкта, мы видим, что у нас не больше данных признать ее правоту, нежели мы это можем сделать в отношении других разобранных выше гипотез.

Перейдем теперь к тому объяснению, которое дает возникновению экзогамии школа Зигмунда Фрейда.

Защищаемая Фрейдом гипотеза не может быть признана оригинальной. Глава психоаналитической школы в сущности восстанавливает с некоторым специфическим привеском ту теорию происхождения экзогамии, которую пытались в свое время обосновать Аткинсон и Лэнг, и с которой удачно polemизировал еще М. М. Ковалевский.

Названные авторы искали объяснения экзогамии в том, что тираннический глава орды, дабы монополизировать за собою владение всеми молодыми женщинами орды, насилием удалял за ее пределы всю мужскую молодежь. Последняя вынуждена была таким образом добывать себе женщин извне, со стороны. Но мало—по—малу, движимая чувством ревности полово—зрелая мужская молодежь восстает против отца—тирана и убивает его. Это убийство в свою очередь, ведет к расприям между становящимися сексуальными конкурентами братьями—победителями, что грозит распадом орды. Процесс распада однако, приостанавливается и результате вмешательства женщин, добивающихся компромисса между поколениями—сыновья оставляются в орде, но, отказываясь от близости с матерью и сестрами, обязуются не посягать на сексуальную монополию отца.

Посмотрим теперь, как излагает ту же теорию Фрейд. Отправной точкой его генеономического анализа служит Дарвинова первичная орда. „Здесь только жестокий ревнивый отец, приберегающий для себя всех самок и изгоняющий подрастающих сыновей, и ничего больше... В один прекрасный день изгнанные братья соединились,

1) Н. Добротворский. Пермяки. Вестн. Европы. 1883 т. 4, стр. 565. Н. Рогов. Материалы для описания быта пермяков. Журн. Мин. Внутр. Дел. 1858 т. 4, стр. 74. Прислало у А. Максимова Op. cit.

2) Dr. Richard Thurnwald. Die Gemeinde der Banao. Stuttgart. Verl. Enke 1921. S. 181.

убили и с'ели отца и положили таким образом конец отцовской орде. Они осмелились сообща и совершили то, что было бы невозможно каждому в отдельности... Жестокий праотец был несомненно образцом, которому завидовал и которого боялся каждый из братьев. В акте поедания они осуществляют отождествление с ним, каждый из них усвоил себе часть его силы.... Они ненавидели отца, который являлся таким большим препятствием на пути удовлетворения их стремления к власти и их сексуальных влечений, но в то же время они любили его и восхищались им. Устранив его, утолив свою ненависть и осуществив свое желание отождествиться с ним, они должны были попасть во власть усилившимся нежных душевных движений. Это приняло форму раскаяния... То, чему он прежде мешал своим существованием, они сами себе теперь запрещали, попав в психическое состояние хорошо известного нам из психоанализа „позднего послушания“ (nachträglicher Gehorsam), они отменили поступок... и отказались от его плодов, отказавшись от освободившихся женщин¹⁾).

Такова, изложенная отрывками из самого Фрейда, его теория возникновения экзогамии. Уточняя эту теорию, он ссылается также на ее практическое основание. Это основание Фрейд видит в том, что будучи союзниками в совместной борьбе с отцом, братья в то же время оставались соперниками по отношению к женщинам. Их взаимная борьба была неминуемой и должна была принести гибель новой организации. „Таким образом братьям, если они хотели жить вместе, не оставалось ничего другого, как быть может, преодолеть сильные непорядки, установить инсцестуозный (т.е. кровосмесительный С. В.) запрет, благодаря которому все они одновременно отказались от желанных женщин, ради которых они прежде всего и устранили отца.“²⁾

Как мы видим, развивающаяся Фрейдом точка зрения восстанавливает теорию Аткинсона-Ленга, придавая ей общую психоаналистическую устремленность. Посколько так, против нее могут быть направлены все те доводы, которые в свое время Ковалевский с успехом использовал для опровержения взглядов Аткинсона и Ленга.

Предположим, что действительно молодые мужчины, вследствие завладения патриархом всеми женщинами орды, должны были добывать женщин извне. „Но что в таком случае, могло воспротивиться притязаниям патриарха на этих взятых со стороны женщин?“³⁾

Ковалевский подчеркивал также, что „условия первобытной борьбы с животными и людьми не допускают возможности изолированной жизни или добровольного устрания старшим и нередко стариком всех сыновей, достигших половой зрелости и способных быть ратниками. С другой стороны, имеются свидетельства, позволяющие сомневаться в том, чтобы при кратковременности союзов, какой отличается первобытное общество, чувство ревности сказывалось с особенной энергией“⁴⁾. Последнее указание Ковалевского находит себе подтверждение в многочисленных сексуальных обычаях первобытности, вроде сужания жен, „угощения“ гостя женой и, наконец, широко распространенной полиандрии. Сексуальное состоянание ревнивого отца с сыновьями Фрейд, вслед за Аткинсоном, изображает по аналогии с тем, что происходит в табунах диких лошадей и быков, где иногда имеет место убийство животного—отца. Но такого рода вульгарное „зооло-

¹⁾ Prof. Sigmund Freud. Тотем и Табу. Пер. д-ра Вульфа ГИЗ стр. 150-152.

²⁾ Ibidem стр. 153.

³⁾ Максим Ковалевский. Родовой быт. Стр. 126.

⁴⁾ Максим Ковалевский. Стр. 127.

тирование" общественной жизни первобытного человека не обладая никакой научной убедительностью, доказывает лишь, что допускающий его плохо разбирается в специфических особенностях исторической жизни людей, обуславливающих необходимый при анализе человеческой истории, скачок от зоологии к социологии, „от Дарвина к Марксу".

Еще в „Происхождении семьи, собственности и государства" Энгельс разоблачал истинную цену попыток на основе механически осуществляемых „зоологических уподоблений" об'яснять половые отношения первобытного человечества. „Из тех условий, в которых сейчас живут человекообразные обезьяны переход к человеческому состоянию был бы прямо необъясним; эти обезьяны производят скорее впечатление сбывающихся с пути боковых ответвлений, обреченных на постепенное вымирание и, во всяком случае, клонящихся к упадку. Одного этого достаточно, чтобы отказатьсь от параллели между формами семьи у них и первобытных людей. Взаимная же терпимость взрослых самцов, отсутствие ревности, была первым условием для образования таких крупных и прочных групп, в среде которых только и могло совершиться превращение животного в человека".¹⁾ (Курсия мой—С. В.).

Для того, чтобы покончить с Фрейдовской гипотезой происхождения экзогамии добавлю еще, что ее основным грехом, как и всех, впрочем, генеономических взглядов этого виднейшего теоретика психоанализа, является игнорирование им социальной детерминированности половых отношений, „десоциализация" их, по правильному выражению тов. Быховского.²⁾.

На какие же размышления наводит нас сделанный разбор генеономических течений по вопросу о происхождении экзогамии. Мне думается, что из произведенного разбора можно убедиться в том, что ни обращение к физиологическому фактору, ни аппеляция к врожденным инстинктам, ни психоаналитическая трактовка инцестуозного запрета не дают искомого об'яснения. Это об'яснение находится за очерченными выше пределами. Мы должны попытаться поэтому осмыслить генезис экзогамии в свете социально-экономических предпосылок.

Некоторые исследователи экзогамии уже давно, правда довольно нерешительно, заговоривали о социально-экономической детерминированности экзогамии. Так мы встречаемся у Тейлора и у Поста с мыслью о том, что экзогамия явилась средстом достичь солидарности между разрозненными группами и упрочить их взаимоотношения.

Уж неоднократно упоминавшийся нами М. М. Ковалевский,—которого, кстати сказать, сочувственно цитирует в своей работе о происхождении семьи и Энгельс,—в мемуаре, представленном IV С'езду международного института социологов, также писал: „Ежедневная борьба с дикими зверями и враждебными им группами людей побуждала первые человеческие сообщества направлять все усилия к одной цели—не уменьшать, а наоборот, возможно увеличивать число собственных членов. Одно уже это обстоятельство должно было повести к установлению обычая добывать женщины со стороны". В своем исследовании о родовом быте тот же выдающийся ученый подошел к экзогамии, как к обычая, который ведет за собою увеличение оборони-

1) Фр. Энгельс. Происхождение семьи собственности и государства. Пер. под ред. Рязанова. М. 1922. Стр. 25.

2) Б. Быховский. Генеономические воззрения Фрейда. Под знаменем марксизма 1926 № 9.

тельных и наступательных средств тех родов, которые ее придерживаются.¹⁾

Высказанная при этом Ковалевским мысль о том, что союз с чужеродцами увеличивал и численный состав определенной родственной группы и ее производительные средства, бросает, кажется мне, значительный свет на интересующую нас проблему.

Тем, что в орду переселялся мужчина со стороны, мощь этой орды возрастала, увеличивалась ее рабочая сила, налаживались дружественные отношения с соседними ордами, к которым протягивались таким образом нити „свойства“. Соединенные друг с другом брачными узами своих членов, орды превращаются в союзников, и тем самым экзогамия становилась фактором об‘единения, давала толчек к образованию более широких группировок. Косвенным доказательством тому, что экзогамия преследовала цель завязывания дружественных межродовых отношений, служит упоминавшийся уж выше факт частого запрета браков внутри орды, при фактической легализации *кратковременных половых связей* в ее же пределах. Это обстоятельство показывает, что орде не было дела до способов удовлетворения сексуальных потребностей своих членов, но что она старалась использовать это удовлетворение в целях увеличения своей мощи и налаживания дружественных отношений с соседями. И поэтому экзогамия, как правило, возникает чаще всего там, где есть наибольшая нужда в межгрупповых об‘единениях, в их взаимной поддержке, в совместной борьбе со стихиями природы, зверями и враждебными племенами, одним словом там, где на лицо хозяйственная заинтересованность в ней.

В пользу этого утверждения свидетельствует и то обстоятельство, что экзогамия большей частью означает не право свободного выбора брачного партнера за пределами той группы, к которой принадлежишь, а обратное,—обязанность произвести этот выбор из среды данной, определенной группы.

Так, если мы возьмем для примера, одно из основных австралийских племен—аранда или арунга, то мы увидим, что оно разделяется на яне на четыре и на севере на восемь брачных классов: каждый из членов данного брачного класса может вступать в брак лишь с членами какого-нибудь другого определенного класса.²⁾

Здесь совершенно явственно сказывается стремление сблизиться и поддерживать дружественные отношения со строго определенной группой.

Наоборот, там, где живут разобщенно в силу природных условий,—на островах и в местностях, отделенных друг от друга лесами или реками, там находит себе почву эндогамия.

Она вытекает из привычки, образующейся вследствие вынужденной замкнутости орды,—того, что она варится „в своем собственном соку“, что ее члены поставлены в необходимость вступать в брачные отношения лишь друг с другом. Здесь как и везде, привычка постепенно освящается, становится правилом, вызывает запреты поступать иначе. Таковы предпосылки эндогамии, у называемых Поль Деканом кайугов и некоторых других групп, живущих в области Амазонки, у негрилов Огвуз и Фернанд Вац, у бушменов Калагари, у дайяков, у минкопиев, у маори, у каров из Бирмы и многих других первобытных народцев.

¹⁾ См. Ковалевский. Op. cit. Стр. 128-9.

²⁾ A. W. Nienwenhuis. Entstehung der Ehe. Das Ehe-Buch. Celle. 1926. S. 58.

Попутно заметим, что эндогамия имеет иногда и предпосылки иного порядка: желания сохранить неприкословенным облик данной группы, предохранить ее от постороннего влияния, от „чужой крови“. Таковой является кастовая эндогамия, классические образцы которой находим в Индии. Тем же желанием продиктованы, повидимому, и эндогамные обычай персидской, египетской и перуанской аристократии, которых мы уже касались выше. Гоже можно сказать относительно некоторых современных племен Британской Колумбии и Центральной Африки.

Наконец, не той же ли „эндогамической тенденцией“, руководился небезызвестный профессор Томсон, когда он на происходившем в сентябре 1927 года в Берлине Международном генетическом конгрессе выступил с предложением создать особые „биологические ядра“ для выведения племенных „музыкантов, ученых, агентов и т. п.“ путем создания специальных, территориально-замкнутых колоний!...?)

Но вернемся к эзогамии. Вероятно социально-экономической мотивации эзогамии усиливается еще и соображением, которое выдвигает Генрих Кунов. На примере тщательно изученных им австралийцев Кунов показал, что обладание женщиной, взятой в плен, похищенной или добытой каким либо иным способом из чужой орды, приносит мужчине гораздо большие пользы, нежели его сближение с женщиной из собственной орды. В последнем случае женщина сохранила определенную самостоятельность, реагировала на дурное обращение, пользовалась защитой орды, наконец, могла порвать связь. Женщина, похищенная извне находилась в полном распоряжении похитившего ее,—она была почти на положении вещи.

Женщина нужна австралийцам, не только, как сексуальный об'ект, но и как помощница в кочевые, которая тащит за своим господином домашний скарб и собирает корни, ягоды, червей и т. д. Для этой роли, в силу изложенных причин, чужая женщина удобнее женщины из своей собственной орды.

Таким образом постепенно внедряется в сознание мужчины уверенность в том, что владение „чужой“ женщиной гораздо удобнее, нежели своей. Эта уверенность со временем и создает привычку вступления в брак с женщиной извне, а привычка переходит в правило.

В конце концов это всеми признаваемое правило ведет к запрету заключать браки между членами одной и той же орды, людьми которых „tai wîl uem“ т.-е. „одного мяса“, одной плоти.)

Таковы моменты, говорящие о социально-экономической детерминированности эзогамии.

Было бы неосторожным утверждать, что эта детерминированность уж в достаточной степени изучена нами: нет, наука только начинает „прощупывать“ ее. Но все-же можно уже с уверенностью сказать, что поскольку генеономии удается вскрыть те двигательные причины социальной первобытности, которые призвали к жизни эзогамическую организацию, она этого добьется на путях уловления социально-экономической целесообразности эзогамии.

Эзогамия увеличивала рабочую силу орды—это было целесообразно.

Эзогамия протививала нити содружества к соседним ордам—это было целесообразно.

Эзогамия укрепляла экономическую мощь орды—это было целесообразно.

1) См. Вестник Коммунистической Академии. 1927. Книга XXIII стр. 226.

2) См. Heinrich Cunow. Marxsche Geschichts-, Gesellschafts- und Staatstheorie. Berlin 1923 В. 1. С. 117-120 и то же.—Происхождение брака и семьи. Стр. 6 и 51.

Экзогамия облегчала членам орды и кочевье, и охоту—это было целесообразно.

Все эти рассуждения ведутся на твердой почве исторического факта.

И потому это—путь материалистической генеономии.

В заключение я бы хотел отметить, что нельзя прямолинейно противопоставлять друг другу экзогамию и эндогамию, а надо учитывать, что в исторической действительности они иногда выступают в своеобразном сплетении, характеризующем сексуальные нормы первобытности. При этом сплетеии данная группа эндогамии во вне, но экзогамия внутри. Это значит, что эндогамия как таковая, лишенная право заключать брак за своими собственными пределами, группа в то же время разбивается на подгруппы, экзогамные по отношению друг друга.

Образцом такого рода эндо-и экзогамных отношений могут служить различные индусские касты, которым запрещается завязывать брачные отношения во вне.

Касты эти часто бывают разделены на подкасты, каждая из которых также строго эндогамна. Подкасты, в свою очередь, делятся на кланы и готры. Член же каждой готры может вступать в брак лишь с лицом, принадлежащим к другой готре того же клана.¹⁾ На лицо таким образом яркое проявление сплетения эндо-и экзогамного принципов...

¹⁾ Sven Lönnberg, *Der Klan*, Berlin, 1921, S. 12.

И. Я. Герцык.

Экономическая теория Отмара Шпана.

1

Известно, какой кризис в послевоенный период переживает немарксистская политическая экономия.¹⁾ В то время, как по отдельным, особенно по чисто практическим, вопросам мы имеем целый ряд трудов первостепенного значения (в частности по вопросам денежного обращения и теории кризисов), нет той общей теории, как в свое время теория классической школы, позже исторической и психологической, которая могла бы обединить вокруг себя большинство экономистов. Мы наблюдаем в этой области полный разлад, целый ряд теорий, за каждой из которых стоит учёный с небольшим числом своих учеников. Каждая маленькая школа считает себя единственной обладательницей „истины“, а все остальные заблуждающимися. Но и эти школы, даже со своей точки зрения, не дают общего мировоззрения, общих основ нашей науки. О. Шпан (профессор Венского университета по кафедре политической экономии и социологии), принадлежащий к числу наиболее видных немецких экономистов последнего времени, один из немногих, пытающихся подвести новый фундамент под разрозненные теории политической экономии. Его основной труд „Fundament der Volkswirtschaftslehre“²⁾ как и брошюры, и статьи, посвященные экономическим вопросам, обратили на себя общее внимание специалистов.

Мы не имеем в виду передавать подробно всю обширную, детально разработанную, теорию нашего автора. Для нашей цели достаточно выяснить основные, наиболее важные, пункты этой теории. Изложим их возможно объективно, без комментариев, а потом уже перейдем к критике экономического мировоззрения, интересующего нас автора.

У Ш. теория политической экономии тесно связана с его общим философским мировоззрением. По его мнению, социальное мировоззрение является решающим для установления той или другой теории политической экономии. Он по этому вопросу резко расходится с огромнейшим большинством экономистов немарксистов. Ш. находит, что то или другое отношение к целому, к коллективу является определяющим для метода и развития общественных наук. Имеются два основных мировоззрения: индивидуалистическое и универсалистическое.

¹⁾ См. интересный труд Р. Штолцимана „Die Krise in der heutigen Nationalökonomie“lena 1925. На этом вопросе остановился также я в моей статье „Новейшие течения в политической экономии в связи с проблемой кризисов“ в Труд. Всеср. Госуд. Унив. № 14—15.

²⁾ lena 1923.

²⁾ Практики ЕДУ № 20.

Первое—индивидуалистическое или атомистическое—предполагает, что коллектив, целое составляется из отдельных частей, оно равно их сумме, подобно куче камней. Целого, помимо частей, не существует. Второе же, универсалистическое или колективистическое, исходит из целого, как организма, обединяющего отдельные клетки, оно (целое) больше, чем сумма клеток, оно то, что составляет их единство. Ш. не признает единой для всех обязательной научной истины. Он прямо заявляет: „основиою ошибкою является предположение о существовании единой науки о народном хозяйстве.... Нет таковой... До тех пор будут два учения о народном хозяйстве, пока в нашей науке не будет разрешен спор между индивидуалистическим и универсалистическим мировоззрением“. Ш. предполагает, что ошибочный взгляд о единой науке укоренился только потому, что крупнейшие теоретики экономисты, сознательно или безсознательно, были сторонниками атомистического мировоззрения, между тем как представители другого направления, колективистического, принадлежавшие к исторической школе, пренебрегали совершенно теоретической работой.¹⁾ Это различие в мировоззрении, находит наш автор, является решающим для всех основных вопросов нашей науки. „Выражают ли сущность хозяйства свобода конкуренции или его организованность, содействуют ли повышению производительности труда свобода торговли или протекционизм, в интересах ли накопления и правильного распределения социальная политика государственной власти или самопомощь населения—все это не вопросы политические, а чисто теоретические, разрешение которых зависит от общей установки основ науки“.²⁾

Ш. берет на себя установление фундамента экономической науки, выработку общих принципов, на основе которых должно быть воздвигнуто здание политической экономии, соответствующее единственно правильному универсалистическому мировоззрению.

Но что такое народное хозяйство и каково его место в обществе? Ш., как идеалист по своему философскому мировоззрению, считает, что изначальным, все определяющим, является „духовное“. Оно представляет собою цель общественной жизни, оно состоит из самостоятельных ценностей—религии, науки, искусства, семьи, брака (? И. Г.), одним словом, говорит наш автор, духовное делает достойной нашу жизнь и придает ей смысл и содержание³⁾. Хозяйствование же занимается созданием средств, необходимых для достижения вышеуказанных целей. Имеется, следовательно, мир самостоятельных ценностей, а хозяйство выполняет служебную роль по отношению ко всем без исключения самостоятельным целям общества.

Все хозяйствственные категории должны разрабатываться в связи с установленной основной точкой зрения. С этой же точки зрения и должен совершаться пересмотр нашей науки.

Возникновение науки экономии является плодом мысли не немецкой, а французской и английской. „Кене, а за ним Ад. Смит и Рикардо с их учениками строят в XVIII и XIX ст. здание экономической науки“⁴⁾. Ш. считает нужным подчеркнуть, что принципы нашей науки, ее исходные пункты, установлены не эмпирически, не как результат изучения явлений жизни, а чисто дедуктивным путем. Они исключительно

¹⁾ O. Spann „Vom Geist der Volkswirtschaftslehre“ приложение к „Fundament der Volkswirtschaftslehre“ Iena 1923 стр. 348—349.

²⁾ O. Spann „Vom Geist etc...“ стр 349.

³⁾ do do 352.

⁴⁾ O. Spann „Vom Geist etc“ стр. 352.

представляют собою выводы из основ определенного общественного мировоззрения: теории естественного права, вытекающей из атомистической точки зрения, права каждой личности определять свои отношения к другим людям, исходя из своих лично эгоистических интересов и из стремления наиболее выгодно устроиться. Погоня за удовлетворением личных интересов составляет, по мнению указанных авторов, основной мотив хозяйственной жизни, она является выражением естественного порядка, *ordre naturel*. Вместе с *ordre naturel*, говорит Ш., введена в нашу науку еще более важная идея, предопределяющая весь путь развития политической экономии до настоящего времени, а именно признание, во первых, причинной обусловленности процессов народного хозяйства, во вторых, возможности исследования законов, которым эти процессы подчиняются, тем же методом, как и законов объектов, подлежащих ведению естественных наук.

В связи с указанными положениями, самый важный для всей истории нашей науки тезис: народное хозяйство оформляется только через обмен. Хотя оно состоит из самостоятельных индивидуальных хозяйств, оно не аморфно. Каждый волен работать по своему желанию, но из стремления к выгоде отдельные хозяйствующие субъекты производят не все продукты, а немногие, обмениваемые ими на продукты других хозяйств, и таким образом содействуют наиболее продуктивной форме работы, возможной при разделении труда между многими хозяйствами. В обмене, следовательно, проявляется суть современного хозяйствования. Обмен об'единяет все сообщающиеся друг с другом отдельные хозяйства. Обмен, по выражению нашего автора, является, с точки зрения индивидуалистов, общей платформой деятельности отдельных хозяйственных единиц. Обмен не только законодатель и руководитель производства, но также решающий фактор распределения народного дохода. Им определяется на рынке, какое количество продуктов каждый получает за предметы своего производства и, следовательно, какая доля достается каждому производителю из общего национального продукта. Вся теория народного хозяйства растворяется в теории цены и ценности, ибо все хозяйственные явления—производство, заработка плата, прибыль, рента, процент—ничто иное, как формы обмена.

Наконец, последний вывод очень важный для строгой, основанной на законе причинности, науки—приведение всех хозяйственных явлений к чисто количественным отношениям. Атомистическая точка зрения не терпит качественных различий. Она должна все качественные различия привести к количественным. И в этом отношении решающее значение имеет сосредоточение центра тяжести всей науки на процессах обмена, в которых количественные отношения особенно ясно выступают: 2 овцы = 1 быку—количественное сравнение. Ищут общее, сравнимое, в таких различного качества хозяйственных продуктах, как бык и овца, и находят их в потраченном количестве человеческого труда. Ценность—застывший труд.¹⁾ У Смита, Рикардо и Маркса ценность равна труду, поэтому сущность ценности и сущность хозяйства, закон ценности и закон хозяйствования идентичны²⁾). Немного выше Ш. заявляет „законы ценности для этого мировоззрения (любопытно отметить, что Ш. к сторонникам атомистического мировоззрения,ничто же сумняшася, относит и Маркса И. Г.) суть законы производства и распределения, законы всего народного хозяйства“³⁾). Между

1) O. Spann „Vom Geist etc“ стр. 358—360.

2) O. Spann „Fundament etc“ стр. 296.

3) do . 295.

тем, отмечает дальше наш автор крупным шрифтом, не ценности, но функции (Leisten) главное в хозяйстве, не образование цен, но организация народного хозяйства основное в обмене. Ш. указывает, что в начале (im ersten Anbeginn) при еще „ненаспорченном инстинкте“ уделяли больше внимания основным процессам хозяйствования, а не ценам. Он ссылается на Фому Аквинского, на меркантлистов, теории которых о торговом балансе, о деньгах исходили из исследования народного хозяйства в его живой связи. Эту черту автор находит у физиократов, в „tableau économique“, у Кери, Дюринга, Рескина, одним словом у всех предшественников классиков и у более поздних экономистов, не пошедших по пути, проторенному классиками¹⁾.

Отрицание основных посылок — основ индивидуалистического мировоззрения — требует пересмотра и всех указанных положений, составляющих, по мнению нашего автора, краеугольный камень экономической науки.

II.

Создателями в новое время основ универсалистического мировоззрения являются немецкие романтики. Из их рядов выделяется Адам Миллер¹⁾, по мнению нашего автора, основатель, творец романтической науки о народном хозяйстве. Ш. считает одинаково важными и положительную, и критическую часть его учения. Выступления Миллера против Ад. Смита, заявляет Ш., разбивают тяжеловесными ударами индивидуалистические основы системы. Его доводы, говорит Ш., были потом полностью восприняты исторической школой. Его исходной точкой является учение о государстве. Он начинает с борьбы против теории естественного права. Государство есть целое, неразрывное единство, а не союз самостоятельных индивидуумов, как полагают сторонники теории естественного права. Затем Миллер обращается против всех выводов смитовского учения. Его критика Смита является вместе с тем критикой капитализма. В своей критике он сосредоточивается не на характеризующих капиталнизм специфических формах народных бедствий, которые, почему то решает Ш., к тому времени еще не достаточно проявились, а на дезорганизованности народного хозяйства. Ад. Миллер противопоставляет концепцию организацию хозяйства, на основе солидарности. Он не ограничивается материалистическим пониманием производительности, а считает нужным обратить внимание на „идеалистическую“ производительность. Не только тот производитель, говорит Миллер, кто изготавливает нужные людям вещи, но и тот, кто непосредственно удовлетворяет человеческим потребностям, например, музыкант. Он обращает внимание на взаимозависимость и тесную связь производительных сил, из которых каждая зависит от высших производительных сил. Перестанет, говорит он, государство производить и частные (меньшие) производства, из которых состоит народное хозяйство, сами собою прекратятся. Индивидуалистическое понимание цен и ценности Миллер заменяет выяснением публичного характера ценности, т. е. взаимной связи всех ценностей и оценок, и приходит к выводу необходимости обоснования ценности не количеством потраченного труда, а пользою для общества.

Обращает особенное внимание Ш. на теорию денег Миллера: последний отказывается от товарнометаллической теории классиков и

¹⁾ O. Spann „Fundament etc.“ стр. 296.

²⁾ Писатель и политический деятель начала XIX ст. (род. 1779 г. ум. 1829)

впервые высказывает мысль о бумажных деньгах, как выражателя живой национальной солидарности, национального кредита!?)²⁾

Но Ш. вынужден признать, что учение Миллера и в малейшей степени не так законично, как учение индивидуалистов от Кейс до Рикардо. Это, конечно, замечает наш автор, затормозило дальнейшее развитие нашей науки по указанному им пути, да и уже через чур реакционные взгляды Миллера (он был одним из ближайших сотрудников Меттерниха), помешают распространению его правильных экономических теорий.

Ш., являясь последователем идей Миллера, Фр. Баадера (род. 1765 г. ум. 1841 г.)¹⁾ (который, по мнению Ш., дает критику капитализма, но многом превосходящую марксистскую) и других представителей романтической школы, берется за трудное дело — установление и разработку основных принципов универсалистической политической экономии.

III.

Нами уже указано, наш автор, как идеалист, исходит из мира ценностей, мира априорных значимостей. Эти ценности представляют собою самоцель. Ни одна из признанных ценностей, заявляет он, не изолирована от других ценностей, а находится в постоянной связи с ними. Все ценности в совокупности представляют систему, в которой каждая занимает место, соответствующее ее рангу. Ценности классифицируются, как высшие и низшие. Этот мир ценностей, как априорный, находится в полной противоположности к миру подчиняющемуся закону причинности, т. е. к природе. Этот мир причин и следствий не знает никаких ценностей, он является чисто механическим движением, зависимым от закона необходимости, подобным колебанию морской волны.

Но мир ценностей проявляется вначале только в мысли и воле. Святость, истина, добро, красота будут одинаково ценностями, останутся ли они в мире идеалов, или будут воплощены в реальной жизни в мире причин и следствий. Но в этом грешном мире необходимы определенные чисто материалистического характера предпосылки для воплощения ценностей.

Все то, что служит для реализации ценностей является средством, функцией цели (Leistung). „Средства“ служат для воплощения ценностей в жизнь и представляют собою соединительное звено между миром ценностей и миром причин и следствий. Другими словами, из всей необъятной, непрерывной цепи причин и следствий выделяются, как средства, явления, служащие для реализации целей (Leistungen). Понятие „средство“ содержит в себе, по мнению нашего автора, два взаимно исключающих друг друга элемента. По действию закона причинности, они относятся к области внешней природы и занимают свое место в цепи механических, химических, физиологических, психических и других явлений в этом мире действительности. Как средства же для

1) O. Spann „Vom Geist etc.“ стр. 365—367.

2) Как это характерно для идеолога сословного строя, интересов крупных землевладельцев — дворян (каковым и был Ад. Миллер), имения которых большую частью заложены и переданы в залог и которым выгодно платить долги наложенные на них! И. Г.

9) Баадер, как и Миллер, принадлежит к феодалистическому крылу экономистов первой половины XIX ст., так ярко изображенных в „Коммунистическом манифесте“ в главе „Феодальный социализм“. Баадер был сторонником отмены свободы промышленности и установления цехового строя, принудительного объединения рабочих в професиональные союзы, по главе которых должны стоять священники, как вожди и защитники интересов пролетариата (см. O. Spann „Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre“ Герм 1920 стр. 100).

осуществления ценностей, целей, они являются подготовительной ступенью к ценностям, даже членом в мире ценностей. В отдельных случаях они могут быть и самоцелью, но, если они служат для осуществления других целей, например, истина на службе у полезного, то они относятся к сфере средств. «Поскольку она (ценность) служит другим целям, она средство, поскольку же ей служат, она высшее, самоцель,¹⁾ „математические формулы, использовываемые для построения моста—средства, сами по себе—ценности“²⁾). Хозяйство и есть совокупность средств для осуществления целей. Средства, заявляет наш автор, не должны быть смешиваемы с целями, ибо они различаются, как огонь и вода, поэтому наслаждение, потребление, как цель, должны быть строго отделены от хозяйства. Потребление не последний акт хозяйствования, но самоцель, ценность, оно вне всякого хозяйства.)

Определение хозяйствования, как совокупности средств для осуществления целей, Ш. считает однако недостаточным. Необходимы еще ограничительные признаки. Отношение средств к цели не является еще хозяйствованием. Оно может быть безхозяйственным, если средства имеются в изобилии, как воздух для дыхания, или, если земля, рабочие силы, средства производства и предметы потребления имеются в таком количестве, что все потребности могут быть удовлетворены. Только тогда имеет место хозяйствование, когда не все цели могут быть осуществлены, когда чувствуется недостаток в средствах, когда приходится учитывать и устанавливать порядок достижения целей по их значимости. Тогда появляется необходимость накопления, т. е. отказа от удовлетворения ближайших потребностей в интересах будущих, более важных целей.

И так, основными признаками хозяйствования являются совокупность необходимых для достижения целей средств, их недостаточность, учет и установление порядка достижения целей по их значимости.

Теория о „средствах“ (Leistungen), взятая, как схема, пишет Ш., включает в себе вечное, сверхисторическое содержание, она применима ко всем фазам народного хозяйства, ко всем хозяйственным воззрениям (Wirtschaftsgesinnungen), оно чистое, абсолютное учение о народном хозяйстве. Это учение подходит в общих чертах, по мнению Ш., для замкнутого, городского, товарищеского и социалистического хозяйства³⁾.

Как система ценностей, система целей, в которой каждая ценность занимает надлежащее ей по рангу место, совокупность средств тоже представляет нечто целое, ибо каждое из средств удовлетворяет не одной, а нескольким целям, в связи с другими средствами. „Земля в сельском хозяйстве, машина и сырье на фабриках, железные дороги, капиталы и кредиты банков, работа в этих и других отраслях народного хозяйства—все эти факторы выполняют свое предназначение в организме народного хозяйства“⁴⁾.

Как измеряются различные „средства“, как устанавливается их отношение друг к другу? Ш. находит, что отношение их определяется их местом в общей системе народного хозяйства, той пользой, которую они приносят. Это отношение, цена и ценность продуктов, заявляет Ш., измеряется их предельной полезностью; по этому вопросу, как мы видим, автор принимает теорию австрийской школы (с некоторыми оговорками)⁵⁾.

1) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 23.

2) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 24.

3) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 37-38.

4) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 191.

5) do 76.

6) do „ 83, 94.

Быстро, по кавалерийски, расправляется Ш. на полутора страницах с трудной теорией стоимости. Его основное возражение: работа, такое же средство, как и другие элементы (естественные силы, капитал и т. д.) и оценивается она по ее достижениям в общей системе народного хозяйства^{1).}

Все „средства“ делятся на активные и пассивные. К активным могут относиться только действия людей, человеческая рабочая сила. К пассивным все вещные средства, которые называются благами. Впрочем и рабочая сила, находит Ш., в зависимости от условий, может быть отнесена к пассивным, или относительно пассивным „средствам“.²⁾

Подобно Менгеру и Бем-Баверку, Ш. делит блага на непосредственные (потребительные) и посредственные (производительные) блага или капиталы. К первым относятся те блага, которые служат для непосредственного удовлетворения потребностей; к капиталам или посредственным благам относятся те блага, которые не могут непосредственно быть использованы для удовлетворения потребностей, а служат для создания других благ, например, сырье, машины, мелиорация, железные дороги и т. д.

Ш. различает капиталы низшего и высшего порядка; к последним он, как и Ад. Миллер, относит институты, необходимые для функционирования непосредственных и посредственных благ: законодательство, в частности торговые договоры, государственный аппарат и т. д. Все эти организации, заявляет Ш., не условия хозяйствования, как предполагают многие экономисты, а часть, и необходимая, самой хозяйственной системы, которая, соответственно приносимой ею пользу, получает свою оплату в виде, хотя бы, налогов^{3).} Нашей науке о хозяйстве, пишет Ш., так мало ясно значение капиталов высшего порядка, что она работу судьи, государственного деятеля считает непродуктивной. Это, по его мнению, неверно. Работа государственного человека имеет первостепенное значение. Всякая работа, всякое благо могут быть полезны на своем месте, лишь если им предоставляют возможность проявиться государство или другие общественные организации. Купец не может совершать заграницей никакие сделки без содействия государственного деятеля, заключающего торговые договоры, устанавливающего таможенное управление и т. д. Или, может ли купец совершать внутри страны кредитные сделки, в частности вексельные, без вексельного права и закона о кредитах, без гражданского права, устава о наказаниях? Наука о народном хозяйстве, замечает далее наш автор, поставила на исполнение место этот важнейший фактор всякого хозяйствования (государственную власть и законодательство), указав ему место вне хозяйства и определив его лишь, как условие хозяйствования^{4).}

Вполне последовательно со своей точки зрения, наш автор считает труд всех тех, кто оказывает личные услуги—лиц свободных профессий, прислуги и т. д.—, относящимся к хозяйственной сфере и производительным, так как они выполняют средства для определенных целей. „Результаты личных услуг, пишет Ш., содержатся также в общем итоге годового производства народного хозяйства, как и результаты сельского хозяйства и промышленности. Личные услуги отличаются тем, что они большей частью немедленно потребляются,

¹⁾ O. Spann „Fundament etc. стр. 83—4.

²⁾ „do“ 90.

³⁾ O. Spann „Fundament etc. стр. 101, 103.

⁴⁾ „do“ 178—179.

между тем как продукты промышленной работы более продолжительно действуют, но это второстепенный признак и особого значения не имеет. То, что производят лакеи, кельнеры, артисты, государственные деятели не отличается от производства тех ремесленников, которые изготавливают быстро потребляемые продукты, как, напр., пекари, хозяева гостиниц, кондитерские и т. д. Совершенно поверхностно представление, что слуги получают свое содержание из дохода господ, артисты от зрителей. Слуги и артисты также продают свои услуги и получают соответствующий эквивалент, как сапожники и портные¹⁾).

Непродуктивны, говорит наш автор, только те сословия, которые действительно паразитичны, т. е. вредны для целей общества, напр., игроки, лица разных других нечестолюбивых профессий²⁾.

IV

Мы считаем лишним излагать различные виды классификации систем народного хозяйства, устанавливаемые Ш. с разных точек зрения. Мы остановимся лишь на делении хозяйственных систем на два типа, которому наш автор придает особое значение—на моногенетические и полигенетические системы хозяйства.

Моногенетические системы хозяйства представляют единое целое, стремящееся к одной цели.

К моногенетическим системам хозяйства относятся хозяйство Робинсона, замкнутое хозяйство. К типу моногенетических систем Ш. также относит каждое отдельное предприятие, каждую фабрику, заведующий которой стремится к одной цели—скажем, замечает Ш., производить возможно дешевле.

Полигенетическое хозяйство составляет об'единение нескольких или многих моногенетических хозяйств в высшее единство. В такой системе каждое действие в отдельном хозяйстве служит индивидуальным целям предпринимателя, но эти действия отдельных хозяев уже не являются независимыми друг от друга, но образуют покоящуюся на единстве взаимность. Моногенетические хозяйства являются посредствующим звеном, благодаря которому отдельные процессы становятся частями единства высшего порядка. Обмен и является той формой связи, которая об'единяет отдельных хозяйствующих суб'ектов. Каждое хозяйство однако обменивает свои продукты на продукты других хозяйств только с целью удовлетворения потребностей своих членов, но не высшего единства. Поэтому единство полигенетических хозяйств менее крепкое, менее устойчивое, чем моногенетических. В моногенетическом хозяйстве соответствие отдельных действий требуется единством целей. В полигенетическом единой цели нет, но действия индивидов в отдельных хозяйствах находятся в связи с действиями в других хозяйствах; так, сапожник не может шить сапоги, если пекарь не будет печь для него хлеб, если портной не сошьет ему костюма и т. д. Поэтому и в полигенетическом хозяйстве известное соответствие, пропорциональность, являются также необходимым условием существования и развития хозяйственной системы.

Полигенетические системы не только вносят изменения в организацию отдельных хозяйств, но и вызывают целый ряд новых хозяйственных явлений, обусловленных обменом и тесно связанным с ним разделением труда, появляется рынок, в дальнейшем биржа, банки, кредит и т. д.

¹⁾ O. Spann „Fundament etc. стр. 232—3.
do „ 241

Анализируя сущность акта обмена, Ш. заявляет, что обмен не есть совокупность нескольких или многих независимых действий отдельных хозяйственных единиц, как предполагают со временем Смита сторонники атомистического мировоззрения. По их мнению, полагает Ш., каждый производит, согласно своему желанию, и обменивает на нужные ему продукты. Наш же автор считает обмен проявлением целого, коллектива, частями которого являются отдельные хозяйства.¹⁾ Обмен, как выше уже указано, видоизменяет характер деятельности отдельных хозяйств, заставляет их приспособляться друг к другу.

Ш. устанавливает также законы, действительные для моногенетического и полигенетического типов хозяйств.

Из законов, которые наш автор относит к моногенетическому типу хозяйств, мы отметим следующие: 1) закон убывающего плодородия почвы, который обозначает, что при одинаковых прочих условиях увеличение капитала и труда не приведет к соответственному увеличению производительности, если невозможно увеличение других факторов производства (например, на участке, на котором могут быть увеличены затраты труда и капитала, но не влияние лучей солнца, орошения и т. д.) 2) Закон концентрации капитала, который Ш. считает законом внутреннего органического строения предприятия, т. е. что крупное предприятие обладает большей производительной силой, чем мелкое. 3) Закон Энгеля, согласно которому в маленьком хозяйстве издержки на пищу составляют больший процент всех издержек, чем в крупном²⁾.

К законам полигенетического хозяйства относятся по Ш. законы обмена, покупки, продажи, выпуска банкнот, закон Грешема (плохие деньги вытесняют хорошие из обращения), теории биржи, банковского дела и т. д.³⁾

В каждом хозяйстве обязательно повторение хозяйственного процесса. Кругооборот или периодичность хозяйственного процесса составляет жизненный закон хозяйствования. Повторение процесса хозяйствования имеет своей причиной повторение постановки целей, реализация которых составляет задачу хозяйства.

Изменение целей приводит, конечно, к изменению средств. Старый процесс хозяйствования уже не может больше повторяться. Тоже самое наблюдается при введении новых „средств“, благодаря новым формам производства, новым машинам, новым источникам сырья. Эти изменения, вследствие необходимости соответствия всех процессов хозяйствования, не могут ограничиться только непосредственно затронутым новым явлением процессом хозяйствования, а отражаются на всей совокупности хозяйственной жизни, и в результате новое распределение хозяйственных благ. Ш. это переустройство называет реорганизацией (Umgliederung) или развитием в широком смысле слова. „Если мы соответствие или пропорциональность отдельных частей хозяйственного организма уподобляем механическому равновесию, то изменения, вызванные реорганизацией хозяйства, составляют его динамику“⁴⁾.

Изменения, распространяющиеся на все сферы хозяйства и сопровождающиеся нарушением всего хода хозяйственной жизни, приводят к кризису. Кризис представляет собою нарушение соответствия, пропорциональности между различными сферами хозяйства. Как процесс, он приводит более или менее насилиственными и разрушитель-

¹⁾ O. Spann „Fundament etc.“ стр. 129.

²⁾ O. Spann „Fundament etc.“ стр. 278—9.

³⁾ „do“ „ 280 284.

⁴⁾ O. Spann „Fundament etc.“ стр. 125.

ными способами к созданию новой пропорциональности в хозяйственной системе. Например, введение механического ткацкого станка вызывает массовую безработицу среди ремесленников и приводит к новому распределению рабочих сил. Продолжительность и трудности этого процесса имеют своим следствием кризис в ткацком производстве и распространение кризиса на другие отрасли производства, находящиеся в связи с ткацким. ¹⁾

Ш. приводит также примеры новой установки целей, как причины кризисов. Изменение, напр., моды, обычаев, понедельника — замена черного шелка цветным. Или, если чехи перестанут покупать тонары у немцев юдофобии у евреев, немцы у англичан и т. д. Бойкот, таможенная война и другие подобные явления, пишет Ш., не должны рассматриваться с точки зрения народного хозяйства, хотя они и оказывают на него огромное влияние и даже могут привести к его крушению: он относится к области целей, как вся политика государства, как и войны²⁾. По мнению Ш., реорганизация основ данной системы хозяйства, как возникновение капитализма и замена его другим хозяйственным строем исторически весьма важное явление, не относится к науке о хозяйстве.³⁾

Экономическое объяснение процессов, являющихся следствием пе реустройства народного хозяйства, Ш. называет законами реорганизации народного хозяйства (Vorschreibungsgezette). Изложенный нами в другой связи, в числе законов моногенетического хозяйства, закон преимуществах крупного производства перед мелким, крупного состояния перед малым, приводит, говорит Ш., в своем повторении, в свое развитие к изменению соотношения между предприятиями, между крупными и мелкими состояниями, благодаря победе крупных. Рост крупных капиталов совершается быстрее мелких.¹⁾ К законам реорганизации также относятся, по мнению Ш., учения о последствиях войны или учения о последствиях изменений законодательного характера, по терминологии Ш., "изменений капитала высшего порядка", как влияния сокращения рабочего дня, обязательного страхования, новых налогов, новой валютной политики и т. д., даже изменение нравов и обычая (изменение целей).

V.

Ш. считает возможными логически (но не исторически) 4 типа общественно-хозяйственных систем: 1) полигенетическое хозяйство, основывающееся на товарообмене, свободе конкуренции и немешательстве государства в хозяйственную жизнь, 2) та же система, но регулируемая государством, 3) хозяйственная система с явно выраженным национальным характером и наконец 4) коммунистическая система.

Первая система является вместе с тем логически первою ступенью связи между отдельными хозяйствами. Эта связь далеко недостаточна и хозяйство имеет аморфный характер.

Второй высшей ступенью будет регулирование хозяйственной жизни государственной властью, или, по выражению нашего автора, капиталом высшего порядка. Интересно, как Ш. обосновывает свою мысль. Он указывает, что существование различных отраслей производства, различных даже природных богатств не создает единства

1) O. Spann „Fundament etc.“ стр. 125.

2) „ do „ 68-69.

3) „ do „ 210.

4) Закон концентрации капиталов, заявляет наш автор, приводится лишь примерно как закон реорганизации, в предположении, что этот закон (концентрации капиталов) сам по себе верен. Ш. противоположного мнения. См. его „Fundament etc.“ стр. 291, также „Der wahre Staat“ Leipzig 1923 стр. 149-155.

Железные и каменноугольные залежи в Вестфалии, железная руда в Штирии, заявляет он, не об'единяют еще германский народ; расположившиеся этими богатствами могут только владельцами копей и обрабатывающие сырье предприниматели, жители же других областей не имеют к ним отношения и могут их получить лишь путем обмена. Только государственная власть способна создать высшее единство. Железо, уголь и другие продукты, благодаря попыткам охране, системе фрахтов, административным мерам становятся доступными членам данного общества на иных основаниях, чем жители других стран.¹⁾ Государственная политика, следовательно, устанавливает определенную специфическую связь между жителями одной и той же страны.

Еще более об'единяется хозяйство национальным характером населения, единством целей. Наш автор в пример приводит разные сорта пива, которые производятся в Германии в различных местностях и которые дальше этих местностей не идут, также другие отрасли промышленности, работающие на специфический вкус жителей данной нации. Эти особые потребности, создаются, пишет Ш., историей и культурой данного народа, они составляют особую систему целей, для достижения которых и работает национальная промышленность. «Если бы у нас появились жители луны, у которых совершенно другие, чем у нас, потребности, то их хозяйство было бы совершенно изолировано от нашего. Им нечего было бы покупать у нас, как и нам у них. По отношению к целому ряду товаров, это явление имеет место и в настоящее время»²⁾ Нация стремится к возможному полному развитию хозяйственных сил для удовлетворения всех своих потребностей. Развитие хозяйственной жизни должно привести ко все большему единству отдельных национальных хозяйств, а не, заявляет Ш., к единству «так называемого мирового хозяйства». Наш автор поэтому считает мировое хозяйство крайне несовершенной системой. Оно основывается, говорит он, на свободе конкуренции и служит весьма ограниченным общим целям, оно регулируется только в незначительной степени «капиталом высшего порядка» (общепринятые торговые обычай, международные горючие договоры и т. д.). Возможность дальнейшего развития в направлении большого об'единения отдельных стран кажется нашему автору весьма проблематичной.³⁾

Четвертая логически возможная система хозяйства, как указано выше, коммунистическая. Автор верно замечает, что при этой форме хозяйства система перестает быть полигенетической и опять становится моногенетической. Все хозяйственные процессы совершаются по общему плану. Ш. крайне легко расправляет с коллективизмом, старается доказать его неосуществимость доводами, заимствованными у разных авторов, в том числе у своего коллеги по университету проф. Л. Мизеса, который считает социализм невозможным из-за отсутствия рынка, отсутствия механизма ценообразования и, следовательно, учета.⁴⁾ Эта «критика» не представляет никакого интереса и, если мы о ней упоминаем, то только чтобы указать, что наш автор приходит к следующему выводу: имеются только две основные системы хозяйства

1) Ш. напрасно не добавил, что «иные основания» получения продуктов жителями данной страны отличаются только тем, что граждане определенной страны покупают их по более высоким ценам, чем жители других стран, иногда даже благодаря субсидии правительства предпринимателям И. Г.

2) О Spain „Fundament etc.” стр. 163.

3) О Spain „Fundament etc.” стр. 199-194.

4) О Spain „Fundament etc.” стр. 168-169.

1) Критика теории Мизеса мною дана в ст. „О некоторых проблемах политической экономии” в Трудах Белорусск. Госуд. Ун-та, кн. XI стр. 26.

которые оправдали себя в историческом развитии—1) капитализм, умеряемый социально-политическими и другими мерами государства и 2) сословно-цеховое хозяйство. Остальные системы утопистичны.¹⁾ Ш., как известно, сторонник сословно-цехового строя.²⁾

Для полной характеристики экономической системы нашего автора, нам остается только в немногих словах изложить его мнение о методе политической экономии и месте, занимаемом этой наукой в ряду других наук.

Как указано выше, согласно определению Ш., народное хозяйство представляет совокупность средств для достижения целей, систему средств. Наука о народном хозяйстве, заключает наш автор, не может поэтому основываться на законе причинности. Она наука нормативная, ее законы—законы соответствия средств целям. Ш. признает, что его мнение противоречит общепринятым, берущему, как он полагает, свое начало от Кене и Рикардо. Он даже затрудняется обосновать свое мнение, так как, пишет он, современная логика мало разработана, она преимущественно логика естественно-научных исследований. Он различает три типа нормативных наук: 1) науки о целях, ценностях, как спекулятивная метафизика. Эти науки изучают, выясняют, устанавливают ценности. Ценности не получаются путем опыта, они результат предыссылок теологического и метафизического характера. 2) Науки, разбирающие и анализирующие данные первым типом ценности—дисциплины юридические. Они оформляют и определяют едархию различных ценностей, подводят отдельные случаи под общие принципы и наконец 3) наука о хозяйстве, изучающая отношение средств к целям, располагающая их и систему и изменяющая эту систему, как в соответствии с изменением данных ей и неподлежащих ее суждению целей—ценностей, так и с изменением тех условий, которыми она пользуется для реализации поставленных целей.³⁾

VI.

Переходя к критике теории Ш., считаю нужным заметить, что останавливаться специальную на философских воззрениях его не буду, я их буду касаться лишь постольку, поскольку они отразились на его экономической теории.

Основным в своей теории Ш. считает, как мы убедились из вышесложенного, изучение экономических явлений с точки зрения универсалистического мировоззрения. Последнее, по его об'яснению, в противоположность индивидуалистическому, видит в обществе не собрание отдельных, независимых, самостоятельных личностей, но нечто целое; личности части целого, зависимые от него и друг от друга. Политическая экономия, как и другие общественные науки, имеет своим объектом человека в обществе, она изучает определенные явления общественных отношений людей. Ш., как мы знаем, резко выступает против сторонников атомистического мировоззрения, основоположников нашей науки, он считает необходимой реформу теории экономии. Но разве наша наука остановилась в своем развитии на учении классиков и их эпигонов? Ш. совершенно прав, когда указывает, что представители исторической школы, ведя борьбу против индивидуализма и атомизма классиков, сами не внесли ничего нового в общую теорию экономической науки. Но уже, начиная с сороковых годов, Маркс и его

¹⁾ O. Spann „Fundament etc.“ стр. 165.

²⁾ См. мою статью „Социальные воззрения О. Шпана“ в Труд. Белорусск. Госуд. Унив. № 21.

³⁾ O. Spann „Fundament etc.“ стр. 297-302.

школа, а также Родбертус, ведут непрестанную борьбу в течение десятков лет против атомистических взглядов в политической экономии. Кто так едко и остроумно, как Маркс, высмеивал робинзонады классиков и их последователей? Замечания Маркса на эту тему, в изобилии разбросанные в его сочинениях, могли бы составить целую книгу. Ограничимся парой цитат из статьи, написанной в 1857 г. «Человек есть в буквальном смысле зоон *politikon*, не только общественное животное, но животное, которое только в обществе и может обособляться. Производство обособленных личностей вне общества, возможное, как редкое исключение, для цивилизованного человека, случайно заброшенного в необитаемую местность и динамически уже в себя самом носящего общественные силы, такая же безмыслица, как развитие языка вне совместно живущих и друг с другом говорящих индивидов». Немного выше мы читаем „единичный и обособленный охотник и рыболов, с которых начинают Смит и Рикардо, при надлежат к лишенным фантазии химерам восемнадцатого века“¹⁾.

Но Маркс не ограничивается выяснением неправильности атомистических взглядов, он объясняет также причину их возникновения. В цитированной статье он пишет „мы имеем здесь дело с предвосхищением буржуазного общества, которое начало развиваться с шестнадцатого столетия, а в восемнадцатом сделало гигантские шаги на пути к своей зрелости. В этом обществе свободной конкуренции отдельная личность является освобожденной от естественных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали из нее составную часть некоторого ограниченного человеческого конгломерата. Пророкам восемнадцатого столетия, на плечи которых еще целиком опираются Смит и Рикардо, этот индивид восемнадцатого века, продукт, с одной стороны разложения феодальных общественных форм, а с другой новых производительных сил, начавших развиваться в XVI веке, представляется идеалом, существование которого относится к прошлому — не результатом истории, но ее исходным пунктом“²⁾.

Маркс первый отметил фетишистский характер товарного хозяйства. Он наиболее последовательно и блестяще развил основную идею нашей науки, что все экономические явления суть общественные отношения людей, и только как таковые они и могут изучаться. Маркс также во всех своих сочинениях по экономии, начиная с „Капитала“, обращает внимание на преувеличение экономистами роли обмена в хозяйстве. Всюду подчеркивая неразрывную связь и взаимозависимость между отдельными процессами хозяйствования, Маркс отмечает примат производства по отношению к другим процессам хозяйства. В не раз цитированной уже нами статье мы читаем „что обмен и потребление не имеют господствующего значения, это ясно само собою. То же самое приложимо и к распределению, как к распределению продуктов. Но, в качестве распределения агентов производства, оно само есть момент производства. Определенная форма производства обуславливает таким образом определенные формы потребления, распределения, обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу“³⁾). Ш. не только не упоминает об этом, но относит даже Маркса, как нами указано в главе I настоящей работы, к представителям атомистического направления. Ш., как идеолог феодально-цехового

¹⁾ Маркс „Введение в критику политической экономии“ в сборнике „Основные проблемы политической экономии“ под ред. Ш. Двойницкого и И. Рубина (Госуд. Издат. 1922 стр. 5—6).

²⁾ Маркс „Введение к критике“ стр. 5—6.

³⁾ Маркс „Введение и т. д.“ стр. 23.

строя, видящий задачу жизни в борьбе с марксизмом, очевидно не в состоянии объективно разобраться во взглядах своего великого противника. А ведь в теории то Ш. знает, как надо поступать. В его работе „Главные теории науки о хозяйстве“, в числе полезных правил начинающим ученым, имеется также указание, как относиться к идеиному противнику. „Неправильно, пишет он, изучать противника с заранее предрассудком намерением его опровергнуть... Надо уметь выслушать противника, проникнуть в суть его доказательств, чтобы воспринять всю заключающуюся в них правду. Только идя этим путем, можно оставаться верным научной истине и выполнить задачу критики и самозащиты“¹⁾). Вот уж где уместно напомнить „врачу исцелялся сам“.

Но этого мало. Ш., считающий необходимым в своей борьбе с противниками исключительно проводить универсалистическую, по его терминологии, точку зрения, не в состоянии на ней удержаться. Он часто скатывается на рельсы, опровергаемого им атомизма. В своем основном труде по экономии он заявляет: „В“ действительности социальные или меновые отношения хозяйства являются внутренним логическим продолжением индивидуально хозяйственной деятельности... Следовательно, все элементы меновых отношений необходимо должны быть приведены к робинзоновским отношениям, ибо каждое меновое отношение может быть также понято, как индивидуальное действие... С одними и теми же основными принципами мы встречаемся в индивидуальном и меновом хозяйстве“²⁾). Р. Штольцман по поводу этой цитаты правильно замечает „Что понимает Ш. под хозяйством Робинзона? Есть ли это хозяйство настоящего Робинзона, который предполагается нами вне тонарного мира, или это хозяйство частное, социально связанное с другими хозяйствами... Ш. ведь говорит о меновых отношениях Робинзонов. Значит речь идет у него о мнимом Робинзоне... Настоящий Робинзон не имеет никаких общественных связей, он для экономической мысли не существует, является фикцией. Выражение „меновые отношения Робинзонов“ противоречию и чисто логически, и по своему реальному содержанию... Что не может быть перехода от робинзонады к социальному мышлению уже давно выяснено, как буржуазными, так и социалистическими экономистами“³⁾). Повидимому наш ярый универсалист порою основательно застrena в тенетах атомизма.

VII.

Ш. различает систему ценностей — целей и систему средств для реализации этих целей. Хозяйство и составляет систему средств. Наука о хозяйстве изучает ее. Эта наука, политическая экономия, не имеет, по мнению Ш. отношения к суждению о целях. Средства выполняют только служебную роль по отношению к целям. Установление системы целей, их едархии, замена одних целей другими — все это определяется другими сферами общественной жизни.

Здесь мы отмечаем полную оторванность процесса производства от процесса потребления. Неправильность такой точки зрения выяснилась много раз марксистской теорией, доказывавшей, в какой тесной неразрывной связи находятся различные области общественной

¹⁾ O. Spann „Die Haupttheorien der Volkswirtschaftslehre“ Leipzig 1926 стр. 207—208.

²⁾ O. Spann „Fundament etc.“ стр. 12—13.

³⁾ R. Stolzmann „Die Ganzheitslehre O. Spanns“ Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik“ 72 Band (Dezember 1927) стр. 892—893.

жизни. Маркс прямо указывает, что как потребление создает производство, так и производство создает потребление. Потребление создает производство тем, что „в потреблении продукт действительно становится продуктом, напр., платье становится платьем лишь, когда его носят; дом, в котором не живут, не является фактически домом... Во вторых, потребление порождает производство, создавая потребность в новом производстве, т. е. вызывая идеальный, внутренний, побуждающий мотив производства, который является его предпосылкой. Потребление создает импульс к производству, оно создает также и предмет, который участвует в производстве, определяя его цель... Этому соответствует со стороны производства то, что оно 1) доставляет потреблению материала, предмет... 2) производство создает для потребления не только предмет, оно дает потреблению его определенность, его характер, его законченность... Голод есть голод, однако голод, который удовлетворяется вареным мясом, посдаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов... 3) производство не только доставляет потребности материала, но оно доставляет и материалу потребности... Предмет искусства, а также всякий другой продукт создает понимающую искусство и способную наслаждаться красотой публику. Производство производит не только предмет для субъекта, но также и субъекта для предмета¹⁾ „Развитие хозяйственной жизни на каждом шагу подтверждает не только тесную связь производства с потреблением, но и что „производство является действительным исходным пунктом, а потому и господствующим моментом“²⁾). Как изменились потребности, „цели“ под влиянием развития техники, производительных сил! Как могли в прежние времена появиться такие „цели“ как поездка на автомобиле, разговор по телефону, слушание радио, воздухоплавание и т. д?

Оторвав производство от потребления, или, как Ш. выражается, „цели“ от „средств“, наш автор вносит вместе с тем неясность в свою классификацию „целей“. Как мы указали выше, согласно Ш., система „целей“ состоит из самостоятельных ценностей: религии, науки, искусства и т. д., словом того, что делает, по его мнению, достойной нашу жизнь и придает ей смысл и содержание. Хозяйствование к этой области отношения не имеет. Ш., желая быть последовательным, отдельить окончательно средства от целей, вынужден отнести к воображаемому им миру „целей“, миру „высокого и прекрасного“ все, что является потребностью человека и удовлетворяется хозяйствованием. Мы выше убедились, что Ш. относит к миру целей и наслаждение едой, и моды с их изменениями, и различные сорта пива в различных местностях Германии, и таможенную войну, и бойкот, и войны между государствами—одним словом понятие „цель“ у него становится чем то расплывчатым, получается полнейшая путаница. Апологет „святого, высокого, прекрасного“, видящий весь смысл жизни в их реализации, „по недосмотру“ переносит из нашей действительности в свою систему ценностей все ее несовершенства, все безразличные и отрицательные явления. Классический пример, как бытие определяет сознание.

Ш. считает свою теорию о „средствах“, как содержании нашей науки, вечной, внеисторической, годной для всех времен и народов. Нам нечего доказывать несостоятельность этого взгляда. Мы знаем, что под флагом вечных, неизменных законов нам будут преподнесены законы существующего капиталистического строя. Это прием унасле-

¹⁾ Маркс „Введение и т. д.“ стр. 14—15.

²⁾ то „ 17

дованный Ш. у эпигонов классической школы, против которой так сильно ополчается наш автор. Правда Ш. считает, согласно вышеизложенному, возможными только два типа хозяйства — капиталистическое и феодально-цеховое, но, во первых, он ссылается на исторический опыт, не доказывая правильности своей мысли. Голая ссылка далеко не убедительна, так как известные нам исторические факты прямо противоречат его утверждению. Во вторых, ведь законы капиталистического хозяйства не приложимы к феодально-цеховому строю, тоже возможному, по мнению Ш. Наконец, наш автор, несмотря на то, что он считает несуществовыми другие формы хозяйства, кроме капиталистического и феодально-цехового, пытается однако дать законы, годные и для замкнутого, и социалистического хозяйства. Мы в дальнейшем убедимся, что наш автор, как уже отмечено, повторяет многих предшественников из лагеря атомистов и к вечным законам относит те, которые получены, правильно или нет, в результате исследования явлений капиталистического хозяйства.

По вопросу о цене и ценности, наш автор принимает теорию предельной полезности с незначительными оговорками. Это должно казаться странным при крайне отрицательном отношении Ш. к авторам этой теории, сторонникам атомистических воззрений. Лишнее доказательство, как наш талантливый автор невольно запутывается в противоречиях, благодаря неправильным исходным пунктам. Идеолог феодально-цехового строя и метафизик Ш. не может остановиться на трудовой теории стоимости Маркса, наиболее последовательно выводящей категорию нашей науки из общественных отношений людей. Он отбирается от марксистской точки зрения ничего не стоящими, как и давно опровергнутыми возражениями и заимствует теорию — предельной полезности —, основывающуюся на мировоззрении, с которым ему же приходится бороться.

Следуя по стопам своего учителя Ад. Миллера, Ш. не различает между трудом полезным и производительным в хозяйственном отношении, считая всякий труд, являющийся средством для достижения какой либо цели, производительным. Производитель, с его точки зрения, и труд чиновника, артиста, лакея. Теория не новая, она высказывалась многими писателями (кстати, большей частью атомистического лагеря, как, напр., представителями психологической школы) до и после смитонского периода.¹⁾ Таким определением стирается черта между хозяйственной и всякою другою общественной деятельностью, затрудняется изучение специфически хозяйственных явлений. Экономисту трудно удержаться на этой точке зрения. И Ш., признав производительную работу судьи, чиновника, артиста, в дальнейшем своем изложении к ним не возвращается, а занимается исследованием специально хозяйственной деятельности. Это определение ничего, кроме путаницы, в теорию нашей науки не вносит и лишь затрудняет понимание основных проблем хозяйства — производства ценностей и их распределения.

Перейдем к делению Ш. хозяйственных систем на два типа, по его терминологии, моногенетический и полигенетический, т. е., по общему обозначению, замкнутое, натуральное хозяйство и товарное хозяйство. Ш., в противоположность многим экономистам, относит изучение явлений замкнутого, т. е. планового хозяйства, к политической экономии. Наш автор в своем определении моногенетического типа хозяйства впадает в уже отмеченную нами ошибку. Он указывает, что

¹⁾ См. Маркс. Теории прибавочной стоимости* Петроград 1923 г. Изд. Прибой стр. 187—209.

к моногенетическому типу относится, как хозяйство Робинсона, замкнутое хозяйство, так и каждое отдельное предприятие, каждая фабрика. Понятно, он не прав, нет ничего общего между замкнутым хозяйством и фабрикой, составляющей часть товарищеской системы. Неправильность смешения хозяйств разных систем еще более выясняется при попытке автора установить законы моногенетической системы. Ш. полагает, что в моногенетическом хозяйстве функционируют капитал (?) и труд, в этом же хозяйстве возможно применение закона концентрации капиталов. И, чтобы не было сомнений, Ш. добавляет (трудно поверить, не прочитав самому И. Г.): «все эти законы действительны, как в частном предприятии, так и в хозяйстве Робинсона¹⁾ Комментарии излишни.»

Характерна для нашего автора его теория кризисов. Причину кризисов, как мы выше изложили, автор видит в изменении целей, или в изменении средств и в необходимости реорганизации хозяйственной системы, нового распределения хозяйственных благ, сопровождающегося нарушением соответствия, пропорциональности между различными частями данного хозяйства. Читатель экономист узнает в этом объяснении старую теорию Сая—Рикардо²⁾ Но ведь со времени появления этой теории прошло более 100 лет, капитализм в это время развернулся, выявил свои противоречия. Уже теперь всем ясно, что пропорциональности и полного соответствия между отдельными отраслями народного хозяйства при капитализме достигнуть нельзя, что кризисы неминуемы и основную причину их надо искать не во внешних условиях (изменение целей), а в имманентном развитии капиталистического хозяйства. Между прочим изменения технических условий, как приведенный Ш. пример изобретения механического ткацкого станка, реже всего имеют своим последствием промышленный и торговый кризис, так как технические усовершенствования проводятся обычно не во время расцвета, предшествующего кризису и депрессии, а именно в период депрессии. Все указанные соображения не притянуты во внимание нашим опытным и, несомненно, знающим экономистом, так как по его убеждению в капиталистическом, а в особенности в «национальному» хозяйстве должны господствовать пропорциональность и соответствие частей и только внешние условия могут быть причиной нарушения равновесия.

Эта же приверженность к «национальному» хозяйству приводит к недооценке значения мирового хозяйства, заслоняя от нашего автора бьющие в глаза факты, в особенности в послевоенное время, развития мирового хозяйства, все более возрастающей экономической связи между отдельными государствами. Впрочем по этому вопросу у нашего автора имеется много единомышленников среди экономистов Германии, в числе их замечательный ученый К. Бюхер, который в своей знаменитой классификации систем хозяйства не уделяет места мировому хозяйству, и это же скептическое отношение к мировому хозяйству, как системе, так и фазе развития, высказывает и в 7-м немецком издании своих очерков³⁾, несмотря на то, что в настоящее время все более

¹⁾ О. Spann „Fundament etc.“ стр. 279.

²⁾ Интересно, что, разбирающий внимательно теорию Ш., Руд. Штольцман в своем труде („Die Krisis in der heutigen Nationalökonomie“ Іена 1923 стр. 29—82), повидимому занятый «высокими» проблемами—об этизировании экономической действительности—, совершенно не останавливается на этом наиболее ярком примере неправильности одного из основных исходных пунктов теории Ш.—внеконторочности нашей науки.

³⁾ См. Сочинения Д. Рикардо перев. И. Зибера С. Петербург Изд. Л. Ф. Пантелеева 1882 г. стр. 161—167.

⁴⁾ К. Бюхер „Возникновение народного хозяйства“ Петроград 1918 г. стр. 97—98.

⁵⁾ Прсы ВДУ № 20.

выясняется тесная связь отдельных государств с мировым хозяйством и невозможность независимого от мирового хозяйства развития даже таких гигантов государств, как Британская империя, или Соединенные Штаты Америки.

Метафизическое мировоззрение нашего автора оказалось еще более вредное влияние на него, как экономиста, чем его пристрастие к „национальному“ хозяйству. Мы выше убедились, что причины изменения систем хозяйства, переход от одного типа к другому, даже такой важный факт, как возникновение и исчезновение капитализма, Ш. вынужден отказаться объяснять экономическим развитием, так как, согласно его мировоззрению, эти явления относятся к области целей, не подлежащих ведению нашей науки. Неправильный исходный пункт продолжает метить за себя.

Ш. не допускает мысли, что высшие идеалы человечества вырабатываются путем опыта, исторического развития. По его мнению, они сверхопытно, интуицией постигаются из мира ценностей. Хозяйство же должно реализовать эти „ценности“. Следовательно, хозяйствование, как имеющее дело с „ценностями“ сверхопытного происхождения, не может изучаться методом механической причинности, правильным только при исследовании внешней природы. Диалектический же метод Ш. считает примененным исключительно в метафизике (Маркс, уверен Ш., Гегеля не понимал¹). Экономия, полагал Ш., должна пользоваться методом нормативным, ибо предмет ее изучения—отношение частей к целому, нормативного характера. Нормативный метод, по мнению Ш. и его единомышленника по этому вопросу, Руд. Штольцмана, единственно приемлемый и плодотворный в применении к общественным наукам²), к которым, как мы в нашем изложении теории Ш. отметили, наш автор относит и спекулятивную метафизику³). Дальше ити некуда. Ш. вынужден был отказаться от научного метода, которому он следовал в своей юности⁴) и перейти к чисто метафизическим не научным приемам. Ш. обясняет свою теорию, как логическое следствие универсалистического мировоззрения. Мы убедились, что это не так, что наш автор часто становится на атомистическую точку зрения. Причина, по нашему мнению, другая: его реакционные политические взгляды, его шовинизм, его приверженность к сословно-цеховой идеологии⁵), в настоящее время сливающейся с капиталистической⁶), помешали ему

¹ O. Spann „Der wahre Staat“ Leipzig 1923 стр. 138, 162

² Главное произведение Р. Штольцмана носит название „Цель в народном хозяйстве, народное хозяйство, как социально этическая целевая система. Опыт социально-органического обоснования науки о народном хозяйстве“ (R. Stolzmann „Der Zweck in der Volkswirtschaft, die Volkswirtschaft als sozialethisches Zweckgebilde, Versuch einer sozialorganischen Begründung der Volkswirtschaftslehre“ Berlin 1909). (Прекрасный анализ экономических воззрений Штольцмана да Рубин в сочин. „Современные экономисты на Западе“ Москва-Ленинград 1927 стр. 93—168).

Как далеко ушел Штольцман от реалистического мировоззрения своего первого высокоталантливого труда „Die soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre“! См. мою статью „О некоторых проблемах политической экономии“ в Труд. Бел. Гос. Унив., стр. 23-24.

³ O. Spann „Fundament etc.“ стр. 298.

⁴ „Kategorienlehre“ Йена 1921 стр. 6—10.

⁵ Характерно, что своими учителями и первыми обновителями нашей науки Ш. считает, как мы выше изложено, крайних реакционеров начала XIX ст. Ад. Мицлера (ближайшего сотрудника Меттерниха) и Ф. Баудера, забытие произведения которых им теперь издаются (в сборниках „Die Herdflamme“). Подробнее о Ш., как социологе см. мою статью „Социальные воззрения Оттмаря Штольца“ в труд. Бел. Гос. Унив.

⁶ Правильно замечает И. Sultan в статье „Rodbertus u. der agrarische sozialkonservatismus“, что в настоящее время союз „между доменюю печью и рыцарским именем, солидарность интересов промышленника и сельского хозяина рассматриваются, как нечто само собою разумеющееся“ (см. Zeitschrift für die gesamte Staatswissenschaft 82 B. Heft 1927 стр. 72).

объективно изучать предмет своего исследования. Боязнь перед грядущими изменениями заставляет его бороться с единственной правильной в настоящее время теорией — марксистской. Необходимость балансировать между капиталистической и феодально-цеховой идеологией (при этом, что, по мнению Ш., только строй сословно-цеховой и капиталистический реальны, остальные уточнистичны) приводит нашего крупного экономиста к отходу от научного пути и заблуждению в дебрях метафизики.

И. В. Герчиков.

Проблема империализма в русской марксистской литературе.

IV. 1)

Воззрения на проявления империализма в легальной марксистской литературе 1897—1900 годов.

Нельзя не отметить тот факт, что во всей нашей богато-разросшейся литературе по истории марксистского движения в России совершенно не уделяется внимания вопросам об отношении русской марксистской мысли к проблемам мирового хозяйства и мировой международной политики в ранние периоды ее развития. А между тем начало широкого развития марксистской мысли в России, начинаяющееся со второй половины 90-х годов, совпадает с периодом практических и теоретических осложнений, связанных с проблемами мирового хозяйства и крупных международных осложнений, ознаменовавших вступление капитализма в его последнюю империалистическую fazu существования.

Русская историческая литература проходила до сих пор мимо этого вопроса может быть и не случайно. Подавляющая часть марксистской литературы, в особенности до 1905 г., посвящена вопросам внутри-российским. Борьба с народничеством, экономизмом, либерализмом, изучение экономики России, применение теоретических положений марксизма к российским условиям, определение политических путей и форм организации рабочего движения, в чрезвычайно тяжелых условиях самодержавного правления и т. д., и т. п.—все это отнимало чересчур много сил для того, чтобы можно было уделять много внимания мировым и международным отношениям, хотя они никогда не упускались из виду, чему прекрасным доказательством может служить известный от 3-го февраля 96 г. адрес 605 петербургских рабочих французскому пролетариату. „Россия с 1861 г. все больше и больше вступает в круг европейских стран. Русские рабочие, вооружившись идеями научного социализма, стали под общее знамя пролетариата всего мира“, пишут русские рабочие. Больше того на свою борьбу с царизмом они смотрят как на интернациональную пролетарскую задачу; „они горды сознанием что передовой бастион европейской реакции—царизм—должен быть ими (русскими рабочими И. Г.) разрушен, что последний оплот буржуазного господства, без уничтожения которого немыслима победа всего пролетариата, должен быть ими свергнут.“

Этим, указанным выше, преобладающим направлением мысли и практики русского марксизма, интересующего нас периода и объясняется то, что русская историческая наука, которая, несмотря на богато-разросшуюся после Октябрьской Революции литературу, все-же делает только первые шаги в изучении русского марксизма, сосредоточила свое внимание на вопросах внутри-российских, оставив пока в стороне

¹⁾ Доклад, прочитанный в заседании Соц.-Истор. секции Научн. О-ва при Б. Г. У. 13/II—28 г.—Первые три главы в № 14—15 Трудов Б. Г. У. Минск 1927 г.

вопросы мирохозяйственные и международно-политические. А вместе с тем, как мы уже говорили конец 19-го и начало 20-го века знаменуется чрезвычайным обострением международных отношений. Здесь нужно указать на такие крупного исторического значения войны, как Японо-Китайская (1895 г.), Испано-Американская (1898 г.), Англо-Бурская (1899—1902 г.), Европейско-Китайская (подавление восстания большого кулака) (1900 г.). Такие важные в международных отношениях факты как наметившееся оформление тройственного союза и тройственного согласия и важного в истории буржуазно-пацифистского движения факта, как 1-ая Мирная Конференция в Гааге (1899 г.).

Наряду с этими политическими фактами в области мировой экономики быстро шел процесс трестификации в области крупной промышленности, одновременно с усилением политики протекционизма и падением теории и практики свободной торговли.

Как оценивала эти факты и как на них реагировала русская марксистская мысль в самое время их осуществления.

Сделанный нами в предыдущих главах обзор воззрений М. Н. Покровского и Н. А. Рожкова приобретает особый интерес в связи с тем, что совсем не случайно именно в лоне русского марксизма и русскими авторами, с Лениным во главе, по преимуществу создана действительно марксистская теория империализма. Русская марксистская мысль даже в крайних правых своих проявлениях была значительно свободней от наследий либерально-буржуазных традиций, в значительно большей степени сковывавших социалистическую и рабочую мысль в Западной Европе даже в лучших ее представителях. В особенности это относится к вопросам колониальной политики, милитаризма и империализма. Русские рабочие массы, никогда не собирающие крох с барского стола, в том смысле, что они никогда не знали, что такое дележ империалистических сверх-прибылей, уже с очень раннего времени относились чрезвычайно чутко к империализму и русский марксизм беззастенчиво вылупивал из-под внешне мимо-цивилизаторской, прогрессивной скорлупы империализма, его действительное ядро и выявлял его сущность. В этом не трудно убедиться обратившись к нашей ранее легальной марксистской литературе.

Более или менее широкое с марксистской точки зрения освещение мировой экономики и международной политики не могло быть осуществлено в России до тех пор, пока марксисты не имели своей журнальной литературы. Такая литература появилась только с апреля 1897 г., когда орган правых народников „Новое Слово“ был самовольным, вызвавшим протесты со стороны народников, действием издательницы его О. Н. Поповой передан в руки марксистов. Подвергаемый правительственным репрессиям марксистский орган дважды менял свое название. После закрытия „Нового Слова“ в декабре 1897 г., он в первой половине 1899 г. выходил под названием „Начало“ (четыре книжки до апреля 1899 г.), а затем по закрытии „Начала“ под названием „Жизнь“ с 1809 г. по 1901 г.

Марксисты, этой легальной литературы резко делились на левое во главе с Лениным и правое во главе с П. Струве крыло. До 1900 г. правое крыло, которое Ленин прямо называет буржуазно-демократическим, находилось под непосредственным не только влиянием, но давлением левого крыла — революционно-марксистского. И хотя и в этот период правому крылу очень часто удавалось „протаскивать“, как выражается А. Аигорский в своей работе о легальном марксизме, в журнале совсем не марксистские или даже антимарк-

истские статьи, но в общем и целом, как свидетельствует Ленин, оно служило „громадному распространению идей марксизма". С 1900 года расхождение между левым и правым крылом зашло уже так далеко, что марксистская окраска с правого крыла почти совсем слиняла и хотя, входившие в него и продолжали называть себя марксистами и социал-демократами, но это не дает нам основания их действительно к таковым причислять.—Когда в 1901 г. журнал „Жизнь" был окончательно закрыт правительством в России, правое крыло продолжало издавать журнал „Жизнь" заграницей и, организовав там под тем же названием издательство, сложилось в особую социал-демократическую группу „Жизнь", которая, подготовившись ко второму съезду партии, опубликовала в 1902 г. свой проект программы Р. С. Д. Р. П., который по всей видимости на съезде даже не рассматривался, а сама группа никакой роли не играла и неминуемо стала быстро и открыто привлекаться к буржуазной демократии.

Вообще приобщение фактически буржуазно-радикальных элементов к революционному марксизму в России происходило под влиянием роста рабочего движения и исторически совершенно определенно выявившегося факта, что старым самодержавно-крепостническим элементам, как сила их разрушающая противостоит рабочий класс. Ту многократно высказывавшуюся идею, которая лежала в основании искания радикально-буржуазными элементами союзника в рабочем классе, всего ясней высказал П. Б. Струве в предисловии к изданной в 1901 г. в Штутгарте известной записке Ю. Витте: „Самодержавие и земство".—„Современное рабочее движение несравненно шире распространено и гораздо глубже проникает в рабочий народ, чем социалистическое „хождение в народ" 70-х годов, и на его почве поэтому может и должно строиться чисто политическое движение гораздо *более устойчивое*, чем геройское народничество конца 70-х и начала 80-х годов".

Колебание буржуазно-радикальных элементов, временно образовавших правое крыло марксистов, влево и вправо происходило в зависимости от состояния промышленности и рабочего движения. Период промышленного расцвета 1894-98 г. тянул их вправо к беренгейнианству, с его верой в то, что капитализм уже изжил те констатированные К. Марксом противоречия, которые ведут к революционным потрясениям. Такое резкое и невиданное еще в России столкновение между буржуазией и организованным пролетариатом, как петербургская забастовка текстильщиков в 1896 г., заставило их несколько шагнуть влево и дало возможность революционным марксистам подчинить их на время себе и состояться тому союзу, благодаря которому революционные марксисты могли использовать целый ряд легальных возможностей и подцензурированную литературу и в котором по существу радикальные демократы выступали под знаменем марксизма.

Это резко повышенное настроение рабочего класса, начавшееся в 96 г. проходит целиком через 98 и 99 г., стимулируя тоже полевение правого крыла. К этому нужно прибавить неурожай 97 г. разросшийся в 98 г., который еще более обострял классовые отношения в стране и создавал революционные настроения, сходные с теми, которые проявились в голодный 1891 г.

Вот те причины, которые обясняют левизму правого крыла в период с 1897 до 1900 г.г. и его подчинение давлению революционных марксистов.

Что же касается непосредственно империализма, то кроме того, что было в связи с этим сказано выше о русском рабочем, нужно

сказать, что и русская буржуазия несмотря на все ее промышленные завоевания в то время несомненно была очень далека от империализма, вот почему ее левые идеологи, находившиеся под влиянием марксизма могли высказать об империализме марксистски правильные суждения.

В июльском номере Нового Слова за 1897 г. в отделе „письма из заграницы“ привлекает внимание корреспонденция из Соедин. Штат. Сев. Америки, подписанная И. Г.—„Страницка из истории промышленных синдикатов“.

В статье нет анализа экономических причин, которые обусловили синдикатское движение, но с достаточной ясностью изображается непреодолимость, вся тщетность борьбы мелкобуржуазных элементов против этого движения крупного капитала и затем полное подчинение государственно-го аппарата интересам синдикатированной промышленности, „интересам собственников одной пятой доли всего богатства Соедин. Штат.“, как выражаются сами руководители синдикатского движения в своем заявлении в конгресс Сев. Амер. Соед. Шт.

„Как президент Гаррисон (1889-1893 г.), так и президент Кливленд (1893-97) были креатурами крупных монополистических корпораций“, пишет И. Г., тоже самое он говорит и о сменившем Кливленда на президентском посту Мак-Кинлие (1897-1901), с именем которого связан почти запретительный гариф на ввозные, главным образом из Европы в Соединенные Штаты товары (1890 г.).

В связи с вопросом о нарушении трестами, издданного в 1890 г. конгрессом т. н. закона Шермана против синдикатов *Sherman anti-trust law* запрещающего всякого рода „контракты, союзы или стачки, с целью стеснения свободы торговых сношений между штатами и с иностранными национальностями“ И. Г. пишет. „Если бы даже допустить, что правительство Мак-Кинлия креатуры миллионеров, вздумало бы пределовать всерьез стачки крупных капиталистов, то это лишь ускорило бы неизбежный процесс централизации капиталов... Строгое проповедование законов против „Трестов“ вынудило бы массу мелких конкурирующих компаний слиться в несколько крупных компаний, а этому никакой закон помешать не может“.

Если в первой главе этой корреспонденции это чрезвычайно важное мнение, резко характеризующее взгляд автора на непреодолимость монополистического оформления капитализма, высказано по поводу железнодорожных трестов и связи с специфическими особенностями хозяйственной структуры и деятельности железных дорог, то во второй главе этот взгляд распространяется на все виды крупной промышленности и конкретным примером служит факт централизации сахарной промышленности, несмотря на препятствия, которые этому ставились.

„История возникновения этой компании* The American Sugar Refining Company (Сахарного Треста) лишний раз иллюстрирует бессилие мелкобуржуазного законодательства в борьбе с крупным капиталом“ пишет И. Г.—Компания, представившая собою союз пятнадцати ранее раздельно существовавших компаний, образовалась в 1888 г. Нью-Йоркский генерал-прокурор предъявил иск о ликвидации одной из компаний; дело дошло до апелляционного суда и было окончательно решено против треста. „Решение суда, отмечает И. Г., имело единственным последствием полное слияние, прежде раздельно-существовавших компаний, в одну. Новая компания, принявшая название „Американской Сахаро-Рафинадной Компании“, вскоре поглотила все филадельфийские заводы и захватила в свои руки 98% всего производства сахара в Соединен. Штат. „Дело доведено было до федерального верховного

суда. Адвокаты синдиката совершенно резонно доказывали, что он¹ ни в чем не преступил против закона Шермана, так как последний запрещает лишь соглашения между отдельными компаниями; в данном же случае суд имеет дело с одной компанией, скупившей заводы, ликвидировавших свои дела мелких компаний. Суд нашел, что хотя компания—ответчица и несомненно является монопольным предприятием *в прошлом* (подчеркнуто автором) сахара, но такая монополия вне компетенции федерального законодательства и суда; монополии же в торговле сахаром компания не представляет".

Излагаемых И. Г. фактов с очевидностью следует, что если бы государство решило вести реальную борьбу с процессом монополизации капитализма, то оно должно было бы взять в свои руки не контроль над рынком, торговлей, как делает это закон, Шермана, а контроль над производством. Конечно, тогда борьба приняла бы совершенно иной характер несовместимый с буржуазной сущностью государства Сев. Амер. Соед. Шт. Автор корреспонденции этого вывода, ясно вытекающего из всего хода его изложения не делает. Нельзя сказать, чтобы состояние в тому времени, когда писал И. Г. науки о синдикатском движении в крупной промышленности не толкало к тому, чтобы при наличии указанных фактов этот вывод сделать. Как мы уже указали в первой главе достаточно известная в тому времени в Европе работа *Kleinwachter* (изд. в 1883 г.) и не менее известная в России работа И. И. Янжула (изд. в 1895 г.) вполне выяснили, что процесс образования монополистического капитализма живется главным образом в эволюции производственных форм современного капитализма из чего для марксиста, затрагивавшего вопрос о борьбе с монополистическим капитализмом, естественно вытекало положение, что эта борьба только тогда может быть реальной, если она ведется против самой формы капиталистического производства. Как это ни ясно—марксистская мысль, сталкиваясь с сотнями фактов, ведущих к этому заключению еще долго не делала такой увязки между монополистическим капитализмом и борьбой с ним мелкобуржуазных элементов и рабочего класса.

Указывая в дальнейшем, что трест в первые годы своего образования дал прибыль "чуть-ли не в 100% годовых" И. Г. увязывает господство монополистического капитализма во внутренней жизни государства, с характером внешней государственной политики, в первую очередь в области таможенного законодательства, в сторону строжайшего протекционизма и запретительных тарифов.

"Монополия во внутреннем производстве одна не в состоянии была обеспечить такие непомерные барышни. На выручку должен был явиться запретительный тариф".

Главную часть корреспонденции занимает скандальная хроника, подкупов, осуществляемых трестами при выборах в конгресс, назначении должностных лиц—вплоть до президента республики, для того, чтобы проникнула выгодная им внутренняя и внешняя политика, но корреспонденту вместе с тем ясно, что не в подкупах суть.—"В этом царстве новой пролажности, пишет он, мне видится лишь процесс приспособления республиканских форм к потребностям достигшего апогея своего развития капитализма. В другой раз я постараюсь показать, как под напором новых экономических условий шатаются "устой" традиционных американских "свобод". Этот заключительный абзац чрезвычайно интересен и говорит о том, что если автор еще не отдает себе достаточно сознательного для марксиста отчета в том, что представляет собою, то явление, которое он описывает, то во всяком случае чувствует ту новую экономическую, а в связи с этим и поли-

тическую фазу, в которую вступил капитализм Северо-Американских Соединенных Штатов.

Интересно отметить еще одну из цитат, приводимую автором из *New York Journal*, который выступает в защиту железнодорожных синдикатов.

„Потери акционеров, говорится в этой цитате, от тарифных войн (при отсутствии треста) и ненужного удвоения железнодорожных линий составляет серьезное зло. Но гораздо большее зло—постоянное колебание пропозиций тарифов, так как устойчивость последних такое же необходимое условие коммерческого преуспеяния, как и устойчивость денежной единицы“. Как видим довод за положительную роль капиталистических синдикатов, потому что они стабилизируют цены на рынке, имеют значительную давность. И. Г. против этого довода не возражает.

Воззрения правого крыла марксистов на международную политику империализма нашли свое главное отражение в отделе „Обзор заграничной жизни“, который в „Новом Слове“, „Начале“ и „Жизни“ вел главным образом В. Поссе под инициалами В. П.

Первое что нужно отметить, это то, что при всей трезвости взглядов автора на сущность разворачивающихся на его глазах международных отношений—внешняя политика европейских держав, также как и Соединенных Штатов Сев. Амер. и Японии не ставится в связи с развитием монополистических отношений в Европе.

В первой же книге, с которой „Новое Слово“ стало марксистским журналом, по поводу Греко-Турецкой войны 1897 г. отчетливо вскрывается, на примере международного положения Ближнего Востока, чрезвычайная обостренность международных отношений, а в особенности противоречие интересов в борьбе за Азию между Россией, Японией и Англией.

В то время как многие даже радикальные политики приветствовали утверждение Франко-Русского Союза в связи с посещением Парижа Николаем II (1896 г.) и России президентом Фором (1897 г.), как факта, влиявшего в сторону укрепления мирных отношений в Европе В. Поссе видит в нем факт милитаристического значения, только изменившего направление, в котором будут стрелять ружья, в том смысле, что этот Союз направит франко-русские ружья в сторону Англии. Пусть это предположение, которое В. Поссе разделял с значительной частью немецких и иных дипломатов и не оправдалось, но самая оценка союза, как союза для стрельбы, а не для мира, самое понимание того факта, что положение международных отношений исключает всякую возможность осуществления нацистических чаяний чрезвычайно знаменательно. Возвращаясь в сентябрьской книжке журнала к тому же вопросу В. Поссе указывает на то, что наиболее горячие сторонники Франко-русского союза во Франции совсем не являются сторонниками мира, а определенно заявляют, что им нужен союз не для мира, а для войны, для разрушения результатов Франкфуртского (10 июля 1871 г.) мирного договора, для возвращения Франции Эльзаса и Лотарингии, оторгнутых по этому договору; указывает на то, что это политика реакционных верхов Франции и, что „искренние проповедники всеобщего мира являются противниками франко-русского союза, являясь одновременно противниками реакционного министерства Мелина. А далее Поссе недвусмысленно указывает на милитаристический характер этого союза, когда говорит по поводу матросов французской эскадры, приплывшей в Кронштадт

в августе 1897 г., которых торжественно и обильно угожали и чествовали: „Кто несомненно доволен франко-русскими торжествами, так это матросы французской эскадры, хотя русские симпатии были для них опаснее немецких пушек”.

Реальное понимание международных отношений видно и из оценки политики Англии по отношению к бурам еще во время разыгравшейся за три года до знаменитой Anglo-Бурской войны (1899-1902) прелюдии к ней в виде набега на Трансвааль отряда д-ра Джемсона (1896 г.) В. Поссе ставит этот набег в связь с идеями Салюсбери и Джо Чемберлена о создании мировой британской федерации и говорит, что раньше или позже Оранжевой республике и Трансвалю придется вступить в британскую африканскую федерацию.

Реально В. Поссе смотрит и на политику Сев. Амер. Соед. Шт., которые внезапно выступили в „защиту” инсургентов на о-ве Кубе (Испано-Американская война 1898 г.).—„Вмешательство Соед. Шт. в пользу инсургентов на о-ве Кубе, конечно, об’ясняется не столько сочувствием к борцам за свободу, сколько надеждою, что, освободившись из-под испанского ига, Куба войдет в союз штатов, и очень возможно, что долгое и кронополитное восстание кончится тем, что Куба станет не только в географическом, но и в политическом отношении островом чисто американским”.

В связи с Испано-Американской войной В. Поссе отмечает новый курс политики Соединенных Штатов, которые до сих пор не вели колониальной политики, а теперь энергично приялись за приобретение колоний. Он доказывает это на примере приобретения Соед. Шт. в 1897 г. Гавайских островов, на которых они фактически расположились уже давно, произведя на них насильственно те политические изменения, которые диктовались их интересами. Наряду с этим, он нигде не упускает случая отметить как с каждым шагом любой державы в области колониальных приобретений расширяется круг обостренных международных отношений. Так и в связи с колониальной политикой Соединенных Штатов он отмечает обострение отношений с Японией. Тот, кто находится в курсе современной международной политики и в частности Японо-Американских отношений не сможет без большого интереса прочитать следующее место: „Туземцы гавайских островов быстро вымирают. Зато в последние годы на Гавайских островах быстро стало возрастиать число „желтокожих”, в особенности японцев, которых в настоящее время насчитывается уже 24 тыс. Эти новые энергичные колонизаторы, проникающие ныне подобно англичанам во все углы мира, чрезвычайно недовольны присоединением гавайских островов к Северо-Американским Соединенным Штатам, и японское правительство обратилось к вашингтонскому с энергичным дипломатическим протестом. Из этого протеста разумеется ничего не выйдет, но он показывает, что японская „притязательность” растет вместе с развитием японской цивилизации”. Как бы то ни было, а с ними придется считаться не одним китайцам.¹⁾

В начале 20-х годов 19-го века, в английской экономической и политической литературе, как и в жизни шла борьба между сторонниками сохранения старой существовавшей в Англии системы свободной торговли (free trade) и сторонниками перехода Англии к системе протекционизма. Правда протекционисты еще скрывали свои стремления под разнымистыльными названиями. То они называли себя „Фертредерами” (fair trade) сторонниками справедливой торговли, что

1) „Новое Слово”, Петерб. Июль 97 г.

означало:—на пошлины введенные на европейском континенте справедливо ответить пошлинами на товары, ввозимые в Англию, в особенности в английские колонии; то они называли себя преференционалистами (preferentialists) что должно было означать таможенную систему, при которой Англия имела бы преимущество перед другими странами в торговле с колониями Британской Империи, при чем Англия, как таковая, сохраняет свободу торговли. Спор нашел очень яркое выражение в дискуссии, развернувшейся на страницах английских газет *New Review* и *Daily graphic* между Е. Е. Уильямсом сторонником протекционизма и Гарольдом Коксом—сторонником свободной торговли. Статьи обоих авторов затем вышли отдельными книгами: первого под названием „*Mad in Germany*”, второго под названием „*We won by the Germans*”. Первая книга, многократно цитированная и ставшая особенно известной в России во время войны 1914—18 г.г. вышла в русском переводе в 1897 г. В связи с последним обстоятельством в „Новом Слове” помещена рецензия на обе книги.

Автор рецензии раньше всего вскрывает причину, вызвавшую этот спор и находит ее в несомненном факте все прогрессирующего с начала 80-х годов падения относительного значения английского хозяйства в общей системе европейских хозяйственных отношений и в потере Англией ее былой хозяйственной гегемонии. Но автор совсем не задается вопросом о том, почему спор сосредоточен по преимуществу вокруг вопроса о торговле в колониях, хотя именно в смысле торговли с колониями дела обстояли для Англии наиболее благоприятно. Он приводит следующие цифры из книги Кокса: „В общей торговле с британскими колониями Англия занимает первое место, ввозя в них товаров на 116,2 милл. ф. ст. из всего ввоза в 225,7 милл., т. е. более половины, тогда как Германия, Соединенные Штаты и Франция вместе ввозят в эти колонии всего на 25,6 милл. в том числе Германия на 4,6 милл. (среднее за 1890—92 г.г.). Стоит ли спрашиваться начинать таможенную войну с Германией, в которую Англия ввозит товаров на сумму выше 30 милл. ф. ст., а получает от нее на 27 милл. ф. ст.”—Приводя эти интересные данные автор рецензии все же не выясняет того, что из них следует,—что протекционисты стремятся к монополии на британское сырье, что в интересующем его явлении борьба идет не только за рынки сбыта, сколько за рынки сырья между монополистически оформляющимися капиталистическими хозяйствами—при чем английские монополисты стремятся сократить сырьевую базу монополистов европейских, главным образом немецких, для того, чтобы подорвать производственную базу конкурентов на мировом рынке. Не видит автор рецензии также того, что система протекционизма диктуется части английских предпринимателей, ставшей на путь трестирования промышленности, стремлением к увеличению своих прибылей, путем укрепления протекционизмом своего монопольного положения, т. е. того, как мы видели выше, достаточно обстоятельно выяснил И. Г. на примере борьбы за протекционизм трестов Сен. Амер. Соед. Шт.—Замечая, что „вера во всесилие богини „*free trade*” (свободной торговли) подорвана” автор рецензии не замечает, что для этого существуют причины, коренящиеся не только в положении Англии на международных и колониальных рынках, но главным образом в переходе капитализма в новые формах производственных отношений, поэтому он не замечает падения принципа свободной торговли и свободной конкуренции не только в Англии, но вообще в капиталистических отношениях и спор превращается для него в домашнюю „прю” английских предпринимателей.

Из всего вышеприведенного об этой рецензии ясно также и то, что автор ее, отмечая, на ряду с появлением новых течений в английском капитализме, появление новых течений в английском рабочем движении (New unionism), отмечающие обострение классовых отношений, конечно не может ставить этого обострения классовой борьбы и связи с новыми империалистическими отношениями. Но вместе с тем самое обострение классовой борьбы внутри отдельных государств и международных отношений ясно для всех представителей правого крыла марксистов, работающих в журнале, также как и непримиримость этих противоречий до тех пор пока существует система капиталистических отношений.

Процесс централизации, происходивший в этой системе не только в Соединенных Штатах, но и в Европе, в Германии и даже Англии не раз отмечался в легальной марксистской литературе. Так в фенральской книжке журнала „Научное обозрение“ за 1899 г. а в это время в период закрытия „Нового Слова“ до открытия „Начала“ этот журнал превратился в марксистский орган в первом номере этого журнала за 1899 г. Ленин поместил свою статью—„К вопросу о рынках при капиталистическом производстве“, имеется статья В. Тотомианца—„Главные черты экономического развития передовых стран в 1896 и 1897 г.г.“, в которой он говорит:—„Централизация производства идет, хотя и не быстрыми, но верными шагами“, а несколько ниже еще раз говорит:—„В виду быстрого прогресса централизации производства“. Что же касается собственно централизации производства в Англии, то здесь он отмечает следующие факты: „Соединение крупных мясных фабрикантов, мясной синдикат, желающий приобрести сначала большинство мясных лавок Лондона и Ливерпуля, процесс картелизации всех английских каменноугольных копий“. Мы останавливаемся особенно на Англии потому, что в ней процесс монополистического оформления капитализма шел медленней и менее выразительно, чем в Германии и Соединенных Штатах, а как раз она то и являлась той страной, которая больше всего привлекала внимание интересующих нас публицистов. Этим весьма вероятно, обясняется и то, что они не усмотрели той тесной связи, которая уже исторически была чрезвычайно реальна, которая существовала между процессом монополизации хозяйства и осложнением международных и классовых отношений. Рассмотреть же в таких проявлениях английской политики, как стремление к созданию британской федерации двустороннее проявление империализма в смысле обеспечения интересов своих монополистических групп и защиты от натиска от монополистического хозяйства конкурентов—этого они подавно не могли. Но то, что весь процесс капиталистического развития, в том числе и концентрации, ведет к все большему и большему обострению классовых и международных отношений это было для них ясно.

В Июльском номере журнала „Жизнь“ за 1899 г., касаясь Гаагской мирной конференции (1899 г.) заменивший на этот раз В. Поссе. Е. С. высказывает следующие чрезвычайно интересные и характеризующие уровень марксистского понимания проблемы войны и мира мысли, по поводу возникших в связи с этой конференцией пацифистских надежд.

„Говорят, что промышленное и торговое развитие уменьшает шансы на военные столкновения и что войны фактически исчезают. Трудно, думается нам, согласиться с последним положением, если вспомнить, что за последние несколько лет мы видели войну между Китаем и Японией (которая чуть было не привела к вмешательству

некоторых европейских государств), между Грецией и Турцией и между Испанией и Соединенными Штатами Северной Америки. Не уменьшились шансы войны и между крупными европейскими державами. Если в бытые времена яблоком раздоров между ними служили сравнительно небольшие непосредственные границы в пределах Европы, то в настоящее время усиление всемирной конкуренции и развитие колониальной политики могут не сегодня так завтра бросить друг против друга Англию и Францию из-за какой нибудь Фашиды, или Англию и Германию из-за какого-нибудь ничтожного острова, затерявшегося в бесконечном океане. Правда, все растущее и непроизводительное потребление, истощая и разоряя некоторые страны, делают все более настоятельной необходимость сократить военные расходы, но это одно из противоречий, в которых бьется и задыхается капиталистическое общество и до тех пор пока существует всемирная конкуренция, пока остаются в силе отмеченные выше мотивы касательно внутренней политики всех европейских государств (отмечено чрезвычайное обострение классовых и национальных взаимоотношений И. Г.) мы не видим возможности разрешить вопрос о разоружении и не даже только о приостановке дальнейших вооружений.

Чтобы дополнить наше представление об общих политических воззрениях интересующих нас представителей марксизма мы остановимся на факте отношение к которому чрезвычайно ярко характеризует их политическое лицо. Это по вопросу о знаменитом вступлении Мильерана в коалиционное министерство Вальдека—Руссо (1899 г.) Здесь Е. С., а вместе с ним конечно и журнал вообще заняли позицию революционных марксистов и оценили вступление Мильерана не как силу, а как слабость правого крыла французской социалистической партии.—Е. С. высказывает мысль, которая была блестящим доказана Р. Люксембург, о том, что Республике во время вступления Мильерана не грозило никакой опасности и, что Мильеран не должен был принять предложения Вальдека—Руссо. По вопросу же вообще о намечающихся не только во Франции, но и в других странах широких правительственный демократических коалициях, он говорит как о чрезвычайно хрупких и недолговременных, неминуемо разрываемых на части классовыми противоречиями.

Все дальнейшие обозрения и статьи журнала, касающиеся вопросов международной политики еще ясней и отчетливей выясняют классовый и империалистический характер международных устремлений буржуазных государств и столкновений между ними, полную их связь с экономикой современного капитализма и полную в связи с этим их неизбежность, невозможность вообще преодоления войны при наличии капиталистического хозяйства.

Все политические отношения ставятся в связь с мирохозяйственными отношениями, правда эти мирохозяйственные отношения рассматриваются только с точки зрения усилившейся погони за рынками сбыта продукции, уже достаточно ясно наметившейся к тому времени процесс образования трестов и синдикатов, монополистического капитализма остается незамеченным и с производственными факторами империализм не связывается, но за то отмечается падение английской мировой хозяйственной гегемонии, рост центробежных сил в Британской Империи, об'ясняются причины этого явления, отмечается быстрый рост Северо-Американских Соединенных Штатов и Германии, как конкурентов Англии на мировом рынке. Отчетливо выявляется рост значения Великого Океана и противоречие интересов империалистических групп, борющихся за господство на этом океане.

Срывается маска всяких идеальных мотивов, которыми стремятся прикрыть свои чисто корыстные вожделения империалисты. По поводу добрых „чувств американцев, выступивших в защиту“ кубанцев против испанского угнетения, а затем подчинивших себе путем жесткого подавления всякого освободительного движения местного населения и Кубу и Филиппины иностранный обозреватель „Жизни“ пишет:

„Реальная подкладка идеальной Испано-Американской войны:— идеальные чувства явились лишь орудием вполне материальных интересов американских биржевиков, купцов и промышленников, на деньги которых „желтая печать“ возбуждала сострадание, как она теперь возбуждает „патриотизм“, требуй покорения филиппинцев“... „Испанские жестокости пришли кстати американским торгово-промышленным интересам. Война была необходима американцам, она дала им возможность сразу развернуться в великую морскую державу, господствующую не только на американском материке, но и в Великом Океане. В их руках теперь Саудовцы и Филиппинские острова, которые приобретают теперь особенное значение, если удастся соединить каналом Великий океан с Атлантическим... Над этой великой международной дорогой будут господствовать американцы, для чего им прежде всего необходимо господство над Мексиканским заливом, а оно было невозможно, пока Куба и Порторико находились в испанских руках. Вот она реальная подкладка идеальных стремлений“.

Он не только говорит об устремлениях Северо-Амер. Соед. Штатов, но дает весь узел отношений на Великом Океане между Соединенными Штатами, Англией, Германией, Японией и Россией предвидя неизбежные столкновения даже между теми, кто сейчас действует в союзе.

„Борьба из-за Великого Океана—одно из грандиознейших мировых столкновений. Оно уже началось. Испано-Американская война— лишь один из эпизодов этой великой борьбы. Англия и Соединенные Штаты действуют *пока* (подчеркнуто нами И. Г.) в союзе. Дряхлая Испания одним ударом выбита из строя. Германия злобно рычит, но не может ничего поделать против соединенных сил могучих англосаксов... Но сумеют-ли размежеваться между собою Англия и Америка—это вопрос... Окажется ли прочным недавно опубликованное англо-русское соглашение по Китайскому вопросу“. Обозреватель видит, что в связи с захватнической политикой Соединенных Штатов в Великом Океане и англичан в Южной Африке разгораются захватнические аппетиты всех держав.

„Под влиянием этой (бурской) войны, значительно оживилась международная политика“. Всплыли вопросы Марокский, Персидский, Корейский, Китайский и т. д.“.

С такой же ясностью и реальностью выявляются захватнические устремления англичан в Южной Африке по поводу англо-бурской войны и всех держав вместе взятых в связи с подавлением восстания большого кулака. В. Поссе не исключает возможности революционных национально-освободительных движений в угнетенных странах: „Чи рельсы и паровики, пишет он, думают европейские правительства— тот будет влиять, и владычество— Возможна, конечно, что в конце концов, рельсы и паровики попадут в китайские руки, но этой возможности европейцы не предусматривают“.

Нужно конечно принять во внимание, что все это пишется в подцензурном журнале и потому автор должен был соблюдать некоторую сдержанность, но при всем том, взгляды журнала на имperi-

ализм и империалистическую политику выявлена с достаточной определенностью. Тем интереснее то, что журнал даже и намеками не делает наилежащих выводов из этих взглядов. Это не дает ему возможности выразить самостоятельную линию рабочего класса в международной политике, как ее начали строить Маркс и Энгельс до и в первом интернационале и как ее всегда отстаивали революционные марксисты во 2-ом интернационале, вот почему он порой попадает под влияние буржуазного пацифизма и либерально-буржуазных взглядов на относительную культурную роль империалистических колонизаторов. Выявив, как мы видели выше, цель и характер завоеваний Соединенных Штатов, В. Поссе говорит: «Куба, Порторико и Филиппинские острова ни в коем случае не проигрывают от замены тяжелого испанского ига *культурным владычеством* (подчеркнутое нами И. Г.) северо-американцев. „Без хозяина Филиппинские острова все равно не остались бы“. Становясь на сторону буров в Англо-Бурской войне автор делает это не безусловно, исходя из интересов европейской культуры, боясь, что падение престижа Англии вызовет агрессивность по отношению к ней ее противников, „что может привлечь за собой опасные международные замешательства и внешняя политика еще более, чем до сих пор будет давить на политику внутреннюю, усиливая реакцию“. — Такая боязнь европейских осложнений, затемняет для автора положительное их значение для борьбы рабочего класса и иногда уклоняет его на путь либерально-буржуазного пацифизма. Он приветствует образование Южно-Африканского комитета примирения во время англо-бурской войны, в который входят „представители английской умственной аристократии“. Он верит в возможность осуществления предложения, выставленного этим комитетом: — „примирить британскую и голландскую расы в Южной Африке“ не изменения всех общественных отношений, которые определяют отношения между расой угнетенной и угнетателями.

Как ни близко в последней части своих взглядов подходит В. Поссе к буржуазно-либеральным пацифистам, как ни велика та тень, которую эти его взгляды бросают на самое отношение к империализму и к той тактике, которую должен осуществлять рабочий класс по отношению к империализму, все же самая характеристика империализма, даваемая им, имеет для того времени большую ценность. Это станет для нас в особенности ясно, если мы примем во внимание, что теоретически проблема империализма еще совсем не разрабатывалась ни в Русском ни в Западно-Европейском марксизме.

В относящейся ко времени начала англо-бурской войны статье „Война в Южной Африке“ К. Каутский впервые занимается вопросом о сущности империализма, при чем из статьи следует, что колониальная политика и империализм явления совершенно различные, что империализм появился в Англии в результате падения английской гегемонии на мировом рынке и вместе с этим старого манчестерства. На развалинах манчестерства вырастает империализм, который должен „при помощи политических средств укрепить колебающийся капиталистический способ производства“ — это политическое средство — обединение колоний с метрополией в одно огромное государство — создание „Великой-Британии“ — огромной мировой империи — откуда и происхождение термина империализм. Ни того, что принципы манчестерства под влиянием экономических причин падают в мировом масштабе, ни того, что империализм есть явление не только Английское, К. Каутский, по тому времени крупнейший в Западной Европе теоретик революционного марксизма, не видит. И в смысле ши-

роты понимания термина империализм наши правые марксисты стоят гораздо выше Каутского.

В легальной марксистской литературе левое крыло соц.-дем. не касалось вопросов международной политики, не касался их и крупнейший его представитель Ленин, но интересно здесь для сравнения привести из IV-го тома сочинений Ленина отрывок из статьи в *Искре* от 1-го декабря 1900 г. „Китайская война“, где он касается вопроса о колониальной политике. „Принято называть эту политику грабежа, пишет В. И. Ленин, колониальной политикой. Всякая страна с быстро развивающейся капиталистической промышленностью очень скоро приходит к поискам колоний, т. е. таких стран, в которых слабо развита промышленность, которые отличаются более или менее патриархальным бытом, куда можно сбывать продукты промышленности и наживать на этом хорошие деньги“. Правда выдержка взята нами не из теоретической работы, а короткой агитационной статьи, но и она говорит о том, что обозреватели иностранной политики из журналов легального марксизма не расходились в оценке этой политики с Лениным.

Еще разительней станет высота достигнутая даже правым крылом легальной марксистской литературы в понимании сущности международной политики в смысле ее подчиненности империализму, если мы сравним их воззрения с воззрениями радикально-народнической интеллигентии, как они отражались в журнале „Русск. Богат.“. Вот для примера в книжке 9-й за 1897 г. рецензия на достаточно известную книгу английского автора Малькольма Мак Коли:— „Султан и Державы“ (СПт. 1897 г.) Книга Малькольма является исторической в том смысле, что она одна из первых отражает перелом, произошедший в английской политике под влиянием обострения империалистических отношений. Рецензент это отмечает. — До сего времени Англия придерживалась политики сохранения турецкой державы и оптимистически смотрела на возможность эволюции Турции в сторону более культурного, более гуманного управления, но вот с некоторого времени Англия кардинально меняет свое отношение к Турции и, теряет свои оптимистические взгляды на будущее турецкого управления, выступает в защиту всей угнетенной христианской раб и всех немусульманских народностей, угнетение которых описывается в чрезвычайно ярких красках. Теперь Англия требует, чтобы добиться прав от мусульман и общего прогресса в Турции применения принудительных мер, хотя бы в роде тех, какие были применены в 1880 г. для того, чтобы заставить Турцию подчиниться постановлениям берлинского трактата, когда была занята Смирна, главный ввозной порт Турции и наложен секвестр на таможенные доходы этого порта. — Как можно понять из текста рецензии, — специально на этом вопросе рецензия не останавливается, — эта перемена политики объясняется тем, что весь предыдущий опыт убедил в негодности старой английской политики, а потому Англия перешла от политики открытых дверей в Турции, к политике удушения, как правильно следовало бы выразиться, а действительная причина — нарастающее осложнение и обострение международных отношений в связи с развитием империалистических отношений остается для рецензента совсем не замечанной. Какой-то для обективного взгляда непонятной иронией является изображение английской политики, как имеющей какие то собственные гуманные задания. Малькольм возмущается угнетением в Турции, а у рецензента, ну хотя бы прямо по ассоциации, не возникает мысль об ужасающих угнетениях в английских колониях на территории многократно большей, чем территория Турции. Но рецен-

зент идет еще дальше, это даже не удовлетворяет предложение Малькольма — «необходимо не просто принуждение — заявляет радикальный народник из Русского Богатства, издаваемого Вл. Г. Короленко и И. К. Михайловским, а целое завоевание, но завоевание чего? Да всей Турции, потому что всюду (в Турции) господствует безграницная тирания, одинаково безнадежная к исправлению при сохранении турецкого владычества».

«Не принудить, а упразднить Турцию есть единственная целесообразная программа решения восточного вопроса» (Подчеркнуто нами И. Г.) Правда рецензента волнует вопрос о дележе турецкого наследства, но здесь он отдельивается столь же легкой, сколь и мало говорящей формулой: «Не раздел, а освобождение (везде, где это возможно) может явиться только безбедно и для всех выгодною комбинацией». И дальше продолжает: «Говорим для всех выгодною комбинацией, потому что одно избавление от гревов и опасений, связанных с неразрешимостью восточного вопроса, составляет очень крупную выгоду для всей Европы. Видите-ли, стоит только упразднить Турцию и со всеми осложнениями международной политики будет покончено».

«Опасение Европейской войны — чувство вполне достаточное, которое, повидимому, все крепнет и развивается среди правительств и народов Европы. Это одно из величайших завоеваний последнего времени.» И это «завоевание» может быть еще более укреплено уничтожением Турции и мирным разрешением вопросов с этим уничтожением связанных». И все это пишется накануне Испано-Американской и следующей за ней серий громадных войн в период начавшейся с конца 80-х годов самой беспощадной и дикой захватнической политики во главе которой шла Англия.

В книжке 10-й Русского Богатства за тот же год имеется любопытная корреспонденция из Франции, где автор отмечает блестящие достижения во внешней политике Франции, заключающееся в укреплении русско-французского союза, который он считает «решительным приобретением современной культуры», потому что он «уменьшает возможность сирийской чисто зоологической вражды между цивилизованными народами». А то, что это есть простая группировка сил для грядущего грандиозного международного столкновения, обстоятельство которое и тогда уже было ясно для всех публицистов хотя бы чуть чуть овеянных духом марксизма и, понимающих, что международная политика определяется не зоологическими, а экономическими отношениями, остается скрытым для корреспондента Русского Богатства. Он не может понять как с этой блестящей внешней политикой вяжется реакция во внутренней политике Франции и рост милитаристических настроений внутри ее. Действительно публицисты из Русского Богатства плывут без руля и без ветрил, не имея возможности связать концы с концами и видя противоречия там, где есть полное соответствие и, представляя орудие войны, франко-русский союз, как орудие мира, не могут обяснять рост милитаристических настроений и реакционную политику внутри Франции.

По поводу упомянутой нами выше книги *«Mad in Germany»* рецензент «Русск. Богат.» ухитряется явно бьющие в глаза экономические причины, благодаря которым Германия вытесняет из международном рынке Англию, заменив причинами психологического, национального и социально-исторического характера.

В этой главе мы затронули легальную литературу русского марксизма 1897—1900 г. г. только постольку, поскольку нам нужно

было выяснить частный вопрос об отношении ее к актуальным для указанного времени вопросам мирового хозяйства и мировой политики. Нам придется заняться этой литературой более обстоятельно в дальнейшем, когда мы будем изучать оформление в ней основных экономических положений, легших в основание революционно-марксистской теории империализма.

Проф. А. А. Манов.

„К постановке вопроса о методологии счетных дисциплин“.

І.

Основными и важнейшими вопросами по всякой науке или научно-образной отрасли знания являются вопросы методологические. Каков предмет познания данной науки, каков об'ект ее исследования, какие же особые точки зрения, которые определяют направление исследования и содержание познания, каковы методы данной науки, как конструируются границы данной науки и смежных наук,—таков цикл основных вопросов, разрешение которых переводит данный комплекс понятий и суждений из знания в научное знание.

Совокупность знаний, об'единяемых до сего времени необ'единенными терминами „Счетная Наука“, „Счетоведение“, „Бухгалтерия“,) является, несомненно, одной из старейших отраслей человеческих знаний. Их историки начинают свои исследования с зарождения у человека хозяйственной идеи, одним из трех составных элементов которой являлась счетная идея (проф. А. М. Галаган), или ближайшим образом—с Египта (3500 лет до нашей эры). Если даже считать моментом зарождения системы понятий относительно того или иного предмета познания появление первого печатного или рукописного труда, более или менее систематически излагающего эти понятия, то и в этом случае рассматриваемая нами отрасль знаний имеет весьма почтенную давность в 433 года.⁴⁾ Тем не менее в области указанных основных вопросов данная отрасль знаний является одной из наименее разработанных. Отсюда то на первый взгляд кажущееся ненормальным для научного знания несовершенство счетных понятий и их словесного оформления, которое вызывает столь-же резкие, сколько, может быть, и лишенные необходимой глубины замечания исследователей, с ними соприкасающихся. „Вместо ясных и полных содержания экономических категорий Маркса мы весьма часто прибегаем к вульгарным бухгалтерским рубрикам, нередко загушевывающим суть дела“), жалуется М. Смиг, давая основание думать, что автор не видит в той

¹⁾ Позднейшим является предложение профессора *Л. Гомберга* назвать рассматриваемую науку „Экономологией“ (см. его *L'Economologie (Sciences comptables) et son histoire*) разделенное и поддержанное среди русских авторов проф. А. М. Галаганом.

²⁾ „Summa de Arithmetica, Geometria, Proportioni et Proportionalita. Tractatus de computis et scripturis“ *Л. Пачиоло*. Издано в Венеции в 1494 г. Русск. перев. Э. Г. Вальденберга. С.П.Б. 1893 г.

³⁾ М. Н. Смиг. „Экономические основы калькуляции“ 1926 г. стр. 8.

отрасли знания, о которой трактует, ничего, кроме „пульгарных рубрик“ и „рыночно-бухгалтерской терминологии“.¹⁾

Нельзя отрицать того обстоятельства, что в этих замечаниях есть доля истины, ибо, как мы указали, остаются и сейчас недостаточно разработанными главнейшие методологические вопросы Счетной Науки, а отсюда и логически вытекающие недостатки внешней, формальной обработки ее понятий. Но объяснение этого факта лежит, по нашему мнению, значительно глубже поверхностных замечаний и кроется в области исторического хода развития познавательного процесса человека,

II.

Как будет показано дальше, объектом исследования Счетной Науки является единичное хозяйство (не полностью, а в строго ограниченной области и со строго определенной точки зрения); последнее же в свою очередь, является мельчайшим хозяйственным элементом. А известно, что чем более частным, более индивидуальным оказывается то или иное явление, тем оно сложнее по своему существу и тем оно труднее для изучения, и наоборот, явления и понятия более общие (в эмпирическом смысле) в то же время суть явления и понятия наиболее простые, наиболее доступные наблюдению и изучению. Способность познания и познавательный процесс развиваются таким образом, что человек познает прежде всего то, что обладает общими чертами, и уже позднее переходит к познанию индивидуального и частного. „Те стороны действительности, которые наблюдаются с величайшей ясностью и отчетливостью и несомненно находятся налицо в суждении и восприятии, относятся к области общего... тогда как настоящее индивидуальное наблюдалось и познается с величайшим трудом“.²⁾

„Познавательная деятельность дает прежде всего знания средней степени общности, и уже на этой почве развиваются в одну сторону знания наивысшей степени общности, а в другую сторону—знания низшей степени общности, а также знания об индивидуальном“.³⁾

Объясняется такая постепенность в восприятии человеком явлений окружающего его внешнего мира тем, что „в человеческом сознании на его теперешней ступени развития наиболее отчетливо дифференцировалось только средне-общее содержание действительности (и оно то по недоразумению и принимается за индивидуальное), а наиболее общее, также как и наиболее индивидуальное, дифференцируется в нашем сознании очень несовершенно и потому наблюдается с величайшим трудом... Сталкиваясь с единичной, единственной в мире вещью, мы усматриваем в ней обыкновенно лишь такие стороны ее, которые общи у нее со многими другими вещами, и представление о ней оказывается средне-общим, а вовсе не единичным“.⁴⁾

Нам нет надобности останавливаться на разделяющем различные философские школы вопросе о сущности общих суждений,—являются ли они всего лишь связкой индивидуальных представлений (номеналлизм), или совокупностью тождественных элементов вещей (реализм),

¹⁾ Там же. Стр. 38. Характерно для выявления степени знакомства, как цитируемого, так и других экономистов (Струве, Реннер и др.) с развитием Счетной Науки и ее понятий то, что все они говорят о „бухгалтерии“, термине, обозначающем лишь отдел практической части Счетной Науки и употребляемом в указанном широком смысле лишь узкими практиками, да иногда, по традиции, и академическими представителями Счетной Науки (проф. Н. А. Влатов).

²⁾ Н. Лосский. „Обоснование интуитивизма“ 1910 г. стр. 264.

³⁾ Там же. Стр. 267.

⁴⁾ Там же. Стр. 264—267.

или же заместителями и представителями единичных свойств вещей (концептуализм); для нас в данном случае важна не природа суждений, а методы их образований. А формулированный выше взгляд, что в наших суждениях преобладают знания если не общие, то средней общности, достаточно убедительно доказывается всем повседневным опытом. В частности, хорошо известно, что мы лучше знаем „человека“ в его физическом и психическом существе, нежели конкретных, может быть, даже очень близких к нам людей. Встречаясь с новым составом какой либо совокупности, напр. с новым составом аудитории, мы прежде всего познаем ее, как таковую, как аудиторию, а потом уже начинаем познавать и отдельных лиц, входящих в качестве элементов в эту совокупность!)

Таким образом, устанавливая на основе непосредственных наблюдений с одной стороны, логического (гносеологического) анализа — с другой постепенность усвоения явлений физического и социального мира от средне-общего к индивидуальному, мы находим обяснение и, если угодно, оправдание указанного выше факта недостаточного раз-

1) Не можем здесь не указать, что, пользуясь аргументацией интуитивизма в определении понятий общего и частного и их генезиса в познавательном процессе, мы совершиенно не имеем в виду сказать, что нами разделяются основные выводы этого философского учения и основание этих выводов. Мы полностью разделяем взгляд этой гносеологической теории лишь на генезис процесса познания и пользуемся именно ею формулировками лишь как, по нашему мнению, наиболее точными.

Известно, что изложенный взгляд на природу первоначальных представлений и их развитие присущ и другим философским теориям, и прежде всего весьма далекому от идеалистического эмпиризма (интуитивизму). О. Конту, который говорит, что „наиболее простые явления, т.е. наименее осложненные вибрации других, суть по необходимости также и наиболее общие, ибо все, что наблюдается в большинстве случаев, уже по тому самому наименее зависит от обстоятельств, присущих каждому отдельному случаю. Таким образом, чтобы изучить систематически всю естественную философию, надо начать с самых общих или самых простых явлений“ (разбивка наша. А. М.), а затем последовательно переходить к более частным или более сложным явлениям (разбивка наша. А. М. См. О. Конту. „Курс позитивной философии“, лекция 2-ая).

Как видим, О. Конт считает, что высшую ступень знания — философскую систему необходимо строить в вышеуказанном порядке развития процесса познания вообще: от „простого-общего“ к „сложному-частному“. Правда, содержание и определение двух последних понятий у О. Конта, как нам кажется, не совсем ясно. В только что приведенных словах общее и частное определяются скорее количественно („наблюдаются в большинстве случаев“). В следующих словах преобладают уже не количественные, а качественные моменты. Так как астрономические явления наиболее общи, наиболее прости и наиболее абстрактны, то очевидно, что с их изучения и должна начаться естественная философия... Во всех явлениях земной физики наблюдается прежде всего общее действие всемирного тяготения, а затем еще несколько видоизменяющих его сил, свойственные только земным явлениям; поэтому то, анализируя самое простое земное явление..., мы всегда найдем, что оно сложнее самого сложного небесного явления... Явления, рассматриваемые социальной физикой (социологией А. М.), суть наиболее частные, наиболее сложные, наиболее конкретные“, и потому их изучение в системе наук О. Конт ставит на последнем месте.

С точки зрения качественного разграничения рассматривает понятия общего и частного у О. Конта и Н. И. Кареев во „Введение в изучение социологии“ (стр. 14 и след.).

Существенным для нас является не точность содержания понятий „общее“ и „частное“, а последовательность их изучения, которая в данном случае переносится из области первичного познания в область философского знания, будучи, что особенно важно, и в том и в другом случае тождественной.

Близкую концепцию находим у Т. Рибо, указывающего в его „Эволюции общих идей“, что „ум идет от неопределенного к определенному, как только ум переживает момент восприятия и его непосредственного воспроизведения в памяти, тогда возникает родовой образ, т. е. переходное состояние между частным и общим. — смутное упрощение (перевод Спиридовона, стр. 46).

См. также Х. Зигварт. „Совершенно вопреки обычному учению об образовании общих представлений, общее, как в индивидууме, так и в языке, является раньше, нежели специальное“. (Логика. Русский перевод И. Давыдова; т. 1-й, стр. 49).

вития основных положений Счетной Науки. Человеческое сознание прежде всего познает общее, хотя бы и в форме видового, и уже потом переходит к полному уяснению всего многообразия и многогранности частного. В области хозяйственной деятельности это значит, что прежде всего наиболее отчетливо осознаются экономические феномены, являющиеся средне-общим для отдельных фактов взаимодействия хозяйствующих субъектов, и уже позднее достигается ясное осознание основы экономических отношений — хозяйственных действий индивидуумов; прежде познается «народное хозяйство» в смысле-ли «системы взаимодействующих хозяйств» или в смысле «единства» этих хозяйств, и уже потом — сингулярное единичное хозяйство. Отсюда и соответствующая постепенность в развитии хозяйственных дисциплин.

Нельзя не добавить к этому еще и чрезвычайно важного указания на то, что всякое знание требует для своего развития в качестве фундамента определенной ступени развития других, более или менее близких по объекту или по методу знаний. И чем более частным, а следовательно, и более сложным является предмет познания, тем на большем количестве данных других знаний обосновывается знание этого предмета. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе, укажем все же, что изучение единичного хозяйства опирается на логику столько же, сколько и на политическую экономию, неющую претендовать на высокую степень точности ее положений, и на математику в ее наименее разработанных отделах (теория комплекса¹⁾).

III.

Изложенное об'яснение недостаточной развитости ряда основных понятий рассматриваемого нами знания по сравнению со степенью развития таковых же в более старых отраслях знания не только не ослабляет необходимости скорейшей их разработки, а наоборот, обостряет таковую необходимость, ибо несозданный дефект может казаться нормальностью, тогда как дефект осознанный и сознается, как аномалия.

Выше указано, что к числу основных методологических вопросов в каждой науке относится вопрос о разграничении данной отрасли знания от других смежных дисциплин. По отношению к Счетной Науке это означает, как будет указано ниже, ближайшим образом, разграничение с дисциплинами экономическими.

В одинаковой мере важным является и вопрос об установлении точной терминологии для вырабатываемых и применяемых Счетной Наукой понятий. Как известно, только та совокупность суждений и понятий может быть названа системой знаний, т.-е. наукой, в которой эти суждения и понятия точно классифицированы, при чем самая классификация «должна вытекать из изучения самих классифицируемых предметов и определяться существующими между ними действительными средствами и связями» (О. Конт). В свою очередь всякая классификация и систематизация неизбежно ведет к выработке точных терминов, охватывающих одним наименованием группу однородных явлений, об'единяемых на основе их сродства и связи. Таким образом,

¹⁾ «Неделкая задача популяризировать понятие комплекса, которое устанавливается в результате всего математического анализа, потому что и простейшие результаты математического анализа, а не только конечные результаты его, не легко усваиваются... Весьма возможно, что первая попытка широкой популяризации понятия о математическом комплексе, с целью установления основных счетных понятий, и не будет особенно удалено, тем не менее таким путем мы находим все же положить начало научному обоснованию учета, а научное обоснование учета в свою очередь поведет к уяснению многих хозяйственных явлений». А. П. Рудановский. «Общая теория учета». Стр. 209—210.

основной признак научности—приведение в систему понятий и суждений относительно познаваемого Счетной Наукой об'екта требует точной терминологии, которая сама является результатом установления классов явлений и понятий и их систем¹⁾.

В области счетных знаний данный вопрос осложняется еще необходимостью приведения в согласование их терминологии с тэрмино-логией других смежных дисциплин и, в частности, с терминологией Политической Экономии. Назвав несколько трубой характеристику, данную М. Смит бухгалтерским терминам, мы все же не можем не согласиться с ней в том, что „Маркс снимается нами с полки и используется преимущественно, когда нужно прочесть доклад в марк-истском кружке или написать статью для теоретического журнала, но Маркс спокойно стоит на полочке... пока мы сидим в учреждениях и сводим наши бухгалтерские балансы или калькулируем прибыли и убытки“²⁾, или, добавим от себя, когда мы пишем статьи или книги по вопросам теории и практики учета хозяйства. Конечно, нельзя свести все счетные термины к терминам Политической Экономии. Каждая наука, каждое искусство и каждое знание имеет свою веками выработанную терминологию, быть может, одновременную с терминологией других наук, но обладающую своим внутренним, более или менее строго установленным содержанием. В области счетных знаний к таким терминам относится, в частности, термин „капитал“, с недостаточно установленным содержанием³⁾, но тем не менее во всех случаях понимаемый иначе, нежели термин „капитал“ понимается в Политической Экономии. Нельзя отказать Счетной Науке в праве влиять свое содержание в применяемые ею термины; нужно лишь совершенно ясно установить соотношение их содержания с содержанием одинаковых в звуковом отношении терминов других наук.

Нужно сказать, что установление только что указанных соотношений, т. е. соотношения между счетными дисциплинами и Политической Экономией и соотношения между их терминологией, в основном принадлежит не представителям счетных знаний. Остановимся на двух, наиболее интересных на наш взгляд попытках связать Политическую Экономию и Счетную Науку и терминологически и по существу, при чем обе эти попытки принадлежат экономистам. Мы имеем в виду прежде всего работы П. Струве. „Задача идиографического изучения хозяйственной жизни“, говорит последний, „как методическое требо-

1) Считаем невозможным, говоря о недостаточности разработки терминологии Счетной Науки, не напомнить указаний первоначала „Логики“ Х. Зигварта *И. А. Давыдова*, который в своем предисловии говорит: „По истине печальное положение философской терминологии на русском языке слишком то, оно известно, чтобы нужно было особенно распространяться об этом. Даже вполне компетентные представители русской философской мысли, не говоря уже о сомне некомпетентных, один и те же термины передают нередко различным образом. Это лишил штрих из нашей общей искульптурности...“ (разбирая книгу А. М.)

Нашим компетентным философским сферам давно пора было бы положить конец этому невозможному терминологическому разбору...

Даже такая, повидимому, вполне завершенная дисциплина, как Логика, к сожалению, не составляет в этом отношении исключения: и здесь находит тот же терминологический разбор и произвол⁴⁾.

Этих обстоятельств „общей искульптурности“ не учла М. Смит, давая вышеуказанную характеристику терминологии счетных знаний.

2) М. Смит. Эконом. основы калькуляции. 1920 г. стр. 9. См. также стр. 38.

3) *Reinvermögen + Schulden* по Prof. I. Scharr'у („Buchhaltung und Bilanz“), *Reinvermögen* по Dr. P. Gerstner'у („Bilanz-Analyse“) и пр.

То же с термином „ passiv“—*Schulden o. Aufwendung* по Gerstner'у („Bilanz—Analyse“), *Schulden + Geschäftsfordernisse* (Geschäftsbedürfnisse) по Staub'у („Kommentar zum Handelsgesetzbuch“), *Vermögensnachweise* (?) по Prof. E. Feuersteini'у („Das Ganze der Fabriks Buchhaltung“) и др.

вание—программа, до сих пор не ставилась с полной ясностью*. Между тем, „вопрос о соотношении между Политической Экономией и Бухгалтерией (производящий идиографическое изучение хозяйственной жизни А. М.)... есть предварительный методологический вопрос всей эмпирической Политической Экономии и должен быть поставлен с полной ясностью. Без регистрации всех реализованных цен невозможно цифровое установление успешности предприятий... Между тем при условии такой регистрации возможны все интересующие экономиста выводы, выходящие за пределы бухгалтерии и тех задач, которые ей ставит право и практические надобности частного хозяйства. Только... обработка первичных данных критически построенной и критически осуществляющей бухгалтерии может дать ответы на целый ряд вопросов, которые ставила себе Политическая Экономия и которые она пыталась разрешить „дедуктивно“. В частности, только таким путем разрешима проблема учета доходов отдельных хозяйств и тем самым может быть разрешено то, что составляет реальное содержание проблемы распределения“ (курсив автора)¹).

Попытку установления частной, терминологической и по содержанию, связи между Политэкономией и Счетной Наукой находим у К. Реннера в „Теории капиталистического хозяйства“, где он дает экономическую интерпретацию счетных понятий „баланс“, „актив“, „пассив“. Перевод на язык Политической Экономии термины Счетной Науки. Реннер говорит, что „баланс есть не иное, как уравнение $D = D + \Delta$ в его развернутом виде“ где $D + \Delta$ есть пассив, а $D - T - \Delta$ (С.П. — П — Т, — Д, — актив²)

IV.

Чрезвычайно важным методологическим вопросом счетных дисциплин является вопрос о природе связи между хозяйственными явлениями. Правда, по своей сущности он заходит за грани понятий Счетной Науки; однако и последняя не может нормально развиваться без его разрешения. В самом деле, в зависимости от того, будем ли мы рассматривать эту связь, как причинную, или как функциональную, или, наконец, как связь сопряженности (комплексная), будет находиться и применение Счетной Науки тех или иных методов исчисления хозяйственных явлений. Среди теоретиков Счетной Науки мы найдем представителей и первой (Л. Гомберг), и второй (Сиверс и большинство русских авторов), и третьей (Рудановский) точек зрения.

В настоящей работе по самому ее характеру и назначению мы не можем поставить себе задачей ни перечисление всех методологических

¹⁾ П. Струве. „Хозяйство и цена. Критическое исследование по теории и истории хозяйственной жизни“. Часть II-я, выпуск 1-й, глава 4-я „Идиография хозяйственной жизни, как методическое требование и научная программа (политическая экономия и бухгалтерия)“.

Интересно отметить, что указывая сам и приводя мнение других о „грубости опытных бухгалтерских приемов“, П. Струве в то же время приходит и объяснение этому факту, которое не могло бы быть лучше формулировано и представителями Счетной Науки. Часто встречающееся указание на истинность частно-хозяйственной бухгалтерии и калькуляции, на то, как много в ней условного и произвольного, а потому иенаучного, не могут подорвать этого вывода (о счетных данных, как основе для решения вопросов политической экономии. А. М.) Когда делают (ти) указания, то забывают или, вернее, не задумываются над тем, что сама бухгалтерия состоит из: 1) первичного материала, непрерывность которого может восходить только к обману или самообману, что может быть присуще *всякой* (курсив автора) регистрации, 2) из известной обработки и группировки этого материала, который принципиально всегда и практически часто может быть отмежеван от первичного материала“ „Хозяйство и цена“, Ч. II-я, вып. 1-й, стр. 86-87.

²⁾ К. Реннер. „Теория капиталистического хозяйства. Марксизм и проблема социализации“. Русский перевод Г. Германнса с предисловием Спектатора. Стр. 79-81.

Не имея возможности в данном случае упомянуть в весьма интересное исследо-

вопросов Счетной Науки, ни тем менее их разработку. Мы должны ограничиться лишь указанием на необходимость срочной их разработки, для чего весьма кратко выше остановились на некоторых из них, дав общее обоснование настоящего положения этого вопроса. В то же время нашей задачей является наметить основные вехи такой разработки, для чего мы считаем возможным и достаточным более подробно остановиться лишь на одном из важнейших методологических вопросов, — на вопросе о природе Счетной Науки, об'екте ее познания и ее месте среди других научных дисциплин.

Что же мы должны понимать под Счетной Наукой?

V.

Хозяйственные явления, отличающиеся от явлений естественно-технического порядка присущей им социальной обусловленностью и субъективно целесообразностью, могут быть и должны быть изучаемы с двух точек зрения, вытекающих из их природы.

Прежде всего, в хозяйственном есть сторона, обращенная к внешней природе, есть целевое отношение человека к вещи, возникающее на почве удовлетворения его материальных потребностей, есть производственное начало. С другой стороны, поскольку хозяйственная деятельность индивидуума развивается в условиях социальных связей, постольку хозяйственное переходит, в экономическое, в совокупность взаимоотношений хозяйствующих субъектов, каковые взаимоотношения развиваются и оформляются, будучи обуславливаемы формами производственного начала. Наряду с явлениями производства и потребления вырастают отношения распределения и обмена, при чем самые явления производства и потребления из индивидуальных и субъективных явлений, из простых хозяйственных актов пределах единичного хозяйства превращаются в социальные проблемы, становятся в пределах социального целого категориями экономическими. Экономические категории представляют собой лишь теоретические отвлеченные выражения общественных отношений производства. Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свои способы производства, а изменения свои способы производства, способы обеспечения своей жизни, — они изменяют все свои общественные отношения¹⁾). При этом, зависимость между производительными силами и общественными отношениями, между хозяйственным отношением индивидуума к вещи и общественно-производственными отношениями к другим индивидуумам является и мыслится, как эмпирическая и логическая, как двухсторонняя взаимообусловленность. Производство создает предметы, соответствующие потребностям, распределение распределяет их согласно общественным законам, обмен распределяет снова уже распределенное согласно отдельным потребностям; наконец, и потребление продукт выступает из общественной циркуляции и становится непосредственно предметом и слугой отдельной потребности и удовлетворяет ее в процессе использования. Производство, распределение, обмен, потребление образуют, таким образом, настоящее логическое единство, образуют собою

написание об экономической интерпретации понятий и терминологии Счетной Науки, мы отдаляем интересующихся к китайскому первоисточнику, а тем самым и к его оригиналу — Шму тому «Капитала» Карла Маркса, о котором вместе с К. Ренинером должны сказать, что «учение Карла Маркса об обращении является единственным научным анализом баланса» и основой для экономической переработки понятий Счетной Науки.

¹⁾ К. Маркс. «Листета философии». Перев. В. Засулич под редакц. Г. В. Плеха. Москва 1906 г. стр. 78—79.

части целого, различия внутри единства. (Курсив везде наш. А. М.) Система распределения вполне определяется системой производства. Распределение само есть продукт производства не только в отношении предмета, ибо распределяться могут только результаты производства,—но и в отношении формы, ибо определенный способ участия в производстве определяет особую форму распределения¹⁾). Однако исторические факты свидетельствуют, что имеют место случаи, когда распределение является не как нечто зависящее от производства, но наоборот, производство расщепляется и определяется благодаря распределению. Определенная форма производства обуславливает определенные формы потребления, распределения и обмена и определенные отношения этих различных моментов друг к другу. Конечно, и производство в его односторонней форме, с своей стороны, определяется другими моментами (курсив наш. А. М.), напр., когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возрастают размеры производства, становится глубже его дифференциация. С изменением распределения изменяется производство, например, с концентрацией капитала, с различным распределением населения между городом и деревней и т. д.

Наконец, запросы потребления определяют производство. Между различными моментами происходит взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом.²⁾

Таким образом, в пределах хозяйства и хозяйственного тесно между собою переплетаются и взаимно исторически, функционально и логически обуславливаются хозяйственные действия отдельных индивидуумов (производство в его „односторонней“ форме и потребление) и система их производственных взаимоотношений (распределение и обмен.)

Формулированная с неоставляющей сомнений ясностью в цитированной работе К. Марксом,³⁾ связывающим неразрывными узами хозяйственную деятельность отдельного хозяйствующего индивидуума (единичного или коллективного) с общественными (экономическими) отношениями, эта точка зрения свойственна в той или иной форме и большинству экономистов других школ.

Устанавливая в качестве об'екта хозяйственной деятельности, „общего предмета человеческих желаний“ богатство, классики (Wealth of Nations.—A. Smith, Милль) и их продолжатели характеризуют богатство на ряду с понятиями полезности, материальности, способности сохраняться (Милль), возникновения в результате затраты усилий, также и понятиями меновой ценности (Милль), присвоемости, (Кларк) об'екте частной собственности (Маршалл), т. е. в их определениях индивидуальное (полезность) связывается с экономическими (ценность). Да и самая полезность, по замечанию проф. Р. Орженецкого, „не есть физическое свойство вещи; это есть физическое свойство по отношению к человеку; понятием полезности человек впервые входит в круг экономического явления, и в этом именно заключается сознаваемая или несознаваемая причина, почему этот признак в той или иной степени, но всегда и всеми признавался необходимой составной частью

1) К. Маркс. „Введение к критике политической экономии“.

2) К. Маркс. „Введение к критике политической экономии“.

3) Из экономистов-марксистов см. Н. Бухарина. „Индивидуальные акты и общественные явления генетически (курсив автора) связаны друг с другом ближайшим образом.. Мы имеем различные ряды явлений индивидуального характера и слагающиеся из них ряды явлений общественного характера; несомненно, что имеются некоторые закономерности как между этими двумя категориями (индивидуального и социального характера), так и между различными рядами одной категории.“ Политическая экономия рантье, стр. 36—37.

экономического явления. Однако, полезность есть только отношение вещи к человеку; понятие же экономического должно заключать больше; оно должно заключать в себе и отношение человека к вещи.¹⁾

Определяя хозяйственную деятельность моментом цели, к какой относится удовлетворение человеческих потребностей вообще или удовлетворение только материальных потребностей (Дитцель, Туган-Барановский, Зелигман, Чупров и др.), указанием ее объекта—внешний мир вообще (Туган-Барановский), только сфера материальных вещей (Шёнберг, Шмидлер, Железнов), сфера несвободных и недаровых благ (Леруа-Болье, Железнов), сфера вещей, способных быть предметом обмена (Кейнс), указанием метода достижения цели—экономического принципа (Чупров, Исаев), указанная группа экономистов, преимущественно индивидуально-психологического направления и электиков, также устанавливает, что „хозяйственная деятельность прежде всего—явление общественное“ (Зелигман), что мотивы действий индивидуумов являются исходным пунктом объяснения социальных законов (Бем-Банкер), что индивидуально-экономические исследования являются „вспомогательными средствами, предварительной ступенью“ политico-экономических исследований (Железнов), что „в результате взаимного влияния целесообразных действий многих людей, преследующих независимо друг от друга свои особые цели, возникают результаты, совершенно независимые от воли каждого отдельного человека и не входящие в область его целей“ (Туган-Барановский), что „особенный научный интерес представляют еще (т.е. кроме способных удовлетворять потребности А. М.) те блага, которые... обединяются в особую категорию благ, под названием *отношений*“ (К. Менгер), что хозяйство определяется „и меновыми связями одного лица или нескольких совместно живущих лиц“ (Шмидлер) и т. д. Следовательно, и в данном случае двухсторонность хозяйственного, несколько затушевываемая фиксированием внимания в первую очередь на сфере индивидуальных мотивов и действий²⁾, выступает совершенно ясно, когда теоретическая мысль подходит к установлению на основе индивидуального поведения типичных явлений, „точных законов“ (К. Менгер), вытекающих из этого поведения.

Если, таким образом, почти всеми экономистами теоретиками в хозяйственном устанавливается наличие узко-индивидуального—деятельности, направленной на внешний мир с целью обеспечения жизни, и наличие меж-индивидуального,—связей и отношений отдельных индивидуумов, то и изучение хозяйственного возможно с двух точек зрения: с точки зрения изучения явлений хозяйствования и с точки зрения изучения закономерностей, возникающих из социально-экономических связей и отношений хозяйствующих субъектов.

Общепризнано, что явления социально-экономических связей и вытекающие отсюда экономические законы изучаются специальной наукой—политической экономией, и что область последней—это область общественного хозяйства, обстрагированного от хозяйствования отдельных индивидуумов, так же, как норма поведения (юридическая норма) обстрагируется от конкретного поведения отдельных индивидуумов и обосновывает последнее.

1) Р. Орженецкий „Учение об экономическом явлении“ Одесса, 1923 г. стр. 13. Курсив наш.

2) „Изучение типических черт единичных хозяйств, изучение состава хозяйства, знакомство с главными явлениями, происходящими среди них, и с основными разновидностями этих хозяйств, в пространстве и времени, составляет ближайшее содержание политической экономии.“ А. И. Чупров. Политическая экономия. Изд. 1902.

Но бесспорно также и то, что экономические законы проявляются в отдельных конкретных хозяйствах, обуславливая то или иное конкретное направление их развития, определяя собой их формы и бытие, и с другой стороны, что источником, материалом для экономических законов, или, пользуясь терминологией Амонна, об'ектом исследования, позволяющим построить логическое единство проблем относительно предмета познания теоретической экономики, является отдельное, единичное хозяйство. При этом под последним подразумевается не просто совокупность хозяйственной деятельности, но совокупность личных и материальных средств, об'единяемых определенной хозяйственной целью или целями, совокупность, построенная нормально на основе экономического принципа и в своей деятельности обуславливаемая экономическими законами. Это есть „культурное единство и внешнее целое“, „совокупность приспособлений и учреждений, служащих хозяйственной деятельности, вместе с результатами последней“.¹⁾

И если общие законы хозяйственной деятельности, возникающие в результате того, что она осуществляется в социальной среде и потому является гетерогенною, изучаются специальной научной дисциплиной, имеющей своим предметом познания только экономическое отношение, то вторая, а генетически первичная, сторона этой деятельности, являющейся сферой отражения и осуществления, сферой „воплощения“ этих законов, сторона, непосредственно обращенная к внешнему миру вещей, являющаяся отношением человека к вещи, должна быть изучаема, очевидно, вполне самостоятельно, вне пределов политической экономии, хотя и в тесной связи с последней. Эта отрасль научного знания, изучающая единичное хозяйство (предприятие) в качестве совокупности надлежаще организованных с целью осуществления того или иного вида хозяйственной деятельности личных и материальных средств, а равно изучающая и процессы происходящие в этом телесогласном единстве, получает становящееся общепризнанным наименование „Учения о Единичном Хозяйстве“ (Privatwirtschaftslehre, Betriebslehre).

Возникшее, согласно вышеустановленному закону развития процесса познания, тогда, когда уже завершился процесс выработки системы основных понятий об общественном (народном) хозяйстве (Политэкономия), развертывающееся лишь в настоящее время до значения специальной науки со своим об'ектом и методами познания, со своей конечной целью—построения научной теории хозяйствования (Р. Зейфферл), разрабатываемое как специальными представителями этого учения, так и представителями политической экономии (М. Веймар и Г. Шенкитц—„Основы и систематика учения о частном хозяйстве, как науки“, Р. Либман „О предмете и систематике учения о единичном хозяйстве“),—Учение о Единичном Хозяйстве тем не менее в области усвоения об'екта исследования имеет уже свою историю. Так, еще А. Вагнер определял задачи частной экономики, как исследование экономических явлений с точки зрения единичного хозяйства и его экономических целесустримлений, отделяя частную экономику от политической экономии, предметом которой служат не просто хозяйственные явления, но хозяйственные явления, образующие в их совокупности и взаимодействии народное хозяйство и рассматриваемые в этой их особенности; одновременно им дана и классификация единичных хозяйств, с подразделением их на 2 группы—по личности хозяйствующего субъекта и по целям хозяйства.

По сонершенно справедливому замечанию Ф. Листа, классическая

¹⁾ М. И. Турган-Барановский. Основы Политической Экономии. 5-е изд., стр. 15-я

политическая экономия („Школа“), строя здание экономической науки на принципе полной свободы индивидуального хозяйственного по ведения, на совпадении частных и общественных интересов, смешала „принципы частной экономии с принципами хозяйственной экономии“¹⁾) Особенно ясно это сказывается у Т. Купера, заявляющего, что „политическая экономия почти тоже самое, что и частная экономия всех индивидуумов; политика не составляет какой либо существенной особенности политической экономии; нелепо было бы думать, что общество есть нечто совершенно иное, нежели индивидуумы, из которых оно состоит“²⁾.)

Мы отнюдь не желаем и не можем сказать, что классики, равно, как и их предшественники, меркантисты и физиократы, разработали проблемы учения о единичном хозяйстве. Указанной ссылкой мы подчеркиваем лишь то обстоятельство, что единичное (синтетическое) хозяйство уже давно являлось предметом внимания и первичных попыток систематического его изучения. Однако, время для детального и углубленного изучения этого хозяйства еще не пришло, ибо коллективное общественное восприятие и сознание в течение ряда столетий (16-й—19-й в. в., в зависимости от времени зарождения и темпа роста идеи современного государства в различных странах) было сосредоточено на социальном явлении средней общности—на идее организации национального государства, борющегося за самостоятельное существование и развитие. Перед грандиозностью этой задачи стущевывались интересы единичного хозяйствующего субъекта.

Тем не менее, экономическая мысль не могла уйти от последнего, как от своей почвы, и чем выше поднимались теоретические обобщения экономистов-социологов, тем ощущительнее становилась необходимость изучения отдельных элементов хозяйственного целого, тем яснее сознавалось, что только надлежащая организация первичной ячейки социального целого—единичного хозяйства и нормальное течение проходящих в нем процессов обуславливают нормальное развитие всего экономического целого.)

Таким образом, изложенное выше позволяет сказать, что наличие в сфере хозяйственных явлений момента субъективно-целесообразных отношений человека к внешнему миру, имеющих целью поддержание жизни и нуждающихся для своего внешнего проявления и достижения указанной цели в надлежащей организации материальных и личных средств (хозяйство, предприятие) ставит в качестве самостоятельной научной проблемы проблему рационального хозяйствования, проблему изучения единичного хозяйства с точки зрения изучения

1) Ф. Лист. Национальная система политической экономии. Перевод под редакцией Д. В. Трубникова 1891 г. стр. 212.

2) „Lectures on political Economy by Thomas Cooper“ Цитирую по Ф. Листу.

3) Наши положения не противоречат то обстоятельство, что первичным содер-жанием „экономики“ было изучение отдельного хозяйства—объекта у греков и хозяйства государя у коммерцистов. Греческая „экономия“ развивалась уже тогда, когда в достаточной мере было развито учение о государстве; потому-то „экономика“ и мыслится Аристотелем в непрерывной связи с „хрематистикой“ (учение об обмене). При этом, греческие философы, в трудах которых мы находим экономические идеи „думали больше об обществе или государстве, чем об индивидууме, и можно сказать, что, и общем, афинские философы ставили во главу угла солидарность общества. Они не закры-вали глаза на интересы индивидуума, но всегда индивидуум был прежде всего гражда-нином“. (Л. Хенед. „История экономических учений“ III. Жида и Ш. Риста. Перев. Серожникова и Розенфельда под ред. проф. В. Тотоминца). Как у древних, включая римских *scriptores de rerum publicarum*, так и у коммерцистов описываемое ими хозяйство было тем средне-общим представлением, которое соответствовало экономическим условиям эпохи и степени раз-вития их мышления.

происходящих в нем процессов (динамика хозяйства) и с точки зрения его организационных и функциональных форм (статистика хозяйства) с оценкой их на основе принципа экономической целесообразности. Эти задачи и являются содержанием „Учения о единичном хозяйстве“.

Мы не имеем возможности и необходимости в данное время останавливаться на вопросах методологии указанной науки, равно как и на вопросе о том, является ли данная наука самостоятельной или логической испомогательной дисциплиной для других социальных дисциплин и прежде всего политической экономии, или, наконец, чисто случайной испомогательной дисциплиной.¹⁾ Для наших дальнейших целей будет достаточна лишь некоторая конкретизация указанных выше целей этой науки.

Совершающиеся в пределах единичного хозяйства (предприятия) хозяйственные процессы, его динамика, в их развитии обуславливаются обще-экономическими законами, протекают на основе последних и в определяемых ими формах. Однако, одно голое констатирование этого обстоятельства и исследование на его основе процессов единичного хозяйства является недостаточным. В приложении к конкретному указанным законам сами конкретизируются, наполняются конкретным содержанием и если не видоизменяются, то во всяком случае получают некоторое уточнение, как бы дополняются. В отношении экономических законов это тем более возможно, что они сами являются не вечными категориями, а категориями историческими, лишь проявляющимися в данное время в вечных феноменах-единичных хозяйствах (понимая вечное не в абсолютном смысле, но лишь в пределах истории человека). Для иллюстрации возьмем закон обращения, выражаемый формулой Т-Д-Т. В его абстрактном значении этот закон выражает лишь последовательность метаморфоз капитала в условиях товарного (капиталистического) хозяйства, действующих сменять одна другую в динамическом процессе развития единичного хозяйства. Но в конкретном воплощении этот закон принимает форму Т...Д...Д...Т..., так как указанные метаморфозы совершаются не мгновенно, а разделяются во времени. Социально-экономическая значимость этого закона осложняется в его конкретном применении совершенно объективным, техническим моментом времени. Для точного уяснения происходящих в единичном хозяйстве процессов необходимо изучить влияние этого нового фактора, стоящего вне сферы экономических отношений и потому не входящего в область исследований политической экономии.

Отрезки времени между Т...Д и Д...Т, между превращением товаров в деньги и денег в товары (беря процесс обращения в широком смысле) могут быть равны или неравны между собою, могут быть при равенстве и неравенстве более длинными и более короткими. Отражаются ли эти обстоятельства каким-либо образом на проходящих в единичном хозяйстве процессах, на его функциях и внутренней структуре?

Рассмотрим отдельно возможные положения.

I. $T \ldots D + D \ldots T$ — Constant.

I. $T \ldots D = D \ldots T$. Очевидно, что в этом случае в пределах единичного хозяйства должно сохраняться то равновесие между его элементами, которое в нем установилось под влиянием тех или иных

1) А. Амонн: „Предмет и основные понятия теоретической политической экономии“ в сборнике „Политическая экономия“. Основные проблемы в избранных отрывках „Предмет и метод“. Сост. пр. С. И. Солнцевым в 1925 г. стр. 221.

причин. Товары в определенные промежутки времени заменяются равной им ценностью в денежной форме; последняя вновь замещается равнозначностью в товарной форме. Процесс происходит таким образом, что ни одна его фаза не задерживает развитие другой. Принимая установленвшееся взаимоотношение между элементами хозяйства за оптимальное, мы можем сказать, что хозяйство находится в состоянии оптимального равновесия.

2. $T \dots D < D \dots T$. Первая фаза процесса—превращение товара в деньги требует меньше времени, совершается быстрее второй фазы—превращения денег в товары. Это значит, что в определенный отрезок времени будет продано товаров больше, нежели их будет куплено. Очевидно, в этом случае произойдет смещение установившегося в хозяйстве оптимального равновесия его элементов в сторону увеличения капитала в денежной форме и уменьшения капитала в товарной форме. Если этот процесс будет длительным и равновесие не будет восстановлено путем ускорения фазы $D \dots T$ (покупка товаров), хозяйство постепенно будет уменьшать свой функционирующий оборотный капитал, а тем самым уменьшать свою долю участия в ΔD , принимая последнее в общественном масштабе, (народном, национальном, мировом, — в зависимости от хозяйства). Следствием этого должно явиться уменьшение его способности в конкурентной борьбе со всеми дальнейшими неблагоприятными последствиями.

3. $T \dots D > D \dots T$. Отрезок времени, потребный для превращения денег в товар, меньше отрезка времени, необходимого для превращения товаров в деньги, время, необходимое для сбыта товаров, продолжительнее времени их заготовки. Очевидно, в этом случае также произойдет смещение оптимального равновесия в пределах хозяйства, но уже в сторону увеличения капитала в товарной форме. Если при этом для хозяйства представляется возможным избегнуть приостановки темпа развития его процессов путем получения добавочного капитала в денежной форме (кредит), капитал в товарной форме будет расти в своей величине. При условии стабильности общего об'ема хозяйства должен сократиться темп его процессов (быстрота оборотов), должен, следовательно, сократиться и процесс накопления, уменьшиться доля участия в общественном ΔD или ΔT . В конце концов в пределах хозяйства установится некоторое новое равновесие элементов, соответствующее новым условиям его деятельности, и если эти условия являются общими для всех других хозяйств, вновь установленвшееся равновесие будет оптимальным; в противном случае позиции хозяйства в конкурентной борьбе вновь окажутся ослабленными по сравнению с позициями других хозяйств, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Усложнение исследования и беря полную формулу круговорота капитала— $D \dots T \left(\frac{P}{C \Pi} \right) \dots Pr \dots T' (T+t) \dots D' (D-d)$, или в несколько упрощенной и видоизмененной форме— $T \dots D \dots T \left(\frac{P}{C \Pi} \right) \dots Pr \dots T$ мы при анализе первых двух фаз с точки зрения представляемых ими отрезков времени придем к тем же выводам, усложненным лишь влиянием изменения равновесия элементов хозяйства на его производственные процессы, на об'ем и быстроту последних.

Если $T \dots D = D \dots T \left(\frac{P}{C \Pi} \right)$, производство идет нормально, превращение товарной формы капитала в денежную и этой последней в производственную не задерживается, взаимоотношение между фор-

мами капитала и элементами хозяйства находится в состоянии оптимального равновесия.

В случае, когда $T \dots D < D \dots T$ ($\frac{P}{CPI}$), т. е. когда превращение товара в деньги происходит быстрее превращения денег в элементы производственного капитала, денежный капитал окажется в излишке, равнение между элементами хозяйства нарушится. Если излишек денег образовался не вследствие случайных причин, а является результатом изменения в условиях рынка для данной продукции или для элементов производственного капитала, — этот денежный излишек вообще будет вытолкнут из оборотных капиталов данного хозяйства и превратится или в ссудный капитал или в основной капитал с целью расширения производства.

При условии, если $T \dots D > D \dots T$ ($\frac{P}{CPI}$), т. е. если время, необходимое для превращения капитала из товарной формы в денежную, больше времени, необходимого для превращения его из денежной формы в элементы производственной формы, если сбыт продукции по тем или иным причинам задерживается, результатом будет уменьшение объема и темпа производства и накопление запасов в форме товарного капитала.

Реальный хозяйственный оборот на каждом шагу дает нам конкретные иллюстрации изложенных схем. Мы имеем или так называемый "товарный голод", когда период обращения короче периода производства, когда $T \dots D < D \dots T$ ($\frac{P}{CPI}$) ... Пр. ... Т, или явление затоваривания, когда время необходимое для превращения капитала из товарной формы в денежную продолжительнее времени потребного для превращения денежной формы в производственную и пребывания в последней.

Конкретный пример: №-й Государственный Трест. Сводный баланс Треста на 1-Х-25 г. показывает по статье "товары и готовые изделия" — 87.398.810 р. 58 к.; на 1-Х-26 г.; та же статья возрастает до 173.011.264 р. 52 к.; средний годовой остаток товаров и готовых изделий на основе этих цифр равен 130.205.038 р. Средний годовой остаток ценностей в производстве определился по тому же методу в 117.570.587 р. Обращаясь к динамике Треста за год, находим, что сумма выпущенной продукции — 952.321.755 р. 50 к., сумма проданной продукции — 866.709.301 р. 56 к. Таким образом, фаза $D \dots T$ ($\frac{P}{CPI}$) ... Пр. ... Т, требовала для ся завершения 45-ти дней, а фаза $T \dots D$ — 55 дней. Отсюда отрост товаров данного хозяйства на 85.612.453 р. 94 к. или на 98%, который показан во втором его балансе. К каким последствиям это обстоятельство приводит в данном хозяйстве и в других хозяйствах будет указано ниже.

II. $T \dots D$ \neq $D \dots T$ \neq Constant.

Здесь так же возможны три случая.

1. $T \dots D$ и $D \dots T$ равномерно возрастают. В этом случае удлиняется весь процесс кругооборота капитала в данном предприятии, но соотношение между двумя фазами не меняется, продолжительность каждой из них сохраняет значение оптимальной величины; не меняется, вследствие этого, и соотношение между величинами отдельных форм капиталов, сохраняя гипотетически оптимальное их равновесие.

Однако, общее экономическое положение данного хозяйства в этом случае может измениться, а именно ухудшиться, если указан-

ный процесс удлинения круговорота его капиталов не вызывается причинами, лежащими в общеэкономических условиях и не сопутствует таким же процессам в других хозяйствах. При наличии же этого последнего условия рассматриваемый процесс для данного хозяйства относительно, т.е. в отношении его места среди других хозяйств, безразличен, принимает характер не индивидуально-хозяйственный, а общественно-экономический и подлежит изучению не в пределах „Учения о единичном хозяйстве“, а в пределах или теоретической или прикладной экономики. Лишь после проработки его с точки зрения социально-экономических связей и отношений установленные указанными науками общие положения или законы могут в качестве императивных и извне данных положений войти в „Учение о единичном хозяйстве“, как исходный пункт исследования процессов этого хозяйства.

2. $T \dots D \dots T$ равномерно уменьшаются. Сокращается, следовательно, время процесса круговорота капитала. Последствия для данного хозяйства будут те же, что и в предыдущем случае.

3. $T \dots D \dots T$ изменяются, но не равномерно. При этом возможны следующие варианты:

а) $T \dots D \dots T$ увеличиваются, но темп наростания $T \dots D$ быстрее темпа наростания $D \dots T$, т.е. $T \dots D$ становится больше $D \dots T$.

б) $T \dots D \dots T$ уменьшаются, но быстрота сокращения $T \dots D$ меньше быстроты сокращения $D \dots T$, т.е. опять $T \dots D$ становится больше $D \dots T$.

В обоих этих случаях наступят последствия, указанные в п. п. 1 и 2 схемы II-й в соединении с последствиями, указанными в п. 3-м схемы I-й, т.е. в части равномерного увеличения или сокращения периода кругооборота капитала, установившиеся в хозяйстве равновесие элементов не изменится; постепенное же наростание $T \dots D$ по сравнению с $D \dots T$ должно будет вызвать наростание капитала в товарной форме со всеми отрицательными для хозяйства (предприятия) и для всего общественного хозяйства последствиями.

в) $T \dots D \dots T$ увеличиваются, но темп наростания $T \dots D$ меньше темпа наростания $D \dots T$, т.е. $D \dots T$ постепенно увеличивается по сравнению с $T \dots D$.

г) $T \dots D \dots T$ уменьшаются, но темп уменьшения $T \dots D$ интенсивнее темпа уменьшения $D \dots T$, и последняя фаза опять становится продолжительнее первой.

В этих случаях наступят последствия, указанные в п. п. 1 и 2 схемы II-й в соединении с последствиями п. 2-го схемы I-й, т.е. в конечном результате смещение в равновесии элементов хозяйства в сторону роста капитала в денежной форме.

Такова схема исследования динамики единичного хозяйства на основе абстрактных законов теоретической экономии. Как ясно из изложенного, работа по исследованию единичного хозяйства начинается там, где кончается работа представителя теоретической экономии и, наоборот, кончается там, где начинается работа последнего. Исследование единичного хозяйства и его процессов на основе общих закономерностей и установление фактов отклонений от них—задача „Учения о единичном хозяйстве“. Обобщение явлений единичного хозяйства, установление типичного в них, изучение отклонений от типичного и установление закономерности этих отклонений, проверка и ревизия на их основе экономических законов и обобщений—дело теоретической и прикладной экономики.

Конечно, приведенный анализ процессов единичного хозяйства не является исчерпывающим. Он дает лишь схему и указывает методы исследования. По такой же схеме могут быть исследованы процессы обращения той части товарной формы капитала, которая помещена временно данным хозяйством в других хозяйствах (по балансовой терминологии—дебеторы, векселя и пр.) с точки зрения ее абсолютной величины, характера и формы изменений и связи последних с изменениями прочих форм капитала; процессы обращения чужих товарных и ссудных капиталов в данном хозяйстве и связь этих процессов с другими процессами хозяйства; процессы обращения ценностей внутри данного хозяйства (внутрихозяйственное распределение и потребление) и пр.

Однако, исследование единичного хозяйства не может ограничиться исследованием его процессов в рамках общих норм. Помимо общих норм и законов есть частные нормы, являющиеся уточнением общих норм в условиях конкретной действительности. Например, падающее на землю тело уклоняется в своем движении от линии земного радиуса, причем это уклонение возрастает по мере удаления от полюсов.

Тем более это приспособление к конкретной среде может и должно иметь место в области социальных и в частности экономических законов, вообще характеризующихся условностью в отношении места и времени и осуществляющихся в их чистом виде большей частью при предпосылке *ceteris paribus*. В сфере экономических исследований недостаточно установить закон, которому должны подчиняться частные экономические явления; необходимо установить, при каких условиях эти процессы в рамках закона развиваются оптимально, наилучшим образом.

В частности, при исследовании процессов круговорота капитала в пределах единичного хозяйства, развивающегося в указанном выше порядке чередования отдельных форм капитала, необходимо установить не только соотношение отрезков времени, потребного для перехода капиталов из одной формы в другую, но также и нормальный период как для всего кругооборота капитала, так и для завершения отдельных его фаз, нормальный в пределах общей совокупности данных условий среды, в которых осуществляется динамика хозяйства (предприятия). Нормальный периодом кругооборота капитала в целом, а равно процесса обращения и процесса производства будет период, средний для данного «вида» хозяйства (предприятий), работающих в данной естественной и социальной среде, при данном уровне развития техники, период, позволяющий хозяйству дать среднюю эффективность (продуктовую и ценностную). Этот средний период может быть получен в свою очередь лишь путем массовых наблюдений, путем изучения большого количества хозяйств определенной группы или определенных групп.

Таким образом, для учения о единичном хозяйстве возникает новая задача установления нормальных показателей для отдельных хозяйственных процессов и квалификации процессов каждого единичного хозяйства с точки зрения установленных норм. Уклонения от нормы в сторону сокращения периодов круговорота капитала в целом и отдельных его фаз, в сторону получения наибольшей хозяйственной эффективности, будут оптимальными периодами; уклонения в обратную сторону—периодами с отрицательными показателями.

Далее, выше при исследовании отдельных фаз круговорота капитала указывалось, что то или иное изменение длительности фаз вызывает изменения в установившемся равновесии элементов единич-

ного хозяйства. Это равновесие мы принимали за оптимальное равновесие. Присмотримся сейчас ближе к этому кругу понятий.

Как указано выше, одним из конститутивных признаков единичного хозяйства является соответствующим образом организованная совокупность предметов внешнего мира (вещей и сил природы) являющаяся об'ектом деятельности хозяйствующего суб'екта с целью поддержания его жизни. Принцип рационального хозяйствования требует, чтобы имеющиеся в распоряжении данного единичного хозяйства (предприятия) орудия и об'екты его производственной деятельности прилагались с максимальным эффектом, с максимальным использованием их производственной способности. Конкретно это значит, что в каждом отдельном случае, при исследовании каждого единичного хозяйства необходимо установить, находятся ли производственные элементы исследуемого хозяйства (капиталы основной и оборотный и отдельных формах) в надлежащих количественных соотношениях, соответствующих суб'ективным, — зависящим от функциональных особенностей этого хозяйства, и об'ективным, — вне воли данного хозяйства лежащим (естественным, конъюнктурным и пр.) условиям. При этом, количественные величины производственных элементов понимаются, как производные двух факторов — отвлеченного количества (затраченный капитал) и степени хозяйственного их использования оборота.¹⁾

В частности, говоря терминами К. Маркса, в единичном хозяйстве в каждый данный момент величина оборотного капитала в денежной форме должна быть равна величине подлежащего затрате капитала, ибо, если первая величина будет меньше второй, то рабочий период не будет обеспечен переменным оборотным капиталом, и тогда, или хозяйство должно будет озабочиваться привлечением дополнительных капиталов в денежной форме, или должен будет прерваться процесс производства. Если первая величина будет больше второй, то окажется неиспользованной производительно часть находящегося в распоряжении данного единичного хозяйства капитала в денежной форме, если, конечно, эта часть не является видоизмененной формой основного капитала, накапливающегося в виде денежного резерва и временно становящейся (нормально) сужаемым капиталом. За исключением последнего случая излишек капитала в денежной форме, не зависимо от того, является ли он в руках данного хозяйства сокровищем или превращается в ссудный капитал, указывает на непропорциональность в соотношении отдельных материальных элементов хозяйства, на относительную недостаточность основного капитала или на неполное его использование.

То же самое можно сказать и в том случае, если в пределах данного единичного хозяйства окажется в избытке или в недостаточном количестве постоянный оборотный капитал, ибо и этот случай указывает на диспропорцию в соотношении между основным капиталом с одной стороны и оборотным капиталом — с другой, на недостаточность или неполное использование первого или же его избытка.

Дезорганизующим образом влияет на развитие данного единичного хозяйства и избыток капитала в товарной форме. Мы практически, из хозяйственного опыта знаем, что излишнее скопление товаров на складах хозяйства означает или экономическую неорганизованность его хозяйственной деятельности (существенно — производства и сбыта) или сознательную дезорганизацию со стороны единичного хозяйства общекономических процессов (уменьшение предложения с целью спекуляции).

1) К. Маркс. Капитал Т. II-й. Изд. 1885 г., стр. 221 и сл.

Во всех указанных случаях производственные процессы данного единичного хозяйства не получают развития в соответствии с общей массой его капиталов. При этом, поскольку единичное хозяйство является функциональным (в отличие от механического) элементом экономического целого, поскольку ненормальности в его пределах влияют отрицательно и на другие единичные хозяйства, приобретают, так сказать, характер социальной ненормальности.

Поясним это конкретными примерами из практики советских единичных хозяйств.

Оборот уже рассматривавшегося выше №-ого треста за 2-й год был равен:

По материалам и сырью . . . 231.986.286.98

По готовым изделиям . . . 952.321.765.50

По кассе 62.661.312.—

При средних годовых величинах затраченных капиталов:

По материалам и сырью . . . 73.181.794.—

По готовым изделиям . . . 130.205.038.—

По кассе 5.221.776.—

Следовательно, оборачиваемость первой формы капитала за год была равна 3,17 раза второй—7,3 раза и третьей 12 раз. Таким образом, трест имел запасов материалов на 3 м. и 25 дней, товары на складе лежали в среднем 50 дней и каждый рубль в кассе—30 дней. Нельзя не признать все эти величины весьма высокими. Если мы примем в качестве некоторой средней нормы 2-х месячный запас материалов, запас денег на 15 дней и срок пребывания товаров на складе—1 месяц,¹⁾ то для такого же объема и темпа производства потребуется подлежащие затраты капитала в суммах:

Материалы и сырье . . . 38,66 мил. руб.

Готовые изделия . . . 79,36 . . .

К а с с а 2,61 . . .

Соединяя все эти величины в одну таблицу, получим следующие результаты:

Формы затрачен. капитала	Годовой оборот	Суммы фактич. затрат капит. (средняя за год)	Фактическая оборотаемость	
			Раз	Дней
Сырье и материал . . .	231.986.286.98	73.181.794	3,17	115
Готовые изделия . . .	952.321.755.50	130.205.038	7,33	49,8
Денежные средства . . .	62.661.312 —	5.221.776	12	30
ИТОГО . . .		208.608.008		

Нормальная оборотаемость		Нормальная сумма пол. затрате капит.	Излишек фактич. затраченного капитала
Раз	Дней		
6	60	38,66 мил. руб.	34,52 мил. руб.
12,2	30	79,36 . . .	50,85 . . .
24	15	2,61 . . .	2,61 . . .
		120,63	87,98

¹⁾ Практика указывает следующие нормы для отдельных элементов оборотного капитала: для сырья и вспомогательных материалов—от 15-100 дневного запаса; для товаров—10-15-ти дневный запас, для денежных средств—15-20-ти дневный запас. См. М. Филимонов. «Методология анализа хозяйственной работы промышлен. предприят. по их отчетам» в сборнике «Вопросы баланса и экспертизы». Вып. I-й, стр. 94 и сл.

Таким образом, в данном хозяйстве оказываются непроизводительно помещенными 87,98 мил. руб. Средняя годовая сумма задолженности его была равна 181.093.325,70 коп. Следовательно, указанный излишек средств был получен данным хозяйством путем кредита и за счет недостаточного снабжения средствами других хозяйств, что в условиях планового распределения кредита означает задержку роста других, быть может, более важных отраслей народного хозяйства.

В рассмотренном случае диспропорциональность внутреннего строения была искрыта путем анализа процессов, имевших место в отношении отдельных элементов хозяйства, путем рассмотрения ряда материалов-балансов и отчета хозяйства. Но иногда такая диспропорциональность бросается в глаза с первого взгляда, или, по крайней мере, поверхностного обзора документов достаточно для того, чтобы была поставлена под вопрос нормальность внутреннего строения хозяйства.

Так, в балансе Чайного и Цикорного Треста на I X-25 г. денежные средства составляли 9,1% актива, а в балансе на I X-26 г. поднялись до 25,5% —, дав рост на 290% при общем росте баланса на 40%, при росте имущества (основной капитал) всего лишь на 19% и материалов — 14% и при росте задолженности Треста на 76%. Уже одни эти цифры дают полное основание говорить о ненормальности в отношении отдельных элементов капитала и в происходивших в хозяйстве процессах.

Еще пример. Ленинградский завод точного машино-строения имел в составе своих оборотных капиталов на I X-25 г. товаров и готовых изделий в размере 54% и денежных средств в размере 1,8% всей суммы оборотных средств; по балансу на I X-26 г. эти элементы равнялись соответственно 26,4% и 19% той же суммы. На основании этих данных можно сказать, что если по балансу на I X-25 г. сумма товаров была по отношению к прочим элементам оборотного капитала ненормально высока, а сумма денежных средств — низка, то во втором балансе при сведении к норме суммы товаров сумма денежных средств поднялась относительно до ненормальной высоты. Очевидно, что или общая сумма оборота капиталов данного хозяйства непропорционально высока, или хозяйство не в состоянии надлежащим образом использовать имеющиеся в его распоряжении капиталы.

Будет ли хозяйство вследствие нерационального использования собственных средств иметь излишек заемных средств и, таким образом, нести издержки по их оплате, или же нерациональное использование собственных средств не повлечет за собой этого последствия, — в обоих случаях мы будем иметь дело с хозяйством, недущимся не в соответствии с принципом наибольшей пользы при наименьших затратах (экономический принцип). И во всех случаях нарушения оптимальной пропорциональности между элементами хозяйства будет иметь место нарушение указанного принципа. Поэтому, всякое изучение единичного хозяйства должно быть фиксировано и на этой стороне его деятельности с целью определения, действительно ли применяемые хозяйством и выработанные техническими науками приемы хозяйствования дают максимальный эффект при минимальных затратах, действительно ли отдельные производственные элементы хозяйства во всех их формах и превращениях форм при данном состоянии техники и при данных естественных и социальных условиях организованы таким образом, что при их минимальных затратах получаются максимальные результаты.

При этом, вопрос о надлежащей (оптимальной) организации элементов хозяйства, как и вопрос о нормальных периодах кругообраще-

ния капитала, может быть научно разрешен лишь на основе массовых наблюдений.

Таким образом, конкретизируя установленные выше цели „Учения о единичном хозяйстве”, мы можем сказать, что при изучении единичного хозяйства могут быть и должны быть поставлены задачи:

1) Исследования происходящих в конкретных единичных хозяйствах процессов для определения их видов и форм;

2) Изучения выявленных процессов с точки зрения общих экономических законов, установления их соответствия этим законам или уклонения от них;

3) Установления нормальных (оптимальных) условий осуществления хозяйственных процессов для конкретных групп единичных хозяйств, установленных по признаку функциональной общности или общности естественных и социальных условий их существования;

4) Оценки процессов исследуемого единичного хозяйства с точки зрения установленных наблюдением и изучением норм;

5) Исследования внутренней организации отдельных единичных хозяйств;

6) Установления оптимального соотношения отдельных элементов для групп однородных единичных хозяйств (устойчивого равновесия этих элементов);

7) Оценки организации исследуемого единичного хозяйства с точки зрения установленной исследованием нормальной схемы организации хозяйств данного типа;

8) Исследования эффективности единичных хозяйств;

9) Установления нормальной эффективности для данной группы единичных хозяйств;

10) Оценки эффективности исследуемого единичного хозяйства с точки зрения нормальной при данных технических, естественных и социальных условиях эффективности той группы хозяйств, к которой относится исследуемое хозяйство.

Этот перечень далеко не исчерпывает всего об’ема исследования единичного хозяйства; он намечает лишь основную схему и вехи исследования процессов, происходящих в пределах единичного хозяйства, их причин и следствий. Пользуясь аналогиями, можно было бы сказать, что мы имеем дело в данном случае с анатомией и физиологией единичного хозяйства. Помимо организационной и функциональной точек зрения на изучаемый об’ект возможны и необходимы точки зрения внешних форм (морфология), общности признаков (систематика), а по отношению к хозяйственным явлениям и точка зрения вспомогательных средств достижения целей (техническая организация). Учение о единичном хозяйстве в целом должно охватить весь указанный цикл вопросов, подразделяясь на отдельные частные научные дисциплины. Для определения той из этих дисциплин, которая специально занимает внимание, достаточно формулировки вышеуказанных задач и целей исследования.

Установление задач исследования естественно влечет за собой постановку вопроса о методах исследования, или, говоря словами А. А. Чупрова, „к системе целей должна присоединиться теория средств”¹⁾. При этом мы имеем в виду не обще-логические методы познания явлений вообще, а специфические методы, присущие данной науке.

¹⁾ А. А. Чупров. „Статистика и статистический метод” — в сборнике „Введение в изучение социальных наук” под ред. проф. Н. И. Кареева 1903 г.

Какими же методами пользуется учение о единичном хозяйстве для разрешения поставленных вопросов, касающихся процессов единичного хозяйства и складывающейся на основе этих процессов его организации.

Здесь мы можем с полным основанием сказать то-же, что было сказано К. Марксом при анализе превращения товаров во всеобщую или общественную эквивалентную форму, — „задача возникает одновременно со средствами ее разрешения“¹⁾. Конститутивным признаком экономического явления почти всеми экономистами теоретиками признается его способность получать денежную форму, выражаясь в деньгах. Разница между экономическими и неэкономическими²⁾ находит себе чрезвычайно характерное проявление в современном хозяйственном строе в применимости или неприменимости денежной оценки; все, что мы называем экономическим, в нашем хозяйственном строе может быть переведено на деньги; все, что имеет неэкономический интерес, вообще не переводится на деньги, а если иной раз ставится в некоторое соотношение с деньгами, то в самой общей, неточной форме³⁾. „Экономика имеет дело столько же с качеством, как и с количеством. Предмет ее — мотивы, сила которых может быть измерена посредством денег... Область поведения, в которой человек действует под влиянием мотивов, измеряемых денежной ценой, и составляет область экономики“⁴⁾.

При этом, возможность денежной оценки превращает явление из неэкономического в экономическое. „Вещи, которые сами по себе не суть товары, как например, совесть, честь и пр., могут для их владельцев стать способными к продаже за деньги, и через их цену получить форму товара“⁵⁾.

Поскольку во всех этих случаях идет речь не об экономических отношениях, а о хозяйственных явлениях (мотивы поведения, товары) хотя бы и принявших экономическую форму, но осуществляющихся или находящихся в пределах единичного хозяйства, поскольку мы можем сказать, что и вся область индивидуального хозяйствования, весь об'ем единичного хозяйства, заключающий в себе ценности в различных формах и их превращения, может быть количественно выражен в деньгах, как всеобщей эквивалентной форме ценностей. Да иначе и быть не может, если мы мыслим единичное хозяйство, как телеологическое единство, процессы которого определяются экономическим принципом. Лишь исключая последний из обязательных признаков хозяйственного поведения, мы могли бы исключить момент денежной оценки, момент соизмеримости, из числа конститутивных признаков, присущих хозяйственным явлениям, из совокупности которых состоит единичное хозяйство. Но тогда последние и не могли бы нами изучаться, ибо „одна из конечных целей познания состоит в том, чтобы в ряде комплексов установить сходное и различное“⁶⁾. Указанные выше цели познания единичного хозяйства включают в себя как раз именное установление сходного и различного в том комплексе материальных и личных средств, которым является единичное хозяйство, с целью установления типичного и нормального для его статистики и динамики. В свою очередь, это типичное и нормальное может быть и должно быть установлено не только качественным соотношением, но и количествен-

¹⁾ К. Маркс. Капитал т. I пер. под ред. П. Струве 1918 г. стр. 41.

²⁾ Р. Орженецкий. Учение об экономическом явлении, стр. 74.

³⁾ А. Marshall. „Principles of Economics.“ Цитируем по Р. Орженецкому.

⁴⁾ К. Маркс. Das Kapital. 4 auf. 1-ste B., 67.

⁵⁾ Р. Орженецкий. „Сводные признаки“ Ярославль 1910 г. стр. 3.

ным соизмерением и сравнением. Сами по себе экономические блага, составляющие материальное содержание хозяйства, как известно, ни качественно ни количественно не сравнимы. Они допускают последнее, лишь становясь в условиях менового хозяйства товарами. Если можно сказать, что с ростом денежной формы меновых отношений „на место мышления имуществом становится мышление деньгами“, что при этом условии, „хозяйственная картина сводится исключительно к количественным отношениям без всякого касательства качества... и для хозяйственного взора настоящего горожанина случайно усомренная корова представляет только отвлеченную ценность, и корова эта в любое время представляется могущею быть превращению в банкнот“¹⁾, то с еще большим основанием можно утверждать, что современное мышление является мышлением отвлеченным количественными категориями ценностей, при котором денежное их выражение является методом счета, дающим возможность количественного анализа.

Единичные явления единичного хозяйства отличаются множественностью и формальной изменчивостью; уловить в этой множественности и изменчивости сходное, позволяет лишь их количественная соизмеримость, выраженная денежной оценкой. При этом, так как в сфере единичного хозяйства, как и вообще в сфере социальных явлений, „господствует“ „связь свободная“—характеризуемая в условиях меновых отношений „множественностью причин и множественностью действий“²⁾, то для установления этой связи взаимозависимости отдельных элементов и хозяйственных явлений методы логической индукции и ледукции, широко использовываемые в теоретической политической экономии, оказываются недостаточными. На место умозрительных связей и рядом с ними должны быть поставлены связи количества, выражаемые числом и экономической мерою—деньгами. Явления единичного хозяйства для установления их причин и следствий должны быть количественно соизмерены, должны быть исчислены. И как в области социальных наук существует особая наука о методах их исчисления—статистика, так равно область явлений единичного хозяйства, а через него и явлений экономических вообще, требует выработки своих методов счета и учета. Эти вопросы и являются предметом познания той отрасли знания, которая носит не совсем точное наименование „Счетоведение“ и уже совсем не точное—„Бухгалтерии“ и которой мы должны будем дать более точное и отвечающее ее задачам, целям и значению наименование „Счетной Науки“.

Задачей Счетной Науки является установление методов учета выраженных в денежной оценке процессов единичного хозяйства, установление их нормальных и типичных форм, определение нормального и оптимального с точки зрения хозяйственного принципа строения единичного хозяйства.

Как при всяком изучении количеств, первоначальной формой изучения единичного хозяйства Счетной Наукой—является регистрация и подсчет по выработанным теорией методам фактического материала. Однако, один этот процесс даже и в соединении с теорией методов давал бы лишь основу для ознакомления с предметом исследования—процессами единичного хозяйства.

Последние познаются не как самоцель, ибо только сами по себе они не могут служить предметом научного знания, стремящегося прежде всего и исключительно к обобщению наблюдавших единичных

1) О. Шпенгер „Деньги и машины“ Перевод с немец. под ред. проф. Г. Геккеля 1922 г. стр. 36 и сл.

2) А. А. Чупров „Статистика и статистический метод“

фактов и установлению на их основе общих для данного круга явлений законов. Эти факты и явления познаются прежде всего, как элементы образующейся из них совокупности—единичного хозяйства. Познание последнего составляет конечную цель Счетной Науки, как одной и, может быть, основной частной дисциплины из цикла дисциплины, об'единяемых общим наименованием „Учения о единичном хозяйстве”.

Именно поэтому нами сказано выше о несоответствии наименования этой науки „Счетоведением” ее содержанию, далеко выходящему за пределы традиционного учения о счетах и запасах, впервые систематически изложенного Лукой Пачиоло в его „Summa”.

Более соответствующим содержанию рассматриваемой науки является наименование „Счетная Наука” (Verrechnungswissenschaft), задачи которой, по определению Л. Гомберга, заключаются „в причинном об'яснении развития единичного хозяйства. В качестве теоритической науки она подвергает процесс развития единичного хозяйства философскому рассмотрению, имеющему целью дать объяснение и оценку его явлений, выявить их причины и следствия и определить отношения зависимости между ними”.

В связи с этим возникает по отношению к Счетной Науке тот же вопрос, который стоит перед другой наукой о методах исчисления социальных явлений—статистикой и который разбивает ее представителей на два лагеря—вопрос о характере данной науки. Является ли Счетная Наука формальной наукой, методом исследования явлений единичного хозяйства, или же у нее есть свое материальное содержание.

В ответ на этот вопрос нельзя не привести указания О. Канта, что „метод не может быть изучаем отдельно от исследований, к которым он применяется; иначе получается наука мертвая, неспособная обогатить ум людей, над ней работающих”. Если под методом исследования понимать „совокупность научно выработанных приемов и способов, при помощи которого случайное и единичное переводится в область общего математического познания”¹⁾, то поставленный вопрос теряет свое значение. Ограничиваясь изучением технических приемов учета происходящих в хозяйстве процессов, как это большей частью имело место до настоящего времени, мы сводим рассматриваемую науку на роль простой технической дисциплины. Вводя в круг ее задач изучение наиболее рациональных, научно-обоснованных методов познания процессов единичного хозяйства, а равно и изучение внутреннего строения последнего, мы тем самым разрешаем вопрос о формальном значении Счетной Науки и о ее материальном содержании.

Итак, двойственная природа хозяйственных явлений, как суб'ективно-обусловленных отношений человека к вещам и об'ективно обусловленных отношений его к другим хозяйствующим индивидуумам, вызывает необходимость выделения первых отношений в качестве об'екта познания самостоятельной научной дисциплины—„Учения о Единичном Хозяйстве”. Познание единичного хозяйства требует исследования происходящих в нем процессов (динамика) и их следствий (статистика) с целью их качественного определения путем количественного их сравнения в единой социальной мере—денежной оценке. Методы количественного выражения динамики и статистики единичного хозяйства и качественного сопоставления их с целью причинного об'яснения развития этого хозяйства разрабатываются частной наукой—носящее наименование Счетной Науки. Следовательно, под последней мы пони-

1) Г. Шлаттав. „Введение в экономическую статистику” 1910 г. стр. 21.

маем научную дисциплину, разрабатывающую теорию методов исследования процессов единичного хозяйства и теорию познания причинности в его развитии, имеющую в силу указанных задач, формальное и материальное содержание и относящуюся к группе наук экономических.

В. В. Якунін.

Рахунказнаўства на службе ў юрыспрудэнцыі.¹⁾

(Да пытаныя аб бухгалтарскіх экспертызах у судовых працэсах).

Цэлы шэраг судовых працэсаў, як грамадзянскіх, так і крымінальных, за апошнія некалькі год—справа Краснашчокавых, справа Арэхава-Зуеўскага і іншых трэстau, цэлы шэраг працэсаў па справах гаспадарчых, у сувязі з злачынствам па насадзе, раскраданнямі, падлогамі і г. д., па справах так званых эканамічнай контр-рэвалюцыі—напоўна ставіць на чаргу пытаныя аб значэнні і ролі бухгалтарскай экспертызы у судовых працэсах, а у сувязі з гэтым выклікае асаблівую цікаўнасць да ролі і значэння рахунказнаўства.

У паказаных судовых працэсах, мінушых перад намі за апошні час, так ускладненых і успалашынушых нашу грамадзкую думку і так неспадзейна прынесьнушых заслон пад патайным для вялізной большасці мірам спрэвадзачы ў вялікіх галінах грамадзкай гаспадаркі (вярней гаспадаранія), з аднаго боку высыяялілася брыдкае становішча бухгалтара ў цэлым шэрагу прадпрыемстваў, а з другога—высунула асабліва рэльефна і пуката значэнніе і асабу бухгалтара эксперта, лішні раз падкрэслішы яго важную ролю ў судовым працэсе.

Бурнае красаваныне эканамічнага жыцця на падставах капітальнай гаспадаркі ў пераходны момант сацыялістичнага будауніцтва, у сувязі з новай эканамічнай палітыкай, прывяло пад упłyvам аднаўлення тэхнічных удасканальванняў вытворчасці, к утварэнню такіх вялізарных капіталаў, якіх ня ведала нідаунае мінуша.

Ня малы упłyv на утварэнні іх зрабілі і тыя разнастайныя формы эканамічных прадпрыемстваў, якімі харктарызуецца наш час, а імемі: тр-стau, сіндикату, прадпрыемств дзяржауных, акцыянерных, капітэрскіх і іншых.

Адносна малая капіталы, якія заграмаджаюцца ў іх касах, утвараюць у агульнай масе такія вялізныя грашовыя сродкі, якімі абумоўліваеца шырокое развіццё прамысловасці і гандлёвых дзеяньняў. Для выканання апошніх патрабуеца ўжываныне складанага рахунка-воздзетва, мэтазгоднае вядзеніе яго абумоўліваеца ужываньнем спэцыяльных ведаў рахунказнаўства.

Аднак, гаспадарчая практыка нашых дзён з напэўнай відавочнасцю сьведчыць, што па меры росту, развіцця і ускладнення нашага гандлю і прамысловасці, нажаль, прыходзіцца наглядаць, што парушэнніе грамадзянскіх і крымінальных норм, сустракаеца ўсё часцей і часцей, а адначасова і разьмеры гэтых парушэнняў робяцца больш грандыёзнымі, а тэхніка іх больш удасканаленаю.

1) Гэты артыкул ёсць частка дакалу, прынятага ў Юрыдычнай Сэчі Навуковага Таварыства пры Беларускім Дзяржаўным Універсітэце.

Падборка цэлых дакументау, складаные падробленых актау, чэкау і інш. папяровых каштоунасцяу, як і многае іншае у гэтым жа родзе, выяуляе з боку спэциялістау гэтае спраны такую масу знародлівасці, дасыцніасці, ізаічроніасці і падрыхтоукі і займае такое вялікое месца сярод спрау, падлягаючых судоваму дасылданьню, што ад съледчага часта патрабуеща вялікая дамысльвасць, умеласць і спрэктывованасць для таго, каб разыбірацца у доказках, што вядуць да выяуленыя абвінавачанага, а экспертаам на гэтых справах часта прыходзіца іграць немалаважную ролю у канчатковым разывязанын пытаньняу абы ступені вінаватасці падвіноўнага.

Прайдлона гаворыць С. Ф. Іваноу у спэцыяльнай працы, пры-
сьвяченай гэтаму пытанню „Бухгалтарская экспертыза у судовых
працэсах”. Эксперт—гэта частка, адзіны ключ у руках правасудзьдзя
к выяуленню хітрасплещенага злачынства у галіне ведаў аднаго з
лепшых вынаходак чалавечага разуму”, эксперт—гэта той „Сезам
отворись” нашых дзён, для якога ясны зразумелы усе замаскаваныя
хады нясумленных гэрояў супрацыграмадзкіх імкненіяў і спробаў у
царстве „Дэбета і крэдыта”. Г мы бачым, што калі ў мінулы час суд
карыстаўся наслугам эксперта у выключных выпадках, то цяпер гэта—
знычайнае звяршша.¹⁾

Добрую пастаноуку съледчай справы на Захадзе трэба прыпісаць
у значайнай ступені практикаваным ведаючым асобам з шырокай агуль-
най і прафэсійнай падрыхтоукай. Аднак, многія выдатныя судовыя
дзеячы (Вейнарт, Гросс, Рэйс і інш.) і вучоныя юрысты (Геберлейн,
Гольцендорф і інш.) паказываюць на тое, што усе-ж экспертыза на
практыцы ужываша раздзей, чымся гэта-б належала.

„Наш час высунуу ия мала сэр'ёзных праблем, якія адносяцца да
галіны ведау, як грамадзянская, так і крымінальная правасудзьдзя”,
пісаў у свой час, засл. прафэсар Ваенна-Юрыдычнай Акадэміі Ул. К.
Случэускі у сваім „Падручніку рускага крымінальнага працэсу”,
у раду іх стаіць праблема аб падставах ацэнкі і ўмовах кары-
станія тымі крініцамі, з якіх бярэ судзьдзя даныя для асьвялення
свайго разуму і свайго сумлення пры выяуленні дакладніасці спра-
вы, падлягаючай іго разыгледжанью. У час далёкай старажытнасці,
съяды якія заховуваны для нас гісторый, лічыцца напэуным, што
асабовых дзеяній судзьдзі незаусёды хапае для вырашэння задач,
ускладзеных на іго заканадауцца і што часта ён прымушан зьявяртца
да запамогі знаючых людзей, а іменне усякі раз, калі па сутнасці паў-
стаушых на судзе пытанніяу аб пэуніасці і ступені даказацельнай сілы
акалічнасці, што высьвяляючы на судзе трэба скарыстаць такія
эмпірычныя ці наўковыя веды, якімі уладаюць гэтыя знаючыя асобы і
якіх ія мае сам судзьдзя. Значынне у працэсе гэтых знаючых людзей
у наш час значна узрасло. Панаванне мінчай веры у добраякаснасць
суб'ектуальных крыніц ведау значна парушана і сучасны судзьдзя у аб'ек-
тыуальных крыніцах вышукае падстапу, на якіх ён меў-бы апору пры паста-
ноуцы сваіх вырашэнняў і прысуду. Асабліва сучасная экспрымен-
тальнае псіхалёгія зрабіла за апошні час рашучы упłyў на такі напра-
мак судовай работы. Яна між іншым, выяіла, што паказаныні съведкаў,
меушыя заусёды галоўнае, у шэрагу довадау, значэнне на крымінальным
судзе, не заслугоўваюць таго даверра, якім да гэтага часу яны карысталіся.
Суб'ектывізм съведкаў утварае такія вольныя і нявольныя у іх
паказаныніх памылкі і злачынствы, што бачыць у іх каштоўную кры-
ніцу ведау для судзьдзі—небясьпечна. Адсюль імкненіне да матара-

1) С. Ф. Іваноу—Бухгалтарская экспертыза у судовых працэсах. СПБ 1913 г., ст. 4.

яльних предметау, маючих на собе съяды чаланечих дзейніяу, ці зъяўляючыхся іх прадуктам, шукаць адзнакаў матарыяльнай па справе прауды іры да памозе тых зноючых людзей, якія могуць адносна да апенкі гэтых матарыяльных предметаў сыграць у вачах судзьдзі ролю павялічанага нікла. Вызначанае аллюзія збліжэнне судовага дасъледванія з дасъледваніем вонкім ці напуковім атрымала асабліва выразнае выражэнне ў працах многіх відных прадстаўнікоў пазытыўнай школы кримінальнага права¹⁾.

Пад судовай экспертызай наўсяць разумеецца — заключэнне спэцыялістаў вядомай галіны ці тэхнікі, аснованае на дасъледаваніях імі фактах і даных іх спэцыяльнасці, аб існаванні ці неіснаванні спрэчнага факту ці абекту, на якім дасъледваніе такіх зъяўшч у судовым працэсе, якія могуць быць належнымі чынам высьветлены перад судом толькі экспертымі альбо ведаючымі людзьмі, маючымі спэцыяльныя прафэсіянальныя веды.

На практицы адрозніваюць экспертызы: тэхнічную, хімічную, мэдыцынскую, фотографічную, каліграфічную, бухгалтарскую. Эксперты ці ведаючыя асобы могуць быць на пачыну ці просьбe зацікаўленых старои ці уласнимі поглядамі суда прызначаны для высьвітлення і дачы заключэння па такога рода пытаннях і акаличнасцях справы, выразніне якіх патрабуе асобых вучоных тэхнічных альбо гаспадарчых ведаў, калі для мэтазгоднага і правільнага развязання спрэчнай справы бязумоўна патрэбна высьвітленне падобнага пытання тэхнічнага характару.

Судовая бухгалтарская экспертыза мае на мэце дасъледваніе, праз асбіна запрошаных судом асоб, ведаючых рахункаваўства і практикаваных у рахункаводзтве — бухгалтарскіх кніг, дакументаў і справаў здачных ведамасці і балансаў для высьвітлення патрэбных па ходу справы пытанняў спэцыяльнага характару, якія могуць быць развязаны толькі гэтымі ведаючымі асобамі. Для таго, каб разобрацца ў цэлым моры цыфр, што спатыкаюцца ў кнігах, справаў здачах, рахунках і дакументах тых ці іншых працірыемстваў, адбіваючых на сябе паасобныя моманты іх жыцця, трэба выразна разумець мову гэтых цыфр, а для гэтага спэцыяльныя веды па рахункаваўству, якімі няухильна павінны уладаць і эксперты, што выклікаюцца на суд, для папаўнення дзейнасці суда па гэтаму прадмету.

Па праудзе кожучы, некаторыя назіваюць вельмі сэр'езна адукаўянія людзі, шмат якія нашы судовыя дзеячы, а таксама і некаторыя рамеснікі — бухгалтары выказываюць часамі скептычнай адносінай да рахункаваўства, як наўкі да ролі экспертаў у спрэчках судовага дасъледванія. Ёсьць яшчэ шмат малапрактикаваных бухгалтароў, галоўным чынам з рахункаводзтва — самаучак, не прайшоўшых сэр'езнай школы, якія дзяякуючы уласціваму малакультурным людзям апломбуюць сабе выказвашца ў тым сэнсе, што рахункаваўства дасканальна не распрацаваная яшчэ наўка, што заключэнны, даваемыя на судзе эксперты — бухгалтары, большую частку якія маюць наўку рабочай падставы, а зусім саманоўны. Зразумела, рахункаваўства, як усякая парадаўніцтва маладая наўка не павінна сароміцца падобнымі думкамі і подзывамі дылетантаў, не прысывачаных ува-усе ўнутраныя асновы, якія вывучаўшых яе літаратуры, і знаемых з прынцыпамі і мэтадамі яе толькі па чутках, а таму і маючых нахіл, дзяякуючы сваей непрактикаванасці, паддавацца разачараванню і неданеру да яе дасыгненіяу у цяперашнім і яе поспехам у будучым.

1) Ул. Слуцкій. «Учебник руского уголовного процеса» Снб 1913 (1 вып.)
стар 315, 341, 390 і зношн.

Аднак, гэтая нападкі малакультурных бухгалттароу руцінерау не перашкаджаюць сэр'ёзным бухгалттаром, што інтэрэсующа раҳунка-знаўствам, як навукай, прадаўжаць навуковае дасъледванье у далейшым напрамку і давесці гэтую навуку да такога становішча, у якім яе навуковае і практычнае значэнне нават для дылэтантаў, якія сумленна блудзяць зьяўішча бяспрэчнымі.

Ужо ў сучасны момант маючыя досыць бяспрэчныя навуковыя асновы, якія адчыняюць пэрспэктывы будучага разъвіцца гэтай навукі.

Яшчэ П'ер Жозеф Прудон, выдатны французкі мысліцель і эканаміст-гаварыу: „рахункаводзтва—навука і яно цалкам заслугоулае гэтай назвы”. А вялікі німецкі паэт Гётэ колькі разоў указваў, што „бухгалтэрня—адна з прыгожых вынаходак чалавечага разуму”. Але ў маю задачу зусім ія уходзіць налемізація па гэтым пытанні з кім небудзь, альбо пераконваць тых, хто ія мае сталага погляду, але і раҳунказнаўства, як навука, маёй абароне ў гэтым напрамку не патрабуе. Скажу дзеля данага моманту словамі К. Маркса, што „Рахункаводзтва, як спосаб кантролю, становіцца тым патрэбнай, чым працэс вытворчасці больш пашыраеца да грамадзкіх разъмераў” і словамі Эміля Леотэ, што „Эканамічнае кола рушыцца ія толькі пры дапамозе працы і капиталу, але і пры дапамозе „рахунковага парадку”, без якога німымысліма эвалюцыя ў лепшае будучасе”. У практычных адносінах значэнне раҳунказнаўства зводзіцца да задачы праз юрыдычна-эканамічнае дасъледванье гаспадарчых зваротаў таго ці іншага прадпрыемства намічыць рэцыянальны і навуковы мэтад вядзення раҳункаводзтва, пры дапамозе якога заключэнныя бухгалттара—эксперта зможа зрабіць сапраудную дапамогу правасудзьдзю.

Разглідаючы з гэтага боку ролю экспертаў—бухгалттароу на судзе і патрабаванні, якія могуць быць прад'яўлены да раҳунказнаўства, як да навуки, нават дылэтант павінен будзе прызнаць усю важнасць разъвіцца і папулярызацыі навукі раҳунказнаўства ў інтарсах ія толькі правасудзьдзя, але і роскіту прамысловасці, гандлю і ўсіе грамадзкай гаспадаркі цалкам. Адсюль многія карыфеі раҳунковай навукі прыходзіць да ўстанаўлення таго палажэння, якое знаходзіцца ў канстатаванні факту, што часам ад экспертаў патрабуюцца такія адказы, якіх іны, ія будучы даволі падрыхтаваны ў галіне ведаў юрыдычных і эканамічных навук, не змаглі-б даты.

Вось чаму асобы, вызнаваючыя бухгалтэрню, як мастацтва ці рамяство, разка расходзяцца ў поглядах з раҳункаведамі—экспертамі на навуковае значэнне раҳунказнаўства, адмаўляючы ёй у грамадзянска-праўным харектары.

З прычыны гэтага ў судовай практыцы бывалі выпадкі, што за-прошаныя выпадкова, у якісці экспертаў, бухгалттары практыкі, ія маючы навуковай падрыхтоўкі, выказвалі далёка не навукова абсноўвання надта катэгарычныя зацьвярдзэнні.

Калі мы прасочым гісторычнае разъвіцца іншых навуковых ды-сыплюн, напрыклад, судовай мэдыцыны, то нам прыдзецца канстатаваць факт, які асобе ія ведаючай гісторыі разъвіцца навуковай думкі, павінен паказацца надзвычайна дзіўным. Выяўляеца, што гэта высока-развітая навука ў наш час стала у сваіх суджэннях больш нерашучай і асьцярожнай, чым іна была дзесяткі год таму назад. Асьцярожнасць і абдуманасць суджэнняў павялічваеца разам з ростам гэтай навуковай дысыплюн—з прычыны таго, што па меры свайго разъвіцца ёй прыходзіцца знаёміца з усёбольшай і большай колькасцю выключэнняў і робіцца усё болей і болей рознабаковай у навуковым

сэнсе. Але разам з гэтым узрастает яе значэнне у криминальным працэсе.

Тое самае павінна быць і у суджэннях бухгалтароу—экспертау. Памеж катэгарычных суджэнняу, больш карысыці дзеля дасъледванья праўды, чым рабіць шмат яи досыць навукова абараваных зацьвярдзенняу, —у кожнім разе карысна заклікаць да асцярожнасці ў зацьвярдзеннях.

Съмелья заключэнны і дапушчаны, зразумела, часта дапамагаючы знаходжанню праўды, але яны павінны быць выстаўленыя магчымасці, а не як довар, толькі пры гэтакіх умовах мы не рызыкуем заблудзіцца. Але, каб біць прыкладаю пры шукаючы праўды, бухгалтарская экспертыза і наогул рахунказнаўства павінна знаходзіцца не ў руках дылэтэнта, а сапраўднага спецыяліста, эканамічна і юрыдычна адукованага.

Бухгалтар—эксперт павінен быць асабаю, умеючай навукова мыслью і здольна арыентавацца ў прычынных і выпадковых звязаніях. Толькі тады ён будзе мець магчымасць ія толькі аналізація лічбовыя даныя, але і аднаўляць перад цяжбенікамі сутнасць шыкавання для іх пытання.

І зусім праў С. Ф. Іваноу, калі ён гаворыць, што „прамыя абавязкі бухгалтара наогул, а бухгалтара-эксперта у асаблівасці і зачлочацца ў тым, каб прымусіць гэтыя вяксы язык лічбаў, мором заўваочы бухгалтарская книгі, язык сухі і нудны, роўна нічога не кажучы для тых, хто запамятаў, што пісмемнінасць і злічэнне нарадзіліся у адзін час—у пачатку чалавечай культуры,—каб прымусіць гэту мову лічбаў загаварыць для грамады, загаварыць красамоўна і праўдзіва.

У сваім ідэйным служэнні практикаваны і чуткі эксперты зможа дапамагчы правасуддзьдзю зрываць маскі фальшивасці з тых, што разылічваючы на недабачлівасць акружаючых, хто браніруеца буффональскіх грамадзкіх заслуг і прац і хто лепшыя сродкі культуры зварочвае на яе-жа зруйнаванье.

Пры съвеце бесстаронніца і ведаў усе цёмныя куткі, усе хадульныя вялікія ўчынкі, усе сумненныя каштоўнасці, штучна ўздутыя да галавакружыцельнай вышыні, атрымаюць патрэбнае асвятынне і патрэбную ацэнку¹⁾.

На жаль здарэнні апошніх гадоў і да і пасля рэвалюцыі далі на мала матарыялу для экспертызы, пераважна толькі ў гэтым напрамку.

Цэлы шэраг працэсаў прайшоў-бы зусім бяз цвяту і бясплодна для правасуддзьдзя, калі-б яня было экспертау.

Ва усякім выпадку бязылітаснае адчыненне балічак, эфектна закрытых яскравымі латкамі, садзейнічае аздараўленню грамадзкага арганізму, дае моц і упэўненасць сумленным працауніком змагацца супроты бессаромлівага гаспадарання рознага тыпу цёмных дзяльцоў.

Але гэта толькі магчыма, калі бухгалтарская экспертыза будзе знаходзіцца ў надзейных руках.

Юрыдычна-еканамічнае дасъледванье гаспадарчых зваротаў ёсць альфа і амэга у посьпеху разыўціця навукі рахунказнаўства і як Гомберг называе „экономологіі“.

Таму нам і прыходзіцца бачыць, што займацца ёю сталі ія толькі бухгалтары, але і прафэсары эканамічных і юрыдычных навук.

1) С. Ф. Іваноу—„Бухгалтарская экспертыза ў судовыем працэсе“ Спб 1913 г. стар. 64.

Памянёнае прыводзіць нас да належаньня, якое сама сабою разумеецца і відавочна. Яно заключаеца ў тым, што прадукцыянасьць і наўку рахунказнаўства знаходзіцца ў простай залежнасці ад якасці і падрыхтоўкі тых асоб, якія ёю займаюцца.

Гэтая наўку на службе у юрыспрудэнцый тады толькі будзе на вышыні, калі карыстаеца павагаю, дзякуючы наўковым пазнаньням, сам бухгалттар экспэрт.

Між тым на практицы наглядаеца вельмі часта такое зьявішча, што экспэртам па бухгалтэрскіх выступае, як кажуць, „практик“, бо дапушчаеца, што асобы гэтая стала маюць справу з пісанымі дакументамі, а таму павінны „разумець у книгах“.

Такое зьявішча, такі склад экспэртаў—реч зусім недапусьцімая за граніцу, але пераважае на жаль у нас усюды, за выключэннем буйных цэнтраў, дзе суды маюць магчымасць карыстацца ўслугамі рахункаведаў, маючымі літаратурныя працы па таму ці іншаму пытанню ў сферы іх дзейнасці.

Па нашай думцы зусім недапусьцімая, каб на судзе мог выступаць у якасці экспэрта бухгалтэрскіх усякіх жадаючы, без папярэдняга іспыту ў яго ведак па гэтай спэцыяльнасці і без належнім чынам устаноўленнага пасъведчання ў атрыманыя права на гэты стан—падобна тому, як гэта патрабуеца у тых выпадках, калі экспэртыза на судзе даручаеца судонаму урачу, хіміку, фізіку, мэханіку, архітэктару і г. д.

Усе яны маюць пасъведчанне, на падставе іспыту, права лічыцца спэцыялістамі кожны па сваёй спэцыяльнасці і гэтым самым апраўдаеца іх права на выкананьне абавязкаў экспэртаў.

Толькі для экспэртыза па бухгалтэрскіх лічыцца магчымым дапускаць асоб якім не давеўшых сваёй комплэктніцай у гэтай галіне. Што-ж датычыцца выдачы некаторымі бухгалттарскімі ці рахункаводнымі прафэсіянальнымі таварыствамі сваім членам пасъведчання на права называюцца: прысяжнымі рахункаводамі, бухгалтарамі экспэртамі, старшымі прысяжнымі бухгалтарамі і гэтак далей, то асобы, дапусьціўшыя, што пасъведчанні выдаюцца членам гэтых таварыстваў уладаючым санрауды наўковымі цэнзам, будуть вельмі памыляцца.

Мы лічым, што трэба установіць пры вышэйшай школе спэцыяльныя іспытательныя камісіі, у якіх павінны падпадаць абавязковым іспытам асобы, прэтэндууючыя на назну бухгалттароў-экспэртаў у судох.

Іспыты гэтая, зразумела, могуць мець значэнніе і сэнс толькі пры той умове, што галоўная ўвага будзе звернута не на элемэнтарныя правілы бухгалтара, а на самую сутнасць наўку рахунказнаўства, на грунтоунае знаёмства з яе мэтадамі, школамі і напрамкамі, знаёмства з гісторыяй і літаратурай, а таксама з практикай судовай бухгалтэрскай.

Калі, па прызначэнню Карпантце на Брусаўскім кангрэсе па рахункаводству, у 1910 г.—, рахункаводам лічыцца той, хто, будучы дасканальна пасъвежан у наўку рахунказнаўства, уладае яшчэ цэлым шэрагам ведаў у галіне матэматыкі, права, фінансаў і налітычнай эканоміі", то які-ж патрабаваны павінны быць прад'яўлены да бухгалттара экспэрта, віступаючага на служэнніе правасуддзю ў справе наўяўленнія прауды?

Запатрабаваны, бязумоўна, павінны быць болей павышаны.

Нельга не згадзіцца з С. Ф. Івановым, што „бухгалттар—экспэрт павінен уладаць грунтоўнымі ведамі ў рахунказнаўстве, практикаваным (стаж прафэсіянала) і вядомым унутранымі якасцямі (наўковы судзьдзя фактау)“.

Акрамя досың добрай тэорэтычнай падрыхтоукі, бухгалтар-эксперт павінен абавязкова уладаць рознабаковай практикай (у Англіі службовы стаж для эксперта—абавязковы).

„Як навуковы судзьдзя фактау, эксперт павінен уладаць разумам тікім і здольнім да широкіх агульных, нарачаных і ацітэзау, уладаць сумленнем, бесстароннасцю і беспартыянасцю як у агульных, так і у прафесіянальных пытаннях, харктарам рашучым і сымелым“.¹⁾

Але калі мі працяулем такія павышаныя патрабаваныя рахункаведу, які ідзе на службеные прафесіянальныя, ясна, што і юрист павінен быць хади-бы у агульных рысах знаем з асновамі рахунказнауства і я личу вялікім прабелам у настаноу выкладаный на юрыдичных факультэтах, што там не адведзея хади-бы сышлагта месца сироі шэрагу юрыдичных дысцыплін выкладаныю хади-бы агульнага рахунказнауства з практичнымі заніткамі на балансазнауству і судовай бухгалтеріі.

Бо судовы съледчы павінен ясна і точна вyzначыць прадмет і задачу экспертызы і умець разабрэцца у яе навуковай і практичнай каштоунасціі для ходу працэса.

Як-жэ сі гэта зробіць, калі ія здоле адроніць Д-та ад К-та, Актына ад Пасына. Калі ад эканамісту, будучых гаспадарніку патрабуеща вівчэйшыя налстау ірава, то і юрист, па мае думцы, павінен быць знаем з падставамі рахунказнауства.

Рахунказнауства як і судовая мэдыцына, аднаўкова патрэбна для кожнага адукаванага юриста.

У сучасны момант у Маскве і інных буйных цэнтрах Саюзных Рэспублік, у тым ліку і у Менску пры РСІ БССР, арганізаваны спэцыяльны Інстытут дзяржаунаі бухгалтарскай экспертызы. Мэтай арганізацыі памяніснага органу зьяўляеца кантрольная экспертыза рахункавай дзейнасці і у рэгуляваныи яе у дзяржауным маштабе.

Па свайму заданню і аснауному харктару інстытут прадстауяе вішэйшую у дзяржаве установу па рахункавай прафесіі, якая мае ія толькі спэцыяльна прысвоенія ей права, але і адпаведнія падручнія апараты па падрыхтоуцы і адбору кадрау спэцыялісту і кіруеца спэцыялістамі вішэйшай кваліфікацыі.

Членамі кіруючага Інстытутам калектыву могуць быць толькі спэцыялісты, асабісты аўторытэт якіх атрымау прызнаныне, як з боку дзяржаунаі улады, так і з боку широкіх грамадзкіх колаў, пры гэтым ірутоунымі даннімі для прысвоенія назывы дзяржаунаі бухгалтара—эксперта зьяўляюцца:

- 1) Вышэйшая эканамічнай і бухгалтарскай адукцыя.
- 2) Наяўнасць у кандыдата навуковых прац.
- 3) Мінімальны пяцігадовы практичны стаж і 4) зусім бездакорная рэпутацыя.

У задачы Інстытуту уваходзіць учыненне тэхнічнай дапамогі па даручэнням, як вышэйшых дзяржауных установ, так і мясцовых дзяржауных органу, прац правядзеніе працы: а) па бухгалтарскай экспертызе книг, справаздач, балансаў і паасобных катэгорый траншовых і матар'яльных дакументаў; б) па абследванні траншовых органу для высыльтлення і правильнай і мэтаноднай настаноу вучоту і справаздачы; в) па распрацоуцы праектаў арганізацый іншых і рэарганізацыі існуючых рахунковых органу. Акрамя таго, у задачы Інстытуту уваходзіць яшчэ:

а) распрацоука пытанняў адукцыі кадрау спэцыялісту прац тэорэтычную падрыхтоуку і якасны адбор;

1) С. Ф. Ільин. „Бухгалтарская экспертыза“ стр. 12.
6 Працы БДУ № 20.

б) распрацука і паданыне на засівярдженне заканадаўчых органаў рэгламанту прау і абавязкаў спэцыялістаў рахунканоду розных катэгорый;

в) распрацука мэтадаў і спосабаў абароны гэтых прау а таксама дэсцыплінарага ўпрыгожвання на спэцыялістаў у выпадках парушэння прафесіянальных абавязкаў.

Зьяўліча гэта напэўна трэба вітаць толькі у тым выпадку, калі памяненні інстытуты на мясцох сапрауды сэр'езна апнісціца да ўзложаннях на іх дзяржавай задачі і асыціроўка будыць падыходзіць да асоб, прызначаных на сэр'езную і адказную ролю бухгалтара—эксперта.

Падобныя інстытуты даuno маюць месца і існуюць на Захадзе. У Англіі існуе інстытут прысяжных бухгалтароу. Ні адна гадавая справа з адказнасцю акцыянернага прадпрыемства не будзе апублікавана бяз візы прысяжных бухгалтароу, і нябожчык т. Красін, пазнаёмшыся з інстытутам прысяжных бухгалтароу на Англіі, існуючым з 11 мая 1880 г., па заслугам вельмі яму хвалебны гімн.

У Італіі мы спатыкаем інстытут венецианскага гэта значыць, съядомых рахунканоду. У Германіі—присяжныя рэвізоры гандлёвых кніг Vereidete Bucherreviseuren.

У Францыі—Сіндикальная палата рахуказнаўцаў з 1882 г. Чаму-ж у нас ні мець спэцыяльнага інстытуту дзяржаўных бухгалтароу—эксперта і кансультантау.

Пытаныне аб становішчы экспертау у судовым працэсе да гэтага часу у сусветнай літаратуры не атрымала зусім вызначанага і агульна прынятага выніку.

У працы памяненнага мною С. Ф. Іванова мы знаходзім цікавую зводку па гэтаму пытаньню. Усю пераважную за апошні час плынь магчымы звязысьці з наступнай групой:

А. Экспертыза ні ёсьць асобы від судовага довады:

На думцы адных даследчыкаў: а) экспертыза—ёсьць від асабовага агляду (Бонье, Спасовіч, Цітманн, Фейербах);

б) эксперт—памоцнік судзьдзі (Бонье, Геннер, часткова Фінк); эксперт—толькі прылада ў руках суда;

в) экспертыза—від съведчага паказанія (Баршаў, Пратабевер, Шнейдер, ангельская права).

Б. Экспертыза—асобы самадзейныя від судовага доваду (Духоўскі, Люблінскі, Міттэрмайер, Случаўскі, Фойніцкі).

В. Экспертыза зусім ні довад; па думцы Бірнбаўма, эксперт Index facti, судзьдзя фактау.¹⁾

Дзеля кур'езу прывяду цікавую клясыфікацыю экспертау і ведаючых асоб, пропанованую Сяргіевічам у яго працы „Мастацтва мовы на судзе“.

Сяргіевіч дзеліць экспертау наогул на: а) ведаючых і сумлених; б) сумлених і няведаючых; в) ведаючых і нясумлених; г) нясумлених і няведаючых.

Свую клясыфікацыю Сяргіевіч паясьніе такім чынам: да нясумлених экспертау ён адносіць ні толькі бясчесных, якіх амаль ні бачыў на судзе, але і безкарысна бестаронных, а таксама легкадумных, якіх бачыў шмат; да няведаючых—ні толькі круглых нячэжд, але і людзей умераных пазнанням, якіх таксама спатыкау на кожным кроку.²⁾

Гэтыя пыні літаратуры адбіліся на законадаўствах розных краін.

У паасобку нельга не адзначыць, напрыклад, рознастайнасці ў праве адводу экспертау: у адных законадаўствах (рускія, французскія, беларускія)—ведаючыя людзі адводзяцца па тых самых прычынам,

¹⁾ С. Ф. Іваноў. „Бухгалтарская экспертыза“ стар. 8, 9

²⁾ П. Сяргіевіч. „Мастацтва мовы на судзе“ стар. 231.

што і съведкі; у іншых (германскага) адхіляюца па тых жа асновах, што і судзьдзі.

Многія праўбы існуючых законаў аб экспертах (у нас напрыклад, аб праве доніту экспертам съведак), выконаўца праў растлумачэньні вышэйшых судовых устаноў краіны.

Ясна адно, што права экспертаў пры пераглядах кодэksау грамадзянскага і асабліва криміналнага судауніцтва кожны раз расшыраюца, і праф. Файніцкі быў бязумоўна прау, калі зацьвірджау, што экспертыза—гэта навейшы від судовых доказаў, якія зьяўляюцца значна пазней усіх іншых і развіваюцца на нашых вачох».

Дзеяўшы да рэвалюцыі статут грамадзянскага судауніцтва гаварыў аб экспертах у X раздзеле II кнігі, у загалоўку „аб праверцы доказаў”; але ўжо сам законадаўца у сваіх матывах прызнаўаў, што прылічванні заключэння эксперта да доказаў не суджэнне аб спраўе, як комплекс фактаў, а дапамагаючы скласы сабе належнае яскравае паняцце аб такіх рэчах, дзе гэта ня можа быць дасягнута судзьдзей самастойна пры дапамозе яго адукцыі, здравага сэнсу, лёгічнага разважанні і жыццёвых практикі. Экспертыза ёсьць праверка доказаў у тым сэнсе, што развівае матарыяльнае пераконанні судзьдзі да ступені познанія—гэта ёсьць разважанніе, лёгічны вывад ад вядомага да невядомага, ад акаличнасці ў непадлягаючых сумненію, да таго, што яшчэ павінна быць даведзена. Па зналворнай свай форме экспертыза прайаўляеца і ў відзе пісьмовага заключэння вядомых асоб, і, калі спраўа не асабліва складная у форме слоўных паказаніяў на спосабе съведчых, занясімых у пратакол пасяджэння.

Але у гэтай апошнай форме неабходна праводзіць рэзкую разнасць па юрыдычнай прыродзе між паказаніямі съведак і экспертаў.

Законадаўчыя матывы так праводзяць гэту розніцу: съведка ёсьць гісторык, які павінен сказаць аб мінулым бяз усякіх вывадаў, эксперт дасыльдае гэта належныя предметы ці аб'екту і робіць з яго свае вывады. Таму съведка паказваеца сілаю рэчаў раней узніканнія судауніцтва, ня можа быць пакінута заменен, таму што ён як раз бачыў дадзене звярнішча; яго слова зъмяніць нельга, ім магчыма ці верыць, ці ня верыць.

Эксперт ня мае ніякіх адносін да спраўы, выбіраеца пасьля начатку спрэчкі толькі таму, што мае спэцыяльныя веды: яго можна замяніць другою такою-ж асобай, вывады яго могуць быць ня грунтаванымі, нязгоднымі з павукай, не падыходзіць да прафесіянальнай (тэхнічнай), ісцінны.

Для правядзення экспертызы патрабуеца папярэдне асобная пастанова суда, вызначаюца працьмет і межы дасыльданнія экспертаў, а таксама і тэрмін для дачы імі свайго заключэння.

Выбираюца эксперты зацікаўленымі бакамі, а пры незгаджэнні іх судом у колькасці ад 1 да 3 чалавек. Толькі тых асобы абавязаны прынесьці на сябе гэту спраўу, хто па свай форме прафесіі лічыцца маючым асобнімі веды, але яны карыстаюцца правам вызваліцца па тым жа падставам, што і съведкі. Адводы экспертаў магчымы толькі у тых выпадках, калі яны прызначаны судом і пры тым па тых жа прычынах, што і съведкі на 3-х дзённы тэрмін са днём абвесткі распрадажэння суда; тэрмін гэты ня мае значэння, калі прычына адводу эксперта вызначалася пазней.

Значынне і прыёмы экспертызы рэзка адрозніваюцца у кримінальным і грамадзянскім працэсах. Гэта розніца строга абумоўлена самай прыродай таго і другога працэсу.

Ініцыятува у грамадзянскім працэсе, збораныне матарыялау для доказалау і ўсё далейшае разъвіцьцё на сутнасці належыць толькі старанам грамадзянска-судовага спору і анонші разъвізываеща судом толькі ў межах, падзных на разгледжанье суда старанамі. Адсюль і роля эксперта у грамадзянскім працэсе зусім абмяжована рамкамі пытаванія, пастаўленых на вырашэніе эксперта.

У крымінальным працэсе пачатак і ўсё далейшае разъвіцьцё яго цалкам залежыць ад суда, які ажыццяўляе права дзяржавы на кару за злачынства, парушаушае дзяржавы парадак.

Калі шырэй задачы суда—то шырэй права і абавязкі эксперта, як бліжэйшага супрацоўніка суда.

У якой жа галіне судовай практикі рахункаванства, у асобе яе прадстаўнікоў можа выявиць сваё служэчныя права судзьдзя?

Дзейнасць рахункаведа—эксперта ахапляе шырокую галіну і ў крымінальных і у грамадзянскіх справах. Сюды адносяцца растраты, злачынства, ашуканства, машэнства, уцягненія у няявігодную умову, падлогі, злоснае банкрутства, вымаганінне, хабарніцтва; справы конкурсныя, ліквідацыйныя па ўсіх гандлёвых умовах і г. д.

Усе выпадкі бухгалтарскай экспертызы па якасці здабытага матарыялау для яе, можна падзяліць па дэйве катэгорыі: матарыяльныя доказы, прад'яўляемыя бухгалтару-эксперту: 1) могуць заключаць у сабе даныя зусім пазуны і незаганіныя, 2) могуць заключаць у сябе даныя, сумленіныя, пазбаўленыя сілы доказалау бухгалтарскіх книг як вышкі: а) выпадковасць, б) пядбаласць, в) злога замеру.

Выпадкі першай катэгорыі парадаўнічаюць так складаны і цяжкі, бо бухгалтар—эксперт мае справу з матарыялам зусім здавольняючым і можа дакыць сваё заключэніне не ўваходзячы да абмеркавання прыўваходзячых акаўнічынцаў.

Зусім іншая па цяжкасці справа, калі эксперту прыходзіцца апэрыраваць над спрэвамі другой катэгорыі (прычым на практицы перанажаюць апошнія).

Абмяжуюся пералічэннем найбольш тыповых пашыраных выпадкаў экспертызі імемна гэтай другой катэгорыі: 1) Складаныя няверных дакументаў, неаднавядзячых сапраўднасці.

Гэтыя дзейныя робіцца даволі часта распарацькамі па прыемцы і воднуску тавару ці іншых каштоўнасцяў і практикуюцца звычайна па згодзе з другімі асобамі з прысвяленнем рознасці ў сваю карысць.

У карысных-жэ мэтах адпаведныя даныя часцей (талён, дублікат, копія) аднаго і таго-ж дакументу наумысьля паказваюцца не ў аднальковых вялічынях.

Да складання заведама няправільных дакументаў прыбягаюць і у мэтах скаваць магчымыя далей той ці іншы недалік, растрату ці раскрыданыне.

Падлог дакументаў, які так часта спатыкаеца ў сучаснай судовай практицы, мае вялікае гісторычнае мінулае.

Цікавую дадэвку дае Ф. Кольб у „Гісторыі людзкай культуры“, што манахі здзяйснілі больш старанна, чымся старажытнымі клясыкамі, складаннем падложных актаў і сваімі рахункамі.

Насколько падлогі у книгах і дакументах былі вялікі і пашыраным злом, можна судзіць ужо па той акаўнічынцы (адзначанай і ў гісторыі матэматыкі і ў гісторыі гаспадарчага быту), як цяжка ўвашлі ў ужытак арабскія цыфры, нэдта лёгкія для падробкі.

Так у рукапісу Вільфганга Швейкера, належачым да 1549 г., можна прачытаць такое павучаніне: „Стаў у канцы запісу заўсёды рым-

скія цыфры, іх ня так легка сфалшывіць, як звычайныя, дзе із 0 легка зрабіць 6 ш 9, і не выстауляй манет у звычайных цыфрах".

Такі погляд на "арабскія" цыфры адбіуся і ў заканадаучых актах таго часу.

Забарону ужыванць арабскія цыфры знаходзім і у пастановах Падуанскага Універсітэту у 1348 г.

Фрэйбурскае гарадзкое уладжэнне 1520 г. толькі тады лічыла донаднюю сілу даутавых кніг, калі сумы адзначалісь ня цыфрамі, а цэлымі словамі.

На практицы падлогі устанаўляючца каліграфічнай, фатаграфічнай і хімічнай экспертызай і толькі пры наяунасці многалікавых падлогаў бухгалтарскіх дакументаў зварочваючца да дапамогі бухгалтара-эксперта.

У книгах прад'яуляемых экспертызе вельмі часта спаткаюцца: няправільны перанос даных з дакументаў, няправільнае складанье артыкулау у асноўных і дапаможных книгах; запіс несправудных выдаткаў; пропуск паступінных кантонасціяў; няправільны падлік ітогаў і транспартаў і перанос іх на чарговыя старонкі; няправільны перанос ластач; адчыненіне і вядзеніне фіктыўных рахункаў; няузгодненасць запісу галоунай кнігі з адпаведнымі данымі дапаможных книг; скажэніне раней зробленых правільна запісу у книгах праз падчысткі і нерапраукі і інш.; самавольны перанос на неадпаведныя рахункі, а таксама самавольнае складанье старнірованых (неправачных) артыкулаў; зыншчыненіне тых або іншых аркушаў бухгалтарскіх кніг і устаўка новых аркушаў з падложнымі запісімі.

Фабрыкаваныне дутых спраназдач, няузгодненіне з сапраўднасцю значна болей паширана, чым гэта дапускаюць у шырокіх грамадзянскіх колах.

Да жалю вельмі малы процент такіх спраў даходзіць да суда.

Каму з старых бухгалтараў не вядома, як пры вырашэнні мытання аб дывідэндзе падгандляліся і адпаведным чынам камбінаваліся цыфравыя данія, як у дырэктарскіх габінетах многіх банкаў дыктуваўся чарговы купон і як, выходзячы з загадзя намечанай нормы мынкаў справаздачы, складаліся заключныя артыкулы бухгалтарскіх кніг.

Многалікавыя банкаўскія працэсы мінулага часу маглі-б паслужыць наглядным прыкладам выявлених экспертызай мастацтваў—банкаускіх дзяляцоў, рыцарэй легкай нажывы пусцішых па сівеце не адну тысіччу людзей.¹⁾ А цынер? Калі выхадзіць з павешчанай лёзунгу "Сацыялізм—этот вучот", то бяручы пад увагу справаздачы аб судовых працэсах нашых гаспадарнікаў, бяручы пад увагу вынікі усесаюзных з'ездаў бухгалтароў, пастановка справаздачы ў цэлым шэрагу нашых буйных дзяржаўных, гаспадарчых прадпрыемстваў, даючы багаты матарыял для бухгалтарскай экспертызы, далёка і на доўга адсувае нас ад канцонага этапу імкнення чалавечства.

З дакладу аднаго з быушых відных кіраунікоў, нашай дзяржавай прымесловасці т. Пятакова на адным з з'ездаў бухгалтароў відаць, што справаздачыніца ў вялізной большасці прадпрыемстваў далека не вядзеніца ажурам (jour), справаздачныя балансы засягваюцца прадстаўленнем на 2-4-6 мес., а па некаторых прадпрыемствах не дастаўляюцца і зусім.

Многія прадстаўляемыя балансы грэшаніць супроць асноўных за-натрабаваніяў бухгалтарэй, яснасці, правдзівасці і пэунасці.

¹⁾ С. Ф. Іваноў—. Бухгалтарская экспертыза стар. 28.

У цікавай працы Бейгеля „Theorie und Praxis der Buchführungs und Balanz—Revision”, а таксама у грунтоўнай працы праф. Шэрра—„Бухгалтэрый і баланс” прыведзена шмат прыкладаў, якія маюць мейсца і у крымінальнай практыцы, вельмі добра ілюструюць, да якіх прыёмаў прыбягаюць цёмныя дзяяльцы і закулісных спраў майстры дзяля таго, каб схаваць съліды злачынства, ашукауць грамадзкое давер'е.

Да якіх толькі хішчэрніяу не прыбягаюць „спэцыялісты” балансавыя майстры, якія ставяць сабе задачай, зразумела, дзяякоўчы самых разнастайных матываў прадставіць у лепшым іх дрэвінам выпадку палажэнне, стан і разъмеры маёмыці і прыбытак прадпрыемства, схаваць дзелавыя факты, маёмыне палажэнне ці абавязак прадпрыемства затушаваць іх, прыдаць ім няясны від, адным словам падаць баланс прадпрыемства у замаскаваным, або вэлюмінаваным відзе.

Пад вэлюмінаваннем балансу нямецкая судовая практыка разумее „такі способ выразу, які робіць няяснымі ці цяжка высьвітляемымі сапраудныя факты і пры тым, такім чынам, што дзяякоўчы гэтаму утвараеца няправільнае суджэнне аб сапраудным палажэнні рэчау”.

Тут могуць мець месца наўмыснае сховуванне ці замаскаванне даных балансу, ці праста падробка балансу.

У злачынстве ўсе спосабы добрая, тут карыстаюцца ўсім, але разабрацца ў такім аслалуленым матарыяле, знайсьці і высьвітліць съліды злачынства, задача надзвычайна складаная, марудная, патрабуючая вялікай напружанасці розуму і волі, вялікае практыкі і ведаў.

На жаль, складанне няправільных балансаў і фальшивых справаў заставае і даволі паширанае злодзеяне. Зразумела, з широкім развіцьцем адказнасці перад законам і грамадою, з пашырэннем прау бухгалтара, паменшыцца лік такіх спроб рана ці позна прыводзячых на лаўку падсудзімых.

Бязумоўна, у мэтах аб'ектунасці дзеяньняу рахункаўодны апарат павінен быць зусім эманіспаваны і вызвален ад магчымасці уплыву на яго тэхніку з боку адміністрыруючага органу, што кіруючы апаратам бухгалтар павінен быць матарыяльна незалежным ад гэтага органу і што дзеянасць рахунковага апарату павінна быць ізалявана ад неналежальных умов апрацоўкі функцый, грашовых, матарыяльных і інш. Апроч таго павінна мець месца налічча адпаведных знадворных аб'ектунах умоў у відзе гарантый магчымасці компетэнтнай кантрольнай экспертызы і аўтарытэтнай ацэнкі іх спэцыяльных дзеяньняу, а з другога—гарантую дысцыплінарнай і крымінальнай адказнасці іх. Гэтыя дасягненны магчымы пры наліччы спэцыяльнага дзяржаунаага органу для экспертызы, які цяпер і ўтвораны пры PCI.

Прынодзячы гэтыя, падмечаныя практыкай шэрагу бухгалтарскіх экспертыз, выпадкі і магчымасці фальсіфікацыі бухгалтарскіх справаў заставаюць, я зусім ня маю на мэце кінуць якое небудзь аблінавачанне па адрасу інштытуту бухгалтароу і на іх выключна ўскласьці адказнасць за слабую, а часам і няправільную пастанову справаў заставаць ў шэрагу гаспадарчых устаноў, меўшых месца да гэтага часу.

Цэлы шэраг прайшоўшых перад намі судовых працэсаў з яскравай відавочнасцю і рэльефнасцю паказаў, што часта першай прычынай высьветленых злачынстваў зьяўляюцца не паасобныя бухгалтары, вядома, і „усямі не бяз вырадку”, а іменна, тая аб'ектуная умовы безпраўя, уціску і самавольства, сірод якіх прыходзіцца часамі працаўцаў нашай арміі прыцінутых іярэдка доляй безкарысных працаўнікоў і сумленных, любящчых сваю справу, і шчыра адданых ёй рахунковых працаўнікоў.

Справа ў тым, што для выкананыя абавязкаў бухгалтара у прадпрыемствах сучаснага тыпу і разьмерау, так розных як па тэхнічным асаблівасцям і эканамічным пачаткам, так і па мэтах і способам іх дасягненія, патрэбны асобы, уладаючыя вядомымі саліднымі прафесіянальнымі ведамі і маральнау трываласцю у выкананыі свайго службовага абавязку.

Але лік бухгалтароу, здавальняючых паказаным запатрабаваныям, пакуль што вельмі абмяжованы і разьлічваецца па пашырэнніе кантынгенту іх бадай немагчымы з прычыны скарачэння сеткі вучэбных установаў і курсаў прамысловага-еканамічнага тыпу, і старая армія рахунковых працаўнікоў выходзіць з радоу, а новая зьмена ія ідзе ёй на вызваленіе, за адсутнасцю падрыхтоўкі да вядзення такое адказнае работы.

У дадатак да гэтага заканадаўства прадстаўляе адпрауленыне гэтай важнай у грамадскім жыцці функцыі вольнаму угледжванню ўсякага жадаючага без установы якога-небудзь аддукцыйнага і маральнага цэнзу.

Апроч гэтага, поўная матарыяльная і службовая залежнасць ад інічым ія сыснутай у галіне справаўдачы адміністрацыі, ці галавы прадпрыемства і адсутнічыне паза прадпрыемствам падставы юрыдичнай, маральнай і матарыяльной пазбаўляючы часта асоб рахунковой прафесіі глебы для выяўленення неабходнай трываласці у выкананыі свайго грамадзкага абавязку.

Ува ўсякім выпадку ішлы шэраг судовых працэсаў досыць пераканална паказваючы нам, што злачынствы, якія рабіліся у прыватных і грамадзкіх установах пад прыкрыццем болей чым няправільной справаўдачы, мелі месца, галоўным чынам, з прычыны неазнаначальнасці праў і абавязкаў бухгалтара, неабмяжованай залежнасці іх ад савольства асоб, кіруючых прадпрыемствам.

Жыцьцё з кожным днем усе болей і болей падкрэслівае разьвіваючуюся сацыяльную ролю бухгалтара-рахункаўца. На Захадзе, ён займае ужо значочную ролю у грамадзкім будауніцтве, трэба спадзявацца, што у гэтых адносінах мы не адстанем ад заходу і у нас бухгалтар-рахункаўц зойме належнае яму ганарове месца у разьвіцці гаспадарчай моны Саюзных Рэспублік.

Наша гаспадарка зараз выбіраеца з таго бяздоўнія, у якое яна была укінута пасля імперыялістичнай і грамадзянскай вайны. Гаспадарка павольна крок за крокам, але цепка і настойліва выбіраеца з таго бяздоўнія, у якім яна знаходзілася у 19—20 г. г.

Адначасона з адраджэннем гаспадаркі, адначасова з ростам вытворчых сіл краіны, вытворчых сіл нашай прамысловасці, адраджаеща і рахунковы апарат у нашай гаспадарцы, але у процілегласці капіталістичным краінам мы маем справу з дзяржаўнай гаспадаркай, дзяржаўнай прамысловасцю і гандлем і адсюль роля рахунковага працаўніка бухгалтара у нас павінна быць і больш ганаровай і больш адказнай, чымся на заходзе.

У нас бухгалтар павінен быць, як ўдзельнік злачынства прадпрымных дзялянкоў з якімі вядзе барацьбу правасудзьдзе, а сапрауднымі вокаў народным, якое сочыць за тым, у якім становішчы знаходзіца народная маёмасць, ці раскрадаеца яна і павялічваеца, ці маем мы рост народна а багацця, ці яго растачэніе.

У сучасны момант НК РСФ СССР улічваючы бяспраунае пала жэнъне рахунковых працаўнікоў у наших установах, распрацавау Пала жэнъне аб правах і абавязках галоўных бухгалтараў. Згодна гэтаму Палажэнню галоўныя і старшыя бухгалтары нясуць адказнасць як

і кіраунікі установау, прадпрыемствау і арганізацыі. Пры чым нясунь адказніасыць ня толькі за правільнае вядзеніе падліку і справаудачнасыць, але і за агульную пастанову справаудачы у алдзяленьнях і гаспадарчых адзінках, уваходзячых у склад данай установы альбо прадпрыемства.

На падставе гэтага Палажэнныя кантрольныя органы (Фінкантроль, РСІ, ведомственная рэвізія, рэвізійная камісія) павіны прыняць усе крокі, каб бухгалтарты гэту адпаведніасыць нясыль на спраце, не пакідаючы без накарання парушэння у галіне падліку і справаудачнасыць.

Трэба лабінца, каб галоуныя бухгалтарты пільна сачылі за дакладным выкананнем усіх патрабаванняў дзяржавы у галіне парадку выдаткавання сродкаў.

Немагчыма цярпець, правілова піша па гэтаму поваду т. А. В-аў у № 59 газ. „Рабочы” за 9 II-1928 г., каб бухгалтарт принімау такія апэрацыі, якія парушаюць элементарныя правілы бюджетнай дысцыпліны, установленыя дзяржавай.

Нельга таксама прахадзіць міма такіх фактаў, калі бухгалтарт, выходзячы з падхалімскіх меркаванняў у сваёй безадказніасыці, баючыся за свае „месцы” і палажэнніе, нрапускае выдаткі неправеранымі ці няпэўнімі дакументамі. Трэба утварыць такое становішча, пры якім бухгалтарт быў бы абаронен ад бюрократычнага нажыму і прасъедавання.

Але дзеля гэтага трэба ня толькі палепшыць праунае палажэнніе бухгалтароу у нашых прадпрыемствах, але і у тэрміновым парадку падрыхтаваць кадры добраўпаміріваваных працаунікоў рахунковай справы.

Хочацца верыць, што разыўваючаяся гаспадарчае жыццё Саюзных Рэспублік прымусіць нас звярнуць увагу на тое, што прымесловая-эканамічнае адукаваніе ня толькі вышэйшая, але і сярэдняя, ня можа съпыніца, што яна патрэбна для народу—будаўніка гаспадарчай моцы і калі мы хочам паднімць неаб'ятныя багацьці, што знаходзяцца у нас, то мы павіны утварыць сапраудніяя вогнішчы думкі, съвету і ведау.

Шырокія перспектывы для рахунковых працаунікоў з'яўляюцца больш шырокімі, ілійнымі і адказнімі для бухгалтароў—экспэртаў.

У сваім адказнім служэнні пранасудзіцю, у працы съядомай і узвышнай, у служэнні лепшым наказам права і сілі, рахункавед горда панясе свой сынаг слыў і веды на служэнніе юрыспрудэнцыі, грамадзе, на заваеву лепшага будучага.

Андрэй Бурдзейка.

Асеспрант пры Катэдры Гіст. Нар. Гаспад. Беларусі

Земляўласьнік і земляроб па Літоўскаму Статуту 1566 г.¹⁾

Політычныя права земляўласьнікаў. Ва ўсіх пастановах Статуту, у якіх гаворыцца аб політычным праве, не праводзіцца розныцы паміж шляхтай-земляўласьнікамі і шляхтай неземляўласьнікамі. Тут Статут, пералічваючы розныя категорыі шляхецтва, надае ўсім адным і тыя-ж права, раўніне ўсю шляхту. Мы і будзем на аснове гэтага разглядаць тут ўсю шляхту, як адно цлае.

З політычными правоу на першым месцы трэба настаявіць права шляхты прымаць удзел у сойме. Згодна артыкулу шостаму III разьдзелу соймы павінны склікацца у меру патрэбы. Права прымаць удзел у сойме трэба лічыць вельмі кнітоўным правам, бо нікай інай уставы вялікі князь ія мог даваць без сойму,²⁾ без сойму німожна было сабраць войска,) сойм быў і вярхоўнай судовай установай.³⁾ Адным словам сойм кіравау ўсім жыццем дзяржавы. Вядомі вільны сойм падрэджалі павятовыя соймікі, на якіх абгаварваліся справы, паставленыя у нарадзак дню сойму, выбіраліся дэлегаты на вялікі вальны сойм, выпрацоўваліся наказы ім і разглядаліся справы павету іні ўсеводзства.⁴⁾ Другім політычным правам трэба лічыць права займаць дзяржаўныя пасады. Статут забараняе цэнтральнай уладзе прызначаць на дзяржаўныя пасады, як сівецкія, так і духоўныя чужаземцау, а захоўвае іх толькі за тубыльцамі.⁵⁾ Ня ўсе і тубыльцы мелі права на гэта. Гэта права мела толькі шляхта. Статут вельмі выразна кажа аб гэтым і прысьвячвае гэтому пытанню асобны артыкул.⁶⁾ „Урадау простым людзям даваць ія маэм“. Атрымаўшы тую ці другую пасаду шляхціч мог адчынваць сябе вельмі мнона на ёй, бо згодна пастановы статута, цэнтральная улада не магла на сваім якім небудзі поглядам зныць яго з яе. Статут дазваляе атабраць у шляхціча якую небудзь пасаду толькі на суду. Кароль абяцае, што ін сі сам ін наступнік яго ія будуть адымачы пасад „заочна“. Калі-ж які небудзь ураднік будзе шкоднікам і аб гэтым будзе даведзена гаспадару, то ён пазвауши гэтага

1) Глязіі Працы Белар. Дзярж. У-ту, № 14-15.

2) Разыдел III арт. 12.

3) Разыдел II арт. 1-2. Ува ўсім разыделе аб абароне земскай вельмі старания праводзіцца імкненне вядзіць магчымасны уладзе цэнтральнай карысташа войскам без сойму. Войска фактычна павінна было біць, згодна Статуту, у руках сойму, а не вялікія князі і паноў разам.

4) Разыдел I арт. 3.

5) Разыдел III артыкул 5.

6) Разыдел III артыкул 9.

7) Разыдел III артыкул 15.

УВАГА. У уступе мною было адзначана, што ў Бел. Дзярж. бібліятэцы німа Статуту 1566 г.

К часу друкавання працы бібліятэка Статут 1566 г. ужо набыла. За ісправіўшы паказ прашу прафесійны ў чытальні ў кірауніцтва Бел. Дзярж. бібліятэкі.

урадніка і таго, хто на яго даводзіць, да сябе, тут разам с панамі—
радаю і выслушаўши адзін і другі бок вынісць тую, ці другую па-
станову. Заочы-ж іш у каго урад ня будзе алъмаша¹⁾.

Такім чынам мы бачым, што шляхта карысталася вельмі шыро-
кімі палітычнымі правамі. Нават можна сказаць больш, толькі яна і
карысталася палітычнымі правамі; тут ёй перавага аддавалася надзвы-
чайна вялікая. Усе другія групы насельніцтва былі абмяжкованы ў
свайгіх правах на карысцьце. Грамадзянінам у поўным сэнсе гэтага
слова можна лічыць толькі тубыльца шляхціча. Але адносна гэтых
прав, зноу паутараем, Статут ня робіць розыніцы паміж шляхцічам
земляуласынкам і шляхцічам земляуласынкам, як ніякіх правоў
для іншляхціча земляуласынка. У гэтым разыдзеле свой саслоўны
характар Статут захаваў у поўнай меры. Расходжанню паміж клясай
і сасловінм тут Статут ня дае ніякай вагі. У якой меры гэта адпавяда-
ла жыццю і як жыццёвіа была такая мешаніна клясы і сасловія мы
тут разглядаць ня будзем, аб гэтым Статут нам нічога ня скажа.
Можна думаць, што у тых часы кляса і сасловіе вельмі шчыльна
падыходзілі адно да другога, можна спадзявацца, што Статут адбівае
досьць праудзізвую картыну тагочаснага жыцця.

Права маёмасьці. Разыбираючы пытаныне аб праве маёмасьці
земляуласынкау трэба зрабіць некалькі папярэдніх зауваг. Перш за
усё, гаворачы аб праве маёмасьці, мы павінны будзем часткаю закра-
ніцу і зямельнае права. Але паколькі мы гаварым аб земляуласынках,
то зямельнае права мае для нас асаблівую цікавасць і им мы
будзем гаварыць яшчэ спэцыяльна. Тут-же мы аб зямельным праве
будзем гаварыць толькі тады, калі яно цесна злучана з агульным правам
маёмасьці і яго нельга выключыць. Па другое, мы ня будзем тут ад-
рэзьніваць рухомай маёмасьці ад нерухомай, бо ніяма гэтай розыніцы
і ў Статуте.²⁾ Патым, правы маёмасьці Статут надае усей шляхце ад-
польскавыя, а ў некаторых месцах гаворыць нават разам аб ўсіх
вольных насельніках дзяржавы.

Праву маёмасьці шляхецтва Статут атдае вельмі многа ўвагі.
На першым месцы трэба паставіць права ўладаць тым, хто што мае.
Гаспадар абяцае, што ні іменінай, ні людзей, ні грунтаў дадзеных ім,
ці яго продкамі, што якія будуть дадзены, з так сама і таго, што
правам набыту хто небудзь, ні ён, ні яго наступнікія будуть адъмаша³⁾.
Замацаваўши такім чынам за кожным шляхцічам яго маёмасьць Статут
дае права вольна карыстацца і распарааджацца сваёй маёмасьцю. У пера-
вагу старым звычаям, цяпер ужо чалавек усякага стану мае права
сваю маёмасьць „wszystka z dozwoleniem“ усю цалком, ці некаторую частку
яе прадаць, заставіць, падарыць і так далей, як ён знайдзе лепш для
сябе. Можа нават ня дайць маёмасьці сваёй бацькаўшчыны дзецям, ці
блізкім, а перадаць каму ён захоча.⁴⁾ Нават іменіне, атрыманае ад
гаспадара за службу мае права прадаць, запісаць і г. д., толькі з тэй
розыніцай, што гэтая справа панина адъбывацца пры гаспадары, калі
ніяма асобных прывілеяў, у якіх права вольнага распарааджання спэ-
цыяльна абаварана.⁵⁾ Ува ўсіх гэтых пастановах ня робіцца розыніцы
паміж зямлю і ўсякай другой маёмасьцю. З гэтых ужо пунктаў мы
бачым, што права маёмасьці тлумачыцца Статутам вельмі шырока, пры

¹⁾ Разыдзел III артыкул 11.

²⁾ Часамі Статут ужывае тэрмін—рухомая маёмасьць, але пры тлумачэнні правоў
ені ня робіць розыніцы паміж рухомай і нерухомай маёмасьцю (Разыдзел IV арт. 34, стр. 104).

³⁾ Разыдзел III арт. 2 (стр. 42, арт. 36 стр. 66).

⁴⁾ Разыдзел III арт. 33; Разыдзел VII арт. 1; Разыдзел III арт. 35.

⁵⁾ Разыдзел III арт. 34

чым Статут падкрэсцівае, што права вольна распараджаща сваёй маёмасцю датычыща ўсіх станау грамадзянства.¹⁾ Ці вытрымае гэты свой погляд Статут да канца, гэта мы убачым разглядзеўши права маёмасці земляробау. Тут-же шкава толькі падкрэсляць, што думка аб наданні права кожнаму вольна распараджаща сваёй маёмасцю, права, так неабходнага для разынніць поунай грашовай гаспадаркі, яскрава выяўлена Статутам. Прынцып замацавання маёмасці за пэунай асобай падкрэсціваецца і пастановамі Статуту адносна ўся-
кання, каго небудзь за межы дзяржання да ворагау Літвы Беларусі. Калі хто небудзь уяўчэ за межы дзяржавы з злым умыслам, то траціць маёмасць і дзеці атчынну траціць, калі яны не аддзелены ад бацькі, і апрач таго, што дзеці самі набылі. Такім чынам бацька лічыцца поуным уласнікам маёмасці і яго праступак выклікае адабраныне гэтай маёмасці. Калі-ж ужо адбыўся падзел маёмасці, то поуным уласнікам становішча кожнае дзіця над той часткай маёмасці, якая яму напала пры падзеле.²⁾ Дануше Статут і калектыунную уласнісць на маёмасць, пры якой усе ўдзельнікі разам павінны становішча у права.³⁾

Калі для нас яшчэ можа быць падазрэннем правядзенне гэта-
кіх поглядаў Статутам да канца і у адносінах да не шляхцічу, і асаб-
ліва земляробау, то матчысасць тлумачэнні ў самам широкім
сэнсе для шляхты і асабліва шляхты—земляуластыку не падлягае
никаму сумленню. Пастановы так ясна і так широка тлумачаць права
маёмасці шляхты, што ня трэба ніякіх тлумачэнніу і большых прау-
дань нельга, тым больш, што і фармальнасць, якія павінны адбыцца
пры перадачы маёмасці ад адной асобы да другой Статут імкніча
зрабіць як можна меншым і як можна лягчайшым для выканання.⁴⁾
Замацанаўшы маёмасць, за пэунай асобай і надаўши права гэтай
асобе вольна карыстацца ёю па сваім поглядам Статут 1566 г. не за-
быў распрацаваць адзел і аб тым, што будзе, калі хто парушае
права чужой маёмасці.⁵⁾ Трэба сказаць, што гэта частка пастановы у
Статуте 1566 г. распрацавана добра. Асноўная думка, праведзеная праз
усе пастановы, ёсьць: зладзею ніякай міласці. Статут зварочвае тут
увагу толькі на тое, што ёсьць поунай упэуненасць у зладзіцтве, ці не. Тут Статут у першую чаргу зварочвае увагу на той выладак, калі
зладзей злоулен „з лісем”. Мера-ж пакарання пры ясным даводзе
„з лісем” залежыць ад каштоунасці гэтага „ліса”. Калі яно каштует больш
палиціні грошу, то вінаваты горла траціць, а калі палиціну, то вінава-
тага біць у слупа, і „ліс” і павізку (да ліца дадань яшчэ каштоунасць
гэтага ліса) аддаць пакрнуджанаму. Калі „ліс” каштует больш пауканы,
або і капу, тады біць у слупа і з места выгнаны. Калі да 12 грошай
каштоунасць „ліса” тады так сама біць у слупа. Аб павізках у апош-
ніх двух выпадках ніяма ніякай гаворкі. Калі-ж хто у другі раз будзе
злоулен, то, хоць бы „ліс” каштавала і менш дзесяці грошай, усё роу-
на вінаваты горла траціць.⁶⁾ Якім спосабам можна было давесці віну

1) Разъдзел VII. Уступ да VII разъдзелу.

2) Разъдзел I артыкул 6 і 7.

3) Разъдзел IV артыкул 44; Разъдзел VII арт. 8.

4) Разъдзел VII артыкул 1.

5) Данные пытанніе адносіца да карнага права і я тут раблю толькі краткіе зла-
натоўкі, тым больш што па гэтым пытаннію ёсьць і сінціяльныя працы, якія, прауда
гаворачаць ня толькі аб Статуте 1566 г. а і 1529 і 1588 г. г., але усе-ж яны даюць иска-
торые урадлжэніе аб вырашэнні нашага пытання. Я разумею працы И. Маліновскаго
—ученіе о преступленіях по Літ. Стат. і Демченко —Наказанне по Літ. Стат.—Кіев 1894 г.
на аснове гэтага я і не лічу патрэбным больш падрабязгово разыбраны пытанніе аб ка-
раках за нарушэніе права маёмасці.

6) Разъдзел XIV артыкула 4.

каго небудзь у тым разе, калі няма ліца, мы ўжо гаварылі трохі разней.¹⁾ Такім чынам пры пакараані за парушэнне правоу маёмасыці прымаецца пад увагу каштоунасць маёмасыці з аднаго боку, а з другога—ці першы раз зрабіу гэта вінаваты, ці другі раз. Каб-жа ведаць аб гэтым, кожны высьведчання злодзей заносіца у асобныя чорныя кнігі.²⁾ Хто ж зрабіу парушэнне—шляхціч, ці нешляхціч Статут ня робіць розынцы, розынца робіца толькі у довардзе зладзейства. Шляхціча цяжэй абвіанаваць, як мы гэта бачылі раней. Розынца яшчэ робіца і у тым, у каго зроблена зладзейства. Калі абкрадзена клець шляхціча, то штрафу 12 рублёў грошай, а калі мужыцкая, то 3 рублі грошай.³⁾ Дазнайлецца так сама шляхцічу, баронячы свой дом, забіць гвалтауніка.⁴⁾ Але потым гэта павінна быць назначана у урадзе. Дазвалляеща Стагутам шукаць сваіх рэчау і у чужкім доме, але толькі пры прадстаўніку улады і пры съведках.⁵⁾ Распрацаваны Статутом прымілы звароту прысуджаных грошау,⁶⁾ аб пазыках,⁷⁾ заставах.⁸⁾ Дана каштоунасць быдлу, ітхам, збожжу і нават пісам.⁹⁾ Есьць ізлы шэраг пастаноу, у якіх высынетлена кара за пакражу асобных рэчау, як збожжа, каня, рыбы, раба;¹⁰⁾ ці у якіх прыняты пад увагу асобныя умовы пакражы, як пакражы пры пажары.¹¹⁾ Коратка сказаць—гэта частка Статуту распісирована добра і аутары Статуту шмат чаго пра-дубчывалі і імкніліся зрабіць ўсё для таго, каб зынішчыцы парушэнне правоу маёмасыці. Другая рэч, ці магчыма гэта было зрабіць юрыдычным актам, тым больш так яскрава шляхецкім і наколькі можна было ажыцьцяўніць пастановы Статуту, але гэтыя пытанні ляжаць ужо па за межамі нашай тэмы. Мы-ж тут застановімся крыху на тых асаблівасцях давядзення свайго права, якія датычыца выключна маёмасыці. Мы ня будзем тут казаць аб усіх формах судовага працэсу, аб пазыўанню да права і г. д., а застановімся выключна на тым, якія зъмены, ці якія спэцыяльныя формы уводзіць Статут у выпадку не-абходнасці давесыці шляхцічу свае права на маёмасыці. Перш за ўсё, для таго каб быць упэуненым у той маёмасыці, якую атрымліваеш за гроши, ці якім небудзь другім чынам, трэба каб гэтая перадача маёмасыці была запісана у урадавая кнігі¹²⁾ У другім месцы Статут ставіць спэцыяльныя артыкул аб тым, што калі хто каму небудзь запісаў якую небудзь маёмасыці рухомую альбо гроши, то адабраць назад ія мае права, калі гэта было зроблена пад яго пячаткаю, і пячаткаю людзей добрых „подле обусцай права искупіону“.¹³⁾ Тут, прауда, не адзначана, што гэта абавязкона павінна быць запісана ў ўрадавая кнігі, але артыкул аб запісах у ўрадавая кнігі ня супярэчыць яму, а наадварот, тлумачыць выраз гэта артыкулу „подле обусцай права искупіону“ які я разумею, як неабходнасць запісаць справу у ўрадавая кнігі. Такім чынам перадача маёмасыці, каб яна была найболыш пэўнай. павінна быць запісана у ўрадавая кнігі. Усякі атрымаўшы па праву

¹⁾ Раздзел XIV артыкул 7.

²⁾ Раздзел XIV артыкул 9.

³⁾ Раздзел XIV артыкул 11.

⁴⁾ Раздзел XI артыкул 6 і 7.

⁵⁾ Раздзел XIV артыкул 5 і 6.

⁶⁾ Раздзел IV артыкул 59.

⁷⁾ Раздзел VII артыкул 9 і 10.

⁸⁾ Раздзел VII артыкул 11, 12 і 24.

⁹⁾ Раздзел XIII артыкул 1, 2, 3, 8, 9, 10, 11, 12 і 13.

¹⁰⁾ Раздзел XIII артыкул 24-26 і 30, раздзел III арт. 40.

¹¹⁾ Раздзел XIII артыкул 27.

¹²⁾ Раздзел XIV артыкул III.

¹³⁾ Раздзел VII артыкул 7.

маёмасьць павінен узяць яе ў сваёй карыстаньне, калі-ж ён па працы ў дзесяці гадоу маучай і не брау таго, што яму належыць, то траціу права даходзіць потым гэтай сваёй маёмасьці. Такім чынам, Статут уводзіць даунасьць, як ён яе называе, земскую, тэрмін для якой 10 гадоў.¹⁾ Недарослья і знаходзячыся за межамі дзяржаныя грацыць сваёй права, хоць бы яны і прапусцілі земскую даунасьць, гэта да-тычыцца толькі дарослых і знаходзячыхся ў межах літоўска-бела-рускай дзяржавы. Апроч земской даунасьці Статут 1566 г. уводзіць яничную даунасьць і у тым выпадку, калі хто небудзе гвалтам парушыў права маёмасьці другога. У такім разе тэрмін больш кароткі, усіго трох гады, калі-ж пакрыуджаны маучай трох гады, не пазынвау да права вінаватага, то *„bedzie więc wieczne mityce“*.²⁾ Прад кім жа трэба да-ходзіць сваёй права па міёмасьці, каму скардзіцца па парушальніка права? На гэта занытанне ёсьць прости адказ у Статуте: павятовыя суддзі з падсудкамі пісарами па справам звычайным (грамадзянскім і ва-яводы, старасты і дзяржаву даюць права па карынм справам³⁾), а іншэйшай інстанцыі звязулянцца вялікі князь⁴⁾, які за дачу права абвячае нічога ія брацы⁵⁾. Калі-ж хто небудзе якой небудзь маёмасьці дайшоу правам, то урад уводзіць яго па права карыстаньня гэтай маёмасьцю. Каб-ж яна было перашкоды з боку таго, каму гэта маёмасьць раней належала, урад устаноўліве заруку, якая павінна быць па-большай, як прысулджаю маёмасьці. У выпадку перашкоды па кары-станину маёмасьцю з боку ранейшага уласніка, вінаваты плаціць палову гэтай заруکі гаспадару, а другую палову пакрыуджанаму⁶⁾. Калі-ж вінаваты ія хоца дабравольна выкананць пастанову земскага суду і яя хоца плаціць заруку, то урад земскі зварочваеца да ураду замковага, а апошні збірае шляхту усіго павету і з яе дзяламогай павінен выкананць пастанову земскага суду і узяць заруку. Калі-ж хто небудзь і у другі раз не паслухаеца ураду гаспадарскага, то гаспадар абвячычае па ўсёй дзяржаве, каб яго злавілі і пакаралі горлам⁷⁾. За адказ звязніца па суд па справах, падлеглых суду ваяводы, старасты; дзяржаву, (разьдзел IV арт. 20), гаспадар абвячычае вінаватага віваланцам — г. е. адбірае права грамадзяніна, права аховы сябе і сваёй маёмасьці з боку дзяржавай улады. Апошнюю кару трэба разглядзяць, як вышэйшую кару за адказ вы-кананца пастанову суду адносна маёмасьці і, зразумела, што яна высоўвалася ў тым разе, калі усе другія меранімісты не давадлі належных вынікаў. Мне здаецца, мы можам зусім згадзіцца з давадам Г. В. Демченкі, які лічыць, што установа вівалання ёсьць адзінака таго, што у урада фактычна ія было ніякіх сродкаў прымусіць таго що іншага выкананць сваю пастанову. Свюю думку ён даводзіць тым, што часта гэтая вываланцы заставаліся жыць па сваім старым месцы і яя відаца, што яны адчувалі сябе дрэніні і другое, што ураду за-часта ужо прыходзілася абвічыць тую що іншую асобу віваланцам, што съведчыць аб тым, што гэтая кара ія была таюкой ужо страшнаю, як гэта здаецца з першага погляду⁸⁾. Згадуешыся з гэтым поглядам

1) Разьдзел III артыкула 37-38.

2) Разьдзел XI артыкула 32.

3) Статут забаране справу падлеглую павятовому суду перадаваць суду замка-візму і пазадворт. Так сама забараненне справу належачую да аднаго павету перанасні. У другі павет Разьдзел IV арт. 25.

4) Разьдзел IV арт. 1, 2, 20 і 61.

5) Разьдзел I артыкула 39.

6) Разьдзел IV артыкула 49.

7) Разьдзел IV артыкула 67.

8) Г. В. Демченкі — Наказанне по Літоўскому Статуту. Кіев — 1894 г. стр. 270.

Г. В. Демченки мы можам разумець усю ахову маёмасыці толькі як некаторую дапамогу з боку ураду. У канцы-ж усаго земляуласынік, як стары фэодал, сам ахоувае сваю маёмасыці і маёмасыці сваіх людзей. Яны ня лічылі яшчэ для сябе неабходным адмовіцца ад некаторых сваіх правоу на карысцьць цэнтральной улады, каб месці,магчымасыці ёй поўнасцю перадаць ахову сваёй маёмасыці. Яны лічылі яшчэ карысным заставіць гэта у сваіх руках, зрабіўши толькі значны крок у бок перакладу абавязкау аховы маёмасыці на плечы дэяржаунага ўраду. Урэшце трэба адзначыць, яшчэ адну асаблівасць при донядзе права на маёмасыці. Статут 1566 г. дазвяляе ставіць у судзе замест сябе правазаступнцу „prokuratora“¹⁾! При гаворцы аб тым, хто можа быць пракуратарам, Статут робіць розынцу паміж сіправамі аб маёмасыці і сіправамі аб горле і чэсці. При сіправах аб маёмасыці можа быць пракуратарам толькі тубылен, аседлы вялікага князьства Літоўска-Беларускага; при сіправах-ж аб горле і чэсці можа быць пракуратарам і не аседлы чужаземец²⁾.

Такім чынам мы бачым з боку Статуту наданыне земляуласынікам шырокай магчымасыці карыстаныня правам распараджання сваёй маёмасыцю, падрабізную распрацоуку аховы права маёмасыці і разам з гэтым ня зынішчана магчымасыці карыстаныня сваей сілай, сілай сваіх людзей, пры абароне сваёй маёмасыці. Тут вяяуляеца як бы злучэніе двух прынцыпаў: права набудованае на разывітай грашовай гаспадарцы з правам набудованим на замкнутай гаспадарцы, з фэадальным правам. Імкненіе у Статуте зрабіць перавагу у бок права грашовай гаспадаркі. Не давядзеніе да канца гэтага прынцыпу можна разглядаць толькі як уступку земляуласынікам настрыям, бо толькі дзяя іх магло быць карысным гэта.

Зямельнае права. Пры разгледжаньні права маёмасыці мы сустракаліся там ужо і з зямельным правам. Права замацаваньня за кожным яго маёмасыці, права вольна распараджвацца сваёй маёмасыцю пашираваеца так сама і на зямлю. Усё тое, што гаварылася аб ахове маёмасыці і карах за парушэніе яе пашираваеца і на зямлю. Зямля уваходзіць у склад агульнай маёмасыці і усё, што гаворыцца аб маёмасыці, гаворыцца і аб зямлі, як маёмасыці. Але апрач агульнага разгляду маёмасыці Статут адносна права на зямлю робіць некаторыя дадаткі. Так што ў папярэднім аддзеле мы разгледалі права маёмасыці наогул, куды уваходзіць і зямля, а цяпер разгледзім тых дадаткі, якія маюць значэнне выключна для зямельнага права.

Адносна зямлі Статут ня толькі адзначае, што зямля зьяўляеца уласнасцю таго ці іншага чалавека і ён волен распараджвацца і карыстацца ёю, як хоча, але дэталізуе гэта пытаньне і імкненца больш падрабізна выявіць у чым, апрач таго, што гаварылася наогул аб маёмасыці: прадаць, заставіць³⁾, падарыць, можа яшчэ выявіцца распараджэніе зямлёю і у чым можа быць карыстаныне зямлёю і правам на яе. Зразумела, што Статут імкненца прадбачыць толькі тое, што можа выклікаць спрэчкі ў жыцьці, тое ж, што зусім ясна і аб чым ня можа быць двух гаворак, не зьяўляеца матар'ялам для Статуту. Зямля належыць таму ці іншаму уласніку: паустае пытаньне, а каму належыць тое, што знаходзіцца на зямлі, як пушчы, назёры, рэкі, бабровыя гоні і т. д.⁴⁾ Статут 1566 г. прысьвечвае гэтаму пытаньню некалькі

¹⁾ Аб праваабаронцах маёсца праца С. Барысенок—Утвареніе професійноі адвокатуры в Літоўско-Рускій державе—Кіев 1927 г.

²⁾ Разыдзе IV артыкул 34.

³⁾ Застаўнае землюлазашнне, права заставы добра выяўлена праф. У. І. Пічэта. „Зямельнае права ў Статутах 1529 і 1566 гадоў. Працы БДУ № 11 1926 г.

артыкулау. З гэтых артыкулау выяўляеца, што уласнасць на зямлю, яшчэ ня вызначае уласнасць на тое, што знаходзіцца на зямлі. Так Статут зусім ясна гаворыць, што зямля можа належаць аднаму чалавеку, а бабровыя гоны на гэтай зямлі другому¹⁾). Тое-ж самае можа быць з борччым²⁾, сенажацім і вазэрам³⁾). Статут у паказаных артыкулах досыць падрабязна: распрацувае, як павінна ёсці карыстацьне гэтымі рэчамі, калі яны знаходзяцца на чужой зямлі. Імкненіе размяжаваць права уласніка зямлі і права уласніка гэтых сенажацій, вазэр, бортных драу і г. д. Уласнік зямлі ў тыхіх выпадках абмяжоўваеца ў сваіх правоах карыстацьня тым, што яму належыць. Так распрацуваючы сваю зямлю ён павінен рабіць гэта так, каб гэта ня шкодзіла бабровым гонам, знаходзячымся на яго зямлі, г. д. не падорывацца блізка да гонау, не выніярэбліваць кустоу калія гонау, не падорывацца да дрэва бортнага, каб не пашкодзіць яму, дзіць вольны праход да гэтых гонаў, вазэр і сенажацію. Уласнікі-ж гэтых гонаў, вазэр, сенажацій і г. д. маюць права у некаторай меры карыстацца ін толькі гэтай сваёй уласнасцю, але і уласнасцю таго на чый-ні зямлі знаходзіцца гэтая іх уласнасць, так уласнік сенажаці мае права браць з пушчы, сярод якой ляжыць яго сенажаць, гальлё для стога, дрэва на аграду, бортнікі могуць браць дрэва на драбину і другім неабходным ім патрэбы, толькі усяго магар'ялу з пушчы яны могуць браць столькі, сколькі панясыць, а канём вазіць ін маюць прана. Валаданыне ж ракою разглядаецца ў двух выпадках: рака, якой забодва берагі знаходзяцца на зямлі аднаго уласніка і рака, якая працякае на мяжы. У першым выпадку яна уласнасць уласніка зямлі, а у другім дзеліцца напал. Адна палова аднаму уласніку, а другая другому. Тут так сама распрацоўана, як можна карыстацца ракою, пры чым маецца на ўвазе каб гэта карыстацьне ня шкодзіла суседзям. Каб не затапляла сенажаці суседзяму, млыну, які знаходзіцца вышэй і т. д.⁴⁾. Зьверы, птушкі, рыбы у вазёрах і рэках ёсць уласнасць таго, каму належыць рака, лес, возера. Біць, лавіць звяяроу, птушак і рыбу у чужым лесе, возера, раці, забаронена. Статут устанаўлівае вартасць асобных звяяроу і птушак, па якой трэба плаціць пры парушэнні правоу уласніка іх⁵⁾). Так сама прадугледжана вартасць бортнаму дрэву, пчолам, хмелю і дрэву хмеленаму, садоваму дрэву і садавіне, простаму дрэву⁶⁾). Пры гэтым тут прадугледжваецца ін толькі школа, але і кара за злачынства. Карыстацьне зямлі, якое заснаванае на тое, што і каму зрабіў і не зауседы справа канчаецца грашмі. Так, калі лес парубіў шляхіці шляхіці, то 12 рублёў грошай, а калі хлон на хлону, то тры рублі грошай. А калі што зладзейскім звычаем гэта зробіць і будзе злоўлен *з бечем*, то павінен горла акупіць сваё⁷⁾). Асабліва-ж суроўка караецца вінаваты на лясным пажары. Усё роўна ці зрабіў што пажар наўмысьльне, ці дзякуючы толькі сваёй нядбайнасці, вінаваты караецца горлам, а школа сваім парадкам павінна быць апраулена з яго маёмысці. Такім чынам, мы бачым, што тое, што знаходзіцца на зямлі, не заўсёды належыць уласніку зямлі і з гэтага вынікае некаторая перашкода у вольнасці карыстацьня такою зямлёю. Усё знаходзячяеся на зямлі мае сваю асобную ахову. Статут гаворыць і аб тым, што можа быць выпадкова знойдзена на зямлі скажам, сковыны

1) Районел Хартыкул 9.

Раздел Хартыкул 3 і 6.

³⁾ Развдзел X артыкул 3, 4 і 7.

4) Развал IX зерткүл 11-12.

3) Развыдел X артыкүл 2, 3, 4, 8, 11 и 12.
4) Развыдел X артыкүл 9, 10, 13, 14 и 15.

3) Развьязка X артыкул 9, 10, 13, 14 и 15.
4) Развьязка X артыкул 15.

•) Раздел А артыкул 15.

раней кім небудзь невядомым гроши. Усе клады ёсьць уласнасыць таго, чыя зямля, калі ён сам знойдзе, а калі хто небудзь другі, то палавіна знайшошаму і палавіна уласніку зямлі. Разам з гэтым забаранеца назнарок шукаць якіх небудзь клада на чужой зямлі, так сама, як ія можна, прынягнучь каго небудзь да ашуканія клада калі ён гэтага ія хоча¹⁾). Аб других-же багаціях, якія могуць быць у зямлі. Статут ія кажа і можна думыць, што усе гэта бяз спрэчкі належала таму, чыя зямля. Тут мы ужо закрунул пытаныне аб карыстальні права на зямлю. Цініц нам трэба звярнуць увагу яшчэ на адно права, якое так сама находзіла з ірана на землю. Я разумею тут права браць мыта на дарозе, мосьце, грэблі, рацэ і у мястечку. Стагут лічыцца з гэтым правам, як з фактам. Некаторыя земляуласнікі маюць такое право і карыстаюцца ім і Статут ад іх гэтага права не адымае, але разам з гэтым забаране уводзіць новыя мыты. Забаране браць мыта там, дзе раней яго ія бралі. Карай за нарушэніе гэтай пастановы зяяулеца канфіскацыя таго іменіння, у якім будзе увельзена новая мыта. Але катэгарычна забарона уводзіць новыя мыты прыватнымі асобамі, як гэта гаворыша у начатку артыкулу, не праведзена да кана і ў канцы робіцца крок назад і заняулеца, што у асобных выпадках, па асобным прычынам, з спэцыяльнага дазволу вялікага князя, могуць быць зроблены выключэніи і уведзены новыя мыты²⁾). Так што мы бачым тут толькі некаторое імкненіе забаране уводзіць новыя мыты, ня больш. За тое зусім катэгарычна, без усякіх агаворак праводзіцца права піляхты правозіць і прадаваць без мыта тое, што дае яму зямля разам з тым, што знаходзіцца на яго зямлі і тым, якія жывуць на яго зямлі³⁾). Разгледзіўшы гэты артыкул нам зусім ясна становіца, чаму такі вялікі, хістаючыся харктар мае папярэдні артыкул. Земляуласнік—шляхціч, звольнены ёні ад платы мыта, ня быў заціка-улены, каб яму забаранялі самому браць з других мыта. Нерайдзэм цяпер да аховы права на зямлю, дзе так сама ёсьць некаторыя асаблівасці. Па справах аб зямлі, як і наогул аб маёмысці судзяць судзьдзя, падсукак і пісар земскі. Яны павінны усе разам, утраіх весыці і вырашыць справы. Ёсьць выпадкі при справах аб зямлі, калі дапушчай-еца выключэніе. Стагут прадугледжвае такія выпадкі: прызначані судом выезд на месца для вырашэння справы, а судзьдзя захварэу і ня можа ехаць, а так як тэрмін выезду ёсьць *rok zawitu*⁴⁾ г. е., абавязкова аканчальна, то судзьдзя пасылае падсудка і пісара і яны вырашаюць удвох і суд іх мае такую-ж моц, як і суд трах. Стагут не гаворыць, што рабіць, калі падсудак, альбо пісар захварэе, але адзначышь, што можа ісці суд без старэйшага, судзьдзі, гэтым самым вырашающаца пытаныне і без адсунічанія падсудка ці пісара. Пры гэтым Стагут прадугледжвае і ашибары зямлі, аб якой ідуць спрэчкі. Калі зямлі большым на засеу 20 бочак збожжа, то суд павінен яшчэ мець пры себе людзей добрых, з дапамогай якіх і вырашае справу⁵⁾). Мы тут ужо адзначылі, што рок, вызначаны выезду на месца для вырашэння справы аб зямлі, ёсьць *rok zawitu*, пры чым, гэты тэрмін ня можа быць вызначаны заочна⁶⁾). Апроч гэтага тэрмін вызначу па справе аб мытах, аб шкодзе млынам, язам, грэблі, калі раку партовую псууюць так сама лічыцца *rok zawitu*⁷⁾). У раздзеле аб зямельным праве, мяжы

¹⁾ Раздзел IX артыкул 20.

²⁾ Раздзел I артыкул 25.

³⁾ Раздзел I артыкул 26.

⁴⁾ Раздзел IX артыкул 2.

⁵⁾ Раздзел IX артыкул 7.

⁶⁾ Раздзел IV артыкул 22.

і эпаках мяжовых¹⁾) дае Статут асобную падрабязную распрацоўку пытавію аб съведках. Тут вызначана, што па усім гэтым справам павінна быць выстаўлена 18 съведак. Прысягаюць на ўсе съведкі, а толькі шэсць і уласнік сёму²⁾). Съведкамі могуць быць толькі хрысьціяне, ведаючыя малітвы, бываючыя ў споведзі і прычасы, адносна гэтага пытавія адзначана, прауда, што гэта належыць на толькі зямлі, але і іншых спраў³⁾). Мы зазначылі ужо што з 18 съведак прысягаюць толькі шэсць. Гэтых шэсць съведак з 18 выбирай той, супроць, каго чны накірованы, а калі ён з 18 на выбирай шасці, а ўсіх застанець і, дзякуючы гэтаму, другому боку будзе награждзаны згубіць сваю справу пранусцішы гермін, то пакрыуджаны можа перада судом ачысьціць сваіх съведак, і калі яму гэта уласца, то застануць съведак без усякай падставы, павінен узнаградіць іх так, як бы ён іх параніў⁴⁾. Калі абодвіх бакі адзін другому зачыніць съведак, то выстаўляюць панова⁵⁾). Калі патрэбна прысягаць на розных межах, то прысягнуўшы на адной мяжы не маюць права прысягаць на другой, калі гэта мяжа заходзіцца ад першай больш як на паумлі, а калі бліжэй, то маюць права⁶⁾). Адзначае Статут, што пры спрэчках аб зямлі паміж гаспадаром і прыватнай асобай спраіва вырашаецца на аснове таго самага права, як пры спрэчках паміж прыватнымі асобамі⁷⁾), што ураднікі на маюць права ставіць съведак з людзей, падлягаючых іх прысуду⁸⁾). Уводзіць Статут асобную кару за скасаваныя мяжы. Шляхціч шляхцічу за скасаваныя мяжы плаціць 12 р. грошай, а калі толькі пераарака мяжу, то трох рублі грошай, а хлоп хлопу за парушэнныя мяжы, плаціць рубель грошай⁹⁾). Так што, тут трэба бачыць на толькі узнагароду за шкоду, але і за крыху. Апроч 10-ти гадовай земскай даунасці уводзіць Статут яшчэ асаблівую даунасць на зямлю у 3 гады. Даунасць у 3 гады не дае таго права, што агульная земская даунасць. Яна прызнае толькі фактычным уласнікам таго, хто трох гады спакойна карыстаўся зямлёю і ніхто на мае права перашкаджаць яму далей карыстацца гэтай зямлёю. Калі ж юрыдычны уласнік гэтае зямлі хоча адабраць яе, то можна зрабіць гэта толькі праз суд і да вырашэнныя справы у судзе ён на мае права перашкаджаць таму карыстацца зямлёю, на мае права уступаць у гэту зямлю¹⁰⁾). Спречная зямля можа быць перададзена да вырашэнныя справы гаспадару, а апошні можа перадаць яе часова якому небудзь урадніку. Тады гэты ураднік мае права толькі скажціні сваю трывалыя на гэтай зямлі, а ўсе імены павінен захаваць таким, якім прыняю і ўсе звычайніе прыбыткі з гэтага імены павінен перадаць таму, хто будзе вызначан, як уласнік¹¹⁾).

Мы ужо бачылі, што зямельныя справы вырашаюцца звычайнім земскім судом. Але апроч звычайнага земскага суду Статут вызначае яшчэ і спэцыяльны суд, выключна на зямельным справам, г. е., суд падкаморчага. Падкаморчы прызначаецца вялікім князём на кожны павет з аселай шляхты гэтага павету. Падкаморчы-ж сам выбирай сябе таксама з шляхты аселай гэтага павету памоцніка-каморніка,

1) Разьдзел IX.

2) Разьдзел IX артыкул 1.

3) Разьдзел IX артыкул 3.

4) Разьдзел IX артыкул 4.

5) Разьдзел IX артыкул 5.

6) Разьдзел IX артыкул 6.

7) Разьдзел I артыкул 17.

8) Разьдзел IX артыкул 8.

9) Разьдзел IX артыкул 9.

10) Разьдзел IX артыкул 14.

11) Разьдзел IX артыкул 16.

7. Прэзыдэнцыя № 20

які па дарученію падкаморчага мае такую-ж моц, як і сам падкаморчы. Спрэчкі аб зямлі і аб межах на суд падкаморчага перадающа земскім судом. Статут нічога не гаворыць ад чаго залежыць гэта перадача, які парадаю яе, ён толькі назначае, што справы перададзенныя на суд падкаморчага вырашаюцца апошнім на месцы па выслушанні съведак, належных ловадау і па аснове Статуту. Вырашаныя справы падкаморчы ставіць капы, праводзіць межы. За сваю працу ён атрымлівае грошы ад капца, а каб ён пагнаўшыся за грашмі па ліпту гэтых капоў дзе трэба і дзе па трэба, то назначана па якой адлегласці можа быць адзін капец ад другога. Апеляцыя на суд падкаморчага ізле да гаспадара, а апошні даруе разглядзець зноу гэту спрэчку каштальну, ці маршалку павятоваму, якія з другімі камісарамі, узяўшы справу у падкаморчага, разглядаюць і выяўляюць правільна ў неправільна вырашану ў падкаморчы. Калі яны признаюць, што падкаморчы вырашану правільна, і той хто рабіу апеляцыю па меў для гэтага пякіх падстаў, то апеліраваныя плаціць ураду падкаморчага дзівье капы грошай і таму, хто выйграе справу, шкоду, якую той пачярпеў ад гэтай апеляцыі¹⁾. Разглядзеўшы усе асаблівасці зямельнага права мы можам тут падкрэсліць некаторыя цікавыя бакі гэтага права. Перш за ўсё цікава замацаванне Статутам факту, што права на зямлю яшчэ па ёсць права па ўсё знаходзячеся на гэтай зямлі, гэтым даеца большая вольнасць распараджання сваёй маёмастцю. Можна прадаць, ці наогул адсунуць ад сябе па толькі часыць, ши ўсю зямлю, а і толькі частку зямлі па ўсю зямлю пакінуць сабе, а прадаць толькі возера, дрэва ці што другое, знаходзячеся на гэтай зямлі. Праўда, перадаць гэтых рэчаў у чужыя рукі памяняшае вольнасць карыстання зямлею, але гэта памяняшэнне вольнасці залежыць ад самога уласніка. Разам-ж з гэтым Статут замацоўвае тыпічнае феодальнае права, права на збор мыта, хоць і імкненіца абмяжавань памырэньне яго, і зусім зынішчае ў адносінах да выплаты яго самім земляўласнікамі. Так што, у адносінах да других станаў грамадзянства земляўласнікі ў даным разе феодалы, у адносінах-ж да саміх сябе яны зынчайныя буржуазныя памешчыкі. У адносінах-ж да ураду яны прывілігаваныя сасловіе тыпу саслоўнай манархіі не плацячеся пякіх падаткаў, нават і з гандлю. Да апошнігага тыпу належыць і уся падрабязная распрацоўка аховы правоў па зямлі і таго што звязана з зямлёю.

Абавязкі. Да гэтага часу мы разглядалі толькі права земляўласніка, цяпер паглядзім, якія абавязкі ляжалі на ім. Ня вельмі многа тут прыдзенца чаго скажаць. На абавязкі земляўласнікаў Статут скуп. У адным месцы Статут зацверджвае такі прынцып, што шляхта нічога не павінна ні плаціць, ні рабіць: „Tesz ustawieniu, uz chećmę miec, aby wszyscy pospolici ludzie czulile w wszyscy poddani książę, panow chorągiewnych, slachty, bojar w mieczan tych ziem w. v. Lith. od kazdego placenia podatku u dani, sierpaczyn y tesz dziaki y od wszystkich brzegów powozowych, które podwodami zowią, od wożenia kamieni, drewa abo drew ku pałeniu cegły abo wapna ha zamki hasze y od koszenia siania u od wszelakiej strozy, łowow y od innych robot wyleże y wypuścieli ich u wyzwalały wiecznymi czasu...“²⁾ Але поўнае выкананне гэтага прынцыпу да канца было-б ужо за надта многа, тым больш, што тут устаўлены і мяшчане, хоць артыкул і зымешчан у разьдзеле аб вольносцях шляхецкіх. Мы і знаходзім у канцы ужо гэтага самага артыкулу выключэнні, згодна якім застаюцца старыя абавязкі даваць гаспадару, паслам і гандкам гаспадарскім стацыі па звычайных мясцох, г. ё. там,

¹⁾ Разьдел IV артыкул 70-73

²⁾ Разьдел III артыкул 24.

где раней давалі. Заходуваеща так сама абавязак правіць масты і замкі і новыя будаваць на старым месцы, згодна так сама старому звычаю. Зразумела, што у жыцці гэты прынцып так сама ія мог быць поўнасцю выканан і павінны былі быць выключэнны. Знаходжаньне-ж-сойму, які мог рабіць гэтую выключэнны, у руках шляхты дае магчы мастьцам думань, што рабіліся гэтым выключэнны адносна шляхты толькі у самым крайнім выпадку, а адносна другіх стаіау у залежнасці ад настрою шляхты. Складальнікі Статуту, віданы, вельмі добра разумелі вартасць гаворкі ў гэтым артыкуле аб других стаіах, апрач шляхецтва, калі устаноіі яго не ў другі які небудзь разьдзел, а ў разьдзел аб вольнасці шляхецкай.

З разгледжанага артыкулу мы бачым, што ія гледзячы на ўсё імкненне, усё-ж ія было як шляхце скінуць зусім усякія абавязкі з сябе. Хоць у сэнсе выключэння, але траба было заставы некаторыя абавязкі адносна гаспадара, дзиржаунай улады і абароні дзиржавы. Абарона дзиржавы абавязак ціккі, але такі, якога іншак і целга было скінуць шляхце з сябе, бо іны ў першую-ж чаргу і былі зацікаўлены у абароне дзиржавы, а другіе стаіы грамадзянства яшчэ ія былі так разьвіты, каб можна было з сваіх плечаў пералажыць абарону на іх плечы. Так што, вайсковая служба, абарона дзиржавы і зьяўляеща галоўным абавязкам шляхты-земляўласнікаў. Служба на абароне—служба земская ідзе з зямлі, але разам з гэтым служыць не зямля, а асова з зямлі, належнае асова павінны самі, пэрсонамі сваімі служыць.) Статут 1566 г. прадугледжвае усе тия выпадкі, калі адна асова можа замяніць другую на службе. Перш за ўсе недарослы і жаніны пасылаюць замест сябе каго небудзь на службу, далей, калі адным іменнем уладаюць некалькі братоў непадзеляных, то служыць іх адзін дарослы гаднайшы.) Сын можа падмініць бацьку на службе у час яго хваробы,) ці і так калі сын дарослы і будзе прызнаны годным да службы.) Аддаўшы сваю зямлю у заставу можа быць заменен тым, хто зуяу у заставу,) духоўные асобы замест сябе павінны выпраўляць з сваіх іменіння касцельных, падараваных, купленых, іш бацькаўскіх, шляхціца добрата, вайне годнага;) чалавек павінен ісці на службу з іменіння сваей жаніны, какі ён сваёй зямлі ія мае.) Усе наладаючыя зямлю, шляхта і іншія шляхта павінны несыць вайсковую службу. На службу іны павінны зьяўляцца ія толькі самі, але і выпраўляць належны лік людзей, узброенных і на канёх. Коні павінен капитанаваць ія меньш восьмі коп грошай, а на чалавеку павінна быць сукня колерная, панцырь, прыліца, меч, дрэва з праторцам (кап'ё з флагжком) колерным і чым прывязываць каня. Лік людзей, які павінен быць выстаўлен, знаходзіцца у залежнасці ад абрауру зямлі. Сколькі з таго, ці ішлага вучастку зямлі павінна быць выстаўлена людзей, Статут не вызначае. Гэтая судадносны паміж абрарамі зямлі і лікам людзей могуць мяняцца і іх кожны раз асобна вызначае сойм у сваій афале аб сабранный войска земскага. Калі-ж хто ія можа вызначанага ліку людзей даць, ці зусім іх ія мае, то ідзе адзін сам, а калі і каня ўзброенія вызначанага ія мае, то ідзе пеша з рушніцю.) Той хто тримае ў заставе гаспадарскае іменіне не павінен выпраўляць людзей

1) Рэзьдзел II артыкула 1.

2) Рэзьдзел II артыкула 1.

3) Рэзьдзел II артыкула 11.

4) Рэзьдзел II артыкула 13.

5) Рэзьдзел II артыкула 4.

6) Рэзьдзел II артыкула 9.

7) Рэзьдзел II артыкула 26.

8) Рэзьдзел II артыкула 1.

на вайну з гэтага іменінія, адносна-ж яго самаго Статут нічога не гаворыць.¹⁾ Звалыняюцца ад службы толькі тыя, каго у гэты час гаспадар заставаць для службы сваій і земскай, і то яны людзей сваіх — почат свой павінны выправляць у войска.²⁾ На асобным лістам гаспадара і паноу рады могуць застасца на месцы разам з сваім початам старосты і дзяржауцы прымежных замку, а калі гэтых лістоў ім не будзе дадзена, то почат свой выправляюць, а самі заставаюцца на замку.³⁾ Кожны земляуласьнік, прыехауши у войска павінен сам харчавацца, харчаваць людзей сваіх і коней, а калі у яго чаго ня хопіць, то сін узмунцы прадстаўніка-ніжкі ад гэтмана едзе і купляе па вызначанай асобным лістамі цене.⁴⁾ Такім чынам, земляуласьнікі павінны самі ехаць у вайсковую службу, выставаць людзей, пасадзіць іх на каней, узбройць і прахарчаваць у час знаходжанія іх у войску. Войска магло быць сабрана ія толькі у час вайны, але і для паверкі вайсковай сілы, для вучоту гэтай сілы,⁵⁾ ці для дапамогі суду выканваць сваю пастанову, прымусніць тую ці іншую асобу прызнаць пастанову суду і выканаць яе. За кожнае парушэнне гэтых абавязкаў дэтальна вызначана кара. Галоўней карай зъяуляеца адабраныя іменінія. Прымушаная прыняць на сібе вілкія і цяжкія абавязкі па абароне земскай, шляхта пакланацца і абы, каб і гэтыя абавязкі яна выконвала толькі тады, калі сама знайдзе патрэбным, а дзяля гэтага прана зібіраць войска на вайну, вызначаць лік асоб, павінных быць выстауленах з зямлі, права зібіраць трошы на вайну заставіла за вальным соймам, і. ё. за сабой. Толькі у выпадку неспадзянавага нападу непрыяцеля, у выпадку ўвада яго на тэрыторыю вілкага князьства можа быць сабрана войска земскага і без вальнага сойму, а па загаду гаспадара ці паноу рады і гэтмана.⁶⁾

Урэшце нам трэба застананіца яшчэ на адных абавязках земляуласьнікау. Земляуласьнік, які бярэ мыта на дарозе, грэблі, мосьце, і т. д., павінен клапаціца, каб гэта рэч была у належным парадку, бо калі хто ад дрэянінага становішча маста, ці грэблі і т. д. панясе убытак, то земляуласьнік павінен будзе узнат градзіць, яго.⁷⁾

Вось і усе абавязкі земляуласьнікау. У парадкінні з правамі гэтага ія так многа, тым больш, што цяжкар іх вырашаўся самой-ж асобай — шляхтай і лінійкай капейкі ці лішняга чалавека, бязумоуна, нельга было ад яе дачакацца.

РАЗДЗЕЛ II.

З е м л я р о б .

Правы земляроба, як асобы. У уступе мы ўжо адзначылі, што кляса земляробаў не зъяуляеца аднайменай масай. Яна разьбіваецца на людзей вольных, маючых права пераходу, людзей не маючых права пераходу ад аднаго пана да другога і людзей нявольных. Статут вельмі часта адзначае асобнае прававое становішча людзей нявольных. Адносна розніцы паміж людзьмі пахожымі і непахожымі даеца вельмі мала матар'ялу. Статут толькі адзначае, што апошнія могуць звольніца па сваёй волі ад залежнасці ад пана толькі у тым выпадку,

- ¹⁾ Раздзел II артыкул 1.
- ²⁾ Раздзел II артыкул 3.
- ³⁾ Раздзел II артыкул 3.
- ⁴⁾ Раздзел II артыкул 21 і 22.
- ⁵⁾ Раздзел II артыкул 28.
- ⁶⁾ Раздзел II артыкул 2.
- ⁷⁾ Раздзел I артыкул 25.

калі пан ня верне іх да сябе ў працягу дзесяці гадоў і ў тым разе, калі яны, пасля адыходу ад пана, будуть жыць не далей як на дзесяць міль. Калі ж яны будуць у аллегасыі ад свайго пана далей як на 10 міль, то гэты 10-ці гадавы тэрмін ня мае мовы¹⁾. Есць яшчэ пастанова забараняючая прымашь да сябе непахожага чалавека²⁾. Адным словам, розынца толькі тая, што адзін можа адышыць па сваёй волі ад пана, а другі не. Другой розынцы паміж імі і людьмі вольнымі пахожымі Статут не паказвае. З гэтай прычыны мы і злучаем абодвух гэтыя категорыі земляробау у адну группу—людзей вольных і будзем разглядаць іх разам. Мы і пачнем з выяўленія працу земляробаў вольных.

У першым артыкуле, I разьдзелу голасна кідаеща прыгожы выказ, што усе ад гэтага часу будуць судзішча адным писанным законам. Зразумела, што ні у якім разе гэта абяцанка не разумелася як тое, што усе карыстаюцца аднымі правамі, што селянін—земляроб мае такія самыя права, як і шляхціч—земляуласык. Даны артыкул можна разумець толькі у тым сэнсе, што усе, як ніжэйшыя, так і вышэйшыя статы павінны судзіцца на аснове аднаго збору законау—Статуту. Мы і папіраем далей паглядзець паколькі абяцаныне, дане у I артыкулу, I разьдзелу было выканана да канца.

Статут досыць рашуча праводзіць думку аб тым, што ніхто за віну другога не адказвае. Гэта датычыцца і земляробау. Яны не адказваюць за свайго пана, пан не адказвае за іх³⁾). Такім чынам ужо гэтай пастановай земляробы ставяцца як бы у шэраг самастойнай юрыдычнай группы, якая сама адказвае за сябе. Гэта думка праведзена і далей. Калі які небудзь земляроб—слуга зробіць каму небудзь якую шкоду, то пакрыуджаны зварочваеца за правам да пана гэтага слугі. Пан павінен даць справядлівасць. Справядлівасць гэтага разумеца ў тым, што ён судзіць пакрыуджанага з сваім слугою і ускладае нейкую віну на апошніяга. Калі ж слуга не выканае пастанову свайго пана, то пан не адказвае за гэта. Пан павінен толькі ці сам даць справядлівасць, ці паставіць вінаватага на суд земскі, апошніе ён павінен зрабіць і ў тым разе, калі слуга не выканае яго пастановы і не здаволініць пакрыуджанага, але штраф які ускладаеца у такім разе плаціць не пан, а сам слуга⁴⁾). Статут некалькі разоў кажа аб тым, што пан павінен даць справядлівасць на сваіх людзей, ці пастановіць іх на суд⁵⁾, пры чым, пан ня можа адмовіцца тым, што вінаваты слуга ўцёк⁶⁾). Але разам з гэтым ніхто ня мае права цягніць у суд слугу панскага, не звярнуўшыся раней да пана⁷⁾). Статут прадугледжвае выпадкі, калі пакрыуджаны можа непасрэдна звярнуцца ў земскі суд, ці другім способам здволіць сябе. Гэта дапушчаеца ў тым выпадку, калі хто небудзь зловіць у сваім лесе чужога чалавека, які крадзе дрэва. У такім разе ён мае права паграбіць яго і не адказвае за гэта. Калі ж гэта яго не здаволіць, то павінен весьці да пана і прад панам даходзіць сваёй школы⁸⁾). Непасрэдны звярот да дзяржавнага права можа быць і ў выпадку зробленага гвалту панскім чалавекам. Вінаваты трymаеца на замку і сам дае аб сабе знаць свайму пану. Суд утварыць, даць справядлівасць і у гэтым разе павінен пан. За нежа-

1) Рэзьдзел XII артыкул 8.

2) Рэзьдзел XII артыкул 9.

3) Рэзьдзел I артыкул 14.

4) Рэзьдзел IV артыкул 29.

5) Рэзьдзел XIV артыкул 44. Рэзьдзел IV артыкул 19; Рэзьдзел XIV артыкул 1.

6) Рэзьдзел XI артыкул 30.

7) Рэзьдзел XIV артыкул 1; Рэзьдзел III артыкул 28.

8) Рэзьдзел X артыкул 5.

даньне даць справядлівасьць, пан адказвае перад урадам замкавым.¹⁾ Так сама можна звярнуцца непасрэдна да суда земскага тады, калі хто хоча шукаць у панскіх сялян сваіх пакралзеных рэчау. У такім разе пакрыуджаны бярэ вознага земскага і з ім едзе у сяло. Раней, чым пачиуць шукаць павінны паведаміць аб гэтым пана ці калі пана няма, то яго урадніка і прасіць іх прысутнічаць пры вобыску. Калі яны адмовіацца, то можна шукаць і бяз іх²⁾). Так што і у гэтых выпадках пан не адхляеца ад суда над сваім чалавекам. Ен судзіць сваіх людзей, ен-жа і ставіць іх у суда земскага ці урадавата. Суд земскі ці урадавы толькі тады бярэ на сябе вырашэніе справы, калі пан ці адмовіацца даць справядлівасьць, ці ія здолее зрабіць гэтага. Такім чынам, тут захоуваеца фэодальнае права: уласнік зямлі есьць і судзілья насельнікаў гэтай зямлі. Апэлляцыя можа быць у земскі ці замкавы суд, але апэліраваць можа толькі пакрыуджаны земляробам і ін дзе не гаворыца, што земляроб не здавольнены судом свайго пана можа апэліраваць у земскі ці урадавы суд. Разам з гэтым земляроб сам зьяуляеца юрыдычнай асобай. Ни к пану, а к яму і пад'яуляюца прэтэнзіі, не пан, а ен сам адпавядае за сваю вину. Статут падае і другія права юрыдычнай асобы. Вольны земляроб можа утварыць юрыдычны акт, тэстамэнт³⁾). Статут не забараняе яму быць съедкай у судзе, калі справа не датычыцца яго пана. Супроцы свайго пана, ці за пана слуга ня можа быць съедкай⁴⁾). Статут нігдзе ня кажа, што земляроб ня можа непасрэдна звярнуцца па сваій якой небудзь справе да суда, нігдзе не гаворыца, што гэта павінна работца праз пана. У канцы артыкулу аб праве земляроба на зямлю назначана забарона купляць чужога чалавека без волі пана яго⁵⁾). Так як Статут называе чужым чалавекам, панскім чалавекам усякага слугу пана, нават і вольнага, то данае месца можна разглядаць, як забараняюча зусім земляробу распараджацца сваій асобай, але наступны артыкул⁶⁾ дае трохі іншыя тлумачэніе гэтаму выразу. Тут гаворыца, што вольны чалавек наняўшыся на службу да якога небудзь пана, можа, адсядзець вызначаны тэрмін пайсыші ад свайго пана, калі-ж ен пойдзе раней тэрміну, то той хто яго прыме да сябе павінен вярнуць яго назад і земляроб за кожны тыдзень, які ен не працавае у пана плаціць шэсьць гроши. Калі-ж прыняўшы яго пан ія выдаўсць, а земляроб і ад яго учічэ, то пан гэты сам плаціць за кожны тыдзень працуашай працы земляроба па 6 гроши. На аснове гэтага артыкулу ужо выяўляеца, што земляроб вольны мог распараджацца сваій асобай, толькі павінен раней выкананаць свае абязядкі. Статут зварочвае некаторую увагу на ахову гэтай асобы. Вызначаны галаушчыны і навязкі. Вялічыня гэтых галаушчын і навязак ня роўнае для усіх земляробаў, бо гэта і ня была аднолітая маса. Так, бортніку галаушчыны 20 коп. грошау, а навязкі 2 рублі; цягламу чалавеку галаушчыны таксама 20 коп., а навязкі толькі адзін рубель; парабку—10 коп. і навязкі 50 коп. грошау. Жанчынам іх сума падвойваецца⁷⁾). Прауда, уся ахова на гэтых галаушчынах і навязках і спыняеца, калі абвінавачваеца шляхціч: „А за chłopa prostego wieśnienia pierowinien cierpieć, tylec głoszczyczę placie“⁸⁾). У некалькі асобную группу адносна аховы асобы настулены сяляне гаспадарскія.

1) Рэйзасел IV артыкул 19.

2) Рэйзасел XIV артыкул 5.

3) Рэйзасел VIII артыкул 1.

4) Рэйзасел IV артыкул 59.

5) Рэйзасел IX артыкул 18.

6) Рэйзасел IX артыкул 19.

7) Рэйзасел XII артыкул 1.

8) Рэйзасел XI артыкул 26.

Калі шляхтіч зробіць крывауду мяшчанам альбо сялянам гаспадарскім, то пазыванне да права ёсьць рок завіты¹⁾.

Такім чынам, земляроб ёсьць пэуная юрыдычна асоба, правы якой абмяжованы галоунам чынам тым, што суд над ёю творыць яе пан, суд якога не падлягае апеляцыі. У такім разе, нават тым абмяжаваным правам, правам судзіца адным пісаным законам, яна не магла карысташа. Справа вырашалася безапеляцыйна панам і яго воля ці судзіца на аснове Статуту, ці на свайму уласнаму разуменію²⁾. Суд у руках пана аддавау фактычна земляробау поунасьцю у рукі пана земляуласынка.

Правы маёмысці земляробау. Земляроб можа мець і сваю маёмысць. Статут прызначае гэта і адзначае розынцу паміж маёмысцю земляроба і маёмысцю земляуласынка—шляхціча. Розынца гэта выяўляеца у ахове маёмысці. Так за пакражу клеці панскай—шляхецкай плаціцца 12 рублёў грошау, а за „мужыцкую“ клець 3 рублі грошау. Траты-ж ад пакражы аплачваючы асоба на аснове прысягі пакрыўліжанага. Навязкай-ж а і у адным і у другім выпадку зьяўляеца траты горла³⁾. Статут надае права земляробу распараджвацца сваёй маёмысцю. Земляроб можа тэстамэнтам адпісць каму небудзь сваю рухомую маёмысць, толькі яя усю, а адну трэць. Дзіве трэці павінны застасцца ў дому, штоб было з чаго правы службу пану. Гэтыя дзіве трэці так сама ёсьць уласнасыць земляроба, бо дзеші яго, калі яны маюць права пераходу, могуць адыйсці ад пана і забраць с собой і гэтыя дзіве трэці. Яны павінны пакінуць пану толькі тое, што было узята пры пачатку службы, а так сама пасеяць жыта.⁴⁾ Так што, гэтыя дзіве трэці ёсьць толькі забяспека службы, уласнасыць жа гэта земляроба. Маючы сваю уласнасыць земляроб можа рабіць і пазыкі. Статут не забараняе ні земляробу без дазволу пана пазычашь грошы, ці рэчы, так сама не забараняе нікому весці падобныя спрэвы непасрэдна з земляробам. Статут констатыруе факт, што гэта можа быць. Так ёсьць артыкул⁵⁾ па якому забараняеся мяшчанам грабіці на таргу панскіх сялян за даўгі іх. Калі сяляні не зварочвае сваёй пазыкі, то, на аснове агульнага права панскага суда над земляробамі, трэба звярнуцца за спраядлівасцю да пана. З сваёй жа уласнасыць плаціць земляроб за усе свае праступкі. Такім чынам, Статут досыць яскрава вызначае, што ёсьць у земляроба свая уласнасыць, толькі вельмі скупа гаворыца аб праве распараджвацца ёю. Нічога не гаворыца ні аб праве прадажы, ні аб праве заставы, толькі адно права занатувае Статут, права вызначыць на каго спадзяе яго уласнасыць, пасля съмерці яго і то гэта права пашыраеца не на усю уласнасыць, і толькі на трэцію частку яе.

¹⁾ Рэзыдэц IV артыкул 46.

²⁾ Да часе-ж даходзіла панскае разуменіе малюе пану у сваёй працы Демченка на аснове працы Іванішана: „В 1573 году воиний кременецкий Григорий Гулямшикій доносіц ураду кременецкому: „был я у пана Ласка Секунскага вместе с слугою князя Николая Збаржскага, Лаврином Колулею. И Лаврин Колуля спрашивал пана Михаила Ласка: „для чего ты приказал беззинно повесить боярина Господского Евхима, который имел братен и оседлость в Жолобе?“ И пан Михаил Ласко отвечал: кто беззинно всел умертвить боярина Евхима, тот за него хорошо заплатит: а всел я его повесить потому, что он был в то время моим крестьянином“. Потом спрашивал Лаврин у пана Михаила Ласка: „по какой причине ты приказал замучить на смерть боярина Семена Воронка, Протаса Лавриновича и Степана Седельника? Для чего забрал себе все их имущество?“ Пан Ласко прынізіўся, что Воронков умер у него в тюрьме, а о Лавриновиче и Степане сказаў: „Они получили плату по заслугам, и я никому не обязан давать и этом отчет, т.к. они были крестьяне моих сел“ * Демченко—Наказание по Лит. статуту, си. 118.

³⁾ Рэзыдэц XIV артыкул 11.

⁴⁾ Рэзыдэц VIII артыкул 5.

⁵⁾ Рэзыдэц III артыкул 28.

Зячельнае права земляроба. Статут называе часамі земляроба ўласнікам зямлі і таго, што знаходзіцца на зямлі. Так Статут вызна-чае, што калі „хлон хлону” мяжу пераарэ, то рубель штрафу, а школу сваю пакрыўджаны павінен даходзіць правам—судом¹⁾). Так сама калі „хлон хлону” гай парубіць, то вінаваты плаціць трох капы грошау²⁾). Статут забараняе земляробу передаваць сваё бортнае дрэва каму небудзь, хто жыве за межамі яго пана. За гэту віну вызначанаа вельмі суроная кара—трыата горта³⁾). Але тут гаворыцца, аб забароне переда-ваць таму, хто жыве на зямлі аднаго і таго-ж пана. Значыцца такому чалавеку земляроб можа передаць сваё бортнае дрэва. Так што, бортнае дрэва ёсьць яго маемасць і ен можа распараджвацца гэтай сваёй уласнасцю, хоць гэта права яго і вельмі абмяжонана. Але усе гэтыя пастановы, якія як бы прызнаюць за земляробам права уласнасці на зямлю і тое, што расце на ёй, якія як бы даюць яму пейкае права распараджвацца ёю і ахуваюць яе ад парушэння яго правоу, касуюцца аднай пастановай, якая катэгарычна забараняе каму бы то і было купляць зямлю у чужога чалавека без дазволу яго пана⁴⁾). Гэта пастанова вельмі рашуча падкрэслівае, што зямля ёсьць уласнасць пана, а не земляроба, што земляроб ня мае сваёй зямлі. Гэта думка сьвед-чыца яшчэ і тым, што Статут вызначаючы асобную кару за пераараныне адным земляробам другому мяжы яго, нідае нічога не гаво-рыцы, як быць у тым выпадку, калі шляхціч „хлону” мяжу перааре, ці гай парубіць, альбо наадварот. Такі выпадак Статут лічыць не магчымым і, зразумела чаму, у такім выпадку шляхціч алказвае не перад земляробам, а перад праудзівым уласнікам зямлі—панам, а за пераараныне шляхцічам мяжы другому шляхцічу ёсьць спэцыяльная кара⁵⁾). Такім чынам мы прыходзім да выніку, што земляроб ня меу права на зямлю. Зямля ёсьць уласнасць яго пана.

Няволінкі. Пытайніе аб няволынках цікавіла, відаць, складаль-нікау Статуту і яны зварочваюць на яго ня мала ўвагі. Згодна Статуту няволынкамі могуць быць з наступных прычын: 1) па пахаджэнню з няволынкага стану, 2) забрания у палон і 3) з прычыны прадажы сябе ў няволю. Жаніушыся на няволынцы робіцца няволынкам, як і пашоушая замуж за няволынка сама становіцца няволынай⁶⁾). Статут прадугледжвае толькі два выпадкі, калі няволынк можа стаць вольным. Першы выпадак, калі у час голаду хто небудзь прагоніць, ад сябе сваю чэлядзь няволынную, то яна становіцца вольнай⁷⁾). Другі выпадак можа быць тады, калі пан сам пажадае зрабіць свайго няволыніка вольным⁸⁾). Ёсьць яшчэ адзін выпадак, аб якім мы казалі трохі раней, гэта калі пан яурэй ці татарын будзе прымушаць к нязвяклым рабо-там і няволынк з гэтай прычыны уцічэ да пана—хрысьціяніна—шляхціча, то такі няволынк становіцца вольным. Статут некалькі рэгуліруе прадажу у няволынцства сябе, ці каго небудзь з сям'і сваёй. Статут лічыць незаконнай прадажу у няволынцства ў час голаду. Пасля голаду такая прадажа павінна быць ліквідавана такім чынам, што купіушаму па-вінны быць звернуты гроши, а праданы чалавек зноу становіцца

- ¹⁾ Раздзел IX артыкул 9.
- ²⁾ Раздзел X артыкул 15.
- ³⁾ Раздзел X артыкул 6.
- ⁴⁾ Раздзел IX артыкул 18.
- ⁵⁾ Раздзел IX артыкул 9.
- ⁶⁾ Раздзел XII артыкул 13.
- ⁷⁾ Раздзел XII артыкул 12.
- ⁸⁾ Раздзел VIII артыкул 4.

вольным¹⁾) Дзесяцёхгадовая даўнасьць, пасъля якой айчысты чалавек мог стаць вольным, на няволынкаў не пашыраеца, як як можа іх ні ў якім разе зволынць ад няволі і уцякаіце у горад. Такім чынам звальненне ад няволі магло быць толькі па ініцыятыве пана. Ня можа нявольнік мець сваёй уласнасьці. Калі-б пан нават захацеў запісаць у тэстамэнце што небудзь свайму няволынку, то як мае права гэтага зрабіць не зволынўшы яго раней ад няволі²⁾). Нявольнікі як могуць быць съялкамі ў судзе³⁾). Забаране Статут нявольнікам чыніць тэстамэнты⁴⁾). Адным словам, нявольнік не мае някіх юрыдычных правоу—ні фармальна, ні фактычна. Гэта ёсць поўная уласнасьць земляўласніка і дэякуючы таму, што гэта ўласнасьць—чалавек трэба было ў зборы правоу земляўласнікаў (чым і зняўляеца Статут) падкрэсліць гэта асобна, што і зрабілі складальнікі Статуту. Яны выпрацавалі правілы звароту зьбегшых нявольнікаў⁵⁾), асобна гаворачь аб пераманьваны ці пакражы іх⁶⁾.

Абавязкі. Адносица абавязкаў можна казаць разам і аб нявольніках і вольных, бо абавязкі, як аднай групы, так і другой зьяўляліся ў службе пану. Статут ні дзе не робіць піякай рэгуліроўкі гэтых абавязкаў, яны залежалі ад пана. Адносица дэяржаўных абавязкаў мы гаворылі ужо пры пералічванні абавязкаў земляўласніка, бо і Статут не зварочваеца ні з якім абавязкамі непасрэдна да землярабаў, а гаворыць толькі адносица земляўласнікаў. Земляўласнік-жа сам свае абавязкі раскладаў паміж сваімі земляробамі, як вольнымі так і нявольнымі. Тут трэба яшчэ адзінацьць, што гаворачы аб судносінах паміж земляробам і земляўласнікам Статут не вызначае розніцы паміж земляўласнікамі шляхцічам і нешляхцічам. Ранглідзеўшы становішча земляўласнікаў і земляробаў, як нам малюе Статут 1566 г., мы прыходзім да вываду: Статут ёсць збор правоу шляхты, саслоўная афарбоука адразу кідаеца у вочы. Пры больш-ж дэтальнікам наўгданы наяд Статутам мы бачым, што тут робіцца розніца паміж шляхцічам—земляўласнікам і шляхцічам неземляўласнікам. Перавага заусёды на баку земляўласніка. З другога боку, мы бачым, што Статут часамі гаворыць наогул аб земляўласніцкай клясе як робячы розніцы паміж земляўласнікамі шляхцічам і земляўласнікам нешляхцічам. Адным словам Статут часамі замест саслоўной афарбоуки прымае афарбоуку клясавую і калі кляса разыходзіцца з сасловіям, то Статут становіцца на бок клясы, а не сасловія. Хістаючыся паміж клясай і сасловіям, Статут хістаеца і паміж правамі фэодальнымі і правамі разыўтай грашовай гаспадаркі. Права месцасыці земляўласнікаў пабудована на аснове грашовай гаспадаркі. Адносины-ж паміж земляўласнікамі і земляробам—поунасьцю на аснове права фэодальнага. Кляса земляробаў яшчэ не зіллалася ў адналітую масу. Тут захоуваеца яшчэ вельмі стары падзел: людзі вольныя, напалову вольныя і нявольнікі. Юрдычна напалову вольныя бліжэй падыходзяць да вольных, фактычна-ж яны вельмі блізка стаяць к нявольнікам, бо як адзін так і другі як могуць адыйсьці ад свайго пана і знаходзяцца ў поўнай волі яго. Права асобы, права маёмасыці ўсё гэта ёсць пусты тук пры той залежнасці ад пана, у якой яны знаходзіліся.

¹⁾ Разъязел XII артыкул 11.

²⁾ Разъязел VIII артыкул 4.

³⁾ Разъязел IV артыкул 53.

⁴⁾ Разъязел VIII артыкул 30.

⁵⁾ Разъязел XIII артыкул 5.

⁶⁾ Разъязел XVI артыкул 1.

А. Арцимович.

К вопросу о признаках ремесленного и кустарного предприятия, как единицы наблюдения в промышленной статистике.

Классификация промышленности по ее формам—одна из трудных задач, в основу решения которой должен быть положен анализ ряда довольно сложных моментов.

Величина производства, его методы, способ сочетания производственных факторов, руководящие стимулы, лежащие в основе организации хозяйства, степень его хозяйственной самостоятельности, характер междухозяйственных и внутрихозяйственных социальных отношений, характер рынка сбыта, характер территориального распределения предприятий, эти и ряд других признаков, разбивающихся в свою очередь на более простые моменты, должны быть здесь приняты во внимание. Вместе с тем, анализ должен быть связан с историко-экономическим изучением порядка последовательного перехода одних форм промышленности в другие, в процессе экономического развития.

Классификация форм промышленности до сих пор не является вполне законченной.

В частности, существующие определения понятий ремесла и кустарной промышленности до сих пор не являются в достаточной степени установленными, в смысле общезначимости вкладываемого в них содержания. Разногласия относятся как к производственно-техническим признакам (величина производства и способ сочетания производственных факторов), так и к таким, как степень хозяйственной самостоятельности предприятия, характер рынка сбыта, и др.

Эти разногласия естественно получают свое отражение и при разработке данных статистической регистрации промышленных предприятий.

Статистические дооценные (главным образом земские) материалы, как отмечено Рыбниковым¹⁾, характеризуются весьма большой "производительностью" и "пестротой" при установлении понятия кустарная промышленность.

При рассмотрении современных материалов, мы, наряду с неправильным, по нашему мнению, определением понятия кустарная промышленность (о чем далее), наблюдаем следующее характерное явление: современные результаты статистической разработки промышленных переписей, разработки, произведенной, как в общесоюзном масштабе²⁾, так и в масштабе отдельных республик, при всей их детальности,

¹⁾ А. А. Рыбников. "Мелкая промышленность России". Из-во Наркомзема "Новая деревня". Москва 1923 г., стр. 9.

²⁾ См. например, издания Ц. С. У. Союза: "Сборник статистических сведений по Союзу ССР 1918-1923. Москва 1924 г.", где в большом отделе "промышленность" (стр. 150-226) мы нигде не находим расчленения кустарной и ремесленной промышленности, а имеем только об'единенные данные по кустарно-ремесленной промышленности (стр. 212, 213, 218-221). "Народное хозяйство союза ССР в цифрах". Москва 1924 г., стр. 136, и др. изд.

не дают все же даже элементарных итогов, которые относились бы отдельно — к кустарной и отдельно — к ремесленной промышленности. Несмотря на всю практическую важность такого разделения¹⁾, вместо него мы имеем только, хотя и характеризуемую более или менее детально, но об'единенную в общую нерасчлененную массу совокупность кустарно-ремесленных предприятий.

Такое состояние статистических материалов можно отнести отчасти на счет трудности, в ряде случаев статистической регистрации своеобразных переходных форм мелкой промышленности, достичь четкого их разграничения. Но главным образом, надо полагать, их следует отнести за счет вышеуказанных разногласий в экономической литературе.²⁾

Подходя к разбору этих разногласий, отметим некоторые исходные пункты нашего критического анализа.

Под „производством“, или производственной единицей, согласно Зомбарту, будем понимать „организацию, имеющую целью длительное выполнение работы“, и признаком, отделяющим одну производственную единицу от другой, будем считать „единство производственной организации“, а именно, единство в подготовлении процесса труда (прием, назначение на место, увольнение, распоряжение помещениями и средствами производства), в его распорядке (установление места и времени работы) и в его выполнении (единий руководящий и надзирающий орган³⁾). Под „хозяйством“, или хозяйственной единицей, будем понимать ту организацию, которую создает субъект хозяйства, чтобы достигнуть полезного эффекта, соответствующего его хозяйственному принципу⁴⁾.

Различие между понятиями „производства“ (Betrieb) и „хозяйства“ (Wirtschaft) заключается в том, что „производство“ является „сообществом для работы“, тогда как „хозяйство“ есть „сообщество для реализации“⁵⁾, или, как выражает ту же мысль *Варлар*, в этом втором случае идет речь об „экономической операции превращения ценностей“.⁶⁾

Вместе с тем, согласно с Зомбартом, мы считаем, что способ сочетания производственных факторов является достаточно целесообразным принципом классификации по формам производства, ибо он включает и величину производства и приемы труда⁷⁾.

1) Для правильной ориентировки в касающихся той и другой формы промышленности вопросах планирования, налогового законодательства, а также в вопросах о степени благоприятствования той или другой форме, при обсуждении мер государственно-о содействия.

2) „Экономическая наука слишком мало внимания уделила еще систематике форм экономических явлений, и не вина хозяйственной статистики, что часто ей не на что опереться в установленных экономических понятиях“ А. А. Рыбников, там же, стр. 7.

3) В. Зомбарт. „Современный капитализм“. Том 1, изд. С. Скирмунта. Москва, стр. 30 и 32.

4) В. Зомбарт. Там же, стр. 65.

5) В. Зомбарт. Там же, стр. 27.

6) В. Е. Варлар „ очерки основ промышленной статистики“. ГИЗ, 1926, ч. 1-я, стр. 52.

7) Как указывает В. Зомбарт (см. там же, стр. 38—40), момент величины не является определенным, весьма трудно установить, размеры какого фактора взять за основу величины, количество ли рабочих, количество ли продукции, или же величину или число употребляемых машин, протяжение производства и т. д. В зависимости от выбора того или иного фактора одно и то же производство может попасть в рубрику „крупного“, и в рубрику „среднего“ и в рубрику „мелкого“. И даже, когда решен вопрос о факторе, остается неясной граница между „мелким“, „средним“ и „крупным“. „Почему как раз от 5 до 10 лиц являются пределами определенной формы производства? Почему не от 10 до 30? Помимо неопределенности, момент величины не дает представления о приемах производства.

Вместе с тем и приемы не дают представления о величине. Ибо, если взять за основу классификации приемы труда, т. е. его метод или организацию, то мы приходим к ряду парных альтернатив (производства разделяющие и не разделяющие труд; соединя-

Принимая в основном данную Зомбартом классификацию промышленности по формам производства, мы, в отношении к формам промышленного хозяйства, считаем, что вопрос об их классификации, значительно более сложный, чем вопрос о классификации по формам производства¹⁾, является далеко не вполне решенным, и не можем здесь в целом принять ни классификации Зомбарта, которая не может, по нашему мнению, считаться законченной²⁾, ни какой-либо иной классификации.

Здесь мы заимствуем, главным образом у Бюхера, только некоторые признаки, помогающие отличать ремесло и кустарную промышленность одно от другой и от близких к ним форм промышленного хозяйства.

В определение той или иной формы промышленности должны входить как те признаки (или степени их), которые присущи ей и ряду других, так и, особенно, те, которыми данная форма отличается от других.

Так как, помимо классификаций более общего характера, мы имеем классификации—отдельно по формам производства, и по формам хозяйства, то в нашем обзоре мы рассмотрим сначала разногласия, относящиеся к формам производства, затем—к формам хозяйства, и, только после этого, постараемся окончательно произвести разграничение между ремеслом и кустарной промышленностью.

Сначала рассмотрим ремесло, как форму производства, остановившись здесь на таких моментах, как техника, величина и способ сочетания производственных факторов.

Ремесленная техника характеризуется господством эмпирических приемов производства, теснейшим образом связанных с личностью „мастера“, с его опытом и умением, которые передаются от поколения к поколению. Увеличение технических знаний и умений, усовершенствование приемов происходит здесь медленно и по большей части случайно³⁾. С этой точки зрения, ремесло, по нашему мнению, можно отнести к „эмпирически управляемым производствам“, каковые

ияющие материалы и не соединяющие их; употребляющие и не употребляющие машины и т. д.), каковые пары весьма трудно свести в общую систему, так как „ни одно из установленных нами различий по своей важности и значению не представляется преобладающим настолько, чтобы определить собою главную группировку, которой могли бы быть подчинены затем все остальные пары, как второстепенные деления“.

¹⁾ Ибо формы производства, определяющиеся по преимуществу производственно-техническими моментами, начитатель проще форм хозяйственных, отражающих, кроме того, социально-экономические отношения данной эпохи. „Несмотря на перемену социальных отношений, а также смену видов хозяйственного оборота“, говорит А. А. Рыбников („Мелк. промышленность России“, стр. 7)—„производство во всех этих формах остается одно и то же. Форма производства оказывается более устойчивым явлением, чем форма хозяйства, отображающая и междухозяйственные связи и социальные отношения“.

Ушли скupщик—посреднические задачи берет земство, кооператив, государство. Ликвидирован капитализм в мануфактуре, на фабрике, но во главе дела становятся может быть те же, только что упомянутые, частно-правовые или публично-правовые учреждения⁴⁾.

²⁾ Так, например, в данной Зомбартом классификации форм хозяйства нельзя сколько-нибудь точно определить место занимаемое эд съ кустарной промышленностью.

³⁾ В. Зомбарт. „Современный капитализм“ т. I, стр. 145—146 „Оставаясь вто не эмпирическими, говорит А. Борданов и И. Степанов („курс полит. экономии“ том I, Госиздат 1925 г., стр. 288)“ приемы ремесленного труда не могут объективироваться, т. е. не допускают сведений в научную систему, в которой они существовали бы обособленно от личности ремесленника... Усвоение их достигается посредством „выучки“, т. е. прямого копиропания, испосредственного подражания. „Эта средневековая форма производства, тогда преобладавшая“, говорит В. Е. Варлар (Цит. соч., стр. 79), и иные, однако, являются весьма распространенной, сохранившей свой прежний вид, охватывая такие отрасли промышленности, в которых ручной труд и индивидуальность производимых предметов (обувь, одежда, мебель, починка разного рода и т. д.) имеют главное значение“.

Зомбарт, в одной из своих пяти парных альтернатив (полученных им при классификации производств по методу или организации труда) противопоставляет производствам „рационально управляемым“¹⁾.

С точки зрения *величины*, ремесло, по мнению большинства экономистов,— типичное мелкое производство. „Непосредственная связь ремесленника с потребителем его продуктов“, говорит *Бюхер*, „обуславливает малые размеры производства. Если какой-нибудь промысел угрожает принять слишком большие размеры, то от него откальваются новые ремесла, к которым переходит часть его сферы производства“²⁾.

Это мнение оспаривается *Зомбартом*. По его мнению, ремесло, каковому „более всего“ соответствует индивидуальная форма производства (производство одиночки, семейное и помощью подмастерьев), т. е. форма мелкого производства³⁾ может уживаться с формами переходными, а именно, со „средним“ производством, или с „расширенным производством с помощниками“, а в некоторых случаях совпадать даже с крупным, а именно, с „индивидуальным производством в крупных размерах“. В дальнейшем *Зомбарт* высказывает еще более категорическое положение: ремесло, не требующее „по своему существу... необходимо какое-либо вполне определенной формы производства... вполне исключает только крупное общественное производство“⁴⁾. Таким образом, сюда пришлось бы отнести еще и такую форму, как „общественное производство в мелких размерах“.

Как мы постараемся показать далее, три последние формы (расширенное производство с помощниками, общественное производство в мелких размерах и индивидуальное производство в крупных размерах) отличаются от ремесла некоторыми существенными признаками.

Что касается производственных отличий, то их удобнее разсмотреть в связи с вопросом о способах сочетания производственных факторов, к которому мы и переходим.

Полагая, что „значительное разнообразие производственных форм вытекает из различного сочетания факторов производства в одном и том же производстве“, для группировки этих способов сочетания *Зомбарт* избирает, в качестве единого принципа группировки, „отношение единичного рабочего к совокупному процессу труда и совокупному продукту, т. е. к производству в целом“. С этой точки зрения все производства распадаются на следующие две основные группы: а) производства, при которых „работа и ее продукт принадлежат данному индивидууму, как таковому, представляют результат его и только его личной деятельности и таким образом сами оказываются индивидуальными и личными“ и б) производства, при которых „работа и ее продукт есть общий, неразложимый на индивидуальные составные части результат деятельности многих, существуют лишь как совокупная работа и совокупный продукт и, следовательно, являются не личными, а коллективными, не индивидуальными, а общественными“.

Первую группу, разбивающуюся на производство одиночки, производство семейное и производство помощью подмастерьев, *Зомбарт* называет „индивидуальным“ производством и всесильно относит ее к мелкому производству. Вторую группу, разбивающуюся на мануфактуру и фабрику, называет общественным производством и относит ее к производству крупному. Наконец, образует группу „переходных“ произ-

¹⁾ В. Зомбарт. Там же, стр. 38—39.

²⁾ К. Бюхер. „Возникновение народного хозяйства“ Вып. 1. Спб. 1907, стр. 156.

³⁾ В. Зомбарт. „Политическая экономия промышленности“ Спб. Книгоизд. „Профсвіщенні“, стр. 47.

⁴⁾ В. Зомбарт. „Современный капитализм“. Том 1, стр. 123—124.

водств, куда относит: 1) «расширенное производство с помощниками», 2) «общественное производство в мелких размерах» и 3) «индивидуальное производство в крупных размерах». Первые две формы относятся им к «среднему» производству, третья — к «крупному»¹⁾.

Рассмотрим прежде всего «общественное производство в мелких размерах».

Характерным его примером является приводимая *Зомбартом* конфекционная портновская мастерская посредника²⁾. Здесь мы встречаем: «закройщика, который кроит для всех рабочих, с помощью машины или без машины; .. гладильщика, который ручным или машинным способом разглаживает все готовые штуки платья. В промежутке между этими двумя работами совершается процесс изготовления отдельных предметов одежды, при чем здесь находит себе место как горизонтальное, так и вертикальное разложение работы, как целого: мы видим рабочих — специалистов по сюртукам, брюкам, жилетам, а внутри этих категорий — рабочих, пришивающих застежки, пуговицы, обшивавших петли для пуговиц, сшивальщиков и т. д.».

По нашему мнению, такие производства: а) принадлежат к производствам «рационально управляемым», и противостоят «эмпирически управляемым» производствам, т. е. в том числе и ремеслу, с его эмпирической техникой; б) построены на ином, чем в ремесле, принципе организации труда, ином способе сочетания производственных факторов. Здесь процесс труда построен на сложной кооперации, кооперации, связанной с разделением труда. Продукт труда здесь — результат работы не индивидуального, а коллективного рабочего.

Теперь рассмотрим «индивидуальное производство в крупных размерах».

От предшествующих ему форм (одиночное, семейное, производство с помощниками и расширенное производство с помощниками) оно отличается тем, что «приобрело достаточно крупные размеры для того, чтобы одно лицо могло всецело отдаваться делу руководительства (курсив наш А. А.), а от «общественного» производства тем, что «индивидуальный труд здесь еще не претерпел никаких изменений».

Оно может осуществляться или в виде «производства, соединяющего под единным руководством, в одном помещении многих рабочих, в процессе труда которых, сохраняющем индивидуальный характер, общественно потребляются только здания, освещение и отопление», или в том случае, «когда одно и то же производство может распространяться на многие места производства, или другими словами, когда перед нами... производства, рассеянные в пространстве, или летучие производства».

Приводимые здесь *Зомбартом* примеры разного рода об'единений производителей³⁾, могут, по нашему мнению, принадлежать к одному из следующих двух типов:

а) одна производственная единица;

б) «система» отдельных мелких производственных единиц.

В первом типе — перед нами единая, а при том, как показывают примеры *Зомбарта*, достаточно крупная производственная организация (современное малярное дело в крупных городах, вспомогательные производства в строительном деле, и др.), в виде группы лиц, либо работающих у какого-либо предпринимателя, либо составляющих ту или иную производственную кооперацию.

1) *В. Зомбарт*. Там же, стр. 43—45.

2) *В. Зомбарт*. Там же, стр. 53—54.

3) *В. Зомбарт*. Там же, стр. 50—51.

Мы полагаем, что здесь не „индивидуальное“, а „общественное“ производство, естественно возникающее там, где в распоряжении данного производственного целого находится количество работников, достаточно большое „для того, чтобы одно лицо могло всецело отдаваться делу руководительства“. И в примере Зомбарт¹⁾ где работают сотни „маляров-подмастерьев“, при чем здесь „выполнение отдельных работ поручается определенным специальным рабочим“, результаты труда не могут быть сведены к результатам работы индивидуального рабочего.

Что касается второго типа, то здесь система отдельных производственных единиц представляет—либо обединение для совместного потребления зданий, освещения и отопления, либо—для совместного потребления зданий и орудий (сюда войдут приводимые Зомбартом средневековые цеховые гравильни, красильни и т. д.). В этих случаях мы не будем иметь единого производственного целого, в смысле „единого управления производством и единого управления самим процессом труда“. Здесь мы будем иметь не „единство“, не одно крупное производство, а „систему“²⁾ мелких изолированных производств, а стало быть примеры, относящиеся ко второму типу, не подкрепляют того положения, что ремесло может быть совместимо с крупным размером производства.

Под „расширенным производством с помощниками“ Зомбарт³⁾ понимает такое, которое „возникает благодаря простому увеличению рабочих сил, которые в производстве с помощниками действуют группами или по одиночке.“ Примеры: „кузинская мастерская более чем с одним горном, столярная мастерская с несколькими верстаками, слесарная со многими гибками, токарная с различными токарными станками, пекарня с несколькими печами и т. п.“ В противоположность представенному тремя предшествующими ему формами (одиночным, семейным и производством с помощниками) „мелкому производству“, где „ вся работа по существу группируется около одного центра, каковым служит руководитель производства, с его работой, имеющей характер главной работы“, здесь—ипервые оставлен... этот в высшей степени личный, концентрический строй производства; здесь „обнаруживается стремление перенести центр тяжести со средоточия, с личности главного рабочего, на личности разных помощников... с этого момента глава производства посвящает часть своей деятельности контролю за своими помощниками.“ Как можно видеть из этой характеристики, в общем, и расширенное производство с помощниками только с большой натяжкой может быть отнесено к „индивидуальному“ производству.

1) „Здесь сотни мальров—подмастерьев. Изо дня в день назначается работа для них и место работы; в определенные сроки они должны выполнить точно определенные работы и все время подчиняются контролю „мастера“, или, если производство достигло очень крупных размеров, контролю особых надсмотрщиков. Но дальше этого обединение различных работ не идет: они выполняются теми же о, удиями, и техника остается та же, как и в карником производстве, у которого не много мест производства, а только одно. Тот факт, что в крупных производствах выполнение отдельных работ поручается определенным специальным рабочим, не вносит никаких изменений: выполнение их все же сохраняет совершенно индивидуальный характер“. В. Зомбарт там же, стр. 51.

2) Термин „система“ заимствован у П. Б. Струве. См. в его „хозяйство и цена“ часть 1. Спб. 1913, стр. 35-37, деление „всякого рода совокупностей“ на три типа: а) простая совокупность единиц; б) система (такое соединение элементов, в котором предполагается взаимодействие между этими элементами); и в) высший вид целого—целое—единство. Как указывает Струве, „как всяка система есть в то же время совокупность, но не изоборот, так всякое единство есть система, но не наоборот“.

3) В. Зомбарт. Там же, стр. 49-50.

Кроме того, как эта, так и две другие формы (общественное производство в мелких размерах и индивидуальное производство в крупных размерах), не могут быть относимы к ремеслу в силу приводимых далее соображений, относящихся к ремеслу как форме хозяйства.

Переходя к вопросу о ремесле как форме хозяйства, остановимся здесь на таких моментах, как: а) основные виды ремесла; б) место, занимаемое ремеслом в исторической смене форм промышленного хозяйства; в) степень его хозяйственной самостоятельности (между хозяйственными отношениями); г) внутрихозяйственные отношения, и д) степень капитализации.

Вопрос о классификации ремесла, как формы хозяйства, по основным ея видам тесно связан, как увидим ниже, с вопросом о смене хозяйственных форм и месте занимаемом в ней ремесленной формой хозяйства.

Согласно Зомбарту, Туган-Барановскому и ряду других экономистов, по основным своим видам ремесло различается следующим образом: это или — ремесленники, отчуждающие продукт (*Preishandwerker*), по терминологии Туган-Барановского, *продажное ремесло*, при котором «ремесленник обрабатывает сырой материал, принадлежащий ему самому, добытый в его собственном хозяйстве, или купленный им за свой счет», или же это — ремесленники *отчуждающие свой труд* (*Lohnhandwerker*), по Туган-Барановскому — *наемное ремесло*, при котором «ремесленник обрабатывает по заказу потребителя сырой материал, принадлежащий потребителю же»¹⁾. В свою очередь *наемное ремесло* может быть или *отходящим* или *домашним* (по терминологии Зомбарта, «странствующие ремесленники» и «ремесленники оседлые»). В первом случае ремесленники («странствующие») работают, передвигаясь с места на место, выполняя работу в помещениях заказчиков (шерстобиты, плотники, шубники и т. п.), тип возможный для тех условий, при которых орудия просты и удобопереносимы; во втором они («оседлые») работают, оставаясь на месте постоянного жительства (ткачество, кузнечный промысел и т. д.). Кроме того, мы имеем здесь и ряд промежуточных форм.²⁾

Это деление, по нашему мнению, не может быть принято, в том смысле, что в нем, под названием «наемного ремесла», под понятие ремесла подводятся формы, достаточно явственно от него отличающиеся, как по размерам, так и, особенно, по отношению к рынку и постепени хозяйственной самостоятельности производителя. Вместе с тем, такое обединение разнообразных, исторически возникавших одна за другой хозяйственных форм, в едином понятии ремесла грешит схематичностью и недостаточным учетом процесса экономического развития, главным же образом, такого решающего фактора, каким является развитие рынка, ведущее к росту разделения труда между отдельными хозяйствами и росту производительных сил. Этим делением, вместе с тем, дается, по нашему мнению, неправильный, упрощенный ответ о месте занимаемом ремеслом в исторической схеме хозяйственных форм. Здесь нам представляется более правильным принять взгляд Бюхера, который так называемое «наемное ремесло» выделяет из ремесла, как ступень ему предшествующую. Этой форме он в своей классификации дает название «работы на заказ». Производитель здесь уже порвал или порывает свою связь с земледелием. «Но он владеет лишь своими простыми инструментами, у него нет оборотного капитала. Вследствие

¹⁾ См. В. Зомбарт, «Политическая экономия промышленности», стр. 49 и М. И. Туган-Барановский, «Основы политической экономии» Петроград. 1915, стр. 158.

²⁾ М. И. Туган-Барановский. Цит. со ¹, стр. 162.

этого, он всегда применяет свое искусство к чужому сырому материалу, который ему доставляет производитель этого сырья, являющийся вместе с тем потребителем готовых продуктов¹⁾. Двумя разновидностями этой формы являются: а) отход и б) работа на дому. В первом случае „работающего на заказ берут временно на дом, дают ему харчи и, если он не живет в той же местности, и квартиру, а также поденную плату,— и он остается только до тех пор, пока не удовлетворены, потребности потребителя”; во втором случае „работающий на заказ имеет при своей квартире собственную мастерскую и ему выдается сырье. За обработку сырья он получает поштучную плату”¹⁾.

Таким образом, существенную экономическую черту этой формы составляет отсутствие оборотного капитала. „Ни сырье, ни готовый продукт не являются средством извлечения дохода для их производителя. Способ и размеры производства все еще определяет землевладелец, производящий сырье: под его же руководством находится весь процесс производства.”²⁾

Основываясь на вышеизложенных соображениях *Бюхера*, совершенно правильно отделяющего от ремесла довольно отличающуюся от него форму, т. е. „работу на заказ”, мы уже теперь отчасти можем ответить на вопрос о месте, занимаемом ремеслом в последовательной смене хозяйственных форм: ремесло—промежуточная ступень; ей предшествуют две формы: а) „домашнее производство”, или так называемое „производство для домашних потребностей”³⁾ и б) следующая за „домашним производством” форма— „работа на заказ” или так называемое „наемное ремесло”. В процессе дальнейшего экономического развития ремесло, как увидим ниже, переходит либо в форму мелкого капиталистического предприятия, либо в форму предприятия кустарного.

С точки зрения отношений между хозяйственных, ремесло, по общепринятым в экономической литературе мнению, представляет форму, при которой „мелкий производитель работает... на постороннего потребителя, без каких бы то ни было торговых посредников”⁴⁾. „Все существенные особенности ремесла”, говорит *Бюхер*,⁵⁾ „находят свое выражение в определении: непосредственное производство на потребителя. Именно этот способ сбыта отличает эту форму производства от всех позднейших”. Ремесленник работает либо на определенных заказчиков, либо одновременно—на заказчика и на рынок, достигая в этом последнем случае максимума хозяйственной самостоятельности.⁶⁾ При этом, работа на рынок носит узкий характер—удонлетворения местного спроса, сбыт здесь ограничен пределами ближайшего рынка, рамками ближайшего базара или ярмарки.

Эти характерные черты ремесла оспариваются *Зомбартом*, ко-

¹⁾ К. *Бюхер*. „Возникновение народного хозяйства”. Вып. I, гл. IV, стр. 147-148 СПб. 1907.

²⁾ К. *Бюхер* Там же стр. 151.

³⁾ То есть такая форма, при которой „промышленный труд еще не обособился в самостоятельную отрасль производства,—где, следовательно он образует лишь подчиненную часть более крупной хозяйственной ячейки, в которой производство покрывает всю совок плющ хозяйственных нужд и, в особенности, удовлетворяет потребность в сырье и средствах пропитания... Предпосылкой существования ремесленной организации служит то обстоятельство, что промышленная деятельность становится исключительным содержанием особого производственного хозяйства, что при господстве ремесленной организации, следовательно, появляются хозяйства, посвящающие себя исключительно промышленной деятельности”. См. В. *Зомбарт*. „Политич. экономия промышленности” стр. 40, 43-44.

⁴⁾ М. И. *Туган-Барановский*. „Основы полит. экономии”, стр. 158.

⁵⁾ К. *Бюхер*. Там же, стр. 155.

⁶⁾ Как указывает для этого случая К. *Бюхер* (см. там же, стр. 155), „работа на заказ и работа для рынка должны друг друга дополнять, во избежание „мертвого сезона”, 8. Пречи БДУ № 20.

торый рядом фактов, относящихся к средневековью, старается доказать чистую возможность таких случаев, где „формой хозяйства является ремесло в самом чистом виде“, но продукты сбываются не „заказчикам“, а несвозможным „посредникам“, и не на месте, а на обширный рынок“¹⁾ Но, как правильно указывает *Туган-Барановский*, отнесение к ремеслу таких хозяйств объясняется только неполнотой даваемого *Зомбартом* определения ремесла, упускающего из виду такую характеристическую особенность ремесла, как специфические условия его сбыта²⁾. Примеры *Зомбарт* говорят лишь о том, что указываемые им производители, работавшие на торговцев, не были ремесленниками³⁾.

Внутрихозяйственные отношения в ремесле характеризуются, в общем, следующими чертами: хозяин ремесленного предприятия является не только его организатором, но и исполнителем всех производственных и торговых функций, осуществляемых им либо исключительно собственными силами (одиночка), или же с помощью членов семьи (семейное производство) или подмастерьев (производство с помощниками). „Он — главный директор, мастер и чернорабочий в одном лице, он же и купец“, как образно рисует его фигуру *Зомбарт*⁴⁾. Таким образом, даже на высшей стадии развития ремесла — еще нет полного отделения функции руководительства от функции исполнения (такое отделение — черта, характеризующая как всякую форму капиталистического предприятия, так и всякую форму „общественного производства“). Характер междухозяйственных отношений, выражающийся в непосредственной связи ремесленника с потребителем, в его хозяйственной самостоятельности, строгое определенные и весьма узкие размеры сбыта, ограниченные рамками ближайшего местного спроса, мелкий размер производства, индивидуальный его характер, эмпирическая техника производства, характер внутрихозяйственных отношений, — все эти моменты в весьма большой степени обуславливают собой экономическую природу ремесла.

Здесь можно согласиться с противопоставлением *Зомбарт*, согласно которому в капиталистическом предприятии имущество используется „в целях воспроизводства благ с прибылью для собственника“, т.е., (как скажем мы), путем эксплоатации рабочей силы, тогда как у ремесленника имущество пока еще не служит целям эксплоатации, им, как говорит *Зомбарт*, — у ремесленника еще не произошла дифференциация личного и вещного имущества... вещное имущество ремесленника не приобрело еще свойства капитала⁵⁾.

1) В *Зомбарт* „Современный капитализм“ т. I стр. 103, 108-120.

2) Согласно *Зомбарту*, ремесло „это та форма хозяйства, которая определяется стремлением трудащегося в области промышленности так использовать свои, занимающие среднее место между искусством и обыкновенным ручным трудом, навыки и умение обрабатывать и производить промышленные изделия, чтобы добить себе, путем обмена своего труда и производств на соответственные эквиваленты, средства к жизни“ В *Зомбарт* „Полит. экон. промышленности“, стр. 43; см. также его же „Соврем. капитализм“, стр. 88.

3) „Цеховые суконщики, работавшие на суконных торговцев, хотя и были членами цеха, но экономически не были ремесленниками, — также суконное производство было не ремеслом, а кустарной промышленностью. Достаточно торговому капиталу стать между ремесленником и потребителем, чтобы ремесло изменило свою природу, перестало быть самостоятельным производством и приближалось к капиталистической промышленности“ М. И. *Туган-Барановский*. Там же, стр. 159-160.

4) В *Зомбарт* „Политическая экономия промышленности“, стр. 45.

5) В *Зомбарт* „Полит. экономия промышленности“, стр. 45. „С точки зрения экономического“, говорит В. Е. *Варпар* (Цит. соч. стр. 89-90), крупные землевладения, т.е. фабрики и заводы, всегда носят определенно выраженный характер капиталистических предприятий... требуемые... значительные капиталы, в виде вещного имущества... а также оборотных денежных средств на материалы, заработную плату и так далее, имеют целью, путем обращения этих капиталов, предоставить владельцу предприятия, все

При рассмотрении ремесла, как формы производства, мы уже отмечали неправильность отнесения к нему Зомбартом (помимо "общественного производства в мелких размерах") такого производства, как "индивидуальное производство" в крупных размерах и сомнительность отнесения к нему "расширенного производства с помощниками".

Такие черты ремесла, как—хозяйственная самостоятельность ремесленника и отсутствие хоть сколько нибудь значительной капитализации имущества даже на высших стадиях ремесла, еще более, по нашему мнению, отвечают неправильность отнесения к нему, как—таких предприятий, где значительная масса мелких "ремесленников" (пример с сотнями "маляров-подмастерьев") работает под постоянным контролем либо "мастера", либо его надсмотрщиков, т. е. фактически работает на хозяина крупного капиталистического предприятия, так и таких предприятий, как "расширенное производство с помощниками", где мы видим несомненную эксплуатацию хозяином довольно значительного числа работников и весьма заметное отделение здесь руководительства предприятием от исполнительной работы, т.е. черты капиталистического предприятия.

Итак, понятие ремесла можно, в общих чертах, определить следующим образом: как форма производства оно характеризуется мелкими размерами, эмпирической техникой и таким сочетанием производственных факторов, при котором продукты его являются результатами труда не коллективного, а единичного рабочего; как форма хозяйства—непосредственной связью с потребителем, исключающей каких бы то ни было торговых посредников, строго определенными и узкими рамками местного сбыта, сосредоточением в личности мастера не только организаторских и торговых, но и главнейшей части производственных функций и отсутствием сколько-нибудь значительной капитализации имущества. С точки зрения историко-экономической, ремесло представляет ступень, следующую за двумя предшествующими ему и следующими одна за другой формами, а именно, за "домашним производством" и "работой на заказ".

Переходя к определениям кустарной промышленности, прежде всего проведем границу между следующими двумя их категориями: в основу первой, в качестве критерия для разграничения положен принцип отраслей хозяйства, и общей их чертой является то, что они считают неотъемлемым признаком кустарной промышленности связь ее с сельским хозяйством. В основу второй,—к которой принадлежит и наше определение, положена степень хозяйственной самостоятельности производителя. С точки зрения такого понимания кустарной промышленности (Бюхер, Зомбарт, Туган-Барановский, Рыбников) связь ее с сельским хозяйством обязательной не является, и может, стало быть, существовать, как сельская, так и городская кустарная промышленность.

Первая категория характеризуется весьма большим разнообразием определений. К числу самых широких здесь можно причислить такое, которое охватывает, за исключением ремесленных промыслов, "все виды мелкой сельской промышленности, начиная от домашней формы производства, когда крестьянская семья выделяет своими силами

равно буль то частное лицо, фирма, компания, общественное учреждение или государство — ожидаемую прибыль. Все эти условия иначе складываются для мелких, ремесленно-кустарных заведений, мастерских и тому подобных хозяйственно-промышленных единиц; здесь обыкновенно не требуется предварительных затрат крупных капиталов и роль их (помещение, ручное оборудование и текущие издержки производства) незначительна, а цель деятельности подобных заведений—не столько доходность, сколько получение средств существования для мелких предпринимателей".

разного рода изделия, необходимые в домашнем быту и продают эти изделия только при случае, и оканчивая коллективной формой производства, которая переходит уже в фабрично-заводскую промышленность".¹⁾

Существует кроме того целый ряд определений, отличающихся либо более широкой, либо более узкой трактовкой вопроса, есть даже такие, которые охватывают, кроме домашнего производства для собственного потребления, еще и ремесло, есть исключающие домашнюю форму крупной промышленности, и т. д.²⁾. Переходя во второй категории определений, остановимся прежде всего на анализе *Бюхера*.

В его классификации форм промышленности, в каковой отсутствует понятие мануфактуры, сливающееся с понятием фабрики, кустарная промышленность или *Verlagsystem* (система работы на скопище) занимает промежуточное положение между ремеслом и „фабрикой“ (в понимании *Бюхера*). Как кустарная промышленность, так и „фабрика“ причисляется *Бюхером* к новой системе производства, основанной уже не на местном, а на национальном и международном рынке³⁾. Обе они имеют одинаковую задачу—снабжение обширного рынка промышленными изделиями. И та и другая нуждаются в значительном количестве рабочих. Отличие—только в способе решения этой общей задачи и в способе организации рабочих. Существенной чертой кустарной промышленности является та, что „продукт, раньше чем он переходит к потребителю, является капиталом, т. е. средством наживы для одного или нескольких посредников—купцов... Скупщик—это предприниматель—коммерсант, который постоянно дает работу значительному числу рабочих вне своего собственного промышленного заведения, самим рабочим из дома“.⁴⁾

Капитал в кустарной промышленности, согласно *Бюхеру*, оставляет нетронутым прежний способ производства, овладевая лишь организацией сбыта. На „фабрике“ же он охватывает весь процесс производства.⁵⁾ Итак по *Бюхеру* кустарная промышленность от ремесла отличается: значительно более широким районом сбыта (рынок не только местный, но и народный и даже мироной), способом сбыта (через посредников) и зависимостью от посредника.

Эта зависимость, по нашему мнению, создает на этой стадии развития, из совокупности мелких хозяйств—„систему“ мелких хозяйств, об'единенных по линии сбыта тому или иному посреднику, капиталисту, либо государственному, кооперативному или общественному учреждению. Признаком, отличающим „фабрику“ в понимании *Бюхера* (т. е. мануфактуру и фабрику в нашем понимании) от подобного рода „систем“ является об'единение работающих „в одном и том же при-

¹⁾ Отчет Генерального Комиссара выставки Х. В. Николаевского о Всеросс. Куст. Пром. выставке в Петербурге, в 1902 г. Г. У. З. и З. Отд. сел. экон. и сельско-хоз. статистики. Отчеты и исследования по куст. пром. в России. Том VIII. Спб. 1907. стр 285. Принадлежит это определение, как такое, которое „принято“ прилагать к кустарной промышленности. *Николаевский* указывает на то, что „промышленники для своих потребностей занимаются, как известно, почти вся крестьянская Россия; промышленники же колективными занятиями только отдельные группы кустарей, передко имеющие слабую связь с земледелием“, и подает, что „срединой между этими двумя крайними формами... т. е. между „домашней“ и „коллективной“, переходящей в фабрично-заводскую, надо считать массовое производство кустарных изделий на рынок крестьянами, у которых коренное занятие лежит в земледелии и побочное в кустарничестве“.

²⁾ См об этом разнообразии определений у А. А. Рыбникова Цит. соч., стр. 9.

³⁾ Х. *Бюхер*. Там же, стр. 156.

⁴⁾ Х. *Бюхер*. Там же, стр. 157—158.

⁵⁾ Х. *Бюхер*. Там же, стр. 158.

надлежащем предпринимателю заведении", что влечет за собою сплочение "разнородных рабочих... в одно организованное и дисциплинированное целое", снабжение их "сложным аппаратом механических средств производства" и "в сильнейшей степени усиливает их производительность"¹⁾.

Таким образом, к кустарной промышленности отходит у *Бюхера* и вся область так называемой "домашней формы крупной промышленности", каковая, как увидим далее, отличается существенными чертами от вышеуказанной "системы" мелких хозяйств, т. е. от об'единения мелких хозяйств только по линии сбыта.

Определение *Туган-Барановского*, в общем, сходно с определением *Бюхера*. И тот и другой специфической чертой кустарной промышленности считают зависимость последней от посредника, и тот и другой отмечают форму домашнего производства для собственного потребления, т. е. слабо дифференцированные формы мелкого производства, при которых продажа промышленных изделий носит случайный характер. Наконец, и *Туган-Барановский*, также как и *Бюхер*, причисляет к кустарной промышленности всю область "домашней формы крупной промышленности". Согласно классификации *Туган-Барановского*, наиболее свободная форма кустарной промышленности наблюдается тогда, когда кустарь "или сам добывает сырой материал, или покупает его на стороне, а выработанный продукт продает торговцу по своему выбору"; следующей, переходной к "зависимой" форме является та, "при которой кустарь покупает за свой счет сырье материалы на стороне, но поставляет свой товар всегда одному и тому же капиталисту". При дальнейшей, еще более зависимой форме, кустарь покупает сырой материал у того же торговца, которому он продает свои продукты ("продажный вид зависимой формы"), и, наконец, последней формой является та, при которой "кустарь получает от капиталиста-заказчика сырой материал и обрабатывает его за сдельную плату" ("наемный вид зависимой формы")²⁾.

Приведенное выше разсмотрение отдельных определений кустарной промышленности указывает, насколько неопределенным и неудовлетворительным с научной и практической точки зрения является термин "кустарная промышленность".

Даже в определении *Туган-Барановского*, разделяемом многими экономистами, этим термином охватываются и мелкие хозяйства, об'единенные лишь по линии сбыта какому-либо посреднику, и так называемые "кустари", работающие, либо у себя дома, либо в особых "светелках", на крупного предпринимателя промышленника. В других же определениях, как мы указывали ранее, под понятие кустарной промышленности подводятся кроме того не оторвавшиеся от сельского хозяйства слабо дифференцированные формы мелкого производства, носящие подсобный к сельскому хозяйству характер и случайный характер продажи, и даже в некоторых случаях под него подводится и ремесло. В результате мы получаем, как указывает *Н. Ленин*, "абсолютно непригодное для научного исследования понятие под которое подводят обыкновенно все и всяческие формы промышленности, начиная от домашних промыслов и ремесла и кончая наемной работой в очень крупных манифактурах"³⁾.

Из всего сказанного выше, по нашему мнению, вытекает, для

1) *K. Бюхер*. Там же, стр. 158.

2) *М. И. Туган-Барановский*. Цит. Соч., стр. 164—166.

3) *Н. Ленин*. (В. Ульинов). Собрание сочинений, Т. III, стр. 168. Госиздат. Москва 1924 г.

будущих статистических исследований, совершенная необходимость радикального пересмотра понятия „кустарная промышленность“ и возможно большего его уточнения.

Мы полагаем, что в решении этого вопроса можно идти одним из следующих двух путей: а) точно очертить границы понятия, связанного с прежним словоупотреблением, произведя детальное выделение из его области ряда форм промысловых занятий, или б) совершенно упразднить самий термин „кустарная промышленность“, заменив его рядом отдельных определений, отнесенных соответственно к тем формам промышленности, которые были под этим термином обединены.

Иля первым из этих путей, попытаемся теперь, на основании вышеизложенного анализа, установить основные вехи.

С точки зрения производственной, кустарная промышленность не отличается от ремесла. Это—типичное мелкое производство, с эмпирической техникой и с таким сочетанием производственных факторов, при котором продукты его являются результатом труда не коллективного, а единичного рабочего.

Как форма хозяйства, имеющая своей основой крупный,—народный, а иногда и мировой рынок, она характеризуется исключающей непосредственную связь с потребителем хозяйственной зависимостью от того или иного посредника по сбыту своих изделий, будь-то частного скопщика—торговца, или же какого либо государственного, кооперативного или общественного учреждения.

Характер межхозяйственных связей, т. е. зависимость от того или иного скопщика, создающая об'единение, территориально изолированных хозяйств по линии сбыта, управляемого тем или иным посредником, не влияет на форму кустарного производства, на размеры и технику изолированных кустарных производств.

Но, как только об'единение охватило и сферу производства, как только состоялось такое об'единение, при котором управление процессом труда стало единым, мы получим уже не совокупность отдельных кустарных производств, не их „систему“, а „единство“, одно производство, и при том уже не кустарного типа.

Хотя бы пространственно эти „кустарные“ производства и были изолированы, но как только управление процессом труда для них стало единым, они составят уже только одну производственную единицу и при том не мелкую, а крупную и принадлежащую не к „индивидуальной“, а к „общественной“ форме производства.

Исходя из этих соображений, мы полагаем, что так называемая „домашняя форма крупной промышленности“ не должна быть относима к кустарной промышленности, каковая представляет типичное мелкое производство, с эмпирической техникой, индивидуальным характером производства и отсутствием хоть сколько-нибудь значительной капитализации имущества. При „домашней форме крупной промышленности“ мы имеем уже одно производство, производство крупное, в каком неизбежны—рационализация техники и разделение труда. Здесь мы уже имеем завершившееся исчезновение отдельных мелких кустарных производств и отдельных мелких кустарных предприятий, поглощение их крупным производством и превращение кустарей в рабочих и в служащий персонал крупного предприятия (хозяева „Светелок“, „мастерки“ и т. д.). С точки зрения историко-экономической, кустарная промышленность представляет ту ступень, которой предшествует либо ремесло, либо—непосредственно форма производства для домашних потребностей, и которая в процессе развития, переходит в „домашнюю форму крупной промышленности“.

каковая, в свою очередь, переходит в форму мануфактуры или фабрики. Вкратце, различия между ремесленным и кустарным предприятием, этими двумя формами мелкой промышленности,¹⁾ сводятся к следующему:

а) у ремесленника рынок крайне мал. Это—соседи заказчики и потребители ближайшего рыночного пункта. У кустарной промышленности—рынок народный или даже мировой;

б) в противовес разсейности по стране отдельных ремесленных предприятий, кустарные предприятия явственно обнаруживают территориальную концентрацию, вызываемую территориальной специализацией по определенным отраслям кустарного производства. Мы здесь наблюдаем образование, в зависимости от тех или иных местных естественно-исторических и экономических особенностей (близость районов добычи сырья, близость распределительных пунктов, слабое развитие земледелия и т. д.), особых кустарных гнезд, кустарных районов—районов металлических (Павловский, Тульский, Уральский, Кузнецкий, Ярославский, Череповецкий и др.) лесохимических центров (Северный, Казанский, Ветлужский и др.), районов деревообделочных, кружевных и т. д.;²⁾

в) ремесленник отличается весьма большой степенью своей хозяйственной самостоятельности, он непосредственно связан с потребителем, тогда как между кустарем и потребителем всегда стоит разделяющий их посредник. Зависимость кустаря от посредника может принимать разнообразные формы, начиная от такой, при которой он, или сам добывая сырой материал или покупая его на стороне, выработанный продукт продает торговцу по своему выбору, и кончая такой, при которой кустарь покупает сырой материал у того же торговца, которому он продает свои продукты;

г) кустарная промышленность—форма более близкая к крупной индустрии, чем ремесло. Ремесло переходит либо в кустарную, либо в мелко капиталистическую промышленность. Кустарная же промышленность—ступень, непосредственно переходящая в форму „домашней формы крупной промышленности“. И кустарная и крупная промышленность имеют одинаковые источники происхождения, кустарная промышленность во многих случаях предтеча крупной индустрии, необходимое предварительное условие ее возникновения.

Как говорит *Подгуг*,³⁾ индустриализация „происходит между прочим путем кустарной экспансии и врастания ее в индустрию. Своих основных путей кустарная промышленность ищет не вне крупной индустрии, а внутри ее и рядом с ней, на той же территории и в тех же экономических условиях“.

¹⁾ Мелкая промышленность обнимает собою не только ремесло и кустарную промышленность, но и форму „общественного производства в мелких размерах“ (тип мелких фабрик или заводиков), форму мелких государственных и кооперативных предприятий, а также мелких частных капиталистических предприятий. Здесь руководство уже вполне отделено от исполнения.

²⁾ См. об этом *А. А. Рыбников*, „Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства“ Москва, 1922.

³⁾ *Н. Подгуг*, „Государство и кустарная промышленность“, „Социалистич. хозяйство“, кн. IV, 1925 г., стр. 161.

Проф. В. Н. Перцев.

Дантонисты в брюмере и фримере II года.

(К вопросу о причинах зарождения дантонистской фракции).

Дантон, как и *Робеспьер*, принадлежит к числу деятелей, вокруг которых до сих пор ломаются литературные копья. Политическая и даже личная физиономия его до сих пор не может считаться выясненной. У него есть свои горячие апологеты и свои не менее горячие обвинители. При этом апологетов у него, пожалуй, больше чем обвинителей. По крайней мере среди них мы найдем наиболее крупные имена в историографии французской революции. Его восхвалял *Мишель*, называя „политической головой, готовой принять все разумное“ и „трагательно стремившейся к примирению партий“. Его необычайно высоко ставил *Кине*, находя, что из всех деятелей революции он один стоял на реальной почве, между тем как другие витали в области иллюзий и фантазий (не исключая, по мнению Кине, и Робеспьера). За тот же самый реализм хвалил *Дантон* и *Сорель*, говоря, что „в его предложениях не было ничего абстрактного и химерического“ и что „они были совершенно практичны, совершенно реалистичны“. Из более новых историков с нескрываемой, хотя и осторожной симпатией относится к *Дантону Олар*, который¹⁾ прослеживает все политическое поведение *Дантона* шаг за шагом. *Олар* называет самые колебания *Дантона* в вопросе о республике „колебаниями мудреца и государстваенного человека“, хвалит его за то, что он не хотел войны при реакционном министерстве и стал высказываться за войну с тех пор, как министрами стали жирондисты, ибо он держался мнения, что война должна вестись в пользу нации, а не в пользу короля. *Олар* считает *Дантона* настоящим организатором 10-го августа, хотя и признает, что перед самым переворотом *Дантон* удалился из Парижа, находит совершенно недоказанными и клеветническими все слухи о подкупности *Дантона* и о его намерениях возвести на престол Орлеанскую династию и оправдывает его от всякого соучастия в событиях 2-го сентября, доказывая, что *Дантон* всеми мерами стремился ограничить сентябрьские убийства и ввести их в рамки хотя бы некоторой законности.

Высоко ставит *Дантон* также и *Жорес*, особенно в первый период его деятельности, до того времени, когда он перешел в оппозицию *Робеспьеру*. *Жорес* хвалит его „революционный смысл“ во время бурных событий лета 1792 г. и находит, что только благодаря ему, благодаря его кипучей энергии, Франция сравнительно безболезненно

¹⁾ В „Очерках и лекциях по Истории Французской революции“, но не в своем большом труде („Политическая история революции“).

пережила это бурное время. Он называет его „удивительным примером революционной смелости“, „отважным легионом“, считая одной из его главнейших заслуг умение сочетать революционную энергию с творчеством новых законных норм. Подобно Олару Жорес обеляет Дантоне от обвинений за сентябрьские дни, возлагая ответственность за них на Марата и отчасти на Робеспьера. Однако, Жорес порицает дантонистов за их оппозицию Робеспьеру в последний период их существования, находя, однако, что сам Робеспьер в то время не знал, куда ему нужно было вести Францию.

В сравнении с этими высокоавторитетными голосами апологетов Дантоне—доказывали его порицателей звучали, казалось, не особенно доказательно. Они исходили, по большей части, из лагеря врагов якобинизма вообще, которые не делали большого различия между отдельными якобинскими фракциями и свои упреки, направленные против всех якобинцев, обращали и на Дантоне (Тьер, Тен, Лоренц Штейн и друг.). Только самое последнее время, когда более внимательно были рассмотрены с самых разнообразных точек зрения документы, касающиеся деятельности Дантоне, голоса обвинителей стали звучать более авторитетно. Из историков последнего времени более всего внимания уделил Дантоне известный профессор дижонского университета Матье (Майе). Спорных вопросов о Дантоне и дантонистах он касается как в ряде статей, помещенных в его журнале *Annales historiques de la Rev. française*¹⁾, так и в сборнике *Autour de Danton* (Paris, 1926 г.). Дантон выставляется Матьеом в очень неблагоприятном свете. „Это был ненасытный искатель наслаждений“, говорят он в упомянутом сборнике, „который обогащался, ловя рыбу в мутной воде, искусный революционер, который получал деньги от двора через посредство Талона, признавшегося в этом под присягой перед судом эпохи консульства... Дантон пытался вытянуть два миллиона у Питта, чтобы спасти Людовика XVI. Он имел постоянные сношения с эмигрантами, через своего секретного агента медика Шевеле и бывшего депутата Теодора де-Ламета, нарочно приехавшего из Лондона для переговоров с ним. Он покровительствовал и шантажировал всех по очереди поставщикам и банкирам, он также заставлял платить себе двор и эмиграцию“²⁾. Дантон, по мнению Матьеа, был в курсе и переговоров Дюмурье с австрийцами, и потому его обвинения в связях с жирондистами приобретают большую доказательность. Жирондисты потому согласились на назначение Дантоне министром юстиции в Исполнительном Сенате, что надеялись с его помощью спасти короля. Он не брезгал самыми нечестивыми способами для личного обогащения. После того как французские войска вступили в Бельгию, Дантон устроил так, что для него было послано белье, принадлежавшее правительнице Нидерландов и стоявшее 300 тыс. франков. Вопреки Олару Матье поддерживает высказывавшееся и раньше мнение, что Дантон выдвинул кандидатуру Орлеанской династии на престол и говорил будущему королю французскому Луи-Филиппу (22 или 23 сент. 1793 г.), что „те, которые сражались под трехцветным знаменем, имеют большие шансы, чтобы царствовать“. Особеню невысокого мнения Матье о политической роли Дантоне в эпоху фракционной вражды среди якобинцев. „Он группировал кругом себя всех недовольных:—роилистов, обещая им возвращение эмигрантов и рестанацию,—федералистов, обещая им амнистию,—коммерсантов и промышленников и во-

¹⁾ Особенно важны статьи: *Le comité de salut public et le complot de l'étranger* (Juill.—août, 1926) *Etudes sur la Terreur* (sept.—oct. и nov.—dec. 1926 и mars—avril 1927).

²⁾ *Autour de Danton*, Paris, 1926, p. 8

обще собственников, обещаясь разрушить максимум, торговые регламентации и революционные законы,—всех подозрительных, привлекая их перспективой открытия тюрем (en faisant vibrer devant leurs yeux l'ouverture des prisons¹⁾). Он начал атаку на революционное правительство в самый опасный для него момент—момент вандейского восстания и тулонского мятежа. Многое вообще, говорит Матиэз „указывает на сомнительные происки человека, который пользовался своим революционным прошлым, чтобы подготовить мир и возвращение монархии“²⁾.

В нашу задачу не входит здесь более или менее подробное рассмотрение всех этих многочисленных обвинений, возникших Матиэзом на Дантоне. Мы указали на общее мнение Матиэза о Дантоне лишь затем, чтобы выяснить тот общий фон, на котором Матиэз рассматривает некоторые более частные стороны деятельности Дантона и дантонистов. Именно, нас интересует в настоящей статье, каково было то социальное окружение, среди которого действовал Дантон и возглавляемая им группа, ибо указанные статьи и книга Матиэза для разрешения этого вопроса дают отчасти новый, отчасти трактуемый с новых точек зрения, хотя уже известный и прежде материал. Вопрос о том, к какой социальной группе принадлежало окружение Дантона, вопрос чрезвычайно важный, ибо он помогает разобраться в трудной проблеме о классовой природе дантонизма. Этого вопроса, однако, кроме Матиэза, до сих пор почти никто не касался. Лишь Генрих Кунов в своей интересной книге, озаглавленной в русском переводе „Борьба классов и партий в великой французской революции“³⁾ попытался определить социальную природу дантонизма. Но он сделал это исключительно на основании журнального и газетного материала, а потому и выводы его оказались односторонними и недостаточно обоснованными. К дантонистам Кунов относит представителей „беднейшей академической интеллигенции“ и „так называемых либеральных профессий“, т. е. „ромадную часть молодых адвокатов и врачей, литераторов, художников и т. д., академических преподавателей, за исключением университетских светил“ и т. п.⁴⁾ Это мнение Кунова едва ли может быть признано правильным. Во первых, к его обоснованию Кунов не привлек достаточно полно и хорошо подобранных материалов; во вторых, едва ли правильно рассматривать среднюю интеллигенцию, как самостоятельный класс. По своим общественным и политическим симпатиям она сама разбивалась на несколько групп, связанных с теми или иными слоями тогдашнего общества. Если некоторая часть „представителей либеральных профессий“ действительно поддерживала Дантоне (что Куновым не доказано), то делала она это лишь потому, что политика Дантоне удовлетворяла требованиям тех общественных кругов, которые были связаны по своему социальному и экономическому положению с этой средней интеллигенцией. Между тем Кунов дает очень мало данных для определения экономических желаний этих кругов. Он доказывает, что „дантонисты были добрыми почитателями буржуазной собственности“, что по их взглядам „равенство имущества невозможно и безмыслино“, что они „выдвигали на первый план обеспечение доходов и промысловной свободы“⁵⁾; но кто

1) Ibidem, p. 9.

2) Ibidem, p. 9.

3) В подлиннике в первом издании книга озаглавлена „Революционная журналистика во Франции в 1789-94 г.г.“, а во втором—„Партии Всех Французской Революции и их прессы“.

4) Кунов. Борьба классов и партий, стр. 276, Москва, Госиздат, 1923.

5) Ibidem, стр. 283.

из якобинцев в это время не был защитником частной собственности и не считал безсмыслицей экономическое равенство? Того же доказа, что дантонисты были противниками сурового долгового права и что они, в противоположность жироидистам, не стояли на страже интересов „делового капитала“¹⁾ (это тоже только утверждается, но не доказывается Куином), — еще слишком мало, для того, чтобы относить дантонистов к какому нибудь определенному общественному классу.

Совершенно иначе подходит к вопросу о социальной природе дантонизма Матье. Он не задается с самого начала никакими широкими обещающими целями и не пытается объяснить поведение дантонистов одной формулой. Но он собирает — скрупулезно и тщательно детальный материал, классающийся личной и общественной деятельности отдельных деятелей, близко стоявших к Дантону, выбирая свои данные из самых разнообразных источников, и на основании этих данных вырисовывается картина, которая позволяет в конце концов сделать некоторые обобщающие заключения.

Матье обращает особенное внимание на то, что Дантон был постоянно окружен спекулянтами, подрядчиками, биржевиками и вообще темными дельцами. Его друзьями и сотрудниками были очень подозрительные в смысле личной честности и замешанные во взятках люди. Особенно большое значение Матье придает делу Ост-Индской компании. Это дело — с первого взгляда незначительное, имело однако, по мнению Матье, колоссальные последствия и, по своим конечным результатам, послужило причиной разделения Горы на отдельные фракции.

Еще в июле и в августе 1793 г., когда цены на все продукты быстро росли и в стране назревал голод, группа депутатов, которые позднее почти все вошли в ряды т. н. „снисходительных“ (т. е. дантонистов) и еще позднее разделили с Дантоном его участь на эшафоте, — Делоне, Фабр-д'Эглантии, Жульен из Тулузы, Шабо, Базир и нек. др. —, предприняли поход против ряда финансовых обществ того времени (общество страхования жизни, страхования от огня и др.), обвиняя их в том, что они уклонились от платежа налогов, содействовали уплату французских денег во вражеские страны и т. п. Поход этот носил явно недобросовестный характер, потому что, нападая на эти компании, означенная группа в то же время играла на бирже на понижение их бумаг. Между прочим компаниями нападениям подверглась и богатая Индийская компания, на дела которой были наложены печати. Ее обвиняли, между прочим, и в том, что она финансировала казненного короля. Характерно при этом то, что вся эта группа депутатов была в сущности лишь игрушкой в руках некоего барона *Баца*, замечательного по своей смелости и наглости биржевого и коммерческого дельца того времени. Счастливыми спекуляциями ему удалось составить себе состояние еще до войны. Он ворочал деньгами нескольких финансовых компаний (общества парижских вод, общества страхования жизни), обладая большей частью их акций. Он был депутатом Конституанты и в качестве такового проник в Комитет ликвидации пенсий, выслуженных при старом режиме, причем будучи монархистом до корней волос, он воспользовался своим служебным положением, чтобы задержать эту ликвидацию. Скоро, однако, он принужден был эмигрировать. Но после событий 20-го июня 1792 г. он вернулся во Францию, чтобы предложить королю свои услуги, за что получил от него 512 тысяч ливров. В момент 10-го августа он принужден был

¹⁾ Ibidem, ст. 283.

эмигрировать, несмотря на то, что пользовался большим доверием нового жирондистского министра Клавиера; но в январе 1793 г. он вернулся обратно и пытался освободить короля в самый день его казни. Он ускользнул от всяких преследований, потому что имел покровителей и в Коммюне, и в полиции, и в парижском департаментском управлении. Его конфидентом был Бенуа, старый агент Дантони и интимный друг Делоне. Этим Бенуа Дантон пользовался для своих переговоров с Лондоном и с герцогом Брауншвейгским; он же, Бенуа, был главной пружиной шантажа, применяемого против финансовых компаний и биржевых операций, простор для которых открывал этот шантаж¹⁾. Около середины августа 1793 г. за столом у него встретились видные дантонисты—Шабо, Делоне, Жульен, Бенуа, литератор Лагард и др., причем Матье выносил предположение (*il est probable*)²⁾, что речь шла о спасении жирондистов и королевы. По крайней мере позднее Шабо сообщал, что Бац предлагал 1 миллион ливров тем, кто осмелится спасти королеву. По доносу слесаря *Zingrilet* (сделанному им 9 апр. полицейскому комиссару секции Люксембург), который случайно подслушал разговор между Бацом и его другом маркизом *de la Guiche*, Бац в доме этого маркиза заявил, что он пожертвует всем своим состоянием на поддержку федералистического движения в департаментах, на спасение жирондистов и на разрушение „кошней“ монтарьяров, а одна из его соучастниц (некая *Fontanges*) выражала надежду, что „если Бац станет во главе наших проектов, то мы спасем Францию“. Обыск, произведенный у Баца по этому доносу не дал никаких результатов, после чего он продолжал видеться со всеми своими соучастниками—депутатами Конвента. Вся эта история с бароном Бацем очень характерна, как показание того, в каком обществе вращались Дантонисты.

Что касается до дела Индийской Компании, то и здесь окружавшие Дантон его друзья и сотрудники вели себя совершенно скандальным образом, заявив себя в качестве шантажистов, взяточников и спекулянтов. По требованию указанной группы депутатов (Шабо, Базир, Жульен, Делоне и друг.) дела Индийской компании было предписано ликвидировать, но эти лица, игравшие раньше на бирже на понижение ее бумаг, теперь стали спасать ее, и Делоне представил довольно льготный проект ее самоликвидации, а Фабр-д'Эгланти (дальнейший друг Дантоне, бывший в 1792 г. при нем, как при министре юстиции, первым секретарем), который сначала настаивал на суровых условиях ее ликвидации через посредство государственной власти, внезапно изменил фронт за взятку. По его настоянию декрет о ликвидации дел компании был принят в суровой форме, но это было сделано только затем, чтобы демонстрировать влияние и значение Фабра. Когда же Конвент передал свой декрет для окончательной редакции в комиссию, членами которой был сам Фабр-д'Эгланти и Делоне, то последние под видом редакции конвентского декрета совершенно изменили его текст в пользу компании,—именно ликвидация через посредство органов государственной власти была заменена самоликвидацией на льготных условиях, как это первоначально предлагал Делоне, а штрафы и налоги, падавшие на компанию, были сняты. Из данных этого дела и из признаний, сделанных впоследствии Шабо, выяснилось, что Базир, Шабо и Жульен вытянули от Индийской компании за такой оборот дела 500 тысяч ливров, при чем, изменчивое поведение Фабра объясняется тем, что он сначала не был допущен к

¹⁾ Mathiez. *Le Comité de salut public et le complot de Petfranger*, Au. hist., juil-août, 1926, 317.

²⁾ Ibidem, 317.

участию во всех этих комбинациях, а затем Делоне согласился уделить ему часть из взятки в 500 тысяч ливров.

Дело, однако, грозило вскрыться, так как Эбер и его друзья хотели вывести всю эту компанию мошенников (брюра) на чистую воду. Сам Дантон стал подвергаться нападкам со стороны эбертистов. Тогда Фабр-д'Эглантин совершил новое предательство. Чтобы застраховать себя от нападок со стороны эбертистов, он сам перешел против них и наступление и донес одновременно и на тех, которые в то время считались сторонниками крайней политики (среди них было несколько богатых иностранцев, близких друзей Анахарсиса Клоотца—Рои, Desfoux, Dufresnoy и др.), и на своих недавних друзей—Шабо, Жульена, и др.—обвиняя одних в том, что они были агентами враждебных правительств, а других в связях с банкирами и подкупности. Этим доносом Фабру удалось выпутаться, ибо в то время (октябрь 1793 г.) Робеспьер и Сен-Жюст сами искали поводов для того, чтобы перейти в наступление против крайних, и донос Фабра на эбертистов пришелся как нельзя более кстати. Его пример соблазнил Шабо, который решил пойти по его пути, и, расчитывая спасти себя, донес на барона База, обвиняя его с одной стороны в организации подкупов с помощью Делоне, Бенуа и Жульена, а с другой—в стремлении дискредитировать республику, подталкивая крайних (т. е. эбертистов) проводить ряд мер, революционных по виду, но по существу приводящих Францию к экономическому расстройству (строгое проведение закона о максимуме, реквизиции и т. п.). Донос Шабо поддержал и Базир, кроме той части его, которая касалась эбертистов. Таким образом, эта группа бесчестных деятелей, живших шантажами и доносами, дискредитировала себя устами лиц, вышедших из ее собственной среды, и это подтвердило правильность направленных против нее эбертистами обвинений.

Во время этой склоки оказались серьезно затронутыми и эбертисты. Они были обвинены в связях с иностранцами, и среди этих иностранцев были действительно очень подозрительные люди, как белгийский банкир Рои, его друг Desfoux и др. Эбертисты обратились за защитой к Робеспьеру, и Робеспьер их защитил, но, защищая, он не преминул (в речах, произнесенных в фримере II-го года) выяснить многие слабые стороны их политики. Здесь мы не имеем места более подробно говорить об этой защите. Отметим только, что эта защита по существу носила характер унижения для эбертистов, ибо она была пересыпана обвинениями их в возбуждении народа против революции путем неудачной дехристианизаторской политики. В этом отношении политика Робеспьера по отношению к эбертистам в фримере была продолжением его брюмерской¹) политики, которая ни в коем случае не свидетельствовала о добрых отношениях между робеспьевцами и крайними.

Из всего этого Матье делает вывод, что дело Индийской компании и связанные с ним доносы Фабра-д'Эглантина, Шабо и Базира положили начало разделению Горя на партии. Оно поссорило группу бесчестных депутатов Конвента,—личных и политических друзей Дан-

¹) Очень интересен разговор, который вели 17 брюмера (7 ноября) Ан. Клоотц и Робеспьер, после того как Клоотц с друзьями добился отречения парижского епископа Гобеля. Робеспьер упрекал Клоотца в том, что он отталкивал своими гонениями на христиан белгийцев, а между тем он сам же настаивал на необходимости вступления французских войск в Бельгию. «Почему, говорил Робеспьер, Вы отталкиваете белгийцев, скорбяяя предрассудки, к которым они так привязаны?.. Но дело уже сделано,— отвечал Ан. Клоотц, мы уже тысячи раз называли нечестивцами... Да,— возразил Робеспьер, но до сих пор не было фактов...» (Annales historiques, juil.—août, p. 313).

тона—с эбертистами и принудило последних искать поддержки у центра, т. е. у Робеспьера, но поддержка была оказана в такой унизительной форме, что эбертисты обиделись и затаили злобу против робеспьеровцев.

Нам кажется, что Матье придает несколько преувеличение значение делу Индийской компании. Оно было не более, как поводом, заставившим отдельные группы Горы вспомнить о более глубоких и основных причинах вражды между ними. Но для нас важно в данном случае то окружение, среди которого действовала группа Дантон и на котором Матье останавливается гораздо более внимательно, чем делали это его предшественники по изучению великой французской революции. Это окружение спекулянтов, шантажистов и прямых мошенников. Было ли это случайностью? Едва-ли. Спекулянты, скупщики и подрядчики, вообще новая крупная буржуазия, расцветавшая в условиях революционного времени, наживавшаяся на крупных подрядах для армии, на незаконной скупке товаров, не брезговавшая и шантажем, стремившаяся задушить старые коммерческие и финансовые фирмы (вроде Индийской компании и страховых обществ), более беззастенчивая в своих действиях, чем старая буржуазия,—искали для себя опоры в соответствующих политических деятелях и стремились направить в нужную для себя сторону линию революционной политики. Для них нужна была свобода действий, стеснявшаяся революционными законами, и в соответствии с этим группа дантонистов и теперь—в начале фракционного расхождения (октябрь—ноябрь 1793 г.)—и позднее выступает противницей режима диктатуры и террора. Матье избегает широких обобщающих картин, но те многочисленные и на первый взгляд мелочные факты, которыми он в изобилии насыщает свои статьи, очевидно имеют целью представить политику, проводимую Дантоном, как политику, благоприятствующую спекуляции и всякого рода наживам, в которых незаконное перепутывали с законным, и вываливали наружу и преусматривали беззастенчивые лельцы вроде барона База и нечестные политики вроде Фабра д'Эглантина. Так, когда в конце брюмера II года один из честных умеренных—Филиппо—предложил, чтобы Конвент обязал всех своих членов сделать заявку о размерах их состояния, то Базир, Шабо и друг. выступили с резким протестом. «Патриоты, заявил Базир,¹⁾ не должны подвергаться судебным притиркам и преследованиям. Нет ни одного франта (*franc-tireur*), который бы не радовался, видя, как всходят на эшафот те, которые начали революцию, которые первые заложили фундамент свободы.²⁾ Благодаря протестам этой группы предложение Филиппо было отклонено. Приблизительно в это же время Шабо, подвергавшийся резким нападкам в Конвенте³⁾, сам перешел в наступление и стал обвинять оба

¹⁾ О Базире у Матье есть интересная статья в сборнике *Autour de Danton* (Paris 1926 г., 11-66). Его отец был с мыслью богатым суконщиком г. Дижона, мать также принадлежала к богатой фамилии (*Michelot*). Его брат унаследовал отцовское состояние и вел удачные спекуляции с покупкой и перепродажей земель, составив себе довольно большое состояние в эпоху распродажи национальных имуществ. Сам Клод Базир (член Конвента) был, однако, расточителем, куталой и вообще человеком довольно беспорядочного образа жизни, за что его состояние было у него отягото и пользовало его жены по постановлению семейного совета, утвержденному позднее судом дистрикта. Это не помешало, однако, Базиру потом, когда он вошел в силу и стал членом Комитета Общественной Безопасности, вести довольно широкий образ жизни. Он даже дал своей жене 7 тысяч ливров, откуда-то добывших им. Дело Индийской компании и друг. финансовых обществ бросает свет на то, откуда у Базира могли взяться деньги.

²⁾ Mathiez, *Le comité de salut public etc.*, p. 324.

³⁾ Он был женат на сестре богатого банкира де Шенфельда и получил от него 200 тысяч ливров в приданое. Он содействовал отпуску на свободу роялистов и был сильно замешан в деле Индийской компании.

Комитета (т. е. Комитет Общественного Спасения и Комитет Общественной Безопасности) в диктаторских наклонностях. И Базир, и Шабо требовали, чтобы к депутатам относились с осторожностью и не арестовывали их по ничтожным поводам. По настоянию Шабо, 18 брюмера (8 ноября 1793 г.) было вынесено общее постановление, что ни один депутат Конвента не может быть послан в Революционный Трибунал, не будучи предварительно выслушан в собрании. Скоро, однако, это постановление по настоянию эбертистов было отменено.

Нужно иметь в виду, что все эти выступления Базира, Шабо и их друзей в пользу свободы были слишком искренни, слишком явно носили характер самозащиты для того, чтобы винить к себе серьезные симпатии. Как людям очень состоятельным, и Базиру и Шабо, и их ближайшим друзьям предложение Филиппо делать заявки о размерах состояния было опасно; как людям, имевшим основания бояться судебных и политических преследований, им было важно добиться депутатской неприкосновенности. Незадолго до этого и Базир, и Шабо, подвергались преследованию за покровительство аристократам и биржевикам. 14 сентября 1793 г. оба они были исключены из числа членов Ком. Общ. Безоп., в котором они состояли с 17 окт. 1792 г. Через месяц после этого оба они подверглись временному аресту за дело Индийской Компании. Нужно при этом заметить, что в предшествовавшее время Базир не отличался большой мягкостью по отношению к своим врагам. Еще в 1789 г., состоя в штабе национальной гвардии и военной полиции г. Дижона, он настаивал на задержании представителей аристократии, а позже, в мае 1792 г., он, выставляя себя крайним патриотом, писал дижонским якобинцам: „не следует рассчитывать на Национальное (Законодательное) Собрание; патриоты имеют поддержку только в провинциальных друзьях конституции¹⁾“. Под влиянием этого письма в Дижоне было арестовано до 50 „аристократов“. В апреле 1793 г., проезжая через Дижон по дороге в Лион, куда он был послан с миссией, он в местном клубе сообщал в резких выражениях о „кознях“ федералистов и жирондистов и требовал решительных мер против них. Неудивительно, поэтому, что искренность протестов Базира и Шабо против тирании вызывала большие сомнения, тем более, что не только они, но и многие другие из тех, кто выдавал себя за „снисходительных“ (*indulgents*), были известны жесткостью по отношению к своим врагам, как мы это увидим несколько ниже.

Для выяснения социально-экономических взглядов дантонистов в этот период очень характерны заявления, сделанные в это время самим Дантоном. Он вернулся в Париж 30 брюмера (20 ноября 1793 г.) из Аркис-ан-Анве, где он до этого времени отдыхал. Он вернулся с целой программой, главный принцип которой заключался в „снисхождении“ к врагам якобинского правительства. О намерениях и мыслях Дантона в это время очень интересные сведения сообщает Гара, преемник Дантона в качестве министра юстиции в Исполнительном Совете (позднее с 22 янв. по 20 авг. 1793 г. министр внутренних дел). По словам Гара, Дантон имел в виду восстановить „господство законов и справедливости для всех, милосердие для врагов,—возвратить в лоно Конвента всех тех его членов, которые были из него изгнаны, примирившись с ними и даровав им амнистию, подвергнуть самому глубокому рассмотрению со стороны представителей Франции, со стороны самой Франции и Европы конституцию 1793 г., сочиненную

1) Mathiez. *Autour de Danton*, p. 51—52.

5-ю или 6-ю молодыми людьми в 5 или 6 дней...., предложить мир державам Европы, продолжая с ними сражаться, восстановить торговлю и промышленность из их развалин путем предоставления им неограниченной свободы (курсив мой, В. П.), поднять искусства и науки из их обломков путем великолепных поощрений, уничтожить все преграды, которые разделяют отдельные департаменты, ликвидировать все преследования со стороны тех, которые ищут в портфелях и на карточках доказательств цинизма,¹⁾ забывая, что цинизм может быть действительным только в душах свободных от преследования, считать единственной хартией безопасности республики добрые законы, добродетельство, наши армии, наши победы.²⁾ Далее Дантон имел в виду „открыть общение и понимание между левой стороной и теми членами правой стороны Конвента, которые уцелели, чтобы уничтожить разделение, предоставлявшее их деспотизму обоих комитетов“).

Таким образом, Дантон принял теперь участие в той Компании в пользу более либеральной политики, которую раньше его открыли Шабо, Базир и друг. и взял их персонально под свою защиту. Только эту либеральную политику Дантон вел более искусно, чем его друзья: он старался привлечь на свою сторону Робеспьера, поддерживая его борьбу с эбертистами и требуя прекращения гонения на католиков. Но это было только тактическим приемом. По существу же, взял под свое покровительство всех депутатов дельцов, всех замешанных в разного рода коммерческих и финансовых операциях, Дантон вел свою собственную политику. В речи произнесенной II фримера (1 декабря 1793 г.) в Конвенте, он стал нападать на предписания некоторых комиссаров Конвента, требовавших сдачи золота в обмен на ассигнации. „Представители народа, воскликнул он, издали законы о смерти из-за денег... Теперь, когда федерализм разбит, революционные меры должны быть необходимым следствием наших позитивных законов... С этого момента всякий, кто выдает себя за ультра-революционера, придет к результатам столь же опасным, как и вполне определенный контр-революционер. Объявим, что никто не имеет права произвольно применять законы к гражданину“).

Речь Дантона имела успех, и исполнение указанных предписаний комиссаров было на время приостановлено. В дальнейшем дантонисты стремились к тому же ослаблению режима диктатуры, развязывающей руки частной инициативе, требуя освобождения заключенных из тюрем, ослабления системы террора и устранения из обоих Комитетов террористических элементов. Здесь в мою задачу не входит рассмотрение политики дантонистов вообще, равно, как перепитий борьбы дантонистов с робеспьевцами и эбертистами. Я имел в виду только указать на некоторые факты, собранные в различных статьях Матьеза и выясняющие ту социально-политическую обстановку, среди которой дантонисты выделились из общей массы якобинского Общества в отдельную фракцию и зародилась их идеология. Моя работа поэтому касается только начальных моментов фракционного расхождения якобинцев, т. е. брюмера и фримера II года (ноябрь-декабрь 1793 г.). При этом я имел в виду лишь в самых общих чертах указать на связь между основными чертами экономических взглядов дантонистов и

1) Удостоверения цинизма (свидетельства о политической благонадежности) писались на отдельных карточках.

2) Mathiez Les indulgents, An. hist., sep.-oct., 1926, p. 419.

³⁾ Ibidem, p. 420.

⁴⁾ Ibidem, 421.

основами их политической идеологии, не задаваясь целью подвергать последнюю сколько-нибудь обстоятельному рассмотрению¹⁾. Я имел в виду выяснить, что режим свободы в области экономических отношений, которого добывались дантонисты в угоду нарождавшейся новой буржуазии, был тесно связан с соответствующим либеральным политическим аксессуаром, и потому защита свободы торговли и индустрии приводила Дантоня и к борьбе против системы террора и диктатуры. Но связав свою апологию свободы и свою проповедь примирения защитой явно бесчестных людей вроде Фабра, Базира и Шабо, Дантон скомпрометировал в глазах своих современников самую идею милосердия, требуя ее применения к недостойным. Еще более скомпрометировали эту идею многие из дантонистов, которые будучи посланы с миссиями в провинцию, вели себя там с необычайной жестокостью. Так депутаты Барра и Ферон, будучи посланы с миссиями в Тулоны подвергли туземцев самым кровавым репрессиям. Также действовали они в начале плювиоза (т. е. в конце января 1794 г.) в Марсели, осудив сотни местных жителей на гильотину и освобождая за деньги посаженных в тюрьму ими самими местных купцов, что вызвало протест местных патриотов. За все эти действия Комитет Общественного Спасения вызвал их для оправдания в Париж, где они сумели представить себя жертвами ультра-революционеров и увеличили собой ряды „снисходительных“, несмотря на свои далеко не „снисходительные“ действия в Марсели и Тулоне.²⁾ Вообще, в конце 1793 и начале—1794 г. г., когда страна кипела страстиами, когда повсюду, не исключая и самых глухих уголков Франции, шла ожесточенная борьба между „крайними“ („ultra“) и „умеренными“ („citra“) флаг модерантизма и снисходительности был часто лишь прикрытием для того, чтобы с наибольшей жестокостью расправиться с побежденными „крайними“ и ни в коем случае не свидетельствовал о действительной мягкости тех, которые поднимали этот флаг.³⁾

Все это приводит к выводу, что идею мира и милосердия дантонисты выдвигали далеко не из принципиальных соображений, а только тогда, когда ее применение было выгодно им по соображениям фракционной тактики. В других же случаях многие из них оказывались более жестокими, чем принципиальные защитники террора.

1) Потому же я не касаюсь и тех сторон политической идеологии дантонистов, которые были так ярко развиты К. Демуленом в его „Старом Кордельере“, тем более, что они были и раньше изучены, и Матье, подвергая политическую идеологию дантонистов в одном из номеров своих *Annales historiques* довольно тонкому анализу, дает, однако, довольно мало нового.

2) См. о поведении дантонистов в провинции, статьи Mathiez'a „Les citra et les ultra“, sept.—oct. 1926, от части *La chute des factions*, mars-avr. 1927, *Annales historiques*.

3) См. упомянутые ст. Матьеza *Les indulgents, les citra et les ultra et la chute de factions*.

М. Гольман.

К вопросу о законе неравномерного экономического развития и о формах его проявления.

(По Марксу и Ленину).

СОДЕРЖАНИЕ: 1. К постановке проблемы.

2. Закон стоимости и естественные условия, как основа неравенства экономических уровней в эпоху товарного хозяйства.
3. Скачкообразность техники развития и расширения рынка, как основа неравномерности экономического развития в эпоху капитализма.
4. Взаимодействие интенсивного и экстенсивного неравномерного развития капиталистического производства.
5. Влияние технического захвата в эпоху империализма на рост неравномерности.
6. Неравномерное развитие современного всеобщего кризиса капитализма.
7. Судьба закона в переходном и социалистическом хозяйстве.

1. К постановке проблемы.

Проблема теоретического анализа закона неравномерного развития капитализма и исследования в свете этого закона конкретных особенностей экономической эволюции отдельных отраслей и целях стран в капиталистическом мировом хозяйстве— совсем еще недавно поставлена в современной марксистской литературе. Именно поэтому обширный круг главнейших вопросов, охватываемых этой проблемой, не успел еще быть в сколько-нибудь значительной мере исчерпанным. Из немногочисленных работ, посвященных интересующей нас теме, заслуживают быть отмеченными только две: 1) Книжка Бессонова „к вопросу о техническом прогрессе в современном капитализме“, 2) Статья Айхенвальда и Борицки в № 2 „Под знаменем марксизма“— „о неравномерности экономического развития при капитализме“. Если автор первой книжки делает интересные попытки теоретического анализа, вскрывая скачкообразность технического прогресса, условий его замедления и приостановки его при капитализме, в свете марксовой теории воспроизводства, то авторы второй статьи ограничиваются эмпирическими задачами несколько поверхностного описания структурных неравномерностей мирового капиталистического хозяйства. Последние два автора почти не пытаются проникнуть во *внутреннюю закономерность* развития этих структурных неравномерностей и постигнуть действительный ход мыслей Маркса и Ленина по этому вопросу (ни одна из этих

мыслей Маркса, между прочим, не была вовсе приведена этими авторами). Между тем, сколько-нибудь углубленному изучению конкретного материала о неравномерности развития отдельных частей мирового или национального капитализма должно предшествовать ясное представление о том, *как и когда и в какую эпоху народного хозяйства возник закон неравномерного экономического развития*, в чем его техническое содержание и экономическая форма, каким модификациям это содержание и формы его проявления подвергаются при различных уровнях производительных сил и разных способах производства и в какой, наконец, связи находится этот закон с основным законом товарицко-капиталистического хозяйства — законом стоимости. И после того, как опираясь прежде всего на гениальные мысли Маркса и Ленина в этом вопросе, можно будет уяснить его сущность и условия его изменяемости, только лишь тогда нетрудно будет обнаружить в том и другом комплексе конкретных неравномерностей отдельных отраслей мирового капитализма определенную закономерность и реальную форму проявления закона неравномерного экономического развития. Такого рода методологические предпосылки должны определять основной маршрут исследования о законе неравномерного развития. Но исходя именно из этих предпосылок, заранее приходится констатировать всю обширность исследуемого вопроса, а потому и ограничить содержание предлагаемого краткого очерка лишь теоретической постановкой рассматриваемой проблемы с привлечением некоторого иллюстративного материала. В полном соответствии с подобным самоограничением и был избран автором вышеупомянутый заголовок настоящего теоретического этюда.

2. Закон стоимости и естественные условия, как основа неравенства экономических уровней в эпоху простого товарного хозяйства.

По мере того, как товарный способ производства вытеснял натуральные формы хозяйства, сознательное общественное регулирование производства и распределения продуктов в об'единенной общине уступало место стихийным законам, регулирующим производственные и социальные отношения между раз'единенными товаропроизводителями. Всестороннее общественное разделение труда в товарном хозяйстве привело на смену незначительной специализации в натуральном производстве. Развитие общественного разделения труда в свою очередь усиливало элементы несоответствия между разными отраслями товарного хозяйства, связанными между собою только через рынок и регулируемыми законом стоимости, внешне проявляющимся в движении рыночных цен. Поэтому-то *неравномерность развития товарного хозяйства представляет собою, повидимому, обычную диспропорциональность отдельных отраслей товарного производства, подверженных всем превратностям рыночной стихии*. Но подобное определение годилось бы только для товарного хозяйства одной страны, где имеются данные естественные условия или для ряда стран с одиородной географической средой, — (климат, почва, береговые линии и т. д.) Неравномерность же, или точнее, *неравенство экономического уровня* ряда стран в эпоху товарного хозяйства не может быть выведенено только из закона стоимости, так как страны с умеренным климатом, более плодородной почвой и богатыми запасами ископаемых (металла, угля и проч.) затрачивают различное необходимое и прибавочное рабочее время, создавая, при прочих равных условиях, больший прибавочный продукт, а следовательно и более ускоренный темп раз-

вития. Маркс следующим образом определил условия подобного неравенства экономических уровней отдельных стран: „различие естественных условий труда приводит к тому, что то же самое количество труда удовлетворяет в различных странах не одинаковые массы потребностей, следовательно к тому, что при сходных условиях необходимое рабочее время оказывается различным". (Капитал т. I стр. 494 ГИЗ 1925 г.)

Таково значение естественных условий. Но экономическое развитие древней Греции было более высоким по уровню, чем современные ей Египет и Персия, не только благодаря различиям естественных условий, но и в силу разницы тех общественных условий, при наличии которых величина прибавочного продукта Греции была относительно большей по отношению ко всей массе производимого годового продукта, чем в Египте или в Персии. Однако, так как в развитии технического базиса простого товарного хозяйства не могло быть резких качественных скачков до изобретения машин, а сам технический базис товарного производства во всех отраслях находился на достаточно низком и приблизительно одинаковом уровне¹), то, несмотря на определенные различия естественных и социальных условий в отдельных странах, неравенство их экономических уровней в рассматриваемую эпоху простого товарного хозяйства не могло быть особенно значительным.

Стало быть, неравенство экономических уровней отдельных стран в эпоху простого товарного производства определялось:

- 1) разнообразием естественных условий,
- 2) законом стоимости,

3) воздействием общественной надстройки,ющей задержать временно или стимулировать развитие производительных сил. Но с тех пор, как товарная форма стала всеобщей формой производства, рабочая сила—товаром, рынок быстро перерастает национальные границы, охватывая весь земной шар. Производство и реализация прибавочной стоимости становится единственным стимулом расширенного капиталистического воспроизводства для всемирного рынка, а неравномерность экономического развития в эту эпоху подвергается таким своеобразным модификациям, что отождествлять ее с обычной диспропорциональностью в товарном хозяйстве было бы уже совершенно недостаточно.

Правда, естественные условия все еще продолжают играть значительную роль в неравномерности и капиталистического развития. Маркс по этому поводу писал: „Раз дано капиталистическое производство, то при прочих равных условиях и при данной длине рабочего дня величина прибавочного труда изменяется в зависимости от естественных условий труда, и, между прочим, от плодородия почвы". („Капитал" т. I стр. 474 изд. 1909 г.).

В этом смысле характерным примером неравномерного развития является гигантско-быстрый рост производительных сил в С.-А. С. Ш., в значительной мере вследствие больших, чем в какой-бы то ни было другой стране, ресурсов ископаемых всех видов:

¹) Напомним, что различия в производительности труда определялись в первую очередь продолжительностью рабочего времени, степенью интенсивности и умения в на выках ручного труда и в уровне технического разделения труда. (Ср. ремесленное производство).

Мировые ресурсы ископаемых¹⁾
(в миллиардах тонн):

Страны	В переводе на условное топливо.						В % от мировому итогу.					
	Нефть	Уголь	Дерево	Торф	Жел. руда	Вода	Нефть	Уголь	Дерево	Вода	Торф	Жел. руда
Весь мир	12,16	7575	52,4	0,208	32,5	1,29	100	100	100	100	100	100
САСИИ	0,909	2800	3,5	0,004	6,35	0,15	7,3	47,2	6,7	11,4	2,1	19,
СССР	4,31	394	17,0	0,162	0,62	0,05	35,3	6,6	32,3	3,8	78	²⁾ 1,9
Китай	0,31	930	—	—	0,4	0,05	2,6	15,6	—	3,8	—	1,2

Таким образом, 47,2% мировых запасов угля, 19,5% железа, 7,3% нефти, 11,4% водной энергии и 6,7% древесины—оказались на территории С. А. С. Ш., составляющей $\frac{1}{20}$ земной поверхности с $\frac{6}{10}$ % мирового населения. Такие естественные условия, при отсутствии задерживающих экономическое развитие феодальных пережитков, сохранившихся в XIX в. в Западной Европе, сыграли не последнюю роль в быстроте развития капитализма С.-А. С. Ш. в XIX веке. Поэтому обяснять неравномерность технического прогресса *только* анархией производства и конкуренцией (как это делают т. т. Борилин и Айхенвальд), было бы неправильно.

Маркс писал: „Так как развитие производительных сил труда происходит очень неравномерно в различных отраслях промышленности, при противоположном направлении, то отсюда следует, что средняя масса прибыли (прибавочная стоимость) должна стоять значительно ниже того уровня, которого можно было бы ожидать, сужа по развитию производительных сил в наиболее передовых отраслях промышленности. Если развитие производительной силы труда в различных отраслях промышленности совершается не только в очень различных пропорциях, но часто в противоположном направлении, то это вытекает не только из анархии, конкуренции и из своеобразия буржуазного способа производства. Производительность труда связана и с естественными условиями, которые часто становятся менее выгодными параллельно повышению производительности труда, поскольку последняя зависит от общественных условий.

Отсюда противоположный характер движения в этих различных сферах: прогресс в одних, регресс в других (Маркс „Капитал“ т. III стр. 241, Курсив мой М. Г.).

Из этой цитаты также ясно, что *не всегда* естественные условия влияют на неравномерность, а лишь при определенных *общественных* условиях. В не менее благоприятных, чем С.-А. С. Ш., естественных условиях находились Россия и Китай. Однако, на примере с Китаем можно нащупать уже определенный предел влияния естественных условий на неравномерное развитие производительных сил при капитализме.

В самом деле, естественные ресурсы и естественные географи-

¹⁾ (По данным, приведенным в хрестоматии Н. Морозова и Юньева:

„Экономическая география“. 1926 г. стр. 185, 190, 193, 197, 200, 220, 231. Составлено на основании английских и американских источников).

²⁾ Без Курской аномалии.

ческие условия Китая были не менее благоприятны, чем С.-А. С. Ш., тем не менее в Китае к концу XIX века капитализм не вышел из эмбриональной стадии развития и то время, как японские острова, лишенные всех естественных преимуществ, представляли уже в этот период хозяйственную территорию для стремительно и неравномерно развивающегося капитализма, совершившего свой исторический пробег быстрее ближайших европейских собратьев, благодаря более или менее *своевременному* переходу к буржуазным общественным реформам.

Социальная оболочка полуразрушенного феодализма, поддерживаемая западно-европейским финансовым капиталом, сковывала капиталистическое развитие производительных сил в Китае и тормозила его теми настолько, что благоприятные естественные условия не могли быть как следует использованы и нисколько не помешали задерживающему влиянию иностранного империализма и туземного феодализма на экономическое развитие Китая.

Следовательно, в то время как *естественные условия* играли *доминирующую* роль в неравенстве экономических уровней разных стран при товарном хозяйстве, в капиталистическом хозяйстве роль естественных условий хотя и не устраивается, но *уменьшается* по сравнению с возрастающим для неравномерного развития значением общественной надстройки. Это положение станет очевидным, если мы остановимся на основных факторах неравномерного развития при капитализме — на скачкообразности технического прогресса и особенностях расширения рынков.

3. Скачкообразность технического прогресса и расширения рынка, как основа неравного развития капитализма.

С расширением внутренних и внешних рынков, началом технических изобретений, введением машин и проникновением их во все отрасли производства, — развитие отдельных отраслей народного хозяйства в эпоху капитализма принимает *качественно отличный* характер от эпохи простого товарного хозяйства: оно *становится скачкообразным*. Отдельные отрасли развиваются скачкообразно в силу расширения старых и захвата новых рынков и применения всякого нового технического усовершенствования. Например, после введения прядильных машин Аркрайта в Англии, — бумаго-прядильное производство за десять с лишним лет увеличило свою продукцию в несколько раз в то время, как другие отрасли развивались более равномерно, плавно и медленно.

В основе *усиления* (по сравнению с простым товарным хозяйством) *неравномерности* развития отдельных отраслей капиталистического хозяйства лежит *скачкообразность* роста технического базиса этих отраслей, при чем эта скачкообразность, (обусловливаемая не только анархией и конкуренцией, но и естественными условиями), — находится в свою очередь в сложном взаимодействии с процессом *точкообразного расширения внутреннего и внешнего рынка*.

Лучше всего это взаимодействие скачкообразности развития техники и рынка можно проиллюстрировать данными о жел. дор. строительстве. (Ср. замечания Ленина о неравномерности роста ж. д. в *Империализме*). Колossalный рост ж. д., как известно, явился следствием применения паровой машины для сухопутного транспорта и усовершенствования паровоза, а с другой стороны, этот рост ж. д. стал одним из условий *расширения* для промышленности внутреннего и внешнего рынка, емкость которого могла быть охвачена полностью сбытом продукции капиталистической индустрии только лишь при помощи развитой сети железных дорог.

Длина железной дороги во всем мире

(в километрах):

(По данным Кальвера „Мировое хозяйство накануне ХХ века“).

Годы	Километры	Годы	Километры
1830	352	1870	220.000
1840	8.641	1880	370.000
1850	40.000	1890	610.000
1860	110.000	1902	900.000

В Америке — 450.000
В том числе:

В Европе — 300.000

Неравномерное развитие железнодорожного строительства, совершающее скачки по 100—200—300 % за десятилетие, одновременно свидетельствует о взаимодействии скачкообразного роста мирового рынка, быстрого расширения поля капиталистического производства и применения более усовершенствованных орудий производства в рассматриваемый период¹⁾ в тех отраслях индустрии, которые снабжают жел. дор. всеми необходимыми материалами и орудиями.

Рассмотрим теперь отдельно вопрос о причинах скачкообразности расширения внутреннего и внешнего рынков.

Скачкообразность роста внутреннего и внешнего рынка проистекает из того, что капитализм не повторяет один и те же процессы производства в прежних размерах, при *неподвижных условиях* (как это было в до капиталистическом хозяйстве), а бесповоротно развивает производство, перерастающее старые, узкие рамки хозяйственных единиц.

„При свойственной капитализму неравномерности развития — писал Ленин (*Развитие капитализма в России* стр. 147) — еще в конце 90-х гг. прошлого столетия — одна отрасль производства перегоняет другие и стремится выйти за пределы старого района хозяйственных отношений... Возьмем, например, текстильную индустрию в начале преобразованной эпохи. Будучи довольно высоко развитой в капиталистическом отношении, она вполне овладела рынком центральной России. Но крупные фабрики, которые росли так быстро, не могли уже удовлетворяться прежними размерами рынка, они стали искать себе рынка дальше среди того нового населения, которое колонизовало Новороссию, Заволжье, Северный Кавказ и Сибирь...“

Это не значит, что прежние районы рынка потеряли возможность расширяться. Разложение крестьянства и рост торгового земледелия продолжали расширять внутренний рынок старых районов. Но это расширение задерживается сохранением феодальных социальных отношений, между тем как —

„фабриканкам нужен рынок немедленно, и если отсталость других сторон народного хозяйства суживает рынок ста-

¹⁾ Ср. список технических усовершенствований (с 1830 г. до 1879 г.) в железной промышленности у Венни „Промывл. силы мир хол. 1927 г.“ Стр. 216. Важнейшие из них: бессемирование (1856) маргинарирование (1861) и томасирование (1879).

рого района, то они будут искать его в другом районе, в других странах, или в колониях старой страны." (Там-же).

Именно в этом смысле Маркс впервые и сформулировал закон неравномерного развития капитализма:

„Но так как капиталистическое производство может развиваться только в известных сферах, при определенных условиях, то вообще невозможно было бы капиталистическое производство, если бы оно должно было бы одновременно и равномерно развиваться во всех сферах". („Теории прибавочной стоимости" т. II, ч. 2 стр. 197).

Формулировку этого закона неравномерного развития отдельных отраслей капиталистического производства дал Ленин еще в 1897 году в общизвестных спорах с русскими представителями экономического романтизма:

„В развитии этих двух отделов (производства средств производства и производства предметов потребления—М. Г.) капиталистической продукции не только не *необходима*, следовательно, равномерность, а, напротив, *неизбежна неравномерность*. Известно, что закон развития капитала состоит в том, что постоянный капитал возрастает быстрее переменного, т. е. все большая и большая часть вновь образуемых капиталов обращается к тому отделу общественного хозяйства, который изготавливает средства производства. Следовательно этот отдел необходимо растет быстрее того отдела, который изготавливает средства потребления".

Таким образом, самый обычный тип неравномерного развития капитализма—это неравномерность в развитии отдельных отраслей капиталистической индустрии—это более быстрый темп роста производства средств производства, чем предметов потребления. Но в силу возрастания органического строения капитала этой отрасли, норма прибыли, регулирующая переливание капиталов в различных частях капиталистического хозяйства, все более и более понижается, это обстоятельство повело бы к отливу капиталов из промышленности, изготавлиющей средства производства, если бы понижение нормы прибыли не компенсировалось бы увеличением ее массы, и если бы не было других причин, рассмотренных Марксом (в III-м томе „Капитала" в ч. I), противодействующих закону падения нормы прибыли. Однако, тенденция к снижению нормы прибыли влечет за собою еще *более быстрый и неравномерный рост отдельных отраслей индустрии со стремительным поиском новых рынков*, темп расширения которых все замедляется, что приводит к коллизии между размерами бесконечно расширяющегося производства и менее энергично расширяющимся рынком и выражается, как известно, в кризисах.

„Для того, чтобы при уменьшающейся норме прибыли масса прибыли оставалась неизменной, множитель, показывающий возрастание всего капитала, должен быть равен делителю, показывающему понижение нормы прибыли.

Если норма прибыли понижается с 40 до 20, то для того, чтобы результат оставался прежним, весь капитал должен, наоборот, возрасти в отношении 20:40. Если бы норма прибыли понизилась с 40 до 8, то капитал должен был бы возрасти в отношении 8:40, т. е. в пять раз." („Капитал" т. III ч. I стр. 202).

Стало быть, чем более основательным становится прогресс техники в промышленности, тем более скачкообразным становится расширение производства вследствие закона тенденции нормы прибыли к понижению.

4. Экстенсивное и интенсивное развитие капитализма и их взаимодействие.

Неравномерность развития капиталистической индустрии складывается по линии: 1) толчкообразного расширения рынков—(экстенсивное развитие); 2) скачкообразной технической реконструкции—(интенсивное развитие); 3) противоречивое взаимодействие обоих путей.

Напомним, что, по Марксу, расширение воспроизводство в каждой стране совершаются в *увеличенных* размерах—

„*увеличенных* экстенсивно, если расширяется поле производства; *увеличенных* интенсивно,—если применяются более действительные средства производства". (Маркс „Капитал" т. II стр. 143).

Образчиком экстенсивного расширения поля капиталистического производства является экспорт товаров и капиталов на внешние рынки—колонии. Такое развитие имеет своим пределом мировой рынок с его противоречивым и скачкообразным расширением до границ предельной емкости. Скачкообразность первоначального расширения мирового рынка можно до некоторой степени проиллюстрировать следующими общими данными о развитии мировой торговли (Кальвер „Мировое хозяйство к началу XX века" стр. 46):

Годы	Миллиард. марок	Годы	Миллиард. марок
1860 . .	29	1893 . .	68
1867-68 . .	44	1894 . .	68
1869-70 . .	46	1895 . .	71
1880 . .	63	1896 . .	74
1890 . .	71	1897 . .	76
1891 . .	73	1901 . .	91
1892 . .	69	1902 . .	94

Первые два десятилетия мировой обмен совершил в своем развитии скачок на 60-80% в десять лет, а всего более, чем на 100%. Зато в последующие два десятилетия и к концу XIX в. процесс развития мирового рынка чрезвычайно замедляется или почти совсем приостанавливается (1892-1895). Лишь с конца 90-х г. г. с эпохой империализма, характеризуемой окончательным разделом рынков и преобладанием экспортов капиталов на внешние рынки, поощряющим экспорт товаров, дальнейшим ростом монополий, введением электродвигательной силы, удешевляющей издержки производства,—развитие мирового рынка опять совершает некоторый скачок на 30% за довольно короткий промежуток времени (1896-1902).

Первоначальную скачкообразность развития мирового капитализма можно было бы отчасти проиллюстрировать нижеследующей таблицей экспортов капиталов: (Ленин—„Империализм" стр. 63)—(до войны).

Капиталы, помещенные за-границей.
(в милл. франк.)

Годы	Англия	В % 0 0 0	Франция	В % 0 0 0	Германия	В % 0 0 0
1862	3,6		—	—	—	—
1872	15		1869-10	—	—	—
1882	22	100	1880-15	100	—	—
1893	42	190	1890-20	133	—	—
1902	62	280	27-37	166	12,5	100
1914	75-100	452	60	500	44	452

Начиная, примерно, с середины 80-х г. г. и позже (эпоха империализма) неравномерность экспорта капиталов, а, следовательно—экстенсивное развитие,—совершает скачки на 90%, 150% и даже—350% (Германия). Это расширение поля капиталистического производства вызывает, понятно, усиление темпа капиталистического развития той страны, куда эти капиталы ввозятся, а, следовательно, неравномерность развития отдельных секторов мирового хозяйства усиливается.

Неравномерность развития акционерного капитала в промышленных предприятиях России:

(по данным Ichchamian'a стр. 237)

Годы	Основной капитал	В % 0 0 0
1893	—	—
1894	546	100
1895	638,6	116
1896	814,3	149
1897	1001,8	183
1898	1237,9	226
1899	1579,3	290

Из этих цифр видно, что в годы капиталистической индустриализации России (1893-1899 г. г.) годовой прирост основных капиталов в русской промышленности выражался в 16%, а за 1897-98 г. г.—43%. Такого рода неравномерность промышленной революции России в эти годы, чем позже, тем значительнее, и совершает, наконец, в 1899 г. скачок в 64% в год. Однако, как известно, дальнейший темп промышленного развития России после кризиса 1900 г., и после окончания семилетнего застоя, не превышал 10-12% прироста капиталов в год, что, как это мы увидим потом, свидетель-

ствует уже: 1) о задерживающем влиянии империализма на темп индустриального развития стран находящихся в "переходной" стадии зависимости от З.-Европейского финансового капитала и 2) замедлении роста внутренних рынков, в связи с монополистической структурой промышленности.

Так обстоит дело с неравномерностью развития отдельных отраслей хозяйства отдельных стран при экстенсивном развитии производства (расширение рынков).

Основной вывод о характере экстенсивного неравномерного развития состоит в том, что, в результате окончательного раздела рынков, в монополистическую эпоху мирового хозяйства, возможность внезапного *точкообразного* расширения рынков оказывается исчерпаной и путь *скачкообразного* экстенсивного развития оказывается уже почти закрытым для капитализма. Такую возможность в свое время предвидел еще Маркс, которому и принадлежит следующая известная формулировка противоречия между способностью индустрии к безграничному расширению и все замедляющимся расширением рынков:

„Если нам ответят, что постоянно расширяющееся производство расширяется *быстрее*, нежели рынок, то этия дано лишь другое выражение явлению, которое должно быть обяснено: мы здесь имеем вместо абстрактной формы его реальную форму. Рынок расширяется медленнее, нежели производство... Если бы расширение рынка шло нога в ногу с расширением производства, то не было бы переполнения рынка, не было бы перепроизводства... Рынок имеет географические границы... Внутренний рынок ограничен в сравнении с рынком, который является внутренним и внешним; последний опять-таки ограничен в сравнении с мировым рынком, который опять-таки в каждый данный момент бывает ограничен, хотя сам по себе он и способен к расширению“ (Маркс „Теория прибавочной стоимости“ т. II ч. 2 стр. 191). (Курсив мой М. Г.).

Аналогичные формулировки дает Марксом и в других местах „Теории прибавочной стоимости“: т. II ч. 2 стр. 166, 199.

Таким образом, коллизия между темпом расширения рынков и темпом развития производительных сил будет обостряться до тех пор, пока не приведет к разрушению капиталистического способа производства:

„Способность расширения рынков, экстенсивного и интенсивного, подчиняется совершенно другим, гораздо менее энергично действующим законам. Коллизия становится неизбежной, так как она не может привести ни к какой развязке до тех пор, пока не разрушит капиталистический способ производства то она становится периодической“. (Энгельс „Анти-Дюринг“ отд. III).

В свою очередь замедление расширения рынка оказывает задерживающее влияние и на быстроту интенсивного развития производительных сил.

В связи с этим важно было бы напомнить нижеизложенные гениальные предсказания Энгельса по этому вопросу („Английский десятичасовый билль“):

„Промышленность неизбежно должна прогрессировать, чтобы не оставаться позади и не клониться к упадку, а для этого она должна завоевать новые рынки, постоянно расширяясь путем устройства новых предприятий. Но так как с тех пор, как Китай доступен мировой торговле, нет новых рынков, которые можно было бы завоевать, а нужно увеличивать использование старых, благодаря чему, рост промышленности в будущем по необходи-

мости должен быть *более медленным*, то в будущем Англия, еще в меньшей степени, чем теперь, будет склонна выносить конкуренцию промышленности другой страны." (Курсив мой М. Г.)

И тогда заключает Энгельс, борьба между английской и германской промышленностью может иметь один конец— разорение слабейшего конкурента, а следовательно и социальный переворот.

Как видно будет ниже, подобное замедление расширения рынков в эпоху монополий приведет в конечном итоге к хроническому перепроизводству и застою промышленности, о какой перспективе писал Энгельс (см. "Капитал", т. III, ч. I, 423 стр., т. III, ч. II, стр. 28, примечание), а также шла речь в марксистских кругах в начале 1900-х г. г.

„Очевидно, что капиталистический способ производства становится невозможным с того исторического момента, когда окажется, что рынок не может дальше расширяться, в той же мере, как и производство, т. е. как только перепроизводство станет хроническим" (Каутский "Анти-Бернштейн" стр. 140)

Или:

„Должно настать время, и оно вероятно уже близко (1902 г.), когда станет невозможным, чтобы мировой рынок хотя бы временами расширялся более быстро, чем общественное производство и когда перепроизводство станет для всех индустриальных наций хроническим явлением". (К. Каутский. "К теории кризисов" стр. 65-66).

Итак, скачкообразность расширения мирового рынка в эпоху монополии в конце-концов приостанавливается и совершенно исчезает, вследствие отсутствия новых рынков и перенасыщения старых. Но это обстоятельство в свою очередь влияет, как указал Энгельс, на замедление интенсивного развития производства (техники), и либо приводит к промышленному застою, и техническому загниванию в одних странах (Англия), либо побуждает к совершению новых и новых технических переворотов (С.-А. С. Ш.) для "использования" старых рынков, так как "чтобы труднее найти новые или расширить старые рынки, то тем чаще будут применяться более действительные средства производства для понижения издержек производства".

Послевоенное же сужение мирового рынка, вызванное разрушением производительных сил и непомерным ростом *faux frais* и, военных платежей, долгов, налогов и т. д., в конечном счете уменьшающих платежеспособный спрос трудящегося населения, и без того, обедневшего и разоренного,— окончательно ставит крест над возможностью скачкообразного развития мирового рынка. *Скачкообразность развития мирового рынка в период монополистического капитализма превращается в свою собственнуюialectическую противоположность — в рыночный застой, в бег на месте с небольшим цикл. колебаниями оживления, что, как известно, подтверждается "маятниковой кривой" конъюнктурных колебаний мирового рынка, едва ли достигшего в 1927 г. доведенной емкости.*

На первый взгляд могло бы показаться, что с исчезновением скачкообразности расширения мирового рынка и с возможностью в связи с этим приостановки технического прогресса в некоторых странах, сам закон неравномерного развития как бы отмирает в эту позднейшую империалистическую эпоху капиталистического мирового хозяйства. Но в действительности дело обстоит как раз наоборот. Приостановка технического прогресса и медленное индустриальное развитие одной страны (например, Англии) вследствие приостановки расширения мирового рынка, не исключает, а наоборот обуславливает, как

это указывалось выше, скачкообразное развитие техники с быстрым темпом индустриального развития молодых, позднее пришедших к капитализму стран (например, С.-А. С. Ш.), в целях использования недостаточных старых рынков. Это обстоятельство, как будет видно ниже, в свою очередь не ослабляет, а усиливает различия в быстроте роста отдельных частей капиталистического мирового хозяйства в позднейшую эпоху империализма.

5. Влияние технического загнивания в эпоху империализма на усиление неравномерности развития отдельных частей мирового хозяйства.

Вернемся к интенсивному развитию производства, т. е. повышению технического и органического состава капитала и, прежде всего, напомним, что здесь неравномерность развития отдельных отраслей имеет место вследствие скачкообразности технического прогресса, которая (скачкообразность) в свою очередь обуславливается не только анархией и конкуренцией, но и естественными условиями.

Приведенные в начале главы мысли Маркса о естественных условиях неравномерности технического прогресса, имеют виду, главным образом, железо-рудные и энергетические ресурсы (каменный уголь, железо, нефть) в земной коре и времена года, влияющие на количестве сырья, истребление лесов и проч. В силу этого, при известных общественных условиях и наблюдается

„противоположный характер движения в этих различных сферах, прогресс в одних и регресс в других“. (Маркс „Капитал“ т. III ч. 1 стр. 241).¹⁾

Это различие по степени и даже по противоположности развития техники в разных сферах производства усиливает неравномерность технического прогресса в отдельных отраслях промышленности в целом, способствуя в то же время снижению нормы прибыли, этого основного стимула капиталистического производства.

„Так как развитие производительной силы труда происходит

1) „Общим местом“ представляются ниже следующие рассуждения авторов указанной статьи (Айхенвальда и Борлина), пытающихся найти причины неравномерности капиталистического развития только в анархической организации капиталистического хозяйства:

„На самом деле последствия анархической организации капиталистического хозяйства, особенности капиталистического типа развития производительных сил не исчерпываются одними только конъюнктурными колебаниями, характерными для промышленных циклов. Они (т.е. последствия анархии—М Г) находят свое отображение в самой структуре капиталистического хозяйства, они создают не только конъюнктурные, но и структурные неравномерности“.

Основной недостаток приведенной аргументации в этой цитате состоит в том, что фигурирующая здесь ссылка на анархию производства, как на причину капиталистических неравномерностей, годна для всех эпох товарного и товарно-капиталистического хозяйства. В самом деле, товарное хозяйство существовало такого же рода анархия производства, тем не менее из нее не вытекало все своеобразие неравномерности развития товарного хозяйства. Если анархия производства является причиной неравномерности и эпохи товарного и капиталистического хозяйства, то чем же определяются специфические черты неравномерности развития, присущие собственно капиталистическому мировому хозяйству? Нечего уж и говорить о том, что от внимания цитированных авторов ускользнули и естественные условия, и особенности расширения рынка, и эволюция техники в эпоху капитализма, и их взаимодействия на основе закона тенденции нормы прибыли к понижению, и их влияние на модификацию закона неравномерности экономического развития в эпоху капитализма. Вот почему пульгарными являются представления этих авторов о причинах структурных неравномерностей мирового капитализма, как последствий анархической организации хозяйства. Такое определение ничего не определяет, кроме самоочевидного отказа авторов от более глубоких поисков действительных причин, вызывающих все своеобразие капиталистических неравномерностей.

очень *неравномерно* в различных отраслях промышленности, при том оно не только не одинаково по степени, но часто совершается в противоположном направлении, то отсюда следует, что средняя масса прибыли (приб. стоимости) должна стоять значительно ниже того уровня, которого можно было бы ожидать, судя по развитию производительных сил в наиболее передовых отраслях производства". (Маркс. „Капитал" т. III, ч. I, стр. 241).

Закон понижения нормы прибыли делает часто невыгодной всякую техническую реконструкцию одной отрасли производства, так как в одной сфере производства она влечет за собою смену старых машин, на новые более усовершенствованные, только в том случае, если стоимость машины меньше стоимости замещаемой ею рабочей силы.

„Если рассматривать машину исключительно как средство удешевления продукта, то граница ее применения определяется тем, что труд, которого стоит ее производство, должен быть меньше того труда, который замещается ее применением. Однако, для капитала эта граница очерчивается более узко, так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машин целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы". (К. Маркс „Капитал" т. I стр. 356).

В другой же отрасли этот процесс в свою очередь связан с *преждевременным* обесцениванием вложенного основного капитала до истечения обычной продолжительности его жизни. Поэтому обычно новые машины в других отраслях промышленности вводятся постепенно, что увеличивает неравномерность развития отдельных отраслей, так как является помехой быстрому и повсеместному распространению орудий труда:

„То обстоятельство, что масса основного капитала вкладывается в дело в определенной натуральной форме и должна просуществовать в ней известную среднюю продолжительность жизни, служит причиной того, что новые машины вводятся лишь постепенно и потому являются помехой повсеместному и быстрому введению усовершенствованных орудий труда" („Капитал" т. II стр. 147¹).

Таким образом, задерживающее влияние старых вложений основного капитала на интенсивное развитие производительных сил еще более усиливает неравномерность между отдельными отраслями и странами. Поэтому, более молодые страны, не связанные старыми вложениями, имеют больше возможностей для интенсивного развития производительных сил по сравнению со старыми, так как их индустриализация совершается быстрее и основательнее:

„Громадным преимуществом для нас — писал Энгельс Бебелю о Германии — является то обстоятельство, что наша промышленная революция пока еще в полном ходу в то время, как во Франции и Англии она уже в сущности закончилась, так что теперь изменения происходят там лишь медленно... и как раз природа нашей промышленности, появляющаяся на свет *так поздно*, делает революцию более основательной". (Письма Маркса и Энгельса. 1923 г. стр. 263).

Однако, промышленная революция в Германии не могла бы так быстро совершаться только на основе внутренних ресурсов и при наличии феодальных пережитков подобно тому, как это имело место в России в 90-х г. г. Вот почему:

¹⁾ См. также „Капитал" т. I стр. 356 и т. III ч. I стр. 245.

Наша промышленная революция (т. е. германская—М. Г.), которую двинула революция 1848 года со своими буржуазными достижениями (как бы слабы они ни были), была сильно ускорена: 1) устранением внутренних препятствий в 1866—1870 г. г. (раздробленность страны—М. Г.); 2) французскими миллиардами, которые в конце концов были применены капиталистически* (речь идет о пяти миллиардах контрибуции, заплаченной Францией Германии—М. Г.).

На этом примере, между прочим, обнаруживается и роль социальных условий в неравномерности развития капитализма, помимо того значения, которое приобретает факт отсутствия старых вложений.

Далее технический застой в таких отраслях и странах как Англия, с ее старыми вложениями, сказывается с особенной силой, как упомянуто было выше, в эпоху окончательного раздела старых рынков и отсутствия новых, т. е. в эпоху монополии. Этот технический застой принимает форму так называемого загнивания промышленности, так как: 1) сама по себе монополия тормозит технический прогресс, который в условиях монополии ведет неизбежно к снижению нормы прибыли¹); 2) старые вложения задерживают развитие техники; 3) прежний путь быстрого экстенсивного развития производительных сил по линии дальнейшего толчкообразного расширения рынков оказывается почти совершенно закрытым. Вследствие этого, дальнейшее экономическое развитие как стран с отсталой техникой, так и более молодых стран с передовой техникой, упирается в необходимость *перехода* старых, монопольно поделенных рынков.

Но подобная задержка технического прогресса, или так называемое загнивание, в эпоху империализма в странах со старыми вложениями и приостановка расширения рынков исклучает того, что в молодых капиталистических странах, не обремененных займами и военными долгами, и не связанных старыми вложениями (С.-А. С. Ш., Япония),—может в известной степени происходить на основе интенсивного развития производительных сил более или менее беспрепятственно процесс скачкообразной индустриализации, пробивающий себе путь к отвоеванию старых рынков у стран загнивающих (Англия). Этим отчасти обясняется тот общеизвестный факт, что С.-А. С. Ш., а особенно Германия, а затем Италия и Япония, вступившие на путь развития капитализма *позже* Англии и Франции сумели в сравнительно короткий срок (25-30 лет) не только завершить процесс капиталистической индустриализации и нагнать старые страны, но и перегнать их; не только перегнать, но и выступить к 1900 году (к началу эры империализма) и позже в качестве могущественных претендентов на монопольное обладание главнейшими мировыми рынками и территориями, поделенными к тому времени между старыми капиталистическими странами.

Это *усиление* неравномерности роста разных секторов мирового капиталистического хозяйства в эпоху империализма дает обяснение тому факту, что неравномерность развития капиталистических стран в эту эпоху имеет *катастрофический характер* для ближайших судеб

¹⁾ Этот вывод был генциально предвосхищен в наиболее общей форме еще Марксом: „Норма прибыли, т. е. относительное возрастание капитала имеет важное значение, главным образом, для всех новых, самостоятельно группирующихся отраслей капитала. И если бы создание новых капиталов стало совершаться исключительно при некоторых немногих и без того уже крупных капиталах, для которых масса прибыли уравновешивает норму, то вообще угас бы огонь, оживляющий производство. Оно погрузилось бы в сон“ (Маркс. „Капитал“ т. III ч. I, стр. 241 Курсив мой—М. Г.)

капитализма вообще, так как неизбежно ведет к необходимости перехода старых рынков путем военной силы.

Образчиком скачкообразной индустриализации на повышенной технической основе после мировой войны является индустриализация Франции 1920-24 г. г., совершившаяся с небывалой в истории быстрой за четыре года, что, правда, отчасти обясняется уничтожением во время войны в северных районах старых промышленных предприятий, а, следовательно, естественностю быстрого темпа восстановительного процесса и затем индустриализации на повышенной технической основе.

Однако подобное *усиление скачкообразности индустриального развития молодых стран и загнивание старых*, в свою очередь, оказывает задерживающее влияние на развитие производительных сил в колониях в эпоху империализма (например в Китае), так как финансовый капитал сохраняет этим путем для себя туземное накопление в колониях, а, следовательно и экономическую гегемонию в этих колониях. Этот процесс задерживающего влияния сказывается в том, что данная страна включается в сферу раздела между империалистами—гегемонами и попадает в экономическую зависимость в непосредственной или переходной форме от стран с более высокой капиталистической структурой. Эта зависимость выражается в овладении и подчинении внутреннего денежного рынка иностранному финансовому капиталу (см. Ленин т. XII „Империализм“) в установлении „дочерней“ зависимости туземной промышленности¹⁾ и банков от иностранного финансового капитала, путем системы участия в основных капиталах или контроля над большинством акций, и, наконец, путем системы внешних займов и долговых платежей. Такого рода зависимость, если она не сопровождается политической аннексией, была названа Лениным „переходной“ формой зависимости. (Ленин, т. XIII стр. 355 т. XIX стр. 169). Таким образом, *неравномерность капиталистического развития в эпоху империализма, как отдельных отраслей, так и отдельных стран еще более усиливается 1) в силу сужения мирового рынка; 2) в силу того, что увеличиваются различия в быстроте роста между загнивающими старыми странами и „молодыми“ с их продолжающимся техническим прогрессом; 3) по причине задерживающего влияния империализма на развитие производительных сил колоний, в*

1) В „Правде“ от 4 XII-1927 г. было изпечатано:
„Международный капитал в Литве“.

„Шведский концерн сконцентрировал все литовские спичечные фабрики,—сказывает телеграмма ТАСС.—Все они будут приостановлены, и в ход будетпущен фабрика, построенная концерном“.

„Шведский концерн“ некая „Всебольшая Спичечная Компания“, зарегистрировавшаяся, как французское акционерное общество с капиталом в 20 млн. франков, пожелала взять в аренду, как государственные спичечные фабрики во Франции, так и монопольное право продажи спичек.

„Всебольшая Спичечная Компания“ оказалась филиалом огромного „Международного спичечного треста“, создавшегося после слияния двух крупнейших мировых спичечных фирм—„Акционерного Общества шведских спичек“ и „Американской международной спичечной корпорации“. Международный спичечный трест контролирует производство и продажу спичек больше, нежели на половине земного шара. Трест имеет свои фабрики в 34 странах. Ему принадлежит монопольное право на производство и продажу спичек в Швеции, Соединенных Штатах, Чехо-Словакии, Польше, Латвии, Китае, Перу, Греции, Португалии и на Филиппинских островах.

Он имеет преобладающее значение на спичечных рынках Бельгии, Италии, Индии, Японии, Германии, Норвегии, Швейцарии и Португалии. За трестом стоит группа американских банков, в которых играют руководящую роль капитала Рокфеллера.

В руки этого финансового гиганта фактически перешла теперь вся спичечная промышленность Литвы.

технической отсталости которых империализм непосредственно заинтересован, дабы не иметь в их лице новых жизнеспособных конкурентов, что увеличивает еще больше различия в росте колоний и метрополий, несмотря на то, что в колониях капитализм растет быстрее, чем в старых странах.

Диспропорция между промышленностью и сельским хозяйством, между отдельными монополизированными отраслями капитализма воспроизводится в эпоху империализма во все более и более расширенном масштабе, в силу возрастающего сужения мировых рынков, что усиливает конкуренцию и борьбу между картелями и трестами за сохранение и расширение старых рынков, а это обстоятельство, таким образом, еще более усиливает неравномерность развития отдельных отраслей мирового хозяйства. В силу всех этих вышеперечисленных причин, неравномерность развития капитализма, в эпоху империализма колоссально возрастает. Поэтому, Ленин, ссылаясь на закон неравномерного развития капитализма писал в своей книге „Империализм“ о новой форме проявления этого закона в эпоху империализма:

„финансовый капитал и тресты не ослабляют, а усиливают различия между быстрой роста разных частей мирового хозяйства“. (Ленин, т. XIII стр. 312).

6. Неравномерность развития современного всеобщего кризиса капитализма.

Вышеупомянутое послевоенное застойное развитие рынка (экстенсивное развитие), в конечном счете, как известно, приводит к известному замедлению роста промышленности и технического прогресса (ингенierного развития) в старо-капиталистических странах.

Замедление роста современной мировой промышленности, в силу рассмотренных причин, может быть проиллюстрировано на следующем факте. В течение последних 50-ти лет, до мировой войны, по приблизительным подсчетам т. Варга (журнал „Мир. хоз. и мир. пол.“ № 1 — 1928 г.) рост размеров мирового производства, национального дохода, национального богатства, — исчислялся в среднем в 3% в год. Если не исключать периода войны (1914-1918 г. г.), то мировое производство должно было бы возрасти за истекшие 14 лет по крайней мере на 50% по сравнению с 1914 годом. На самом же деле в 1927 году уровень мирового производства достиг только 118% (цифра взята из „Конъюнктуры мирового хозяйства“ № 16 изд. Госплана) — до военного уровня, т. е. 1,2% в год, а если считать с 1918 года по 1927 г. — по 2% в год *в среднем*.

Если же воспользоваться сводными данными, опубликованными в том же номере „Мирового хозяйства“ т. Варгой, то не трудно будет оценить достигнутый уровень стабилизации.

Вот почему, как бы велики ни были социал-демократические и буржуазные иллюзии насчет успехов капиталистической стабилизации в 1923-27 г. г. — все же не может быть и речи о возможности *последовательного* введения новой повышенной технической основы для капиталистической промышленности в Западной Европе.

Частичная стабилизация капитализма представляет собою лишь иную форму выражения определенной фазы (ослабленной замедленной) послевоенного хронического всеобщего кризиса капитализма, развитие которого европейская буржуазия отчасти может и пытается затормозить мерами социально-экономического давления, как например, снижением зарплаты, удлинением рабочего дня, увеличением интенсивности труда, некоторыми техническими или организационными нововведениями конвейер, некоторым перераспределением мировых кредитов.

ных ресурсов с помощью притекающего капитала, из С.-А. С. Ш. (план Дауса), а также посредством усиления процесса трестификации, снижающими издержки производства. Все это увеличивает норму прибыли, при невозможности увеличения ее массы. Иначе говоря, сохранение нормы прибыли $\frac{m}{c+v}$ = r посредством технической и организационной рационализации, при невозможности прежнего расширения производства (увеличение массы прибыли), выражается в следующей формуле $\frac{m \cdot m^1}{(c - c^1) + (v - v^1)} = r$, т. е. технический прогресс сопровождается неизбежно увеличением нормы эксплоатации $\frac{m}{v}$.

Все эти попытки социально-экономического давления на пролетариат могут на первое время даже и увеличить продукцию промышленности (что и имело место на самом деле). Но это обстоятельство еще больше обостряет противоречие между ростом продукции промышленности и замедлением расширения емкости мирового рынка, не говоря уже о том, что сам по себе социально-экономический наожм вызывает со стороны пролетариата нарастание социально-политического отпора (Англия, Австрия, Германия). Иллюстрируем эту мысль общизвестными статистическими данными:

МИРОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО: 1913—100.

в 1925-27

Таблица составлена по данным: 1) «Мир. Хоз. 1919-1925 г.» изд. 1926, сборн. материалов; 2) «Мир. хоз. 1913-1925 г.» изд. 1925, стат. сб. 3) В. Вейш «Производительные силы мирового хозяйства» 1927; 4) «Бюллетень мир. хоз.» № 1-3 изд. Ин-та мир. хоз.; 5) «Конъюнтура мир. хоз.» № 1-2, Гиза Госсплана; 6) «Плановое хозяйство» № 1-3 1928.

Годы	Англия			Германия			Франция			С.-А. С. Ш.			Весь мир		
	Уголь	Сталь	Чугун	Уголь	Сталь	Чугун	Уголь	Сталь	Чугун	Уголь	Сталь	Чугун	Уголь	Сталь	Чугун
1925	84,2	96,5	60,8	93,6	103,5	93,2	150	99,6	88	103	141,2	118,8	96	111,7	92,6
1926	43,6	46,3	23,8	103	106,3	88,4	111	120	103	116	117	127	95,2	133	97
1927	86	120	69	109	86,5	120	114	121	103	105	134	115	102	131	106

Из приведенных цифр ясно, что период частичной стабилизации представляет собою лишь некоторое оживление промышленности, а воине не бурный расцвет, который обычно наступает после длительной депрессии при чередовании фаз нормального промышленного цикла. Достигнутое преныжение довоенного уровня могло сложиться лишь в результате сложного взаимодействия ниже следующих двух факторов:

1) уменьшения заработной платы, увеличения рабочего дня, увеличение интенсивности труда, при сохранении и частичном обновлении старого основного капитала;

2) экономии на элементах основного капитала и других способах рационализации (технической), которые в самой общей форме рассмотрены были Марксом (в III-м т. «Капитала» ч. 1 гл. 14).

Однако, это оживление мировой промышленности складывается как противоречивое единство двух противоположных тенденций застое и загнивания стран старого капитализма (Англия), промышленного подъема в С.-А. С. Ш. и в Германии.

Необычайный рост выработки стали в главных странах может быть обясен теми же обстоятельствами, как и прирост стальной продукции накануне депрессии 1913 года, т. е. увеличением специфически военного спроса в условиях замедленно расширяющейся емкости рынка. Стремительный рост С.-А. С. Ш. и Германии при застое или упадке старых стран Западной Европы никак не может превратить

существующее мировое промышленное оживление в обычный промышленный под'ем, особенно если иметь ввиду, помимо послевоенного сужения мирового рынка, также и возрастающий социально-политический отпор мирового пролетариата.

Особое положение С.-А. С. Ш. и Японии в мировой промышленности еще раз подчеркивает факт *деевропеизации* мирового хозяйства и перемещение центра мировых производительных сил в С.-А. С. Ш. Последние располагают *материальной* возможностью вытеснить из мировых данио уже поделенных рынков старо-европейские страны методом дешевых цен. Но так как новых рынков нет и не будет, а сеть старых расширяется медленнее, чем до войны, то неизбежен острый кризис, и метод дешевых цен для С.-А. С. Ш. скоро окажется уже недействительным. Тогда для С.-А. С. Ш., а может быть и для Японии, потребуется *новый передел* мировых рынков методом силы, т. е. войной, почти такой же ход событий имел место после мировой экономической депрессии 1913 г., из которой конкурирующие германский, французский и английский империализмы пытались выйти также путем военного передела рынков. Такая перспектива и теперь весьма вероятна, о чем свидетельствуют уже более или менее заметные и *политические* симптомы.

Итак, *некоторое оживление* мирового производства, достигнутое путем главным образом социально-экономического нажима на рабочий класс, при продолжающемся застойном развитии мирового рынка, при затягивании ряда старых капиталистических стран и экономическом росте в новых странах, при возрастающем социально-политическом отпоре мирового пролетариата,—противоречивое единство всех этих элементов и составляет *социально-экономическое содержание* так называемой *частичной стабилизации*. Продолжительность такой стабилизации теоретически вполне уместно попытаться установить исходя из соображений Энгельса, высказанных им в 1850 г. по поводу природы будущего всеобщего кризиса капитализма в известной статье *«Английский десятичасовой бильль»*.

«Английские промышленники, средства производства которых расширяются несравненно быстрее чем рынки, идут быстрыми шагами к тому моменту, когда их средства помочи будут исчерпаны, когда периоды процветания, разделяющие один кризис от другого, совершенно исчезнут под давлением производительных сил, достигших чрезмерного развития, когда кризисы будут *отделены друг от друга короткими периодами* *всякой*, едва оживляющейся промышленной деятельности, когда промышленность, торговля и все современное общество подверглись бы опасности погибнуть от избытка неиспользованных жизненных сил с одной стороны, и полного истощения населения с другой, если бы это самое ненормальное положение не заключало бы в себе средства исцеления, если бы промышленное развитие не создавало бы класса, к которому естественно должно перейти руководство обществом—пролетариату. *Социальный переворот тогда неизбежен, и победа пролетариата несомнена.*» (Курсив мой—М. Г.)

В первой половине приведенной цитаты из Энгельса, в двух кратких и выразительных фразах дана яркая и гениальная характеристика *всебобщего кризиса капитализма*, при неравномерности развития которого (кризиса) совсем исчезают обычные для капиталистических циклов периоды процветания между двумя периодическими кризисами, а следовательно тем самым, подвергаются *качественному* изменению периодические кризисы, или вернее, последние вследствие этого пере-

растают в хронический кризис перепроизводства с небольшими циклическими колебаниями. В самом процессе развития этого хронического или всеобщего кризиса капитализма, характерной чертой является повторяющаяся смена только двух специфических фаз его развития: кризисной и вялой конъюнктуры, со все уменьшающимися между ними промежутками времени, что обозначает, понятно *усиление неравномерности* развития всеобщего кризиса капитализма. Однако, если бы могли бы быть возражения, что приведенная цитата из Энгельса относится к первой половине XIX века, то двух мнений уже быть не может на счет этой же мысли, выраженной Энгельсом гораздо позднее в 1884 году:

„С тех пор, как монополия Англии на всемирном рынке все более и более разрушается вступлением на него Франции, Германии и главным образом Америки, устанавливается повидимому новая форма приведения к равновесию. Предшествующий кризису период всеобщего процветания слишком долго заставляет себя ждать. Если это вовсе не окажется, то хронический *застой с небольшими колебаниями обратится в нормальное состояние современной промышленности*“. (Предисловие к „Ницете Философии“. Примечания стр. 12 изд. 1906 г. перев. Засулич, курсив мой—М. Г.)

Эта же мысль была в третий раз повторена Энгельсом в 1894 в третьем томе „Капитала“ в примечаниях к тексту Маркса (т. III, ч. I, стр. 423 и т. III, ч. II, стр. 28).

Если же теперь исходить из этих теоретических предпосылок, сформулированных Энгельсом, то кризисную конъюнктуру всеобщего кризиса капитализма можно было бы отнести к промежутку времени между 1919 и 1921 г. г. со всеми его социально-экономическими и политическими последствиями (хозяйственный хаос, инфляция, всеобщее обнищание масс, непосредственная революционная ситуация).

Вялая же конъюнктура в Западной Европе начинается в Европе примерно с 1922-23 г. г. и известна под названием частичной стабилизации. При чем, промежуток времени между исходным и конечным пунктом нынешней фазы всеобщего кризиса капитализма (т. е. вялой конъюнктуры) должен быть по мысли Энгельса более коротким, чем между двумя последними периодическими кризисами, т. е. около 6-7 лет. (Последние довоенные кризисы имели место: в 1900, в 1907, в 1913 г. г.)

Но если иметь ввиду сужение географических границ капиталистического мирового хозяйства, т. е. выпадение из его сферы такого обширного рынка как СССР, то вялая конъюнктура должна продолжаться еще менее 6-7 лет. Таким образом, конечный пункт вялой конъюнктуры или стабилизации вынадает по всей вероятности на последнюю четверть 1928 или на начало 1929 г., когда и можно ожидать новой кризисной фазы всеобщего кризиса капитализма!)

¹⁾ Эти строки были уже написаны, когда в печати появилось пространное официальное сообщение агентства Вольф („Прайз“ от 6-го декабря 1927 г.) об угрожающей приостановке крупной железнодорожной промышленности в Германии и о предстоящем локале 300,000 металлистов. Само собою разумеется, что закрытие 30-40% германских металло-предприятий, как правильно отмечается в депеше ТАСС, обозначало бы почти немедленное закрытие стольких же процентов большинства предприятий и других отраслей, т. е. представляло бы собою наиболее острую форму кризиса в Германии. Вероятнее всего, что кризис начнется именно с Германией, потому что здесь был наибольший всплеск промышленного подъема за истекший период.

Отсюда, он almost-обязан будет распространяться на те страны, экономика которых давно уже находится в „дочерних“ связях с Германией, т. е. в Австрии, Венгрии и Чехо-Словакии. Впрочем, не исключена возможность, что кризис начнется еще ранее с другого конца, с С.-А. С. Ш., но в таком случае кризис С.-А. С. Ш., который должен был наступить в 1927 г., вследствие истечения обычного семилетнего цикла, после кри-

Итак, приостановка или вернее замедление экстенсивного развития (расширение рынков) со всей силой сказавшееся после империалистической войны, влечет за собою все более возрастающее учащение мировых кризисов, и замедляюще воздействует на интенсивное развитие капиталистического производства в ряде стран, как единство загнивания капитализма в старых странах и роста техники в новых странах. При чем этот процесс задержки экстенсивного и замедления интенсивного развития с возрастающим учащением мировых кризисов перерастает в конце концов в состояние безысходного экономического кризиса, циклическое развитие которого становится все более и более неравномерным, совершаясь то более быстрым, темпом, то более замедленным темпом, то в острой, то вялой фазе, до тех пор, пока не приведет, наконец, к крайнему обострению противоречий между национальными группами мировой буржуазии (империалистическая война), и между эксплуататорами и эксплуатируемыми,—противоречий—перерастающих в мировую социальную революцию.

7. Судьба закона неравномерного развития в переходном и социалистическом хозяйстве.

Закон неравномерного экономического развития имел различные формы проявления. В эпоху простого товарного хозяйства он проявлялся в неравенстве экономических уровней, представляя собою лишь иное выражение обычной диспропорциональности отдельных отраслей народного хозяйства одной страны (закон стоимости) и различие естественных условий ряда стран. В эпоху расцвета капитализма этот закон проявлялся:

- 1) в скачкообразности развития технического базиса отдельных отраслей производства (интенсивное развитие);
- 2) в толчкообразном расширении мирового рынка (экстенсивное развитие);
- 3) в усилении обычного несоответствия в развитии отдельных отраслей народного хозяйства (промышленность и сельское хозяйство) и несоответствие отдельных отраслей промышленности, вследствие задерживающего влияния на технический прогресс старых капитальныхложений (закон падения нормы прибыли);
- 4) в различии быстроты темпа экономического развития отдельных стран, в силу не только вышеприведенных, но также и естественных и социальных условий.

В эпоху умирающего капитализма, или империализма, этот закон проявляется:

- 1) в усилении скачкообразности индустриального развития молодых стран (С.-А. С. Ш., Германия, Япония), с одновременным загниванием стран со старыми капитальными вложениями, вследствие приостановки расширения старых рынков и отсутствия новых, вследствие известного влияния монополий на задержку технического прогресса, при одновременном росте техники других стран;

зина 1921 г., еще более разрушительную отошла бы на народное хозяйство Германии по линии кровавоносных сосудов системы плана Дауэса и экспорта капиталов, увязавших экономику Германии с финансовым капиталом С.-А. С. Ш. Из С.-А. С. Ш. кризис понятно перекинулся бы в Японию и в полуколониальные страны. Вообще, бесспорно является тот факт, что кризис в С.-А. С. Ш. и в Германии, в этих двух решающих странах мирового хозяйства, преярался бы в мировой экономический кризис большой разрушительной силы. Выход из этого приближающегося кризиса неизбежно сложился бы по линии военного передела рынков, либо между Англией и С.-А. С. Ш., либо по линии совместного с Англией насилиственного открытия для капитализма рынка СССР. Какой из этих вариантов является более вероятным, — гадать сейчас трудно.

2) в *задерживающем* влиянии империализма на индустриальное развитие колониальных и полуколониальных стран, в целях сохранения их экономической зависимости (в непосредственной или переходной форме) от империализма;

3) в *усилении* обычной диспропорции между отдельными монополизированными отраслями мирового хозяйства и между промышленностью и сельским хозяйством.

Что касается переходного периода, то, так как основные законы капиталистического способа производства модифицируются или частично отмирают в переходном обществе, то этим самым, казалось бы, закон неравномерного экономического развития отдельных стран и отдельных отраслей мирового хозяйства могут сохранить свою силу лишь по отношению к процессу взаимодействия хозяйства СССР с капиталистическим окружением. Диспропорциональность между отдельными отраслями хозяйства СССР уменьшается в противоположность капиталистическому хозяйству, и возможность скачкообразного технического прогресса всего советского хозяйственного комплекса в целом (например, непосредственный переход к электрофикации в товарном и натуральном секторах народного хозяйства), усиливаются вследствие:

1) возможности для СССР перейти к новейшему последнему *пределу* технического развития, минуя все предшествующие стадии (см. вышеприведенную цитату из Энгельса);

2) не связанные со старыми капитальными вложениями, так как ни норма ни масса прибыли не являются стимулом производства в общественном секторе СССР;

3) доступности устранения плановым путем до известной степени прежнего несоответствия между промышленностью и сельским хозяйством;

4) возможности максимального производительного применения внутренних ресурсов и накопления во всех секторах народного хозяйства и целесообразного перераспределения национального дохода;

5) наличие благоприятных естественных условий по сравнению с другими странами;

6) наличия всех прочих преимуществ общественной формы собственности на средства производства, по сравнению с частной собственностью. Поэтому скачкообразность технического развития, а следовательно и скачкообразность индустриализации СССР, может быть гораздо более стремительной, чем в любой капиталистической стране. Но эта возможность еще более усиливает неравномерность развития отдельных секторов мирового хозяйства в переходную эпоху, не говоря уже о том, что в данном случае сам закон неравномерного экономического развития, как показал вышеприведенный пример с СССР, обращается лицом к социализму и против самого капиталистического способа производства.

Что касается *мирового социалистического хозяйства*, то с исчезновением при социализме всех законов и категорий капиталистического производства и рынка, скачкообразность *технического развития*, хотя и будет иметь место, но она станет охватывать всю данную отрасль мирового хозяйства, к которой относится, а следовательно повлечет за собою аналогичное ускорение технического прогресса и в остальных отраслях мирового хозяйства в силу их взаимной плановой связности. Иначе говоря, *скачкообразность технического прогресса останется*, но она не будет находить свое внешнее выражение в стихийной неравномерности экономического развития отдельных отраслей мирового хозяйства, так как общественное производство и распределение

ление будет организовано по плану, а различие естественных условий не будет находиться в монопольном использовании отдельных стран. Скачкообразность технического развития всего мирового хозяйства в целом в эпоху социализма будет зависеть не от рынков, не от массы и нормы прибыли, а только от научно-технических открытий и благоприятных естественно-географических условий, достижения которых сразу будут применены во всех отраслях мирового социалистического хозяйства для более полного удовлетворения возрастающих общественных потребностей, которые не будут уже выражаться в иррациональной форме платежеспособного спроса.

Таким образом, скачкообразный технический прогресс перестанет быть средством социального порабощения и экономического антагонизма в обще-человеческом коллективе, планомерно стремящемся в эту эпоху своей сознательно-творимой истории свести процесс человеческого труда воспроизводства материальных благ к поголовному участию всех в простейшем регулировании сложнейших комплексов усовершенствованных орудий. Иначе говоря, технический прогресс будет иметь своей обратной стороной уничтожение холопского разделения умственного и физического труда и уменьшение рабочего дня для всего трудящегося человечества.

Т. І. Забелы.

Аспірант при катэдры Гіст. Нар. Гаспад. Беларусі.

Земляўласнік і земляроб па Статуту Літоўскаму 1588 г.

Статут 1588 г., які адбіу у сабе праўныя узаемадносіны паміж літоўскі-беларускім земляўласнікам з аднаго боку і земляробам з другога, быу зацверджан карабел Сыгізмундам ІІ і увайшоў у сілу, як дзеяйна права, у туго пору, калі усьлед за Люблінскай вуній, беларуска-літоўскай шляхце прышлося па усяму фронту абараніць пазыцыі, якія яна займала, як кіруючая кляса у дзяржаве, ад ірээнізіяў на падзел кірауніцтва з боку „братняга народу” шляхты польскай.

Статут 1588 г. поунасцю абгаворнуа у сабе увесе той рад пры-
вілею і пераваг, якім карысталася беларуска-літоўская шляхта, і таму яна і старалася захаваць яго ў сіле блізка аж да канца існаваныя Рэ-
чы Паспалітай Польскай, як палітычна самастойнай дзяржавы.

У гістарычнай літаратуры падымалася ужо пытаньне аб тым, ці зъяўляўся статут 1588 году крыніцай жывога дзеяйнага права для Літвы—Беларусі і пасля Люблінскай вуні, ці гэтае права заменівалася калі на поунасцю, то часткова соймавымі констытуцыямі, якія мелі сілу абавязанасці для Літвы—Беларусі, паколькі прымаліся на супольных для абодвух народу соймах.

Аутар работы на тэму „Обязательность для Великого княжества Литовского конституций вальных сеймов бывшей Речи Посполитой в связи о вымороочности (кадуках) по Польско-Литовскому законодательству” (С. П. Б. 1897 г. Ольшамовский Б. Г.) імкненца давесць, што усе пастановы вальных соймаў былі абавязковымі для абедзівых дзяржжаў. Ен гаворыць, што яшчэ задоуга да Люблінскай вуні выявілася імкненне да збліжэння Літвы—Беларусі з Польшай. Для даказаныя гэтага аутар пасылаеца на тых мясцы прывілею 1403, 1413, 1432, 1434, 1447 гадоу, у якіх гаворыцца, што паны, бароны і іншая шляхта маюць карыстацца сваім правам так сама, як ім карыстаюцца паны кіралеўства Польскага. Аднак Ольшамоускі на правы робячы гэткі вывад з паданага палажэння. З імкнення літоўска беларускай шляхты карыстацца сваім правам так поўна, як ім карыстаеца у сваій дзяржаве суседні польскі шляхціч, на вынікае зусім жаданія зблізіцца з апошнім, як роўным сабе па клясавай прыналежнасці.

Другім аргументам за абавязковасць для Літвы—Беларусі конституціяу, прынятых на вальных соймах, у аутара памянутай вышэй працы зъяўляеца і тое, што у констытуцыях гэтых яны заізначаныя аб неабавязковасці іх для Літвы—Беларусі: значыць яны зъяўляюцца з апошнім, як роўным сабе па клясавай прыналежнасці.

Вырашаючы гэтак важнае пытаньне аутар, нажаль, і абліжаваўся толькі паказанымі довадамі не паверыушы на тагачасных судовых выраках, ці ужываліся гэтых канстытуцыяў на практыцы у Літве—Беларусі, што не?

Дзякуючы гэтаму і довады яго не зъяўляюцца упэўніваючымі.

Адвартнае Альшамоускаму стараеща давесці ў сваёй працы „Литовский статут и польская конституция” С. А. Бершадзкі (С. П. Б. 1893 г.).

Аутар, маючы замер высыветліць пытаньне аб тым, ці засталіся ў сіле непарушна усе прауныя нормы Статуту 1588 г., як будучы заменеными соймавымі канстытуцыямі, зварочаеца да тагочаснай судовай практикі і толькі, як дадатковая матарыял уводзіць тагочасныя адносіны паміж магнітвамі абедзініх дзяржау, аб якіх ён гаворыць, што „в противоположность долго существовавшему мнению о добровольном братском характере Люблинской унии, современные воззрения на этот акт, основанные на изучении дневников этого сейма, представляют нам унию в таком виде, что едва ли после нея могло проявиться у литовцев стремление к полному слиянию юридического быта Польши с Литвой, как ошибочно утверждают писатели, знакомые с историческими событиями по сочинениям школы Нарушевича, Лелевеля и т. д.” (стр. 31)

Бяручы паасобныя факты з судовай практикі, аутар прыходзіць да пракаваньня, што „подобно тому, как адвокаты защищали перед судом принцип существования Литовского права, так шляхта разных военодств в течение двух веков оберегала свои права, определенные Литовским статутом и соответствующими сеймовыми конституциями” (ст. 90).

Нават у тых выпадках, калі статут ія мог даць адказу пры вырашэнні таго ці іншага пытаньня, то і тагды зварочваньне да іназемнага права, згодна статуту, дапушчалася толькі ў канечным разе. „Литовский статут 1588 г., гаворыць Бершадзкі, подобно двум прежним статутам, признавая единственным источником права для всех лиц, находящихся на территории Вл. Кн. Лит., только те определения, которые были внесены на его страницы, стоя следовательно, на почве признания территориального действия закона, не мог конечно не предвидеть, что определения его могут оказаться со временем недостаточными и что в законах окажутся проблемы. На этот случай Литовский статут постановляет, что судья обязан руководиться: во 1-х, обычным правом, во 2-х, определениями прежних статутов, в 3-х, общим смыслом законов и в 4-х, применением аналогических положений иностранного права.

Поэтому утверждать, что в „случае сомнения” Литовский судья должен обращаться тотчас-же к польским конституциям, неправильно так, как судья должен был, в случае отсутствия, неполноты и неясности закона, идти порядком, предписаным в статуте” (стр. 49).

Так на працы усяя работы Бершадзкі цэлым радам выніят з тагочаснае судове практикі і, так сама, фактамі змаганьня Беларуска-Літоускага панства за самастойнасць свайго права у часе ад выхаду Статуту 1588 г. аж да апошніх гадоў існаваньня Рэчы Паспалітай, даводзіць тое, што Статут на працы усяго гэтага часу зьяўляўся правадзейным, паасобных нават пунктау якога не заменівалі сабою соймавыя канстытуцыі.

І. Ё. Лапа у працы „Люблинская уния и третий Литовский статут” (С. П. Б. 1897 г.) стараеща давесці, што і пасля Люблинской уніі Літва-Беларусь захавала свае самаіснаваньне. Ужо выяуленынем гэтага самаіснаваньня зьяўляючыся двайныя урады для Польшчы і Літвы —Беларусі. Пастанова аб недавашні чужаземцам ураду у Літоуска-Беларускай дзяржаве застаеца ў сіле.

Даказанынем гэтага зьяўляеца недапушчэнье на Віленскую Каталіцкую Біскупскую пасаду паляка Мацееускага ў 1592-1600 г. г. То-ж самае адбылося і у 1752 г., пры спробе прызначыць на гэтае біскуп-

ства палляка Вадзінскага, калі Віленская капітула звярнулася з просьбай аб падтрыманьні да павятовага сойміку і даказвала, што урады у В. К. Літоускам маюць права займаць толькі „Літвыны”, бо Люблинская вунія „не отняла от обоих народов их имени и старых прав”.

Аб захаваныні самастойнасці В. Кн. Літоуска-Беларускім і пасція Люблинской вуні гаворыць і В. Д. Дружыць у сваій працы „Падлажэньне Літоуска-Беларускай дзяржавы пасція Люблинской вуні” (працы Б. Д. З., 1925 г., № 67). У этай працы аутар паміж іншымі гаворыць, што „акт Люблинской вуні, каторому прыдавалі да апоніях часоу значэньне акту, аб'яднашага дыне дзяржавы і аканчальна вырашаушага налажэньне Літоуска-Беларуское дзяржавы у складзе Рэчы Паспалітай, не зняуляеца канчатковым. Грунтавацца на адных паста новах Люблинской сойму у вырашэнні пытання аб становішчы Літоускі-Беларускага княжства пасція 1569 г., на прыходицца. Барацьба паміж княжаствам і Польшай вядзені і пасція Люблинской вуні. Вынікам этай барацьбы паянулашы новыя акты, якія корэктуюць, або ліквідуюць пастановы Люблинской сойму. Важнейшым з такіх актаў яўліенца Трэш Літоускі Статут 1588 г., налажыўшы асновы для дзяржаунай незалежнасці Літоуска-Беларускага княжства і стаўшы грунтам і апорай княжаства у яго барацьбе з Польшчай за сваю самастойнасць” (стр. 250). Такім чынам і В. Д. Дружыць вызнае Статут 1588 за жывое дзейнае права, да якога прыбегала судовая практика у Літоуска-Беларускай дзяржаве.

Гэтак Бершадзкі, Лапа і Дружыць даводзяць, што Статут 1588 зняуляеся кодэксам дзеяйнага права, пры чым Першадзкі вызначае, што нават констытуціі вальных соймаў абодвух народau, выданныя у часы існаваныя Статуту, не пашырваліся на Літву-Беларусь. Лапа гэтага пытання не закранае зусім. Дружыць-жа здводзячы, як вышэй гаворылася, Статуту 1588 г. належнае месца разам з тым гаворыць, што „другімі актамі, дапаўняючымі Статут, зняуляючыя сойманская канстытуцыі. Але іх правільнае разуменіе мацьшы толькі з дэтальным вывучэннем дзейнасці вялікіх вальных соймаў, соймавых дзеньнікаў, галоунных зьезду В. Княжаства і павятовых Літоуска-Беларускіх соймікаў” (стр. 250).

Да і Альшамоускі, гаворачы аб абавязковасці канстытуцыяя вальных сэймаў для Літвы-Беларусі, не гаворыць аб статуте 1588 г.

Ні адзін жа з вышэй паданых гісторыкаў ня выказаўся аб тым, што пазысейшыя соймавыя канстытуцыі адменівалі пасобныя артыкулы статуту 1588 г. Пераважная ж большасць (Бершадзкі, Лапа і Дружыць) вызнаюць Статут за жывое дзейнае права, на аснове якога вырашаліся судовыя спрэвы.

У данам разе пытанынем, якое будзе наліягаць нашаму разглядзу, зняуляюча прауныя узаемадносіны паміж земляўласцікамі і земляробам, як яны вызначаны у Статуте 1588 г. і якія выніклі на грунце узаемадносін эканамічных.

Права уласнасці на землю у Беларуска-Літоускай дзяржаве складае у першую чаргу прыналежнасць прыроджаніцу яс. Гэтае права не пашырваецца на чужаземца. Артыкул 12 тречіга раздзелу вызначае гэта выразна, дакляруючы не даваць чужаземцам дзяржанію, іншай кажучы, землю у часове карыстаньне і „вечністей жадных” — зямлі ва уласнасць, але „тое все” дакляруеца даваць толькі „литве, руси, жмоюти родичом старожытным и уроженцом в. кн. Литовскаго и земель тому в. кн. належачых”. У самім княжастве, такім чынам, Статут ня робіць абмяжаванію на права уладаць зямлею па нацыянальным адзнакам. Падданыя усіх нацыянальнасціц, і літоускай,

і жмудзкай, і земляу, якія існуоць пад назвай Русі, усе маюць аднальковыя права мець на ўласнасці землю. Тыя-ж з чужаземцау, якія „з ласкі гаспадарскае” атрымаюць на ўласнасць якую небудзь маёмасць у гаспадарстве, для захавання апошніяе у сваім уладанні маюць прыняць падданства. Такім чынам у дзяржаве уладаннне зямлёю, ці на праве дзяржаннія, ці на праве уласнасці было звязана з прыналежнасцю даліку падданых апошніяе.

Цікава паглядзець у чым выяўляеца па Статуту 1588 году гэтае права уласнасці. Якія яно мае адзнакі? Права уласнасці на маёмасць дае магчымасць вольнага распараджання ёю па жаданні ўласніка. Гэтае права выяўляеца ў магчымасці прадаць, памяняць, аддаць каму хочучы, адпісаць на патомкаў і інш. Гэтыя усе права Статут 1588г. і заўбісцячвае за земляуласнікамі, нягледзячы на тия спосабы, якім землі у свой час прыбраліся да рук паасобнымі падданымі. Усе „якім колькве обычаем” набытыя у ранейшыя часы двары і падданыя ўласнікі трымаць могуць „сами с потомкі и близкими своим” як цяпер, гэтак і „вечне”¹⁾. Гэтае палажэнніе аб праве маёмасці, як відаць вельмі цікавіла групу земляуласнікатаому, што аб гэтым гаворыцца аж у двух мясцох Статуту. І калі вышэй паданы артыкул толькі зазначвае права уласнасці на землю, „якім колькве обычаем” набытую, то другі гаворыць ужо аб гэтым дэтальней, пералічваючы часткай спосабы, якімі зямля набытае). Сярод іх у першую чаргу пастаўлены двары, што атрыманы ў спадчыну—отчызныя і мацярыстыя, а за тым ідуць двары выслужаныя, і да апошніяе групы належаны ўжо „маёнткі” „якім же колькве обычаем и способом набытые”. Уся гэтая маёмасць, што знаходзіцца ва уладанні прыватных асоб, ня гледзячы на спосаб яе набыцця, замацоўваеца за дзяржальнікамі яе на „вечнасць”, як уласнасць.

Гэтае права уласнасці артыкулы Статуту вызначаюць у магчымасці аддаць, прадаць, дараваць, памяняць і на касыцёл запісаць, запісаць за дуога²⁾. Гэтае права пашырваеца на маёмасць, як купленую, гэтак выслужаную і спадчынную. Права вольнага распараджання пашырваеца на ўсю маёмасць поунасцю:— „Уставуем іж вольно кожому именинія свои отчизнныя матерыстыя выслужаныя, купленыя, и якім колькве обычаем набытыя и назынаныя несмортчы третыя и двух частей, але всі вдой мом хто іх што маеть... водле волі и мысли свае, отдати, продати, даровати, запісати, заставіти, от детей и близких отдаліти, подле баченяя свога тым шафовати”³⁾... Права одпісу кожны ўласнік мае, як вышэй гаварылася, як паасобным людзям, гэтак і організацыям. Да ліку гэткіх організацыяў адносіцца касыцёл. Гэтае права одпісу на касыцёл Статут агаварвае асобным артыкулам зазначаючы, што „хтобы колькве с падданых наших хотел имене свое набытое на костел хрыстиянскій запісати, тогды вольно будеть то ему учиніти”⁴⁾... Па колькі артыкул зазначае касыцёл „хрыстиянскій” не называючы яго рымскім альбо каталіцкім, то тут трэба разумець ія толькі каталіцкі касыцёл, але і праваслаўную царкву, якая звязаеца таксама, калі выказваеца мовай статуту, „касъцёлам хрыстиянским”. Відю, што царква атрымлівала маёмасць прыватных асоб па одпісу у значным ліку, калі гэтае права ўласніку адпіснаць і царквы атрымліваць прышлося зазначаўцца інават у асобным артыкуле Статуту.

Сярод прыватных асоб, якім вольна адпісваць маёмасць, вызнача-

1) Разъязел III артыкул 2.

2) Разъязел III артыкул 41.

3) Разъязел III артыкул 41.

4) Разъязел VII артыкул 2.

5) Разъязел VIII артыкул 3.

чана таксама асобным артыкулам і вольнасць одпісу на самога гаспадара, якому могуць пераходзіць гэткім спосабам „мастности лежаче и рухомые”.)

У адносінах аднік робіцца некаторае і аблімяжаванне. Як талкааныне артыкулу 1, разьдз. VII, які дазваляе вольна „шафовати” усікім спосабам набытай маёмасцю. Артыкул 2 VIII-га разьдзелу дазваляе вольнасць распараджання толькі у адносінах тае маёмасці, якая набыта самою асобаю і ні у якім разе гэтая вольнасць „шафаванья” не пашырваецца на маёмасць атчынную і міцірыстую: „...вольно ему будет речи свои, мастьность рухомую так же и именья через него самого набытые, одинак же не отчинные, а ни материстные именья кому хотечы подуга добре воли свое, так духовным асобам яко теж и светским записати.” Магло здарыцца, што род вымірау і на спадчыну не аказаілася прэтэндэнтаў-кроўных. У такіх выпадках наступнікам спадчыны зъяўлялася дзяржава у асобе гаспадара в. князя. „Которые без потомков близких щадков и наследков своих зомрут, ни на кого права своего прырожоного, выслужоного и набытого не вливши и не записавши, бо по тых и таким обычаем именье спадком на реч посполитую, и на нас господаря великого князя и потомков наших великих князей литовских приходить и приходити будуть.”³⁾ Такім чынам права уласнасці на маёмасць складалася з маёмасцю прадаваць яе, аддаваць, мяніць і налагу распараджваща ёю па свайму жаданню.

Гэткаю маёмасцю у аснове зъяўляеца зямля. Соціяльнаю групу земляуласнікау, на якую пашырваючца усе гэтая права, што вытворваюць сабою адно права уласнасць была шляхта.

Уладаныне зямлёю можна разумець па рознаму. Можна уладаць толькі панерхній зямлі без права карыстання тым, што знаходзіцца ў яе нетрах. З уладаныя могуць быць выянуты вадзянныя прасторы, лясы з усім зыверам, які живе ў іх. Паасоныя артыкулы, гаворачы аб шляхецкім земляуладаным, абліворваючы усе гэтая пытаньшы. Аднаведны артыкул, гаворачы аб гэтым, зазначвае, што права уласнасці пашырваючца на ґрунт „зо всіми пожиткамі, которые бы кольвек на их кірунтах показовали, теж и крущицы всякие и окна сольные заставати мають.”⁴⁾ Зразумела, што гэткім пажыткамі зъяўляліся вадзянныя і лясныя прасторы з усім тым, што ў іх знаходзіцца, а таксама і нетрамі у якіх могуць быць „крушицы”—мэталы, або соль—„окна сольные”. Такім парадкам шляхецкае права уласнасці пашырвалася не толькі на самую землю, але на усе тэя багаццы лясныя, вадзянныя, якія знаходзіліся на прыналежным асобе кавалку зямлі і на усе тэя мінералы, што знаходзіліся у нетрах зямляных назначанага кавалку зямлі. Нават калі на прыналежнам каму аблішы зямлі быу скарб, то у разе вінайходжання яго уласнікам зямлі, скарб поўнасцю прыналежаў уласніку. Калі-ж што знаходзіу скарб на чужой зямлі, то атрымліваў толькі палавіну яго, другую-ж палавіну атрымліваў уласнік зямлі, на якай знайдзены скарб:—„Устануем колібы и графіло кому знайти в земли якискарб: зроши, серебро, золото, або што іншое яко се прытрафляет находки, тогда если на своем кірунте найдет, маеть тому скарб быти чый кірунт, а еслибы на чыем іншом знайшол, тогда половину маеть тому дати на чией земли знайшол, а половину себе взяти.”⁵⁾

¹⁾ Разьдзел III артыкул 42.

²⁾ Разьдзел III артыкул 17.

³⁾ Разьдзел III артыкул 217.

⁴⁾ Разьдзел IX артыкул 30.

Тое-ж самае адносіцца і да тых выпадкаў калі скарб знаходзіўся на застаўнай зямлі. І у такіх выпадках клад павінен дзяліцца напал. Прынцып права уласнасці праглядае тут у тым, што уласніку зямлі прыналежань нетры зямлі, а значыць і ўсё тое, што у іх. Калі ія ён, а нехта пабочны вынаходзіў у іх багацьце, то атрымлівау за гэта паланіну апошніга, другая-ж палавіна належыць уласніку зямлі. Яшчэ адной адзнакай права уласнасці па Статуту 1588 году зняўляеца неабмежаванасць гэтага права часам, якое назначана на вечныя часы: „Перакажаць им не маем часы вечными вольного уживанія“. Гэтае „неперакажанне вольнага уживанія“ таксама пашырнаеца на грунты, набытыя рознымі способамі.¹⁾ Права уласнасці з усімі магчымасцямі, якія з апошніяго выцекаюць, пашырваеца ня толькі на землю з яе нетрмі, але таксама на рухомую маёмасць і на людзей.

Той жа артыкул, які дакліяре не перакажаць права уласнасці вечнымі часамі, выразна назначае, што гэтае права пашырваеца на „именія, людей і кірунты“. У пракцыцы вытварэння уласнасці, як юрыдичнага інстытуту, калі на практыцы адбывалася прысвойваньне зямлі аддзельнымі асобамі парадкам надараананіяў з боку гаспадара, або парадкам даугачаснага трывання родам зямельнага надзелу на умовах вайсковае службы ці іншымі якімі способамі, якіх Статут ня назначае, стварылася пэўная перамешанасць зямельных уладаньняў. Зямельныя угоды здзі аднаго знаходзіліся у абліжэнні угоды здзі ў другога так, што доступ туды быў звязаны з прахаджэннем праз чужую тэрыторыю. Як відно к часу выдання Статуту 1588 году знявшча гэтае было масавым і артыкулы закону стараючыя урэгуляваць усе спрэчкі, якія могуць узьнікнуць на грунце гэтай перамешанасці уладаньняу. Пры чым Статут стаіць на грунце строгай абароны права уласнасці абедзьвіх старон. Гэткай уласнасцю на чужой зямлі маглі быць бортныя дрэвы, сенажаці, вазёры. Статут дазваляе тым, хто маюць борці, сенажаці, вазёры „в пущы нашай госпадарскай, або теж княжскай паньской и земяньской“, права уваходу туды праз уладанын чужая „Хто маєт борти свои, або озера або сеножаці, або пры сеножатах лазні у чый пущы, тогды к озеру з неводом ехати волно а собаки ему не брати, а ии рогатины, а ии жадное стрельбы, чым бы мел в зверу шкоду учинити“. Бортнікі маюць права несці пры сабе толькі сакеру і пешню (вялікае долата), якім яны выдоубваюць борцы у дрэве. Бортнікам жа вольна драць з ліпай луб на лажбяни—пасуду з ліпавай кары, куды яны складаюць нагледжаны ў сваіх пчол мед, вольна браць лыкі і на „лазів“—треба лічыць лыкавыя вяроўкі, пры дапамозе якіх можна было падлазіць да борці. Бортнік мае права надзіраць гэтага лыка столькі „Иле им патреба будеть взяти; што можетъ на себе занести, а не возомъ вынести“. У разе, калі дрэва з борцю паналіцца, то уласнік борці мае права выразаць тую частку камля, у якой знаходзіцца борць з пчоламі, і забраць яе сабе, верхавіна-ж і частка камля, якія застануцца, належыць уласніку пушчы. Уласнік пушчы ня мае права чыніць шкоды бортнаму дрэву і у тым выпадку каліб ён пушчу сваю захацеў расцярэбліваць. Забаране Статут падчырвяць, або апальваць бортныя дрэвы тым, хто будзе разрабляць пиву, ня мае права ёй і падорвяць сахою гэткага дрэва бортнага, што стаіць на яго піве, араты павінен абыходзіць яго так, „якои бы от сохи основ дерева досегнуты не мог“. У разе, калі дрэва усыхала, вінаватыя у утварэнні яму шкоды павінны за апошнюю плаціць.

Тыя, што маюць вазёры у чужых пушчах, маюць права у часе

¹⁾ Рэзьзял III артыкул 1.

зіміх ловау рыбы браць дровы з пушчы для раскладанія ағію і карыты рабіць на рыбу. Не забараняеща тым, што маюць сенажаці у чужой пушчы, браць лес на адонкі—намості, на якіх скідающа сынірты сена. Аднак, гэткія уласнікі ня маюць права пашырвача свае сенажаці шляхам расцярэбнанія за кошт чужое пушчы.

Такім чинам, застаўляюча вольнасць уваходу у чужую пушчу да сіх угодзілля, Статут аховывае права уласніка пушчы; разам з тым ён рабіць гэтага і у адносінах да стараны другое, паказываюча межы, да якіх можа пашырвача карыстаныце чужою уласнасцю пры эксплатаціі свае. Маюча на увале гэткую ахову уласнікі Статут забараняе уводжвайце з сабою у чужую пушчу сабак, якія б моглі пашкодзіць зыверу; забараняе браць з сабою стрэльбу, раганіну. Забараняе, таксама, тым, што маюць гэткое права уваходу у чужую пушчу, вывозіць адтуль будаўлянае дрэва, дровы.¹⁾

Стоячы на заборе прыматай уласнікі ад замеру з боку других людзей зрабіць ей ушчэрбак. Статут 1588 г. ізым радам на-асобных артыкулау вызначае трапонія накараны за утварэніе гэтага ушчэрбку. За парубаныне гвалтам дрэва шляхцікам у пушчы другога шляхціца Статут прызначае, як кару для парубініка, 12 рублёў гвалту.²⁾ Столікі ж гвалту прызначае ен за „звалачэніе”—лавеніе рыбы у чужым ставе ці возера, за парубаныне гаці, еза, за перакапаныне трэблі. Хто спаліць чужы млын, павінен набудаваць новы, альбо звярнуць варгасць яго грашмі, апрач таго выплаціць трошмі за прастой млына.³⁾ За пасаваныне хмеляніка з дрэвам прызначаеща выплата з боку таго, хто зрабіў гэтую шкоду, 20 рублёў. Калік дрэва застаненча не пасаваным, а толькі пасаваным будзе адзін хмель, то выплата звыжваеща да 3 рублёў.⁴⁾ У 12 рублёў прызначаеща таксама гвалт за лавеніе рыбы з чужога возера у сваёй пушчы, (у першам выпадку вызначвалася лавеніе у чужым ставе ці возера наогул) за пакошу чужое сенажаці штраф такіх самы, а за падраныці сена з яе плаццы яшчэ з навязкай.⁵⁾

Зывер, які жыу у пушчы таго ці іншага земляуласнік а, лічыуся уласнасцю апошніга і лавеніе яго другім чалавекам лічыцца Статутам за парушэніе права уласнікі і утварэніе поунага матар'яльнага ушчэрбку: „Уставуем, хто бы чые ловы кгвалтам половил, тогды тому в чьеи пушчи будеть половил масть кгвалту заплатити двадцать рублей трошней, а зверу колько будет уловил ценою як нижкій описано масть платити”. Калі-ж пан пашле страліца свайго у чужую пушчу, і асли бы стреліца поймано над звером, убитым в пушчі, і гэтага было б доказаны судовым прадкам, то гэткі стралец мае заплаціць за забітага зывера удзайне „савіта” і апрач таго „за вину, же у чужую пушчу стреліти ходіл, масть седеті в вязненію в замку альбо в дворе нашем, шесть недель” і наогул ня мае быць выпушчаным да тога часу пакуль ня выплаціць трошы за забітага зывера. Нават у тым выпадку, калі зывер будзе ранены на сваій зямлі і пярэйдзе на чужую тэрыторыю, то і у такіх выпадках ніхто ня мае права хадзіць за раненым зыверам у чужое уладаніе; калі-ж гэткі пераход граніцы адбудзеца і зывер будзе дабіты на чужой зямлі, то вінаваты мае плаціць гвалт трапонія у такім жа разымеры, як і за забойства зывера на чужой зямлі. Можна-ж ехаць і на чужую зямлю толькі за воўкам

1) Разъдел X артыкул 3.

2) Разъдел X артыкул 15.

3) Разъдел X артыкул 7.

4) Разъдел X артыкул 10.

5) Разъдел X артыкул 4.

і лісам з сабакамі, пры умове не рабіць шкоды засеву збожжа.¹⁾

Асобінам пунктам ахонываюца бабровыя гоны, да якіх ніхто ня мае права даорніці, бліжэй чым на адлегласць „яко бы от зеремини мог киен докинуты“. На гэтай жа адлегласці ад бабровага гону мае канчаша і пакоша сенажаці і церабельне лазы на апошній. А хто гэтае правіла нарушыць і баброу выганаць, той мае плаціць 12 р. Столікі ж сама плаціць і той, хто баброу чужых паб'е, або пакрадзе, а апрача таго яшчэ і за баброу заплациць павінен. Бабры, выгнаныя са свайго жыльля, могуць сыйці у чужы обруб і тагда прана лову іх належыць таму на чыёй зямлі яны нааселяща.²⁾ Лес, што знаходзіцца на зямлі ўладальніка, зняўляенца яго уласнасцю. Апошні складае сабою ня толькі вартасць ляснога матар'ялу, але цана яго павялічваецца і бортным дрэвам, якое там знаходзіцца разам з чоламі, звяярамі і птушкамі, якія нааселяваюць лес і могуць складаць даход для уласніка. Той хто падпальвае намерана чужы лес, рабіць школу гаспадару лесу ня толькі як ўладальніку апошнія, але так сама, як ўладальніку усіх тых звяяроу і птушак, што у лесе маюцца. Вінаваты ў падпальванні лесу мае плаціць з свае маёмысці за ўсю гэтую шкоду. Падпальшык выявленеша ад выплаты гэтай шкоды толькі у тым выпадку, калі зробіць гэта бяз умыслу, што і павінен падцвердзіць прысяга.³⁾

Поўнае права эксплатаціі зямлі мае толькі уласнік яе і ніхто іншы. Эксплатація ўгодзідзяў старонім чалавекам можа адбывацца толькі з дазволу уласніка іх. Таму Статут і забаране каму-б то ні было засеў пашні на чужым полі без дазволу на гэткі засеў уласніка — „штох оній противнік его тое збоже буде посеял на его властной землі, тогды маеть ему быти яко земля, так і тое збоже, и к тому гвалту двадцать рублеў грошей сказаю...“⁴⁾ Такім чынам вінаваты у засеве ня толькі траціць дарэмна працу, насеніне і ураджай, але выплачвае яшчэ і штраф у ліку 20 рублеў. Забараненча едучы дарогай ня толькі жаць чужы засеў, але і наогул рабіць яму які небудзь ушчэрбак, як напрыклад, таптаць, выласваць, за што Статут награждае штрафам у тры рублі, апрач выплаты двайное цаны звышчайнага. Да ліку-ж учынкау, якія могуць нанесыці ушчэрбак чужой маёмысці, адносіцца і паляванніе на чужой зямлі, якое не павінна рабіцца без дазволу уласніка. За паляванніе без дазволу вінаваты мае плаціць 3 капы гроши віны і вярнуць усе шкоды — „так теж хтобы на чией ледизне кром позноленя его ку школе мыслівства уживал, полюючи жито и ярину конымі потоптал, такоый за окупованнем школы за узінанем через вознога, або через трех шляхтичов, веры годных, погвинен будеть, за прыпозівашем до суду земскаго, мыслівец заплатити укрывжоному, вини три копы грошей, и школу на чом буде довод уделан.“ Артыкул гэты пашируваеца на толькі на самых паноў, але і на слуг панскіх — „о то се маест разумети о мыслівцах, яко о саміх панох, так и о слугах паніскіх, которые сами без панов полюют.“ Так сама ніхто ня мае рабіць другому гэтай шкоды, калі прыяджае на з'езд галоунага суду, або на соймік і наогул на кожны звезд.⁵⁾

Ахонываючы засеў ад чужых, Статут папярэджвае тых выпадкі калі-б хто пажау пасяяне другім, або пабраў пажатае, або пабіў ці патаптаў, пасек борану; калесы, забраў сашнікі, чым прывёў бы, зразумела, у нягоднасць для работы на полі саху. Такі мае вірнуць шкоду „з навескою“ „коня конём, а вола волом навезати, а за соху

1) Рэзьдзел X артыкул 1.

2) Рэзьдзел X артыкул 9.

3) Рэзьдзел X артыкул 17.

4) Рэзьдзел IX артыкул 22.

5) Рэзьдзел III артыкул 47.

десет грошей, а за нароги дванадцать грошей, за колёса дванадцать грошей, за борону шесть грошей заплатити." Гэткі захват альбо псанынне інвентару ў пашні можа адбывацца і парадкам насельства, прычым, напаўшы „вдарила самога (гаспадара), або члонека его, або котрого кольцек стаіу"; у такіх выпадках вінаваты апрач звароту школі мае плаціць яшчэ гвалту 12 рублёў гроши.

Зразумела, што гэткія выпадкі забранення з поля пашні ці псаныння чужога інвентару малі учыніцца як результат спору за зямлю. Зазначаныя сирэчкі, згодна Статуту, павінны разбірацца судом.¹⁾ У мэтах жа ахони палятка ад школы, якая можа паносіцца ім паляўнічымі у той час, калі яны укрыты рознаю збажыною, Статут забараняе паляванне на чужых грунтах ад свята „свое суботы", трэба лічыць ад тройцы, які тэрмін прыпадае сярэдням на канец траунія, альбо пачатак чэрвеня аж да „забрання с поль всякого збожья", і начай кажучы, прыблізна да сярэдзіны верасеня. Вінаваты у праступлении гэтага артыкулу мае вірніць школу, якую ён мог учыніць палюючы другому і апрач таго „ушкожоному вінны тры копы грошей заплатити."²⁾ Статут перадубачвае выпадкі „нагрэсенья" альбо „пошыпання" чужога „вончовага" саду пры двары шляхціча парадкам гвалту. За гэта, калі-б на него бы тог гвалт слухіе был перенесен, мае заплаціць 12 руб. гроши. Пры пакражы-ж саду, пры довадзе гэткай пакражы, вінаваты мае заплаціць шэсць коп гроши. З чужога саду могуць быць узятыя толькі фрукты, але так сама пасечана і самае фруктовае дрэва ці зусім выканана шчэпілі. Зазначанае забраненне можа адбывацца і праз гвалт і парадкам крадзяжу. Не адрозніваючы спосабу забранення Статут вызначае за гэткія праступкі выплату гвалту у ліку 12 рублёў гроши, а за пасечанае або выкананае дрэва 3 рублі гроши. За пашчынаны ў патрэсены на чым грунце у пойлі „овоц який в загородзе" вінаваты павінен заплаціць вінны тры рублі гроши.³⁾

Перадубачвае Статут і тыя выпадкі, калі у часе паходу узельнікі апошніяго робіць наезды на чужую маёмасць і грабяць яе. Статут падзяляе гэткія выпадкі на дзве катэгорыі: 1) — калі наезд і атрабаванне адбываюся без забойства і гвалту „над белымі" галавамі—жанкамі і 2) — калі гэткі гвалты з боку наехаўшых утвораны. У першым выпадку, калі-б то хто зрабіў наезд „не забіл а ни ранил і юю збытку жаднага не вделал, толькі што взял, або школу якую учыніл", павінен гвалт і школу „за доводом слушным „совіто" — удавайне плаціць. Калі-ж гэткі наезд саправаджаўся забойствамі і гвалтамі над жанкамі, то такі „за слушным доводом" мае быць караны горлам⁴⁾). Пры наездзе можа здарыцца, што „господаръ домовный так теж и гость, который в том дому або в господе стоить" гэтага гвалтаўніка самога або яго памочніку могуць парапіць або і забіць барончыя маёмасці і ня будуть у адказе за гэта перад уладай у тым выпадку, калі гэта давядуць перед уладай фармальням, апісаным у Статуте, спосабам.⁵⁾ Статут вызначвае строгія меры пакаранія для тых, хто адважыўся-б запаліць дом княжаскі, панскі або шляхецкі. „А в том бы тому запалечу меновите от ушкожоного вінна была дана, або бы его за разом на том учинку поймано", тагды вінаваты „за доводом слушным правным"..., „маеть быти сам огнем спален", а за маёмасці, злышчаную атгём павінен быць выплачаны пачярпешаму ушчэрбак з маёмасці таго, хто падпальваў.⁶⁾

¹⁾ Раньдзял IX артыкул 23.

²⁾ Раньдзял X артыкул 18.

³⁾ Раньдзял X артыкул 16.

⁴⁾ Раньдзял II артыкул 18.

⁵⁾ Раньдзял XI артыкул 19.

⁶⁾ Раньдзял XI артыкул 19.

Пры „лежаныі“ войска на адным месцы вайсковыя павіны, у разе недахвату харчу для саміх альбо для коней, браць апошнія ад насельніцтва за плату ў прысутнасці гэтманскага віжа па таксе, якая будзе на гэты час устаноулены. Бесплатна дазваліяюща браць толькі дровы. У часе гэткага „ліжаныі“ забараняюща так сама разъбіраць дамы, паліць платы, ставы і сажалкі валачыцы, альбо зусім спушчаць, наўмысна выпаснаць і тантаць засеу. Забараняюща становіцца з абозам наўмысна на чужым засеве, браць харчи у насельніцтва іават і фармальным спосбам пры існаванні прадуктау у абозе таго, хто гэткі набор у насельніцтва робіць. За ўсякую гэткую школу Статут пагражае двайною выплатай школы.¹⁾

Распрадаўжоўчыся сваю маёмасьцю у межах найбольшыя для сябе выгады, уласнік не павінен, аднак, рабіць гэтым школы другому. Гэткая школа асабліва здараеца і тагды, калі земляуласнік, жадаючы зрабіць на сваіх зямлі вадзіны млын, сыпле грэблю і задзержвае воду і гэтым самым „суседніе вышніе млыны... затопіл так іж бы у вышніх млынах за падвышэннем воды в нижнем ставе мливо быти не могло, або если бы сеножати затопіл без волі того пана, чие сеножати суть, а он бы за то отмени взяти не хотел“. Земляуласнік, маючы на сваіх тэрыторыі толькі адзін бераг рэчкі, начынае сыпачы грэблю да другога, чужога берагу і тым самым затапляе чужую сенажаць або грунт. Такі свавольнік на аснове судовага вырашэння мае вярнуць усе учыненныя ім школы, а ў дадатак выплатіць гвалту 12 рублёў гроши. Грэблі-ж, якія зроблены, маюць быць раскіданы, каб „воду опустіти і знижкі, так якобы і мливу верхніго ставу ничего не шкодило і кірунтов, сеножатей чужих незалівало и школівне не подмочивало...“. Грэбля і млын застаючы цэлымі ў тым разе, калі-б той, на школу якому гэта зроблена, не заняўляў ауб гэтым на працягу дзесяці гадоў²⁾.

Вызначаючы іялічнью плошчы зямельнай маёмасьці межы і межавыя знакі на іх, якія і аддзельваюць яе ад маёмасьці другой асобы. Пільнаванніе межаў ёсьць адна з адзінк паважаныя ненарушинасці чужое маёмасьці. Статут, які строга стаіць на грунце захаванні прыватнай уласнасці наогул, а шляхецкай у першую чаргу, забаране „скажаць“ мяжу пад нагрозай выплаты 12 рублёў на карысць старана пакрыўдженай і падкамораму (урадаваму чыноўніку па межавым спраўам) капу гроши, а за кожны папаваны капец 3 капы гроши.— „Колі-бы шляхтич шляхтичу границы сказіл або онём выжог, або вырубал ківалтвіе, або яко кольвек, инак выказіл, або копцы раскопал або межу сказіл, або бы привлащаючы хто собе больш кірунту, а границы и знакі новыя по чужой землі ківалтоуне а безправне починил, а было бы то на него правом переведено, тогды таковы маеть заплатіти ображоному дванаццаты рублев грошай а подкаморому капу грошай, а за каждый копец скажоный три копы грошай“. За простае перааранніе мяжы шляхцічам другому шляхтичу вінаваты павінен заплатіць старане пакрыўдженай 3 рублі гроши і падкамораму паукапы гроши. Калі-ж гэткі ушчэрбак шляхтичу паносіў чалавек простага не шляхецкага стану, то павінен выплатіць шляхтичу 3 рублі гроши і паправіць мяжу— „...а еслі бы простого стану чалавек шляхтичу границу порубал, выжог, сказіл, або межу переорал, и значне запсовал, тогды такій винен будет тому шляхтичу вінны три рубли грошай заплатіти а границу и межу по первому направіти“... За перакажэнне-ж меж працтага стану чалавеку чалавекам такога-ж стану, вінаватая старана выплачвае пастрадаўшай 1 рубель гроши.

1) Раздзел II артыкул 19.

2) Раздзел IX артыкул 21.

II. Правы БДУ № 20.

Наогул-жа Статут уводзіць за абавязак для людзей усякага стану рабіць панауленыя альбо папрауку межау толькі фармальным спосабам „от подкоморого коморніка взяўши и сторону через возного обвестивши с ким границу тую маеТЬ”... Панауленыя знакі маюць быць запісаны „до книг подкоморого”. Такім чынам Статут, уводзячы гэты артыкул, імкненца да законнага умеркаванья межавых пытаньняў, у якіх мэтах зацікауленыя і павінны адзін другога „правом спірати а не гвалтом”¹⁾). Мяжою паміж уладаныямі можа зьяўляцца рака і тагды кожная з мяжуючых старон мае яе „з берага свойго ее до половицы уживати”. Той парадак „забіванья езен, закотов або сеж”, які існуе здаўна мае існаваць і надалей. У разе калі-б рака памежная „на чий берег, песок незначне сыплючи, прыбавок чиніла”, то прыбавак гэты належыць таму пану чын бераг. У разе калі рэчка абярэ сабе іншы ход, то „старое речышча” застаецца быць мяжою, якое кожны з свайго берагу да палавіны мае права ужываць. Аднак, строга забараняеца наўмысна аздвізіць ход ракі на сваю зямлю пад пагрозай 12 рублёў гвалту на карысць стараны, якая паняслася ушчэрбак і з абавязкам для вінаватага „абы за се реку по старому загамовал”²⁾.

Перадубачвае Статут і такія выпадкі, калі лес знаходзіцца у сумеснам уладаныи, „а который участник входит в такой лес на пашню или на сеножать прорубливать”, то мае церабіць яго толькі у такой меры, якая часць па вялічыне яму прыпадае, пры гэтым дзяленьне на часткі лесу павінна адбывацца і з прыніяццем пад увагу якасці грунтау, на якіх знаходзіцца лес. У разе нежадання супольнікаў выдзеліць частку агульнага лесу асобе, якая жадае свой лес высечы, зацікаулены мае дабіваша свайго права судом. За лішне высечаны лес вінаваты адказвае перад стараной, панёшай праз яго страты, гэткім-жа лікам лесу з свае маёмасці, а калі у яго такое ня будзе, то гравшай выплатай па вызначанай Статутам цене³⁾.

Статут 1588 году прымаўся, як кодэкс законаў дзяржавы у той час, калі на тэрыторыі гаспадарства праводзілася у жыцьцё валочная памера. Пры правядзеніі яе ураду прыходзілася, у мэтах упарядкавання скарбовых двароу, забіраць пад іх шляхецкія землі даючы апошнім адмену у іншым месцы зямлёю-ж. З гэтай прычыны Статутам уведзены артыкул „о отменах кгрунты нашим з кгрунты шляхетскими”. Артыкул поўнасцю аргаворвае парадак утварэння адмены з удзелам прадстаўнікоу, як ураду, гэтак і ад зацікауленага шляхцца. Робіцца ітва з мэтай „ижбы неубліжелосе ничим, яко добрам, столу нашему належачых, таже і шляхетским”⁴⁾.

Гэтак у статуте 1588 г. шляхта цэлым радам паасобных артыкулаў забяспечвае за сабою права уласнасці на землю, якая складае сабою матар'яльную базу на якой грунтавалася політычнай моцнасць шляхты. Гэтае права маёмасці дасягае згодна Статуту к канцу 16 веку ужо поўнага свайго развіцця даючы уладальніку права распрадаўжання зямлёю з усім бацьцямі прыроднымі, якія знаходзяцца на ёй (лесам, вадою, зверам, рыбаю і інш.) і якія знаходзяцца ў яе петрах (мэталы й мінералы). Тэрмін гэткай уласнасці не абмежаваны часам. Зямля можа пераходзіць ад бацькі к сыну у якасці спадчыны. Уласнік зямлі мае права сваю землю прадаць, каму хоча, адпісаць, пры умове, што землю гэтую ён набыува ўласнасць сам, а не атрымау яе ў спадчыну ад бацькі або кроўных. Зямля знаходзіцца ў поўнай уласнасці

¹⁾ Рэзьдзел IX артыкул 18.

²⁾ Рэзьдзел IX артыкул 20.

³⁾ Рэзьдзел IX артыкул 19.

⁴⁾ Рэзьдзел III артыкул 50.

фамілії да тога чаму пакуль хоць хто небудзь з яе членаў існуе ў ліку жывых і толькі ўжо ў выпадку поулага вымірання фамілії спадае на гаспадара. К часу выдання Статуту 1588 году ужо ўсе землі купленыя, выслужаныя і набутыя ўсякім спосабам у ранейшыя часы разгледаюцца, як уласнасць пічым не абмежаваная у руках шляхецкага стану.

Заманоўваючы прынцып уласнасці Статут імкнеша установіць парадак праўных узаемадносін паміж асобнымі земляўласнікамі, якія могуць узынкнуць у сувязі з земляўладаннем. Гэтыя узаемадносіны зводзяцца агулам да кругу пытавання, якія паўстаюць у звязку з разъмежаваньнем землі, з карыстаннем сваёю маёмасцю, якая знаходзіцца ў абкружэнні чужое уласнасці, і маёмасцю, якая не знаходзіцца у гэткім абкружэнні. Карыстаньне сваёю маёмасцю не павінна цягнуць за сабою ушчэрбку уласнасці другое асобы.

Статут, пералічоючы тыя соціяльныя групаваныя, якія маюць служыць земскую вайсковую службу, зазначае, што яе павінны несыці „всі станы духовныя и светскія, княжата, панята и врядники земскіе, дворане, земяне, шляхта хоруговная и вдовы и теж татарове, и мещане места наших маючи іменія земскіе¹⁾“). Такое-ж права мець землю пашырваеца і на яўрэяў, што вынікае з наступнага месца Статуту: „...А если было которому татарыну або жыду або которому басурмянину двор наш або іменье з людьми дали масть се таковыя жыдове и басурмяне на выслугах своих против християнских людей яко путных так и тяглых заховати абы их ку подачкам и службам незвыклым не пронсволяли. Вед же тыя подданые татарские которые здавна на іменіях седять тыя за отчіны и у них яко у ініх обывателов великого князства розумены быти мають²⁾“). Аднак, Статут у адносінах гэтых групаваў нічога не гаворыць аб праве іх набываць землю праз купою і такім чынам гэтае пытанье ў Статуте застаецца зусім ня высыпеленым парадаўльна з пытаннем земляўладання шляхецкага.

Грунтуючыся на даных вышэй палажэннях Статуту нельга сказаць, што мяшчане, татары і яўрэі зьяўляюцца роунымі з шляхтай у праве набываць зямлю ўласнасцю зямлі усімі спосабамі, якія вызначаюцца ў Статуте за прауныя, іначай кажучы, спосабам выслугі, даранання і куплі. Яшчэ менш гаворыць Статут і аб праве распарараджання сваёю маёмасцю гэтымі групамі упамінаючы толькі аб мяшчанах у адным артыкулу. Згодна яго мяшчанская права, і наогул права простых людзей, на адпісаныя свае маёмасці зьяўляеца значна павужаным парадаўльна з шляхецкім і то толькі у адносінах да маёмасці рухомай: „уставуем иж каждый с таковых людей волен тестамент о речи свое рухомые чынити и отпісати третью часть всее маєтности своее кому похочеть³⁾“). Такім чынам права распарараджання маёмасцю нярухомую мяшчану, татар і яўрэяў у Статуте не агаворана зусім.

Так трэба лічыць, што адзінай соціяльнай групай у дзяржаве, якая мела поуныя права уладання зямлёю на аснове уласнасці была шляхта. Што належыць да земляўладання мяшчанская татарская і яўрэйская, то апошнія з праунага боку у Статуте засталося не абрараманым. Паасобныя артыкулы Статуту даюць толькі паказаны на тое, што такое земляўладанье на тэрыторыі гаспадарства ў часы дзеяння Статуту існавала.

Уладанье зямлёю цягнула за сабою пэўныя павіннасці перед

¹⁾ Разызел II артыкул 1.

²⁾ Разызел XII артыкул 9.

³⁾ Разызел VIII артыкул 9.

дзяржавай. Асноўай з іх зяяўлялася вайсковая служба, якую Статут называлі службай земскай. Службу гэтую нясці усе земляўласцікі „от вышшага до низшага стану, никого невыймуючы, лета зупольныя маючы”... У дік гэтых вышэйшых і ніжэйшых станаў Статут уключвае усіх духоўных і сівецкіх княжат, паноу, ураднікаў земскіх і дварных, дваран, зямян, шляхту харуговую удоу (шляхецкіх), татарау, мяшчан, якія маюць землю. Такім чынам Статут падрабязна пералічае усе пасобныя групаванні шляхты, якія маюць татар і мяшчан, іншага не гаворыць, аб авязку вайсковай службы для яўрэя—земляўласцінкау. Паколькі служба іде з зямлі то Статут і пералічае усе віды зямельнай маесцісці з боку парадку, якім яны прышли ўладанні іх сучасных дзяржальшчыкаў. Гэта служба маеці „зменей, яко отчизных, материстых, так выслужоных, и купленых и яко кольвек пабытых”... Выступленні гэтага на вайну маюць адбыўвациа „водле уфалы земскога з сімові вальных яко на он час буде потрэба указывати”.) Службу вайсковую земляўласцікі павінен адбыўвациа на сваіх харохах. Гэта вынікае ужо з таго пункту, які забараняе (шляхцічу) у часе паходу забараны парадкам рэквізіцыі харчы у суседніх насельніцтва і асабліва тады калі яны маюць яшчэ у абозе вайсковага. Статут загадвае усім, падлягаючым вайсковай службе, зяяўлянца на апошнюю іэрсанальную—сами особамі сноўмі”.

Алі вайсковая служба ніхто не мае быць звольнены нават самім гаспадаром в. князем. „Теж уставаем иж мы (в. князь) не маем жаднага з войны от службы земскога, так словінм росказаюць, яко и через листы нашы вынозялія из войска отиццати”. Ня мае права рабіць гэтага і гэтмана.) Статут строга забараняе рабіць гэткія звольненіі харуговым, якія ведалі зборам павятовай шляхты на вайсковую службу—...приказуем абы хоружые наши не смели жаден з них земяніна и кожнога стану человека войне належачага дома от войны выгнавати и з дороги або з войска отпуштати... За наумыснае звольненне ад службы харуговы граціц свой урад.)

Аднак, прызначаючы у самай катапарчай форме зяяўленіе для кожнага, падлягаючага вайсковай службе, на апошнюю іэрсанальную, Статут робіць і выключэнні для некаторых катэгорыяў асоб. Гэта не зяяўляючыца на вайну тых, што будуть пакинуты для службы в. князю альбо земскай.) Могуць не зяяўляцца самі, але высылаць замест сябе людзей, годных для вайсковай службы, асобы духоўныя, якія адбыўваюць нарауна са сівецкім земляўласцінкамі службу з сваіх двароў сівецкіх, касцельных і наданых, з якіх служба земская вайсковая шла, да наданняў іх царкве, так сама із двароў сваіх атчызнях, купленых і закупленых.) Вызваленіца ад іэрсанальнага зяяўленія і тых, якія б на час мобілізацыі аказаліся хворымі „обложною хоробою, за котрого на службу нашу ехати не мог”.) Гэткія, калі яны маюць тарослых станоу, могуць так сама виставіць за сябе „человека доброго и годнаго на войну”. Перадубачваеща і гэткі выпадак калі-б зямельнай маесцісці уладалі іскалькі братоу неразьдзельна, то тады маюць высылаліца ад сябе адноно, „лет дарослого выбравши и посплати, котрый з іменя недельнага маееть войну служыти тым же обычаем яко вышэй описано”. Удовы, сіраты і недарослія („лет зупольных не маю-

1) Рафадэл II артыкул 1.
2) Рафадэл II артыкул 3.
3) Рафадэл II артыкул 17.
4) Рафадэл II артыкул 3.
5) Рафадэл II артыкул 9.
6) Рафадэл II артыкул 11.

чие") так сама маюць права выпраўляць замест сябе на вайну іншага чалавека, прыдатнага для вайсковай службы.

Права на замену сябе дарослым сынам мае бацька інават „булуди сам здароу“ пры той умове, што сын, які яго заменявае будзе іншаму меней 18 гадоу. Гэткі сін можа адбываць службу з „почтом“ бацькі свайго ія гледзячы на тое жыве ён разам з бацькам інявідзелена, ці ужо выдзелены.)

Паколькі служба вайсковая ідзе з зямлі, то для улады ўсё адно на яком праве суб'ект ею карыстаецца. Гэтак, адным з артыкулаў Статуту вырашае пытаныне хто павінен адбываць вайсковую службу з земляю застауных і прызначае абавязак службы асобе, якай „закупіть и в держанью будеть (мець) службу земскую с того заступовати маеть и повинен будеть“.¹⁾ Шляхціч, які мае зямельную маёмастць у розных паветах, павінен у часе мобілізацыі становішча пад харугву тога павету дзе знаходзіцца галоуны майстак²⁾). Гэтым статут хоча ліквідаваць для шматзямельных шляхты магчымасць ухіляцца ад службы інявідзеленіем тога пад харугву якога павету становішча і ўносіць у гэтае пытаныне яснасць.

Маючы абавязак адбываць вайсковую службу на сваім кані, шляхта павінна зьяўляцца на полі гэтмана, дзе рээстравалася вайскова-абавязаная шляхта і давалася ацэнка коням і зброй з боку прыдачлівасці апошніх да бою. Статут устауляе, каб кожны „подданный пописавши се“, з тым жа канем і зброяй, з каторымі паказаўся перад гэтманам у часе попісу, і на вайну выпраўляўся. Для якое мэты ў часе попісу „маеть кождога коня гетмань наш казати, у шерстя написати, и петно, которое на кони будеть, на реестре намалевати“.

Забараняеща пад пагрозай страты на карысць дзяржавы каня і зброяю пазычаць другому шляхцічу на час гэтманскага перагляду.³⁾

Абгаворваючы магчымасці, дзякуючы якім, вайсковаабавязаны шляхціц можа ухіляцца ад абавязку службы, Статут разам з тым вызначае і пакаранні, якім падлягаюць вінаватыя ва ухіленні ад службы. Тут перадубачаўшы выпадак, калі вайсковы апазыніцца на попіс—паверку, якая адбываецца перад выступленнем у паход, і не пакажа прычыны свайго апазыненія...—„хтобы замешкал року на попіс через листы наши положенного и до войска не поспешился и на року нас и у гетмана нашего Великого Князества Литовского не постановил без слушное причины“...⁴⁾ Гэткія упісваючы ў асобны рээстр зазначэннем тога на колькі дзён зазначаны вайсковы апазыніўся і такіх, гаворыцца у артыкуле, „маем... послати на границы або там где того потреба речи посполитой окажеть, а они водвое так много, яко замешкали там заслуговати будут повинин“. Асабліва суровас пакаранні Статуту вызначае тым, хтоб уцёк з бітвы. За гэткі прапаступак вінаваты, „за слушное доводом от гетмана, через вырок наш господарский, именне и честь тратить“.⁵⁾

Такім чынам, галоуным абавязкам земляуласціка, як гэта вызначаўся ужо раней, зьяўляеца вайсковая служба, ад якое абавязаны іншаму вынадку іншаму за выключэннем паважных з пункту гледжання Статуту прычын, якія апошні і пералічяе. За адмаўленыне ад гэтай павіннасці, вінанаты караецца вельмі цяжка:—аж да адабраннія зямлі і нават шляхецкай чэсці.

¹⁾ Разъздел II артыкула 1, арт. 12.

²⁾ Разъздел II артыкула 4.

³⁾ Разъздел II артыкула 8.

⁴⁾ Разъздел II артыкула 10, арт. 15.

⁵⁾ Разъздел II артыкула 13.

⁶⁾ Разъздел II артыкула 14.

Апроч шляхты падлягаюць вайсковай службе, згодна раней каза-
нага, татары і мяшчане земляуласынкі. Адносна вайсковой службы
мяшчану Статут прызначае нават асобны артыкул гаворачы, што
мяшчане выходзяць из вайшу толькі у час „навальнога потребы з ин-
шыми людьми нашыми войну служити, або з дзволенем нашим на
войну выправовали, водлуг постановеня соймового“¹⁾). Статут мае на
увазе тут мяшчану ия толькі тых, якія маюць пад сабою „именя
земскіе“, але паогул усіх мяшчану, якія выходзяць пад вyzначэніе
„всі подданные наши мяшчане.“ Прауда, што яны выходзяць на службу
толькі у выключных выпадках, з дзволу гаспадара, таму, што скарб
зацикаулены у непарунацьці экономічнага стану мест, якія даюць
значны прыбытак дзяржаве. Службе-ж татар-земляуласынку Статут
асобнага артыкулу не прызначае.

Так Статут 1588 году у вышэй пералічаных артыкулах вyzначае
трупу насельніцтва дзяржавы, якая мае пераважнае права на уладанье
землею і усе звязаныя з ёю прывілеі, прауда, трупа гэтая мае свой
падзел на асобнія категорыі, якія адрозыніваюць паміж сабою у пра-
вах, звязаных з уладаньнем зямлею. Уся пауната гэтых прау нале-
жыць выключна шляхто. Гэтую трупу можна падвесыць пад агульную
назву земляуласынку.

На землях апошніх сядзел масы насельніцтва, якія былі залеж-
нымі ад земляуласынку экономічна паколькі дзяржалі ад апошніх
землю. З залежнасці экономічнай вынекала ужо і залежнасць юры-
дычнай. Гэткія трупы насельніцтва, якія жыві на землях буйных паноў
і былі у экономічнай і поунай залежнасці ад апошніх, мы назавем
земляробамі. Гэтая земляробская маса у сваю чару падзяляецца на
некалькі категорыі па іх становай прыналежнасці. Статут называе
гэтых залежных людзей часта „слугам“²⁾). Такімі слугамі могуць быць
шляхчыці), баяры панцырныя і путныя і людзі простага стану,³⁾ т. е.
категорыю ніжэйшых чым толькі што вызначаныя, да якіх трэба
аднесыць мяшчану мест неупрывильеваных, ня маючых майдэ-
борскага права, якія сядзелі на панскіх землях⁴⁾.

Уся гэтая маса залежнага насельніцтва вялаа дробную гаспадарку
на панскіх землях і з боку экономічнай свае заможнасці спушчалася
аж да чэлядзі дворнай, якая і складала самы ніжэйшы соціяльны
слой.

Ня усе трупы земляуласынку мелі роунае права на заселеніне
свайх земляў гэткімі залежнымі ад сябе людзьмі. Статут робіць „заба-
рону яурэям і татарам земляуласынкам мець пад сабою у няволі
хрысціян“. Аднак для вядзення гаспадаркі на гэтых землях і для
паогул работы на ей патрэбны працуныя руки і Статут, разумеючы
гэта, дазваляе земляуласынкам нехрысціянам мець халопау, аднак ня
поуных, але толькі часовых. Для гэтага Статут і выказваеца, што за
вялікую суму трупы закуп і закупка за сёмы гадоу адрабіць павинны,
невялікую-ж суму маюць пагашаць работай, личачы за кожны год хал-
опу рубель трупы, а халопцы-кана трупы апрача адзежі і корму,
што абам земляуласынкі даніць павинен:— „Апакли бы хлопа або жонку
закупил, тогды маеть прыйти перед вряд і в чом закупінть або теж з
суда в заплате якой буде выдан до кніг записати и буде ли сума

¹⁾ Разьзяzel II артыкула 1.

²⁾ Разьзяzel IV артыкула 102 Гіш.

³⁾ Разьзяzel XII артыкула 23.

⁴⁾ Разьзяzel IX артыкула 28.

⁵⁾ Разьзяzel XII артыкула 9.

великая, тогды тот закуп и закупка за сем лет с тых пенезей выработися масть а где бы сума негеликая, што с тых пенезей на каждый год выпуск масть быти, хлопу рубли грошей а жонце копу грошей акром одежи и корму, што обое он же давати маеть". Палошнікі—хрысьцяне, якія пападуць да нехрысьціян—земляуласьніку павінны асаджваша на зямлі з наданынем ім надзелу. Гэткія палонышкі разглядающа ўжо Статутам як отчычы. Наогул-жа Статут забараняе гэтай групе земляуласьніку прымушаць да лішніе работы людзей, як путных гэтак і цяглых, інайчай кажучы—баяр і сялянаў. "...Мають се таконны жыдове и бесурмяне на выслугах своих против христианских людей яко путных так и тяглых заховати абы их ку падачкам и службам незвыклым не привеліли. Вед же тые подданные татарские, которые здания на именях седзіть, тые за отчыны и у них яко у іншых обычавателов великого князства разумены быти мають"!).

Пяйрдзэм цяпер да разгляду праунаага палажэння гэтых залежных групаваніяў, якіх мы будзем называць земляробамі, паколькі яго вісьвятляючы паасобныя артыкулы Статуту, прызначаныя гэтаму пытанню.

Гаворачы аб залежных людзях, Статут не гаворыць аб тых социальна-еканамічных умовах у мінулым, дзяякоучы якім той ці іншы інстытут залежнасці вырас, але праста гаворыць аб гэтых залежных катэгорыях паколькі яны ужо існуюць. Трэба назначычы, аднак, што к часу зняўлення Статуту—лругой падаваніе 16 веку пераход вольных людзей у нявольныя яшчэ не смынуўся і Статут гэтага не абходзіць маучаныем, але вызначае гэткі парадак пераходу.

Адной з крыніц, якая давала новыя контынгенты чэлядзі нявольнай альбо, як загадвае называць яе Статут асобнай прыпіскай у канцы кнігі, чэлядзі дворнай зяяуляеща вайна і знязаны з ею палон „Невольники вперед не мають быти з іншых причин одно полоненикі, а іншія челядь невольная и теж дети потомки полонеників мають быти осаживаны на землях и разумены быти за отчычов"!). Другою значна меншай крыніцай, якая давала кадры „отчычаў", была засядзеласць на зямлі пана чалавека вольнага, па свайму нахаджэнню „простого", да якога адносіцца „баярин, або тялій будучы вольным похожім, а не отчычом чині" на працягу 10 гадоў. Да гэтага-ж вольны чалавек мог узяць ад пана іраншоас ці у натуры „запоможненье" Пажадаўшы адыйсьці ад пана па выхадзе 10 гадоў павінен выплаціць узятое „за положненье" звыш тога адкупіцца ад службы 10 капамі гроши.

У выпадку-ж самавольнага уцікнення па выхадзе дзесяцёхгадо-вае даунасці пан мае права шукаць іх на працягу-ж 10 гадоў і ў разе вынаходжання, гэткі зьбеглы абарачаеща на отчыча гэтага пана.!) У днім выпадку для нас важна першая частка артыкулу, якая гаворыць аб забраниі пазыкі вольным нахожым чалавекам у пана. Трэба лічычы, што гэткія пазыкі, а да іх яшчэ выкуп у 10 коп гроши пры выхадзе ад пана на волю, рабілі паходжую сям'ю неаплатным даужнікам у пана і гэта дзяржалася іх на панская зямлі, а з цягам часу вытворвала з іх отчычаў. Як відно практика жыцця выклікала неабходнасць упісання у Статут гэтага артыкулу. Другі артыкул паказвае, што іншы раз для гэтага замацавання на сваіх землях панамі вольных нахожых сем'яу здараліся вельмі спрыяючыя момантны. Гэткімі момантамі былі выпадкі няураджаю і, у звязку з гэтым, голаду. У гэткія момантны паходжыя сем'і і прадавалі сябе ў няволю буйным

1) Разъязел XII артыкул 9.

2) Разъязел XII артыкул 21.

3) Разъязел XII артыкул 13.

земляуласынкам. Статут аб тэтым гаворыць так: „хто бы в голод сам себе з женою або сына, дочку в неволю продаил и лист на то дал, такони лист не имеет быти держан, але яко голод минет, а он пепези добудеть, масть ему пепези отдать...“). Бразумела, што сям¹, заняпай лай у часе голоду труда было зывирнуць узятая пепези і тады для яе адкрывалася беспаседная дарога у отчыча. Паданы артыкул у сваим працяту прызначае тэткаму винаму „выслуговатися“. Апошні процес замацавання на зямлі вольных нахожых людзей ужо носіць больші зацяжныя харктар, чым першы, калі палонны прыводзіца у маентай пана на якасці нивольнага чалавека.

Групы земляробау, якія сядзелі на панскай зямлі, мелі права толькі на карыстанніе, а не на распараджанье апошнію. Нават на ўсе спосабы карыстаннія былі для іх дазволены. Статут забараняе закупінцы і браць на кароткі час у арэнду зямлю у баяр і людзей простых, што сядзяць на панскіх і зямлянскіх землях, без дазволу пана. „Уставуем иж в бояр и в людей простых княжеских панских и зямлянских никто земли закупонати, а ни на лето ку паханюю наймовати немаеть без воли пана его... Статут наіграждае тым, хто бяз волі пана закупиць або найме щи пасесе на тэткай зямлі, стратай грошы або селянага,а если ж бы хто в чужого человека зямлю без воли пана его закупил або менял, и што на ней поселя, тогды тое сеінне и пепези тратит“). Наколькі земляуласынкі зацікаулены у тым, каб земляробская гаспадарка, якая асаджана на яго зямлі, не засталася зруйнованай насля адаходу, альбо вымранныя земляробскай сям², якая на ей да часу тэткага адаходу сядзела пастолькі Статут у панскіх нітарэсах і уводзіць артыкул, які дазваляе у духоунай распараджваца земляробу—слuze путнаму щи начай баярину альбо дробнаму шляхцічу, мешчаніну з места, што на мае майдэборская права, і так сама чалавеку простаму (пад тэтым статут разумее селяніна) рухомай маёмасцю толькі у ліку³ яе часыці, а⁴ маёмасцы спадаюць абавязкова на дзіцей для належнага адбывання імі службы з зямлі. „Уставуем, иж каждый с таковых людей волен тестамент о речи свое рухомые чинити и отписати третью часть всее маёности своее кому похочетъ, а две части тых же рухомых речей маеть заставити в дому своем детем для службы тое землю на которой сидит“.

У разе съмерні бяздзетнага земляроба тэтая⁵ рухомай маёмасцы спадаюць беспасрэдна на земляуласніка пана. Калі-ж дзеци, якія засталіся на съмерні бацькі, будуть вольнімі не цыплымі людзьмі і захочуць выйці усім з зямлі, на якой сядзелі з бацькам, то могуць тэта зрабіць і забраць з сабою і тэтая⁶ ч. рухомай маёмасцы застапнішы толькі пану забудаванне і зямлю пасеняную жытам—з усім тым з чым зямлю сям⁷ атрымала пры асяданні на ей.А если бы дети будучи волни а хотели проч пойти тогды и тые две части маёности влемши мают пойти проч только зямлю пану своему подати з жытом засеніям и с хоромами и с гым зо всем с чым хто будеть тую землю пана свога на службе вял“.)

Больші артыкулау у Статуце, які б гаварылі ах праве земляроба на зямлю, на якой ён сядзяць, німа, але і на аснове наказаных можна зрабіць вынад, што дзяржальнік панскай зямлі ня мог распараджваца апошній без дазволу пана, поунай уласнасцю якога зямля зъяўлялася.

Апошнім у групе залежных земляробау былі чэлядзь дворная і

¹ Разъядел XII артыкул 19

² Разъядел IX артыкул 27.

³ Разъядел VIII артыкул 9.

палонныя; апошнио Статут з праўнага боку і прыроўнівае да чэлядзі дворнай. Гэтыя дэльце катэгорыі ня маюць права на атрыманыне спадчыны нават ад сваіх паноў да таго часу, пакуль тыя-ж паны ня учыняшь іх вольнымі: „...каждый якого колвек стану членину домовому, а ни полоненіку своему, невчынивші его наперед вольным,ничого тестаментом записати не может, аж бы его перней волным учынил.“¹⁾ З артыкулу ня вынікае адніак тога, ці меў права чэлядзін альбо палонны на уладаныне рухомай маёмастю і ці мог адпісваць яе другой асобе?

Правадзейнасць залежных земляробскіх групаў, за выключэннем чэлядзі і палонных, у юрыдычных угодах з іншымі асобамі не павінна перавышаць сумы ў 4 капы гроши. На угоды, якія перанішаюць гэтую суму павінен быць пісьмовы дазнол іхных паноў: „Уставаем, иж бояре панцерныя путныя и люди иrostого стану не имеют без ведомости и дозволенія листовіного панов своих никому по речах великих ручити однож волно им будеть хотіж без ведомости панов своих ручити в речах ровных, то ест надалей до четырех кап грошей и хотя бы один человек и по розных людех ручати хотел перед се так мает ручити якобы четырох кап грошей неперевышало.“²⁾

Статут асобным артыкулам ахоўвае асобу пана ад пасяганінія на яе здароўе, а нават і жыцьцё з боку падданых, пагражаючы за гэткі учынак пакараньнем съмерцю праз чацвертаванье, а за замер на забойства-адсячэннем рукі: „Теж уставаем если бы который слуга вземши перед себе злый умысл пана своего забил або ранил, таковыи мает срок то горлом каран быти яко здрадца четвертованьем. А если бы не забил а ни ранил одно брони против пану своему добыл, таковыи руку тратить.“³⁾ Слугі павінны несупярэчна, на загаду свайго пана даганіць і лавіць злодзея, або якога злачынца без адмонаў. Зразумела, што з гэткім лавенінем звязана іншы раз і рызыка страціць здароўе, або нават і жыцьцё. Таму слугі не зауседы маглі актыўна ў поуайн меры брацца за гэтую работу. Закон пагражае гэткім непаслухмяніям, якія-б не хоцелі „злодея и иных злочынцев паньскіх имати и гоніти“ ссылоўчыся на тое, „иж самі панове не гонили“, слугам—шляхце б вядельным сядзенінем на замку, іначай кажучы, у турме, а не шляхце „водлуг важности выступку пану карати волно.“⁴⁾

Гэтымі артыкуламі, аб якіх гаварылася, зразумела, Статут ня мог выявіць усіх тых пытанініяў праўнага харектару, якія маглі узьнікнуць паміж земляуласцікам—панам і земляробамі розных катэгорыяў пачынаючы ад дробнага—служылага шляхціча і канчаючы чэлядзьдзю дворнаю. Але нават і з іх можна выявіць паколькі разам з залежнасцю ад пана эканамічнай земляроб абліжаваеца ў правах распараджаныя сваёю рухомаю маёмастю, з чаго віцекае і абліжаваныне рабіць угоды грашовага харектару.

Захаваныне сваіх інтарэсаў як відаць, выклікала ня раз сутычкі паміж горадам з майдаборскім правам і горадам без гэтага права з аднаго боку і земляуласцікам з другога за людзей цяглых і чэлядзі, якія туды учыкалі ад сваіх паноў. Статут імкненца выразеныне гэткіх выпадкаў увесыці у рамкі закону і гаворыць, што „войтове бурмистры и рэйцы“, іначай кажучы гарадзкая адміністрацыя, мест майдаборскіх павінна, „выслухавши слушнога доноду от панов их (зьбеглых) чим будуть або за іх властным призначэннем“ выдаваць іх панам назад су-

¹⁾ Разъздел VIII артыкул 8.

²⁾ Разъздел IX артыкул 28.

³⁾ Разъздел XI артыкул 9.

⁴⁾ Разъздел XII артыкул 23.

дзяча земскім судом. Выхлючэніе складаюць выпадкі, калі гэткія збеглыя пражывуць у горадзе 10 гадоу, таіх людзей „з мест наших войтова и врядники наши выдавати не мають”, але апошняя маюць выкупніца, даючы за кожную душу выплату „вдруг стану сваего”, трэба лічыць, матар’яльнага. Статут аднак не перадубачае тут таго выпадку калі гэткі збеглыя выкупу даўаць не захоча? Ці павінен тагды ен вярніца да пана? Ці урад, прадстаўнік ураду, які-б гэткіх збеглых „за слушным донодом кому выдати не хотели” на падставе вырангэнія гаспадарскага „з розсудку и сказанія нашого” павінны выплаціць таму чых слуг не хацелі выдаць віны 20 кап. грошим і збеглага павярніцу.¹⁾

Агчызны чалавек, „будь боярин, панцырны, путны або тяглыч чоловек, огніч прирождены або куплены выслуженый и яко кольвек набытый”, мог адыйсыць ад свайго пана самавольна не далей як на 5 або 6 міль і асеуши на месцы, „домом, а не по наймам ходечы”, залаўжыцца за другога пана. Першы-ж пан, ведаючы аб месцы існавання гэтага отчына маучая-бы не выяуляючы на яго свайго права на працу 10 гадоу. Тагды вже о тога чоловека маеть вечне молчать“²⁾ У разе-ж адыходу атчызнага чалавека на „десет або в колко десяти миль“ пры веданні пана, як і у першам выпадку, аб месцы знаходжання отчына, тэрмін даўнасць павышаваеца да 20 гадоу. Гэтая даўнасць не мае служыць отчыну у тым выпадку калі-б пан я ведау ёб ім, „а тог чоловек мешкавши далеко и хотя длінноштадь тую двадцать годов там заседевши або не заседевши за ее ближей ку именью пана своего приход и переменіквал побалу“, то і у гэткіх выпадках пан можа гэтага отчына „правом даходіти“ пры умове, каб ен „давності земскога не зменікал от того часу як (отчын) біжей прыдеть“. У данам разе за тэрмін гэткай земскай даўнасці трэба лічыць 10 гадоу, хоць артыкул гэтага іні выяуляе. Гэты закон не пашырваеца на чэлядзь, якую паны могуць паварачаць назад на лічачасі, із земскай даўнасцю, із адлегласцю. Прычым, паварот гэтых паны могуць рабіць толькі у адносіцах да чэлядзянца—бацькоу, але іх дзяцей³⁾.

Запісі, якія могуць даваць атчызныя людзі панам будучы самі збеглымі ія маюць сілы нават пры фармальномі стварэнні апошніх⁴⁾.

Статут агаворвае выпадкі калі і чэлядзь становіца вольнай. Гэткім выпадкам зъяўляеца выгнаніе панам чэлядзя з двара у часе голаду, якая павінна карміцца сама прац сябе. І калі-б „гая чэлядь сама себе у голод перекормила, таковыя вже не маюць быти невольніе але вольніми“⁵⁾. Другі выпадак— выяўленыне панам.

Так, Статут 1588 году, ідучы на сутэрнне пану—земляуласціку, замацоўвае за ім усе тэя права у адносінах да земляробау, а імі, па сутнасці сваіх, зъяўлялася усе дробы служылае насельніцтва пачынаючы ад незаможнай шляхты і канчаючы чэлядзьдзю дворнай. Правы гэтых земляуласцік набытую ужо фактчычна к канцу 16 веку. Гэты век на Беларусі зъяўляеца часам развицця сельскай гаспадаркі. Апошняму спрыяла працкіраваныне і узміненіе дзейнасці гандлевага капиталу, якая пачалася асабліва павялічыцца у 16 веку. Развіццце гаспадаркі у панскіх дварох магло ісці насліхова толькі пры дастатным ліку рабочых рук у дворнай гаспадарцы. Статут 1588 г. і узаконівае усе тэя меранірнаметры, якімі пан—земляуласцік прыманоўвае да свае гаспадаркі масы насельніцтва, якое часткай у 16 веку было яшчэ вольным, нахожым,

¹⁾ Раздзел III артыкул 38.

²⁾ Раздзел XII артыкул 12.

³⁾ Раздзел VII артыкул 8.

⁴⁾ Раздзел XII артыкул 20.

абарачаючы яго на цяглак. З другога боку і няволыных людзей Статут пэрводзіць на палажэньне людзей цяглых. Такім чынам, Статут 1588 г. адбівае у сабе той сацыяльна-экономічны працэс, які адбываўся ў нас у пору зьяўленія Статуту і заканчыўся аканчальным утварэннем формаў прыгонната права 17 і першай палавіны 18 веку.

Проф. В. И. Пичета.

Французские дипломаты о торговле России с Францией в первые годы царствования Екатерины II.

11 Января 1757 г. Россия присоединилась к австро-французскому соглашению, заключенному в Версале 1 Мая 1756 г. Согласно подписанному соглашению, между Россией—с одной стороны и Францией—с другой заключался оборонительный союз, в условия которого были внесены некоторые и притом весьма существенные ограничения. Традиционная поддержка Порты Францией нашла отражение в статье, освобождавшей Францию от помощи России в ее борьбе с Турцией. С другой стороны, и Россия имела право не оказывать помощи Франции против Англии. Впрочем, в секретной декларации были присоединены добавления, существенным образом изменившие содержание всей конвенции 11 Января 1757 г. Россия обязывалась помогать Франции против Англии, если Англия нападет на Францию. С своей стороны, правительство Людовика XV обещало русскому правительству денежную помощь в случае нападения на Россию Турцией.¹⁾ Версальский двор, получив текст, подписанный в Петербурге конвенции вместе с секретными статьями, пришел в состояние крайнего раздражения и ненависти, заявив своему уполномоченному в Петербурге Дугласу, что в таком виде договор не может быть ратифицирован. Людовик XV, стремясь уничтожить договор с неприятными для Версальского правительства статьями, обратился к Елизавете Петровне с личным письмом, с просьбой об уничтожении уже подписанныго соглашения. Императрица, польщенная собственноручным письмом Людовика XV, сочла возможным исполнить просьбу французского короля, и руководители внешней политики России, Бестужев и Воронцов, разорвали в присутствии французского поверенного неприятный текст с секретными статьями. После этого договор был ратифицирован обеими сторонами. Французский поверенный при русском дворе Дуглас был очень доволен таким исходом дела, из-за которого на его голову посыпалось столько упреков, и в сообщении Терсье от 8 марта 1757 г. о ликвидации столь неприятного для Франции инцидента, не без некоторого самодовольства, мог сделать следующую любопытнейшую приписку: «Вы не можете более упрекать меня в раболепии перед распутницей, безнравственной, бесстыдной, не пристойной.»²⁾

Присоединение России к австро-французскому соглашению повлекло за собой перемены в организации дипломатического представительства при обоих дворах. Поверенные в делах Бахметьев и Дуглас были отозваны своими правительствами, а для поддержания дружествен-

¹⁾ Мартенс. Сборник трактатов и конвенций. Т. I, Стр. 188—201.

²⁾ Валишевский. «Дочь Петра». М. 1912, стр. 558.

ных отношений между Россией и Францией, послаником русского правительства назначался брат канцлера Михаил Бестужев, а маркиз Лопиталь—посланником французского правительства при русском дворе. Лопиталь около полугода ехал в Петербург, куда прибыл только тогда, когда семилетняя война была в полном разгаре. С какими поручениями ехал маркиз Лопиталь в Россию, какой линии он должен был держаться в Петербурге, действительно ли Франция Людовика XV желала и стремилась к установлению прочных дружественных отношений—на все эти недоуменные вопросы дают ясный ответ королевские инструкции. Маркизу Лопиталю предписывалось следить за переменой мыслей императрицы, дабы впоследствии использовать тех лиц, которые в тот или другой момент могут оказать влияние на болезненную государиню. Кроме того, посланнику рекомендовалось „ухаживать за цесаревной Екатериной Алексеевной и всячески располагать ее в пользу франко-русского союза, не упускать из виду и наследника престола Петра и стараться польстить ему“.

Франко-русский союз Версальское правительство стремилось использовать в своих односторонних целях. По мнению французского министра иностранных дел Берни, Россия была нужна Франции, как внешняя сила, причем русская армия должна была действовать независимо, „отдельными диверсиями, угрожая Пруссии, взимая с нее контрибуции, отвлекая армию прусского короля, но не вступая с нею в сражение, которое может ослабить их и принести ему новые выгоды“.¹⁾ Такая военная тактика должна была продолжаться до тех пор, пока прусская армия не будет поставлена в затруднение австрийской армией, „дабы избежать сражения с прусским королем до тех пор, пока не будут расчитывать на первый успех.“²⁾ Таким образом, участие России в возникшей войне определялось довольно узко. Русская армия рассматривалась, как вспомогательная армия австрийской, не имеющая права предпринимать какие бы то ни было самостоятельные действия. Разумеется, такой взгляд не соответствовал настроению русского правительства, которое, по мере развития военных успехов в восточной Пруссии, проводило свою собственную военную политику и стало разговаривать с Лопиталем „смелым, чтобы не сказать дерзким тоном“.³⁾ Министр Финансов, стоявший на реальной почве объективных фактов и отношений, признавал, что ввиду значительного расстояния, отделяющего Францию от России, между обеими державами не может образоваться тесного союза, так как они не могут поддерживать друг друга. Кроме того, Франции придется выступать с протестом от имени короля, если русское правительство пожелает расширить свои владения на счет союзных с Францией Польши или Швеции.⁴⁾ И это обстоятельство отнюдь не могло способствовать укреплению политического союза между обоими государствами. Трезво смотревший на сущность русско-французских отношений, министр финансов допускал возможность развития оживленной торговли между обеими сторонами, и Лопиталю предписывается собрать подробные сведения о русской внешней торговле.⁵⁾ Министр Финансов не скрывал от себя превосходства английской торговли над французской. Прочтение английской торговли обяснялось двумя мотивами: 1) английские товары доброкачественнее французских, 2) англичане могут про-

¹⁾ Безобразов. О сношениях России с Францией. М. 1892, стр. 222.

²⁾ Безобразов. Оп. cit, стр. 230.

³⁾ Ibidem. стр. 230.

⁴⁾ Ibidem. стр. 222

⁵⁾ Ibidem стр. 222

давать дешевле, чем французы. При таких условиях вытеснение Англии с русского рынка может быть результатом сравнительно продолжительного времени. Необходимо для этого познакомиться с организацией торговли Англии в России: исследовать, какие ветви торговли наиболее выгодны англичанам, каково качество и каковы цены английских товаров, какие пошлины они платят... Только после собрания такого рода сведений, думает министр финансов, можем мы, доставляя те же товары русским, выдержать конкуренцию с англичанами.¹⁾ Посольство Лопитали должно было увенчаться заключением выгодного для Франции торгового договора, который бы „сделал ему столько же чести, сколько самые блестящие подвиги“.²⁾ Торговый договор, по мнению министра финансов, имеет большее значение, чем самые блестящие результаты войны, которые „сводятся часто к проходящему благу, между тем, как от удачного торгового трактата государство в течение многих лет богатеет и усиливается“.³⁾

Королевские и министерские инструкции весьма характерные показатели настроения французского правительства по отношению к России. Для Людовика XV Россия—орудие в руках союзников, действующее по их указаниям и ради их собственных целей, так как собственными средствами они осуществить их не могут. Для Франции был необходим разгром Англии в целях возвращения отнятых ею колоний. Для Австрии разгром Пруссии и расширение ее владений были источником ее империалистических устремлений. Осуществление того и другого было возможно с помощью России, при условии, что она не потребует за это для себя никакой компенсации. С помощью России предполагалось ослабить английскую торговлю, если удастся Англию вытеснить с русского рынка. Экономическое ослабление Англии повлечет за собой и политическое ее падение. Французские дипломаты совершили отчаянно предстаивали себе эту связь между расцветом английской торговли и политическим значением Англии. Так Россия становилась в центре борьбы Англии и Франции, борьбы чрезатой последствиями, и в которой обе стороны не желали считаться с интересами и выгодами самой России.

Внешние действия не благоприятствовали постановке вопроса о торговом договоре России с Францией в условиях наиболее выгодных для последней. Все внимание французского правительства было сосредоточено на внешней политике русского правительства, на недопустимости с его стороны каких бы то ни было самостоятельных действий, а тем более осуществления планов территориального расширения и усиления России, либо за счет Пруссии, либо Польши. Эта фальшивая, притом близорукая, завистливая политика французского правительства, конечно, шла в разрез с настроениями России, но в то же время она способствовала усилению Англии, так как русское правительство, по понятиям вполне соображениям, стремилось держаться подальше от Франции, не вступая с нею ни в какие торговые договорные отношения. Достаточно указать, как держала себя Франция в вопросе о предположенных Российской компенсациях в Восточной Пруссии, как стремилось французское правительство, разбитое и англичанами и пруссаками, захватить все нити дипломатических переговоров в свои руки, отдав свои интересы от интересов России и Австрии, чтобы понять то чувство недовольства, которое питало русское правительство к Франции, видя в последней главного своего

¹⁾ Ibidem стр. 222—223

²⁾ Ibidem стр. 223

³⁾ Ibidem стр. 223

противника в достижении поставленных им целей. Эта политика Франции по отношению к России оставалась без изменения и тогда, когда в 1759 г. руководителем внешней политики, министром иностранных дел, стал герцог Шуазель, в этом отношении вполне разделявший понятия и взгляды Людовика XV. Недаром Шуазель предлагал России принять участие в предполагавшейся экспедиции в Англию, которая, если бы только была приведена в исполнение, нанесла бы непоправимый ущерб русской торговле.

Требование русского правительства о присоединении к России Восточной Пруссии, при условии, если Франция при заключении мира потребует себе часть Нидерланд, а Австрия—Силезию, ставило перед французской дипломатией новые затруднения, обойти которые было необходимо, хотя и трудно. От французского представителя в России требовалась быстрота действий, ловкость и сообразительность, привычка к интриге, качества необходимые для дипломата того времени, но которыми малоподвижный, старый, прямой и большой подагрой маркиз Лопиталь ни в какой мере не обладал. Необходимо было заменить маркиза Лопитала другим лицом, более молодым и отвечающим требованиям текущего момента, могущего быть чреватым неожиданными малоприятными последствиями для Франции. В силу этих соображений маркиз Лопиталь был заменен бароном де-Бретелем, пользовавшимся полным доверием со стороны Людовика XV. Последний поддерживал с бароном де-Бретелем тайную дипломатическую переписку, которая была начата Людовиком XV еще в бытность Лопитала посланником при русском дворе. Благодаря этому Бретель вел двойную дипломатическую переписку—официальную с министром иностранных дел Шуазелем и тайную с королем Людовиком XV, лично или через посредство главного королевского агента герцога де-Бройли и Терсье. Тайная и официальная дипломатические переписки, указания которых должен был следовать Бретель, часто противоречили одна другой, и французскому посланнику при русском дворе приходилось так определять линию своего поведения, чтобы последняя не противоречила ни официальным указаниям самого министра, ни тайным указаниям короля. В своих секретных инструкциях Людовик XV поручал молодому дипломату стремиться к тому, чтобы от русской политики не пострадали, с одной стороны—интересы Польши, а с другой—, чтобы Россия непременно отказалась от требования Восточной Пруссии в виде компенсации за участие в семилетней войне. Кроме того, необходимо было убедить русское правительство в необходимости скорейшего заключения мира, и вместе предложить русскому правительству вести переговоры о мире при посредничестве короля.¹⁾ Вся королевская инструкция проникнута боязнью политического усиления России, и в то же время она отличается довольно значительной близорукостью, так как обнаруживает полное непонимание тех принципов, которыми руководилось русское правительство во внешней политике, вообще, и, в частности, по отношению к Польше. Россия была нужна Франции, как союзная сила в борьбе австро-французского союза с Пруссией, но отнюдь не как видный фактор в международной политике. Отсюда тенденция правительства Людовика XV всячески стремится к тому, чтобы Россия политически не усилилась. Такая политика ставила французского дипломатического представителя в более, чем затруднительное положение, так как она не могла расположить русское правительство к упрочнению франко-русских сердеч-

¹⁾ Безобразов. Ор. си. стр. 241.

ных отношений. Кроме того, французское правительство обратилось ко всем союзным дворам с декларацией, в которой „христианинейший“ король, тронутый несчастиями, приносимыми войной Европе и почти всему известному миру, считает долгом об'явить своим союзникам и, главным образом, русской императрице, что его человеколюбие и внимание, с которым он относится к счастию управляемых им народов, заставляет его желать, чтобы все союзники способствовали восстановлению общего мира.¹⁾ По мнению французского правительства, выраженному в декларации, дальнейшее продолжение войны становится безцельным, так как „могущество прусского короля настолько ослаблено, что, если бы не поддерживала его Англия, он не мог бы уклониться от вознаграждения, которое можно от него потребовать за его несправедливое нападение.“²⁾ Ослабленный прусский король становится уже не опасным, поэтому отнюдь не следует опасаться, что, по заключении мира, прусский король новым нападением осмелится нарушить покой и равновесие Европы.³⁾ Вместе с тем, декларация уверенно делала заявление, что „король польский и австрийская императрица—единственные державы, которые потребуют себе вознаграждения, как жертвы прусского нашествия“.⁴⁾ Такая декларация, в которой официально было заявлено только о двух державах, требующих себе компенсации, хотя правительству Людовика XV было известно о требованиях Российской Восточной Пруссии в виде вознаграждения, не могла способствовать установлению и укреплению основанных на доверии отношений между Россией и Францией, так как проводимая „христианинейшим королем“ политика явно противоречила интересам русского правительства.

Секретные инструкции и декларация сняли завесу с французской политики, и правительство Елизаветы Петровны прекрасно оценивало всю первостепенную важность этой столь враждебной России официальной политики.

Секретные инструкции, данные Бретелю, и королевская декларация ставили молодого дипломата в более, чем затруднительное положение, так как добиваться от русского правительства согласия на те или другие предложения французского правительства, при двойственности политики французского правительства, было фактически невозможно. Между тем, на Бретеля было возложено поручение первостепенной важности, которое для Франции, благодаря политической и экономической конкуренции ее с Англией, имело громадное значение, а именно, заключение торгового договора с Россией на условиях наиболее благоприятных для Франции, причем и со стороны русского правительства замечалось ясно выраженное намерение ити в вопросе о торговом договоре навстречу Франции. Удачному исходу франко-русских переговоров о торговом договоре в значительной степени помешала близорукая политика Людовика XV. Боязнь усиления России и желание сохранить Польшу вне сферы влияния России побуждали Людовика XV больше думать о хитроумных политических комбинациях текущего момента, чем об удовлетворении насущнейших нужд Франции, которые, при известных условиях, могли бы иметь и первостепенное политическое значение. Неудивительно, что переговоры о заключении франко-русского торгового договора кончились полной неудачей, хотя необходимость последнего, как одного из способов

¹⁾ Белобров. Op. cit, стр. 248

²⁾ Ibidem, стр. 248

³⁾ Ibidem, стр. 248

⁴⁾ Ibidem, стр. 248

борьбы Франции с Англией, вполне отчетливо сознавалась правительством Людовика XV.

Скоропостижная смерть Елизаветы Петровны в декабре 1761 г., и вступление на престол Петра III сразу разрушили политические мечты французского правительства. Встревоженное французское правительство, хорошо зная прусские симпатии иступившего на престол Петра III, предлагало своему дипломатическому представителю стремиться „поддерживать существующую систему и союз с обоими императорскими дворами. Но если они вступят на противоположный с нами путь, нам надо решительно настаивать на принятых ими обязательствах, не позволяющим им договариваться о мире без нашего согласия. Это не потому, что бы мы не желали мира, но потому, что мир не может быть нам выгоден, если будет заключен при посредничестве России.“¹⁾ Все эти предположения были разрушены Петром III, который вопреки даже предположениям самого Фридриха, 8 июня 1762 г. заключил мир с Пруссией с возвращением Прусскому королю всех земель, занятых русскими войсками, и притом без всякого вознаграждения. Французская своекорыстная политика потерпела полное крушение, и французский представитель при русском дворе был поставлен в весьма затруднительное положение, так как ни Бретель, ни Петр III не скрывали взаимного нерасположения одного по отношению к другому. При таких условиях, когда хитросплетенная политика потерпела полную неудачу, и обе стороны выражали взаимное нерасположение, положение Бретеля было очень тяжелым, прямо-таки невыносимым. Он стремился вырваться из создавшейся тяжелой атмосферы и просил французское правительство о своем отзовании. Такое разрешение было дано. Бретель выехал в Варшаву, а потом в Вену, куда прибыл за несколько дней до государственного переворота 29 июня 1762 г.

Екатерина Алексеевна, готовясь к государственному перевороту, учла создавшиеся недружелюбные отношения между французским дипломатическим представителем и двором Петра III. Не располагая средствами для оплаты расходов по предполагавшемуся дворцовому перевороту, Екатерина Алексеевна обратилась за поддержкой материального характера к французскому послу накануне его отъезда за границу. Для переговоров с Бретелем будущая императрица воспользовалась французом Одаром, явившимся к Бретелю с предложением следующего характера: „Императрица, сказал он, поручила мне донести вам, что, побуждаемая самыми верными своими поданными и доведенная до отчаяния обращением с ней супруга, она решилась на все, чтобы положить этому конец. Не зная, когда ей удастся исполнить свое мужественное решение и какие затруднения представятся ей на пути, она спрашивает Вас, может ли король помочь ей 40 тысячами рублей, есть ли у вас кредит в Петербурге, и не можете ли вручить эту сумму лицу, которое передаст ее императрице в обмен на расписку“. Посланец Екатерины Алексеевны был известен Бретелю, как человек весьма расположенный к Франции, но послу показалось задуманное предприятие не достаточно серьезным, чтобы оно заслуживало полного доверия и внимания. Поэтому, французский посол решил ограничиться ответом, который, хотя по существу и был отрицательным, но был дан в такой осторожной форме с тем, чтобы самолюбие искавшей поддержки Екатерины не было задето. Посол ответил посланцу Екатерины Одару, что, хотя ему известны те чувства, которые король питает к императрице, но, что его величество держится принципа никогда не вмешиваться во внутренне

¹⁾ Белобров. Ор. си, стр. 259

12. Правы ВДУ № 20.

дела. Желая смягчить свой категорический отказ, Бретель сейчас же добавил, что, «если его величество, несмотря на денежные затруднения, будет в состоянии помочь императрице, он сделает это с удовольствием, не спрашивая, на какой предмет необходима просимая сумма». Заявив о своем полном доверии к Одару, Бретель прежде, чем сообщить о сделанном ему предложении королевскому двору, потребовал предъявления какого-нибудь оправдывающего документа. Таким, по мнению Бретеля, может служить собственноручная записка Екатерины такого содержания: «Я поручила подателю сей записки по желать вам хорошего пути (*faire mes adieux*) и просить вас сделать несколько маленьких закупок, которые прошу вас прислать как можно скорее».¹⁾ Бретель сообщил своему секретарю Беранже копию записки и, считая всю эту затею, не имеющей никакого реального значения, уехал на следующий день. Беранже поручалось принять Одара, и в случае получения соответствующей записи, немедленно сообщить об этом Бретелю с тем, чтобы последний получил возможность сообщить об этом правительству Людовику XV.²⁾ Свидание Беранже с Одаром действительно состоялось. Одар вручил Беранже записку, но с несколько иным содержанием. В записке Екатерина писала следующее: «покупка, которую мы хотели сделать, будет несомненно сделана, но гораздо дешевле, нет более надобности в других деньгах».³⁾ Такой ответ Екатерины повлек за собою прекращение всяких дальнейших отношений с французским дипломатическим представительством.

Переворот 29 июня 1762 г. состоялся, но без всякого участия французского представительства. Предложение Екатерины, сделанное французскому представителю, и случае его принятия, открыло бы французскому правительству блестящие дипломатические перспективы — поставить Россию в орбиту французской внешней политики и заключить с Россией выгодный торговый договор, к которому так настойчиво стремилась Франция. Нельзя, разумеется, не признать поведения Бретеля во всей этой истории крайне тактичным и осторожным, но в то же время и достаточно близоруким, обнаружившим полное отсутствие у Бретеля понимания всей создавшейся политической обстановки. Дипломатические промахи Бретеля были правильно учтены руководителями французской внешней политики. Герцог Шуазель, получив от Бретеля из Варшавы донесение о его переговорах с Екатериной, уже после состоявшегося переворота, в письме от 9 августа, после того, как Бертель был вынужден немедленно вернуться в Петербург, от имени короля и своего имени, высказал ряд горьких упреков по поводу поведения Бретеля в его переговорах с Одаром. Король остался недоволен тем, что Бретель не предоставил Екатерине требуемой суммы денег и не остался в столь ответственный момент в Петербурге.⁴⁾ С своей стороны, и Шуазель писал Бретелю, упрекая его в недостаточной дальновидности понедеяния, а также в том, что он, зная о готовящейся революции, уехал из Петербурга и ничего не сообщил об этом французскому правительству. Шуазель считает, что Бретель должен был немедленно вернуться в Петербург, как только он получит в Варшаве сообщение о состоявшейся дворцовой революции. Шуазель поручал Бретелю откровенно заявить вступившей на престол Екатерине об искреннем сожалении французского короля по поводу того, что поведение в этом деле королевского министра не отвечало планам и

1) Сбор. Ист. Общ. т. 140, стр. 23

2) Сбор. Ист. Общ. т. 140, стр. 24

3) Безобразов. Ор. си. стр. 265

4) Сборник 140, стр. 38

видам короля, и что король был лишен возможности проявить доказательство своей дружбы к Екатерине.¹⁾ Как бы то ни было, ошибочный дипломатический шаг был сделан французским представителем, и ему же приходилось с большим опозданием исправлять почти неисправимые ошибки. Герцог Шуазель предполагал, что такая дипломатическая откровенность со стороны дипломатического представителя Франции должна будет „произвести благоприятное впечатление на сердце императрицы, и что такое поведение явится источником приобретения ее доверия“.²⁾

Эта видимая искренность французского правительства отнюдь не являлась показателем настоящего расположения французского правительства по отношению к России. По существу французская политика оставалась той же, а приобретение искренности и доверия императрицы нужно было лишь для более успешного и удачного выполнения французских планов. С этой точки зрения, неудачное поведение Бретеля в момент подготовлявшейся революции в Петербурге служило темой, к которой не раз возвращался герцог. Броли в своей переписке с Бретелем, указывая последнему, что, если бы „король был своевременно информирован о всех тех обстоятельствах, которые можно было предвидеть и которые вскроются после смерти императрицы Елизаветы, а также о революции, низвергнувшей царя, то он одобрил бы, наверное, подготовку совершившегося переворота“.³⁾ Герцог Броли высказывал сожаление, что Бретель не остался в Петербурге и не воспользовался первыми моментами царствования императрицы, чтобы заручиться таким ее доверием, чтобы мы могли использовать его по собственному усмотрению („il nous serait utile de vous y voir“).

Действительно, с вступлением на престол Екатерины II принципы французской политики по отношению к России остались без всякого изменения. Франция по прежнему стремилась использовать Россию в своих собственных целях, отнюдь не допуская мысли о возможности политического усиления России. Новая инструкция, данная Людовиком XV Бретелю, подтверждает все вышесказанное. В инструкции Людовик XV писал: „уверяют, русские вельможи желают сделать из России республику или, по крайней мере, ограничить власть монарха. Я чувствую, что это не может случиться скоро. Но так как от этого во всяком случае произойдет ослабление русского государства, я думаю, вы серьезно заетесь исследованием расположения нации к императрице, к князю Ивану, и стремления ее к свободе. Все, что может погрузить русский народ в хаос и в прежнюю тьму выгодно для наших интересов. Единственный предмет моей политики по отношению к России—это удалять ее, насколько возможно, от европейских дел“.⁴⁾ Откровенность Людовика XV достойна внимания, но при создавшейся политической конъюнктуре, едва ли принципы подобной политики можно было назвать отвечающими интересам самой Франции в виду предполагавшегося возобновления переговоров по вопросу о заключении франко-русского торгового договора. Герцог Броли, с своей стороны, давая указания Бретелю, как он должен себя держать при новом правительстве, писал следующее: „к денеше короля могу прибавить только то, что вы можете быть очень полезны в России, не стремясь сделать из нее союзницу Франции. Таковой Россия никогда не может

¹⁾ Сборник т. 140, стр. 38

²⁾ Сборник т. 140, стр. 38

³⁾ Сборник т. 140, стр. 44

⁴⁾ Сборник т. 140, стр. 45

⁵⁾ Безобразов, Ор. си, стр 266

быть. Все ваши способности должны быть направлены к тому, чтобы воспрепятствовать России принимать участие во внешней политике, стремясь в то же время создать всевозможные затруднения внутри государства¹⁾! Письмо герцога Броли дополняет официальную инструкцию Людовика XV. То, о чем было сказано в общей форме в официальной инструкции, получило отчетливое выражение в частном письме Броли, как лица, через руки которого проходила вся секретная дипломатическая переписка Людовика XV. К этим высказанным положениям Людовик XV возвращался неоднократно, словно боясь, что барон Бретель уклонится в сторону от указанных принципов, и характер политики Бретеля будет совсем иной. Рекомендуя внимательное наблюдение за поведением Екатерины, Людовик XV подчеркивал необходимость „искать попод для уверений в дружбе, с тем, чтобы мероприятия правительства России были благоприятны для интересов самого Людовика XV²⁾.

Неофициальная политика французского правительства не стремилась к установлению между Францией и Россией действительно дружественных отношений, развитие которых было бы в интересах обоих государств. Между тем, политическая борьба Англии и Франции, временно приостановившаяся вследствие заключенного с французами сепаратного соглашения, прекратившего между ними военные действия, еще отчетливее выдвинула существовавшее между обеими государствами экономическое соперничество. Ослабление экономического могущества Англии должно было повлечь за собой усиление политической мощи Франции. Ослабление Англии могло быть осуществлено только при содействии России и при наличии благоприятной обстановки для развития торговли Франции с Россией. Это прекрасно сознавали представители французской реальной политики. Эта же мысль становилась не чужой и правительству Людовика XV, на которое оказывали влияние представители торговой Франции. Но увлечение принципами, выраженными в инструкции Бретелю, помешало Франции воспользоваться общей политической конъюнктурой и заключить выгодное для Франции торговое соглашение. В конечном итоге, подобная политика влекла за собой экономическое и политическое усиление Англии при параллельном ослаблении Франции, на что руководители французской внешней политики не могли или не сочли нужным обратить свое внимание. Увлечение сложной дипломатической игрой отвлекло французских дипломатов в сторону от реальной политики. Бретель и Беранже сообщали своему правительству о предполагаемом торговом договоре России с Англией, не отдавая себе отчета о значении такого договора для Франции и не стремясь поставить отношения России и Франции на более деловые и прочные основания, на почву развития франко-русских торговых отношений. Такая недальновидная политика, бывшая сплошным экономическим проирышем для Франции, не могла не встретить осторожного осуждения со стороны тех общественных элементов, которые были заинтересованы в развитии торговых сношений России с Францией и которые стремились политику Людовика XV по отношению к России сделать более реальной. В этом отношении очень интересен мемуар *Sauvage'a*, представленный Бретелю 26 сентября 1762 г. и сообщенный последним Шуазелю. Мемуар составлен лицом, прекрасно осведомленным о состоянии торговли в России, и вместе с тем отчетливо представлявшим себе те перспективы, которые должны будут открыться перед французской буржуазией в случае заключения благо-

¹⁾ Сборник т. 140, стр. 45

²⁾ Сборник т. 140, стр. 58

приятного для Франции торгового договора и установления нормальных прямых торговых отношений России с Францией.¹⁾ Составитель мемуара о торговле указывал, что с давнего времени на обязанности королевских министров и консулов, аккредитованных в Петербурге, лежало информирование французского правительства обо всем том, что имеет отношение до торговли России с Францией. Эта проблема достаточно разработана во всех ранее писавшихся мемуарах и возвращаться к ней было бы скучно и бесполезно. Нет ничего лучшего, как напомнить об этих мемуарах. Составитель обращает внимание на то, что 1) французские торговые дома имеют небольшое значение в России, 2) Англия пользуется в России большим кредитом благодаря тому, что ее экспорт из России в два раза больше импорта. Вся вывозная торговля сосредоточена в руках англичан, так как по сравнению с другими странами, три четверти всей внешней торговли приходится на долю англичан. Главной причиной, способствовавшей развитию внешней английской торговли, является то обстоятельство, что англичане ведут не только собственно английскую торговлю, но что в их руках находится торговля Италии, Франции, Испании. Благодаря этому Франция попадает в полную финансово-экономическую зависимость от Англии. Если правительство короля будет поставлено в необходимость переводить кредиты в Россию, то последние переводятся на английские торговые дома. Снабжение королевского флота необходимыми материалами производится английскими торговыми домами. Французские купцы, имеющие торговые связи с Россией, вынуждены производить свои торговые сделки с помощью английских торговых домов. Мало того, французские торговые дома были очень оскорблены тем, что в мирное время французские корабли направляются на адрес англичан, и были снабжены для них за счет Франции. О таковом положении дел Sauvage еще 9 декабря 1760 г. представил мемуар другу Шуазеля г. Праслину, который принципиально отнесся с большим сочувствием к высказанным в мемуаре мыслям о необходимости принять надлежащие меры, но внешние обстоятельства не благоприятствовали этому, и приходилось ожидать, что только после заключения мира возможны перемены. Французское правительство в его целом, с своей стороны, было готово принять все от него зависящие меры, лишь бы вернуть французским домам прежнее значение *le courage abattu*. Для практического осуществления намеченной торговой политики было решено принять во внимание два следующих правила в качестве руководства для восстановления самостоятельной французской торговли: 1) всякий корабль, снаряженный в России каким бы то ни было французским торговым домом, должен пользоваться в портах льготами по уплате разного рода пошлин (*d'un benefice dans les entrées ou d'une gratification par tonnage*), 2) флот короля будет представляться предпочтительно тем из негоциантов, которые направляют свои тоннажи непосредственно по адресу французских торговых домов. Все ожидали только заключения мира с тем, чтобы воспользоваться всеми этими привилегиями, предоставленными французским торговым домам в России. Сами же англичане уже обнаруживали тенденцию удержать в своих руках все поручения французских негоциантов. Может быть по мнению Sauvage'a англичане получили соответствующие инструкции на этот счет и льстили себя надеждой видеть корабль под французским флагом, отправленным на адрес англичан. Несмотря на эти маневры англичан, было всегда в интересах французов изъять свою собственную торговлю от англичан. При этом Франция выигрывает настолько, насколько потеряет

¹⁾ Сборник т. 140, стр. 72—76

Англия. Таким образом, по мнению Sauveur'a, наступил вполне благоприятный момент для захвата французами своей торговли в свои руки и вытеснения англичан с русского рынка. Программа эта, думает Sauveur, вполне осуществима, даже несомненно, что французская торговая колония маломощна по сравнению с английской. Такое положение объясняется исключительно тем, что всякий негociант работает только из-за прибыли. Если предоставить французам соответствующие таможенные выгоды, то, несомненно, количество торговых домов не только в Петербурге, но и в Риге, и в Архангельске и везде, где для этого представляются благоприятные условия, увеличится. Несомненно, что торговые предприятия, располагающие большими капиталами, не перенесут своей деятельности в Россию (*ne viendront pas se transplanter en Russie*). Зато они пошлют много мелких комиссаров.

Записка Sauveur'a по своему содержанию ничего собою нового не представляла. Она лишь раз подчеркивала, что французская торговая политика по отношению к России убыточна для Франции и совершенно невыгодна для французского купечества. Подача мемуара имела лишь цель напомнить французскому правительству о текущих потребностях в области торговли, а также и о том, чтобы, пока англичане не возобновили торговых сношений с Россией, воспользоваться новой экономико-политической кон'юнктурой, изменить торговую политику России по отношению к Франции и из пассивной сделать ее более актуальной, действенной.

Через два дня тот же Sauveur подал новую записку,¹⁾ в которой общие разсуждения о характере французской торговли в России уже не имели места, уступив место реальному обсуждению о выгоде для Франции непосредственной торговли с Россией. Импортная торговля Англии из России по сравнению с остальными нациями превышает в три раза. Английский экспорт из России предназначался также для Франции, Испании и Италии. Для большей ясности и убедительности в том, что перемена французской торговой политики несомненно будет очень выгодна для Франции, Sauveur выражает характер английской экспортной торговли в следующем уравнении с одним неизвестным. Если вывоз из России в Англию определить в виде буквы—A, во Францию—B, в Испанию—C, Италию—D, а весь экспорт через—X, английская экспортная торговля выразится в формуле: X A+B+C—D, следовательно, собственно английская торговля будет выражена формулой A—X B C—D. Необходимость отнятия у англичан посреднической торговли становится совершенно очевидной. Если даже, думает Sauveur, Франции не удастся отнять у Англии всю посредническую экспортную торговлю, то тем не менее необходимо стремиться к тому, чтобы возобновить свою самостоятельную торговлю до пределов возможного. Реальные выгоды, которые Франция может извлечь из непосредственных франко-русских торговых связей, представляются Sauveur'у в следующем виде: 1) Франция приобретает у русского правительства столько же доверия, сколько потеряла Англия, 2) вся прибыль (provisions), которую Франция в действительности переплачивает англичанам во своих торговых сделках, останется во Франции. Все эти предположения вполне выполнимы. Единственным препятствием к осуществлению намеченной программы экономического ослабления Англии может служить неправильное представление о реальных средствах, которыми располагают англичане в России. По мнению Sauveur'a необходимо отказаться от предубеждения в том, что англичане в России располагают большими капиталами. На самом деле, в Петер-

¹⁾ Сборник т. 140, стр. 75—76

бурге нет ни одного английского торгового дома, который имел бы основной капитал, превышающий 20.000 рублей. Самый характер торговли англичан в России не нуждается в больших капиталах, так как англичане во всех своих торговых сделках выступают только, как комиссионеры, исполняющие поручения иностранных и английских купцов за счет кредита, переданного на Амстердам. Таким образом, все торговые операции англичан отличаются простотой: они получают поручения, торгуют, продают, вывозят за счет своих корреспондентов. На всех этих сделках они получают известную прибыль, которая является источником их обогащения. Благодаря такому характеру английской торговли становится совершенно очевидным, что все эти торговые операции могут проделать и французы, и что нет никакого основания отдавать предпочтение англичанам. Если в данный момент имеется такое предпочтение, то последнее зависит от той торговой политики, которой держалось французское правительство, не представляя кораблям, приходящим из России в порты Франции, тех или других выгод, когда они снаряжены французскими торговыми домами, и снабжены визой французского консула. *Sauveur* заканчивает свою вторую записку глубоким убеждением, что, при ряде благоприятных условий, французы могут или совсем отнять у англичан или разделить с ними торговлю кожей, которую они имеют в Италии, ввозя эти товары через Ливорно.

Вторая записка совершенно верно анализирует общие условия, в которых развивалась английская торговля в России, но оптимизм автора относительно возможного успеха, при вытеснении Англии, весь обоснован на ряде предположительных заключений, могущих и не оправдаться. Наконец, автор записки совершенно не касается вопроса о том, смогут ли французы вступить в непосредственные торговые сделки с представителями русских торговых домов, которые уже привыкли иметь сделки с английскими торговыми домами на началах взаимного доверия и кредита.

II.

Французские дипломаты при русском дворе в первые месяцы правления новой государыни не подымали в своих донесениях вопроса о торговле. Но, когда этот вопрос, правда, в очень общей форме, поставил граф Панин, который в своей беседе указал Бретелю, что для скорейшего восстановления России необходимо развитие торговли, и что торговля с Францией может иметь место, и что оба государства будут пользоваться от нее взаимными выгодами,¹⁾ то Бретель, с своей стороны, воспользовавшись темой разговора с Паниным, стремился познакомить Панина с некоторыми деталями вопроса о характере русско-французских торговых отношений, пытаясь в то же время уничтожить существующее предубеждение, будто только Англия является единственной державой, с которой может торговлять Россия. Вместе с тем Бретель подчеркнул, что торговля Англии с Россией базируется на некоторых предоставленных ей правах и преимуществах согласно торгому договору, и что только полное равенство в вопросах торговли может создать конкуренцию.

Торговля для нации не может быть полезной, если при покупке продуктов имеется наличие привилегий одной нации перед другой, а также и условий, препятствующих развитию взаимной конкуренции. Панин согласился, по словам Бретеля, с его положениями, но одновременно возразил против утверждения французского дипломата, будто торговля России была невыгодна для нее самой. Сообщая свой раз-

¹⁾ Сборник т. 140, стр. 87

говор с Паниным. Бретель отмечает, что „Панин определенно нас не любит, и что он доволен вообще создавшимися препятствиями, но что он стремится к благу страны, в основе которой лежит развитие торговли". Разговор с графом Паниным Бретель считает в общем благоприятным для Франции, подыюющим надеяться на успех в переговорах в этом направлении.¹⁾

Беседа с графом Паниным не могла быть не отмечена французским правительством. Она показала необходимость серьезного отношения к вопросу о торговле, так как с русской стороны имелась тенденция построить торговлю на началах, наиболее выгодных для России. Вот почему французским дипломатам придется все чаще и чаще затрагивать в своих донесениях вопросы, касавшиеся торговли, одновременно внимательно следя за действиями и переговорами с русским правительством своих конкурентов-англичан. Впрочем, французский дипломат, имея в виду организацию торговли Франции с Россией в условиях, более благоприятных по сравнению с предыдущим временем, в то же время не предполагал в своей действительной политике отступить от тех начал, которых Людовик XV предлагал ему держаться в отношениях к России. В донесении от 5/16 декабря 1762 г., отправленном Брольи, барон де Бретель еще раз отметил ту линию поведения, которой он придерживается по отношению к России. „Я также убежден, как и Вы, что ничто так не подходит к системе Франции, как заключение союза с Россией. Моя заботы и моя работа не идут в этом направлении. Я рассматриваю Россию только с точки зрения торговли, которую для нас было бы полезно отнять у англичан или разделить выгода от нее совместно с англичанами. За исключением этого, все мои тенденции направлены к разрушению этого чудовищного могущества. Я глубоко убежден в том, что необходимо в интересах нашего дорогого отечества стремиться к тому, чтобы давать ему побольше хлопот внутри."²⁾ Разумеется, Людовик XV был доволен тем, что его представитель при русском дворе так точно придерживался данных ему инструкций, но такая настойчивость в достижении поставленной себе цели отвлекала внимание Бретеля от русско-французского торгового договора и от развития торговых связей с Россией, имевших столь существенное значение в экономической и политической борьбе Франции с Англией, и указывала только на близорукость дипломата, остававшегося в полном убеждении, что основная линия его поведения по отношению к России остается неизвестной правительству последней.

К вопросу о русско-французской торговле Бретель снова вернулся в письме к Шуазелю от 9/20 декабря 1762 г. Указывая на то, что граф Панин весьма озабочен тем, чтобы русская торговля находилась в цветущем состоянии, Бретель предполагал, что для постановки французской торговли в России наступает подходящий момент. „Если мы, пишет Бретель, будем действовать быстро, то мы можем добиться тех льгот, которых мы не имели возможности получить в течение 6 последних месяцев, так как в ближайшем будущем либо влияние Панина станет менее значительным, либо англичане увеличат свой кредит в России.³⁾ Настаивая на необходимости заключения франко-русского торгового договора, и указывая на те затруднения, которые англичане испытывают в своих переговорах о заключении русско-английского торгового договора вследствие требования уничтожения

1) Сборник 140, стр. 88

2) Сборник 140, стр. 132

3) Сборник 140, стр. 136

старых статей и добавления новых, Бретель высказал предположение, что эти затруднения, по возможным планам русского министра, могут заставить и нас быть более снисходительными при заключении торгового договора, так как мы не будем настаивать на получении тех преимуществ, которыми до сих пор сами не пользовались.¹⁾ При этих условиях, не было ли предпочтительней для Франции, ставит вопрос Бретель, предоставить англичанам спорить относительно всех условий по договору, в которых мы впоследствии будем информированы. Однако, такая позиция, думает Бретель, была бы весьма ошибочной: 1) не зная всех деталей англо-русского торгового договора, мы будем не в состоянии использовать их в наших интересах; нам же необходимо руководиться прежними англо-русскими договорами, 2) англичане, пользуясь без договора всеми выгодами торговли, могут подумать, что мы не собираемся заключать торгового договора и что мы ожидаем только конца их переговоров, могут замедлить с заключением договора для того, чтобы в первые годы мира использовать исключительно для себя огромное количество того снабжения, которое мы, естественно, пожелали бы иметь в виду необходимости быстрого возрождения нашего флота.²⁾

Вопрос о заключении франко-русского торгового договора был таким образом тесно связан с переговорами англичан о заключении такого же трактата, переговоры о котором уже велись в Петербурге. Бретель и его преемники прекрасно понимали значение для французской торговли англо-русского торгового договора и в своих донесениях официальному руководителю внешней политики сообщали все те слухи и сведения, которыми они располагали, как относительно хода переговоров, так и относительно тех или иных финансовых предложений России со стороны Англии.³⁾ Несмотря на благоприятную политico-экономическую ситуацию, Бретель мало подвинул вперед вопрос о франко-русском торговом договоре. Политические задания Людовика XV оставляли в тени торговый трактат, и Бретель, в осуществление тайных мыслей и планов короля, был занят больше дипломатической интригой, чем заботами о заключении действительно выгодного для Франции торгового договора. Интриги Бретеля, о которых Екатерина II была хорошо осведомлена, только усиливали позицию Англии в вопросе о торговом договоре.⁴⁾ В конечном итоге, вся политика Бретеля, состоявшая из дипломатических хитросплетений и интриг, потерпела полное крушение, и Бретелю пришлось просить свое правительство об отставании. Эта просьба была удовлетворена, и в мае 1763 г. Бретель, создав между русским и французским правительствами далеко не дружественные отношения, оставил северную столицу. Заместителем барона Бретеля был назначен маркиз де Боссе. Его назначение состоялось в сентябре 1763 г. Политические соображения и личные дела задержали приезд его в Петербург, куда он прибыл только в мае 1765 г. Представителем Франции впредь до прибытия нового посла оставался советник посольства Беранже.

III

Маркиз де Боссе, прежде, чем отправиться в Петербург, познакомился с дипломатической перепиской официального характера своих предшественников. Уже 4 октября 1763 г. новый посол представил

¹⁾ Сборник 140, стр. 136

²⁾ Сборник 140, стр. 137

³⁾ Сборник 140, стр. 145

⁴⁾ Сборник 57, № 1102, 1144.

герцогу Шуазелю мемуар, посвященный вопросу о торговле Франции с Россией. Маркиз де-Боссе, на основании доносений своих предшественников, также приходит к выводу о целесообразности восстановления торговли Франции с Россией. Но самый характер торговли должен значительно измениться. Дело в том, что та существовавшая незначительная, непосредственная торговля Франции с Россией заключалась только в привозе предметов роскоши: драгоценностей, мебели, позолоченных вещей, экипажей и т. п., тогда как англичане привозили исключительно товары, необходимые и полезные. Товары же французские были вредны или опасны для русской нации. Благодаря этому, русское правительство всегда проводило демаркационную линию между торговлей французов и англичан. Впрочем, такое разграничение основано на недоразумении, так как значительная часть товаров, которые англичане привозят в Россию, французского происхождения. Русское правительство, указывает маркиз де-Боссе, выражает недовольство тем, что французы ввозят значительное количество бесполезных предметов, и в то же время ничего не вывозят. Между тем, подчеркивает де-Боссе, все то, что английские купцы вывозят из России в большей своей части продаётся во Франции. Как бороться со всеми этими дефектами в организации французской торговли в России. По предложению де-Боссе, необходимо основать торговую компанию с основным капиталом в 650 т. ливров, которые могут быть собраны довольно скоро, если только компания будет уверена в сочувствии и покровительстве правительства. Необходимо представить компании и некоторые льготы в виде уменьшения портовых пошлин, тем более, что имеется много лиц, готовых войти в состав компании. Затем де-Боссе сообщает, что учредители будущей торговой компании считают необходимым скорейшее заключение торгового договора относительно вывоза льна, конопли, смолы, железа и других предметов морского снаряжения. Французское правительство при этих условиях будет покупать все необходимое из первых рук вместо того, чтобы обращаться к помощи посредников.¹⁾ В мемуаре де-Боссе нового, конечно, ничего нет. Но он интересен в том отношении, что весьма отчетливо отражает настроение представителей французской буржуазии, с интересами которой Людовик XV мало считался в своей политике. Маркиз де-Боссе совершенно правильно характеризовал настроение французской буржуазии, желавшей возобновить торговые сношения с Россией непосредственно, минуя англичан. Статья в *Gazette de France* от 19 Сентября, на которую ссылается сам де-Боссе, указывала на необходимость восстановления торговли с Россией предоставлением Франции той свободы, которой пользуются в России все нации.²⁾ Как бы и дополнение к записке маркиза де-Боссе, Беранже в своем письме от 11 октября 1763 г. указывает на намерение России учредить торговую компанию для торговли в Средиземном море, преимущественно в Кадиксе, Марсели, Ливорно, Генуе, куда предположено отправить коноплю, кожу, икру, воск и другие продукты.³⁾ Ряд вопросов, предложенных в России представителям французского купечества действительным статским советником Тепловым, главным директором табачных платаций на Украине, о том, доволны ли французы табаком, привозимым из Виргинии и Амерсфорта, а также, в какой сумме выразится ежегодное потребление табаку и каких сортов преимущественно, указывает на наличие тенденции со стороны русского правительства

¹⁾ Сборник 140, стр. 242—243

²⁾ Сборник 140, стр. 243

³⁾ Сборник 140, стр. 246

заязать непосредственные торговые сношения с Францией.¹⁾ Однако, все эти факты и сведения, шедшие, как из французских, так и русских источников, не оказали никакого влияния на характер той политики, которой Людовик XV держался по отношению к России. Инструкция данная новому послу в России от 18 декабря 1763 г., служит наглядным доказательством того, что принципиальные взгляды Людовика XV на характер отношений России и Франции остались без всяких изменений. По мысли составителей инструкции:²⁾ 1) реальные интересы Франции и географическое положение Франции по отношению к России не допускают возможности большего единения во взглядах и мероприятиях между Россией и Францией, 2) направления внешней политики русской и французской диаметрально противоположны. Россия является врагом Турции и Северных держав, к сохранению которых стремится Франция, 3) стремление варварской России к расширению своих границ и приближение к границам Франции не может не вызывать беспокойства, 4) вследствие обширности своей территории Россия, оставив некоторое количество войск для внутренней безопасности, может отправить за пределы своего государства чудовищные армии, 5) страна, войска которой достаточно приучены к войне, при наличии абсолютного и деспотического правительства, должна казаться опасной своим соседям и, главным образом, тем нациям, которые станут об'ектом для новых завоеваний. Указывая дальше на существенные противоречия во внешней политики России и Франции, в особенности в отношении к Польше, правительство Людовика XV считает, что единственные прямые отношения, которые Франция может иметь с Россией,— это торговые, в которых обе стороны могут пользоваться взаимными выгодами. Россия имеет огромное количество наиболее ценного материала, имеющего отношение к флоту. Получение последнего непосредственно может быть только желательным, как для уменьшения стоимости продуктов, так и для увеличения торгового и военного флота с соответствующим количеством матросов. Внимание правительства давно было обращено в этом направлении. Указывая дальше, что англичане благодаря только торговле, пользуясь, большим кредитом в России, и заняв в этом отношении место голландцев и вместе с тем, вывозя в Россию французские товары: вина, материи, моды, способствовали в Петербурге распространению неправильного суждения, будто мы вывозим находящуюся в употреблении денежную монету вместо того, чтобы пользоваться продуктами края. Впрочем, благодаря некоторым разсудительным (*senses*) людям и в частности министрам, русские отказались в настоящее время от этой ложной мысли³⁾, и сознают, что мы нуждаемся столько же в их производствах, сколько и в продуктах собственных производств. Сами русские отчетливо представляют себе, что прямая и непосредственная торговля между обеими нациями позволит им разделить между собой прибыль иностранных предпринимателей. По мнению составителя инструкции маркизу де-Боссе— это последнее убеждение затормозило возобновление торгового договора с англичанами в виду тенденции предоставить торговые преимущества всем народам и восстановить между последними конкуренцию.

Эта политика без сомнения является самой лучшей, которой должна держаться Россия, и которой мы должны следовать. Когда вопрос о торговом договоре будет поставлен перед этим правительством

¹⁾ Сборник 140, стр. 239

²⁾ Сборник 140, стр. 287

³⁾ Сборник 140, стр. 291

и нами, то мы в качестве основания для переговоров получим торговый договор с англичанами. Признавая необходимость скорейшего заключения франко-русского торгового договора, составитель инструкции рекомендует маркизу де-Боссе и в этом вопросе не проявлять собственной инициативы и ждать того момента, когда об этом заговорит само правительство. Сам Панин весьма заинтересован в этом вопросе и, по всей вероятности, первый поставит его на обсуждение.¹⁾

Инструкция маркизу де-Боссе указывает, что официальная политика Франции по отношению к России остается без изменения. Политика недоброжелательства и недооценки России — это те же задачи, которые ставились во главу угла, как в официальной дипломатической, так и тайной переписке. В одном отношении содержание инструкции отличается значительной новизной. В ней отведено значительное место вопросу о торговом договоре с Россией, и, конечно, нельзя не признать, что такая постановка вопроса логически вытекала из тех докладных записок, которые по вопросам торговли представлялись Шуазелю. Инструкция маркизу де-Боссе отражает действительную политику французского правительства и, подчеркивая совершенно определенно необходимость заключения для Франции торгового договора с Россией, отличается той же близорукостью, что и инструкция барону де Бретелю. Руководители французской внешней политики слишком верили в искусство своей дипломатии, в силу своего влияния и политического значения, и потому мало обращали внимания на то, что двойственная позиция, занятая Францией по отношению к России, в конечном итоге дает Франции только одни неблагоприятные результаты, содействуя в то же время экономическому усилению своего политического и экономического врага — англичан.

Маркиз де-Боссе по разным соображениям задержался в Париже. Французское правительство в своих отношениях к России было больше всего занято вопросами внешней политики, главным образом, польским, перед которым торговый договор отступал на задний план, и в переписке Беранже с Шуазелем он занимает совершенно второстепенное место, тем более, что и представители русского правительства не подымали вопроса о торговом договоре с Францией. Между тем, французские купцы не переставали проявлять своего особенного внимания к уже ни раз затрагиваемому ими вопросу. Французских негociантов очень интересовала и волновала проблема ослабления в России английского торгового влияния и возможность установления прямых непосредственных торговых связей с Россией. Так в июне 1764 г. иский Аверди представил записку относительно торговли с Россией.²⁾ Самая записка в смысле содержания не дает ничего нового, для уже ранее высказывавшихся суждений, но она интересна, как показатель настроения определенных французских общественных кругов, весьма заинтересованных в развитии французской торговли в России и недовольных, быть может, медлительностью французского правительства в столь важном вопросе. В одном отношении записка дает новые данные — по вопросу о возможности вывоза из Украины табаку вместо того, чтобы вывозить последний из английских колоний, откуда табак вывозился в значительном количестве. Сокращение вывоза табаку будет весьма ощутительным для Англии.

Внешние — политические вопросы отсталили пока на второй план вопросы торговой политики, но маркиз де-Боссе, остававшийся в Париже, представил 9 сентября 1764 г. новый мемуар о торговле в Рос-

1) Сборник 140, стр. 292

2) Сборник 140, стр. 376—378

ции.¹⁾ Новая записка рассматривает злободневный вопрос весьма всесторонне. Видимо, сам автор довольно основательно познакомился со всеми материалами, касающимися французской торговли в России. Для России, думает составитель мемуара, северная торговля имеет громадное значение. Это обстоятельство было вполне оценено англичанами, чему является свидетельством все книги англичан, касающиеся торговли, все трактаты, все их поведение. Тем не менее, какие бы преимущества англичане не имели бы в России, по мнению Боссе, французы могут совершенно свободно конкурировать с ними и в скором времени их превзойти, так как они предоставляют для торговли больше предметов, чем все нации вместе. Не возбуждая подозрения англичан вопросом о торговом договоре, восстановление значительной торговли было бы вполне возможно, так как французские изделия потребляются в достаточном количестве. С своей стороны, и французы вызывают многие предметы, но всеми выгодами пользуются только одни англичане. Восстановление торговли повлекло бы за собой возбуждение вопроса о торговом договоре, и когда русские убедятся в том, что „мы потребляем большое количество материалов туземного происхождения, то англичане не будут говорить, будто мы стремимся ввозить наши товары, не вывозя никаких товаров русского происхождения“. От непосредственной и прямой торговли Франции с Россией получится ряд преимуществ первостепенной важности: 1) расширение потребления продуктов французского происхождения, что повлечет за собой увеличение производства фабричных изделий. С своей стороны, французские торговые дома, освободившись от издержек посреднического характера, будут получать товары из первых рук, что повлечет за собой увеличение распространения французских между русскими и соответствующее уменьшение покупной цены. 2) Непосредственные торговые связи с Россией уменьшат стоимость товаров, вывозимых из России, вывоз которых в данное время находится всецело в руках англичан, получающих вследствие этого значительную прибыль. 3) Уменьшение английской торговли в России и соответствующее увеличение французской будет смертельным ударом, нанесенным Францией Англии. Англичане давно чувствовали, что, если Франция постарается возобновить свои непосредственные торговые связи с Россией, то английская торговля параллельно этому упадет. Поэтому, англичане пускали в ход все средства с тем, чтобы помешать русской нации, привыкшей к потреблению наших продуктов, получать их непосредственно. Сокращение торговых оборотов Англии в России будет иметь огромное политическое значение, так как это повлечет за собой уменьшение политического влияния Англии при русском дворе. Английское влияние при русском дворе всецело основано на торговле. Никаких других тесных связей между Россией и Англией не существует. 4) Непосредственная торговля России с Францией будет способствовать увеличению, как торговли и флота, так и численности матросов, так как Россия через посредников снабжала Францию всем тем, что нужно для флота. 5) Плавание по северным морям—одно из наиболее опасных и затруднительных, и в то же время является наиболее подходящим для подготовки хороших матросов для флота. Таковы выгоды, получаемые Францией, по мнению маркиза де-Боссе, от непосредственной торговли с Россией.

Во второй части своей докладной записки маркиз де-Боссе касается вопроса о средствах восстановления французской торговли с Россией. До настоящего времени в Петербурге было большее или

¹⁾ Сборник 140, стр. 405—412

меньшее количество торговцев без кредита и без коммерческой репутации, на что неоднократно указывали представители французского правительства в России. Необходимо учреждение в Петербурге торгового дома под управлением французского негоцианта, который хорошо бы знал все местные условия жизни. Торговый дом должен быть снабжен достаточным капиталом и пользоватьсяся за границей открытым кредитом, дабы он мог конкурировать в этом отношении с теми английскими торговыми домами, которые пользуются подобного рода репутацией. Такой торговый дом станет центром, на адрес которого негоцианты Франции будут отправлять свои тонны. При такой торговой политике, поддержанной правительством, Петербург станет Константинополем Балтики. Для побуждения к основанию в России французских торговых домов необходимо, чтобы негоцианты были уверены в том, что возвращение во Францию будет им предоставлено, без чего ни один французский богатый коммерсант не решится обратить свое внимание на торговлю на севере. Наконец, необходимо открытие в Петербурге французского кредитного учреждения, с проектом которого выступил *Rainbert*, имевший в России торговлю в продолжении 15 лет.

Весной 1765 г. маркиз де Боссе прибыл в Петербург, где ему пришлось столкнуться с неофициальной дипломатией Людовика XV, представителем которой в Петербурге явился французский консул *Rossignol*, которому были даны секретные инструкции от 20 июня 1765 г.¹⁾ Впрочем, новые секретные инструкции несомненно умеренное прежних. Очевидно, полная неудача дипломатии Бретеля побудила Людовика XV быть менее агрессивным по отношению к русскому правительству. Новые инструкции предлагали *Rossignol* соблюдать величайшую осторожность в своих разговорах и не пытаться искать повода к уничтожению могущества России (*soin de chercher à déprimer la puissance des Russes*).

Новые секретные инструкции отводят больше внимания, по сравнению с предыдущими тайными инструкциями, вопросу о торговле. Людовик XV должен был подчеркнуть необходимость взаимной торговли, а также заинтересованность в последней обоих государств. Общие интересы должны найти соответствующее отражение в взаимном договоре. Но, по мнению Людовика XV, Франция едва ли будет в состоянии поддерживать с Россией значительную торговлю, при наличии ряда условий, тормозящих развитие торговых сношений, как-то: чудовищные пошлины на товары французского происхождения, монополии отдельных отраслей торговли, неисполнение принятых на себя обязательств, расположность к Англии, с которой давность отношений (постоянная торговля), при наличии внушительного флота, делают связи России с Англией неразрывными. Поэтому все проекты, составлявшиеся по этому поводу, следует признать фантастическими, и «если наши отношения с этой державой, по мнению тайных инструкций, должны ограничиваться ознакомлением с ее политикой и предотвращением тех проступков, которые могут противоречить видам короля». Новые инструкции умеренней прежних. Правительство Людовика XV несколько сбавило тон своих секретных указаний. Но противоречие между официальной и тайной дипломатией осталось по старому. Тайная дипломатия интересовалась Россией с точки зрения международных отношений, тщательно следя за линией поведения России и стремясь предотвратить акты, противоречавшие интересам короля. Кроме того, тайная дипломатия полагала, что, несмотря на наличие ряда

¹⁾ Сборник 140, стр. 505—506

факторов, благоприятных для развития торговли Франции с Россией. невозможно осуществление составленных по этому поводу проектов и фактически капитулировала перед Англией, перед ее морским и торговым могуществом. При такой двойственной линии поведения французского правительства положение официального представителя французской дипломатии было более, чем затруднительным, и, разумеется, вопрос о франко-русском торговом договоре не мог быть разрешен с той быстротой, какая была наиболее желательна для реальных торговых политиков, стремившихся вырвать всю или часть торговли с Россией из рук Англии и тем подорвать значение и влияние последней в России. Впрочем, маркиз де-Боссе по прежнему вопрос о торговле считал первостепенным для Франции. В депеше от 30 июля 1765 г.¹⁾ Боссе сообщает своему правительству о близости заключения англо-русского торгового договора и учитывает при этом политические последствия этого союзного договора, принуждающего Англию вопреки собственному желанию поддерживать союзные отношения с державами континента. В большей депеше от 21 октября 1765 г.²⁾ маркиз де-Боссе снова обращает внимание герцога Прадена на необходимость установления непосредственной торговли Франции с Россией. Маркиз де-Боссе считает свой новый мемуар дополнением к записке, поданной им перед отездом и составленной на основании различных материалов и содержащей в себе лишь общие разсуждения по столь интересному вопросу. В своей новой записке маркиз де-Боссе сосредоточивает свое внимание на местных условиях, на которые обратили его внимание местные негоцианты, предлагавшие, с своей стороны, ряд определенных мнений и практических предложений. Так для поддержания активной французской торговли в Балтике необходимо только 10 кораблей при наличии французского торгового флота в 400 тонн. Если не считать того, что Франция теряет при покупке товаров через посредников, то убытки Франции вследствие отсутствия прямой торговли могут быть исчислены в 1 миллион ливров. Отсутствие прямой торговли России с Францией мешает сохранению коммерческой тайны (*fidélité et le secret des commissions*).

При таких условиях весьма затруднительно удвоение своих потребностей без того, чтобы об этом не были осведомлены другие. Несомненно, такого рода деликатные поручения было бы преподчительнее давать французам, чем англичанам. Торговля по Балтике увеличит количество матросов для королевского флота. Плавание по балтийскому морю может служить для них прекрасной школой. Небольшие размеры моря, частые перемены ветров будут способствовать увеличению различных маневров, которые будут содействовать усовершенствованию в теории и практике морского искусства. Благодаря торговле, правительство всегда будет в состоянии противодействовать на севере планам России и Англии в целях уменьшения их влияния. С развитием торгового флота будут подготавливаться кадры матросов для королевского флота, если только король будет вынужден к тому, чтобы показать свой флаг на море и оказать влияние на государства Севера. Появление в северных портах французских купцов, по мнению де-Боссе, увеличивая конкуренцию и предоставляя северным державам различные преимущества, будет иметь для Франции те же последствия, что раньше для Англии, так как русские предоставят равенство в торговле тогда, когда заинтересованные нации придут в их порты. В целях развития франко-русской торговли и получения выгод, кото-

¹⁾ Сборник 140, стр. 524

²⁾ Сборник 140, стр. 554—561

рые откроются вследствие торговли с Россией по мысли де-Боссе, необходимо побуждать французских негоциантов: 1) к открытию французских торговых домов и 2) необходимо заключить торговый договор, переговоры о котором были начаты при Елизавете Петровне, и только политические обстоятельства, в силу которых Россия находилась в непосредственной связи с Англией, создали ряд препятствий к тому, чтобы преодолеть все затруднения при заключении торгового договора. Возобновление переговоров о заключении торгового договора необходимо особенно с того момента, когда англичане возобновят свой. С другой стороны, русское правительство, в лице Панина, покровительствует увеличению франко-русского товарообмена и заключению торгового договора. Устройства французских торговых домов и их отделений в России необходимо, по мнению Панина, для развития прямой франко-русской торговли. Между прочим, Панин указал на целесообразность вывоза из России во Францию солонины для флота через Архангельск, но, по мысли Боссе, такая торговля предпочтительнее будет через Ригу, куда направляются быки из Украины. Маркиз де Боссе указывает еще на то обстоятельство, что Панин в своей торговой политике стремится установить непосредственные сношения с отдельными французскими портами. Впрочем, предпринятая русским правительством экспедиция в Италию кончилась полным крахом.

В ионом мемуаре по существу нового ничего нет, если не считать отдельных незначительных деталей, которые не вносят существенных изменений в те проекты относительно франко-русской торговли, которые составлялись де-Боссе и подавались заинтересованной в торговле стороной. В одном отношении записка дает новое. Она подчеркивает, что, благодаря развитию торговли на Балтике, правительство Людовика XV может оказывать влияние на политику держав Севера. Это был косвенный ответ де-Боссе на инструкции, данные Людовиком XV своему консулу Rosignol'a. Во всяком случае, де-Боссе прекрасно оценил значение прямой торговли России с Францией для ослабления экономического и политического могущества Англии, и только близорукая политика Людовика XV не могла разобраться в тех последствиях, экономических и политических, какие открывались перед Францией благодаря установлению между Россией благожелательных торговых и дипломатических отношений.

IV.

Пока французское правительство взвешивало и обсуждало с разных сторон выгоды и преимущества непосредственной торговли с Россией, англичане не дремали и прилагали все усилия к тому, чтобы поскорее заключить торговый договор с Россией и тем самым закрепить за собой русский рынок. Маркиз де-Боссе отчетливо представлял себе всю важность англо-русского торгового договора для франко-русских торговых отношений. Тщательно следя за всеми переписками англо-русских торговых переговоров, М. де-Боссе немедленно сообщал о всех новостях, касающихся англо-русского торгового договора, быть может в надежде побудить свое правительство приступить к скорейшим переговорам о заключении торгового договора с Россией, как основы, на которой должна базироваться непосредственная торговля Франции с Россией. В своих корреспонденциях правительству маркиз де-Боссе настоятельно указывал на близость ратификации англо-русского торгового трактата, который рассматривался де-Боссе, как договор о союзе.¹⁾ Эти дипломатические депеши осведомленного и прак-

¹⁾ Сборник 141, стр. 14, 31, 41, 71 и др.

тически настроенного посла могли быть отчасти парализованы депешами Kissignol'a королю в которых доверенный короля обнаруживал удивительную недальновидность и непонимание дела. Kissignol предлагал, что установление торговых связей между двумя нациями никоим образом не зависит от политической конъюнктуры. Торговля может существовать и развиваться, хотя бы при обоих государствах не было бы никакого представительства. Кроме того, не торговлей Франция может вовлечь Россию в орбиту своей политики. В торговле доминирует Англия. Ее политический вес можно уничтожить только с торговлей, но ни вес, ни торговля не передадут во власть Франции, хотя бы она держалась той же политики и использовала для этого все средства, которые находились бы в ее распоряжении.¹⁾

Разумеется, такой пессимистический взгляд поверенного Людовика XV не мог не парализовать настоятельных указаний де-Боссе на необходимость развития франко-русской торговли и заключения торгового договора с Россией. Kissignol по просту предлагал Франции капитулировать перед Англией на экономической почве. Французские тайная и явная дипломатия никак не могли выработать одной точки зрения на значение для Франции прямой торговли с Россией, хотя об'ективные соображения, приводимые в защиту последней, были достаточно убедительны своей документальностью.

Англичане же, успешно заключив свои переговоры по возобновлению англо-русского торгового договора, добились его заключения и ратификации со стороны обоих заинтересованных правительств. Новый торговый договор 1766 г. был в значительной степени повторением договора 1734 г., хотя англичанам удалось получить для своей торговли значительные преимущества в виде уменьшения пошлии на сукна и фланели и пр.²⁾ Торговый договор, будучи большой победой англичан на экономическом поле сражения, означал поражение французов, так как последние, оставаясь в пределах письменного обмена мнений со своим правительством и переговоров с представителем русского правительства—Паниным, не предпринимали никаких шагов к реализации своих предположений. Такая политика правительства Людовика XV, парализовавшая, как энергию своих негосударственных, живших в России, так и своего официального дипломатического представителя, лишил раз подчеркивала односторонность всей внешней политики Франции, в орбиту которой входило унижение и ослабление России, как большой и могущественной державы.

Маркиз де-Боссе трепожно встретил заключение Англией торгового договора с Россией. Также перво реагировали на это и заинтересованные негосударствы, стремившиеся подачей записок убедить свое правительство в необходимости держаться определенной торговой политики по отношению к России. Представители заинтересованной французской буржуазии действуют в указанном направлении весьма энергично и настойчиво. Маркиз де-Боссе делал, с своей стороны, все возможное, лишь бы убедить свое правительство принять более решительный курс в вопросе о торговой политике по отношению к России. Еще до официального заключения англо-русского торгового договора банкир и вице-консул в Петербурге Raimbeau представил 15 февраля 1766 г. большой мемуар, касающийся торговли и французского плавания в России.³⁾ Записка отличается обстоятельностью и широтой

1) Сборник 141, стр. 66

2) Н. Н. Фирсов Правительство и общество в их отношениях к внешней торговле в царствование Екатерины II. П. 1902, стр. 317

3) Сборник т. 141, стр. 21—28

13. Правы ВДУ № 20.

в постановке вопроса. Автору часто приходится ломиться в открытую дверь повторять всем известное и убеждать тех, кто не в состоянии, в силу своей односторонности и предвзятости мнений, поддаться каким либо объективным соображениям и фактам. Автор признает, что все предыдущие разновременно поданные записки показали как необходимость для Франции торговли с Россией, так и на те выгоды, которые получат от этого и государство и подданные. Равным образом, установлено, что все прямые и непосредственные связи между Францией и Россией возможны только учреждением *des comptoirs de la nation russe*. Однако, обстоятельства не благоприятствовали осуществлению намечаемой цели, а иностранцы снабжали нашими продуктами государства севера и нас необходимыми для нас предметами. Суждения же французских негоциантов о том, что они никогда не знали ни торговли, ни плавания по Балтийскому морю и не имели собственных интересов в этой стране, не могут нас оставлять в столь разрушительной зависимости!)

Составитель мемуара указывал также и на то, что англичане стремятся воспользоваться наличными политическими обстоятельствами, и что они предпринимают безконечные усилия с тем, чтобы удалить из России самостоятельную торговлю и мореплавание Франции, и что в стремлении к поставленной себе цели они пользуются всем, не щадят ни денег, ни интриг.¹⁾ И все таки, несмотря на ряд неблагоприятных условий, французский банкир думает, что немедленные торговые сношения с Россией можно легко восстановить; и что возможно, что оба правительства предоставят торговым договором все подходящие для этого средства.²⁾ (*les moyens les plus promptes*) По мысли составителя записки, в настоящее время и русское правительство, и негоцианты убедились как в вреде посреднической торговли, так и в том, что только одна конкуренция может быть наиболее целесообразным для торговли орудием и наиболее годным для ее увеличения и расширения. Кроме того, русские очень заинтересованы в том, чтобы торговля между обеими нациями была непосредственной, так как „мы потребляем не мало их продуктов и, кроме того, мы можем дать выход двум новым предметам их торговли: солонине и табаку.“ Raubert указывал дальше на стремление русских купцов через отправку кораблей в Ливорно вступить в непосредственные торговые сношения. Русские негоцианты обладают достаточным весом в правительственные сферах, и ими возможно воспользоваться для рассеяния английских интриг и претензий.³⁾ Автор записки сознает, что русская торговля в значительной степени зависит от англичан, от которых находится в полной зависимости благосостояние, как купцов, так и земельных собственников, и что всякое прекращение ими торговых сделок грозило бы полным разорением для указанных общественных групп. И только тогда исчезнет эта боязнь, когда в России окажутся торговые дома, которые будут в состоянии возместить и заменить англичан. Настроение правительственные сфер благожелательно для Франции. М. де Боссе и Rossignol высказывали пожелание об учреждении в Петербурге французских торговых домов, но французские негоцианты думают, что англо-русский торговый договор предоставляет английским торговым домам такие льготы и преимущества, которыми не располагают другие нации, что издержки по плаванию слишком велики, чтобы

1) Сборник 141, стр. 21

2) Сборник 141, стр. 21

3) Сборник 141, стр. 21

4) Сборник 141, стр. 22

вступить в конкуренцию с голландцами, и что наши корабли не столь удобны для плавания на Балтийском море, которого они еще не знают так, как знают голландцы и другие северные народы.¹⁾ В остальной части своей записки Raimbert стремился показать ошибочность и необоснованность этих предположений. По существу, англичане никакими преимуществами перед другими иностранцами не пользуются. Опыт отправки корабля из Петербурга в Брест показал, что издержки оказались меньше по сравнению с голландцами. Наконец, было время, когда и англичане, и голландцы не знали Балтики.²⁾ Благодаря этим условиям, восстановление прямой торговли России с Францией возможно, по мнению 'составителя записки, совершенно независимо от всякого торгового договора, но если последний будет заключен, то он будет очень полезен для того, "чтобы ускорить и закрепить тот успех".³⁾

Записка Raimbert обратила на себя внимание герцога Praslin'a и была отправлена к сведению государственного контролера. Praslin в сопроводительном письме высказал мысль, что теперь настал момент серьезно заняться этим предметом.⁴⁾ Raimbert перед своим от'ездом в Петербург познакомил герцога Шуазеля со всей своей работой относительно скорейшего установления непосредственной франко-русской торговли. В общем, итоги деятельности в этом направлении благоприятны. Многие из негоспитантов готовы принять участие в торговле с Россией. Но для развития мореплавания необходимо предоставить судовладельцам и купцам ряд льгот, чтобы было легче выдержать конкуренцию с голландцами, в частности, предоставить купцам полную свободу в вопросе снабжения кораблей таким количеством матросов, какое им, по их мнению, будет достаточно. Для развития торговли мебелью и сукнами, находящейся в данный момент в руках англичан, необходимо освободить вывозимые мебель и сукно от уплаты вывозных пошлин. Наконец, следует предоставить всем заинтересованным в торговле лицам, свободу и безопасность, необходимые для иностранных наций с тем, чтобы сделать торговлю и мореплавание Франции цветущими. Не может быть двух мнений по этому поводу. Первое— это заключение торгового договора. Это мнение обычное. Второе— превратить условия подобного трактата в общие постановления касательно торговли и мореплавания иностранцев на началах взаимного благоприятствования. Raimbert решительно высказывается в пользу последнего мнения.⁵⁾ Перед своим от'ездом в Россию Raimbert имел беседу с русским послом князем Голицыным, которому он указал на двойные пошлины на тонкие сукна и вместе с тем на то, что заключение торгового договора с англичанами сделало торговый трактат не соответствующим своему назначению, так как только полное равенство договора по отношению к подданным короля по сравнению с другой нацией может рассматриваться, как существенное основание договора.⁶⁾

Общая политическая кон'юнктура отстринила на задний план вопрос о торговле. Только в марте 1767 г. маркиз де-Боссе снова обратил на него внимание французского правительства указанием на быстрое развитие русской торговли, в особенности между 1759-1761 г. г. на сосредоточение половины торговли по Петербургу в руках англи-

1) Сборник 141, стр. 23

2) Сборник 141, стр. 25—26

3) Сборник 141, стр. 26

4) Сборник 141, стр. 28

5) Сборник 141, стр. 70

6) Сборник 141, стр. 72

чан и на необходимость прямой торговли Франции с Россией, так как посредническая торговля англичан мешает России и другим нациям пользоваться взаимными выгодами.¹⁾ Де Боссе снабдил свое краткое донесение герцогу Шуазелю ценным приложением—мемуаром о преимуществах прямой торговли между Францией и Россией.²⁾ Вопрос для французской дипломатии был не новым. К нему не раз возвращались французские дипломаты в своих депешах. Новый мемуар обширнее всех предыдущих. Вопрос рассматривается почти с исчерпывающей полнотой, которая, казалось, должна была убедить французское правительство к принятию необходимых, записанных от него, мер к восстановлению прямой торговли Франции с Россией. Мемуар указывал на целый ряд предметов, которые Франция должна покупать у России, как то: пенька, мачтовый лес, доски, смолу, железо, кожу, медь, полотно, льняные семена. С своей стороны, Россия имеет нужду во французских товарах, а именно: в винах, в устрицах, водках, сухих фруктах, сахаре, кофе, индиго, в материалах, модах, мебели, различных драгоценностях. До сих пор французы получали русские продукты тремя способами: 1) правительственным заказом на какойнибудь голландский дом; 2) предоставлением английским коммерсантам заказов со стороны французских; 3) получением продуктов из рук голландцев и англичан, которые привозят их во Францию для продажи и для самих себя.³⁾ Составитель мемуара констатирует рост русской внешней торговли в период 1753-1765 г. г., правильно ставя рост торговли в прямую связь с ростом военного и торгового флота в Европе. Почти четвертая часть английского вывоза идет для удовлетворения нужд собственного флота. Остальное количество русских произведений, оцениваемое в сумме 12 тысяч ливров, вывезено в порты Испании, Португалии и Италии. Эта торговля является весьма прибыльной. Французские негociанты давно это учили и стремились принять участие в прибылях.⁴⁾ Такие же интеллигентные и активные, как и англичане, французские негociанты могли бы взять на себя труд распределения продуктов севера по берегам Италии и Испании. В скором времени они возьмут верх в продажных сделках, так как они будут иметь преимущество в создавшейся конкуренции. При непосредственных торговых связях Франции с Россией, преимущество окажется на стороне Франции, и вся вывозная торговля неизвестительно перейдет в руки французов. Непосредственным следствием новой торговой конъюнктуры явится сокращение английской индустрии. Она подорвет благосостояние многих английских негociантов, большое количество матросов останется без работы. Количество английских судов, ежегодно приходящих в Балтийское море, уменьшится на половину. В английских портах будут находиться только те корабли, которые привезли продукты, необходимые исключительно для английского флота. Англичане предвидят последствия ослабления их торговли и, с своей стороны, озабочены принятием предупредительных мер. Развитие непосредственной торговли с Россией повлечет за собой увеличение французского вывоза, так как русские, при виде, что в их портах находится много наших кораблей для вывоза русских изделий, станут более склонительными к ввозу французских товаров. Мало того, они предоставлят те же преимущества, которыми располагают в настоящее время англичане, потому что мы будем находиться по отношению к ним

¹⁾ Сборник 141, стр. 257.

²⁾ Сборник 141, стр. 257-272.

³⁾ Сборник 141, стр. 258-260.

⁴⁾ Сборник 141, стр. 261.

В таком же положении, в каком в данный момент находятся англичане. Благодаря знанию французскими негоциантами вкусов всех классов общества, живости французов, воодушевленных личным интересом, любви русских к французским материям и другим французским изделиям — произойдет вся эта революция. Для скорейшего осуществления всех этих теоретических предположений необходимо открытие в России отделений наиболее богатых французских домов, на адрес которых надо отправлять поручения по купле и продаже. Составитель записки не скрывает от себя всех предстоящих трудностей, так как большая часть французских негоциантов совсем незнакома с Балтийской торговлей. Впрочем, это препятствие вполне преодолимо и, при поддержке кредита и заказов, предприниматели будут иметь верный успех. Необходимо открыть торговые отделения также в Данциге, Кенигсберге, Риге. Данцигская торговля хорошо известна и не требует никаких доказательств. Из Кенигсберга можно вывозить мачтовый лес. Мемель и Либава могут снабжать хлебными зернами, льняным семенем, пенькой, дубом. Сюда ввозится большое количество вин, водок, масла из Франции. Рига получает ежегодно 40-60 тонн (chargements) соли. Англичане ввозят туда большое количество сукон и меньше шерстяных материй. Французские купцы могут принять участие в этом ввозе и разделить получаемые англичанами прибыли.¹⁾ Изложения нами записка подводит итоги всем разговорам и мемуарам по поводу установления и развития непосредственной торговли с Россией. Она не только богата документальными соображениями в пользу непосредственной торговли с Россией, но показательна, как отражение идеологии французской буржуазии в ее стремлениях к развию внешнего рынка для Франции путем сокращения английской торговли, а вместе с ней и английского политического и экономического могущества. Континентальная система Наполеона I родилась в эпоху старого режима в официальной переписке французских послов в России с своим правительством при соответствующей поддержке со стороны наиболее заинтересованных и компетентных представителей французской буржуазии, имевшей торговые дела в северной столице. Впрочем, вся эта пропаганда прямой торговли с Россией кончилась полной неудачей. Романтические чувства Raimberta и его сторонников не нашли широкого отклика во французской буржуазии, еще не осознавшей важность русского рынка в борьбе Франции с Англией. Да к тому же сам Людовик XV не особенно стремился к восстановлению и упрочению непосредственной торговли Франции с Россией, неофициально стремясь к осуществлению совсем не той политики, которую намечали отчасти Бретель и, в особенности, Беранже и Боссе. Неудивительно, что борьба двух дипломатов усилила Англию и отдала весь рынок в распоряжение Англии, имевшей полную возможность мешать усилению морского могущества Франции, необходимости которого отчетливо сознавалась и маркизом де-Боссе, и представителями французской буржуазии, заинтересованной в развитии франко-русской торговли, как средства сломить экономическое и политическое могущество Англии.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Проф. С. Я. Вольфсон. Экзогамия	3
И. Я. Герцык. Экономическая теория Оттара Шпана	17
И. В. Герчиков. Проблема империализма в русской марксистской литературе	36
Проф. А. А. Манов. К постановке вопроса о методологии счетных дисциплин	51
В. В. Якунин. Рахункаведы на службе ў юрыспрудэнцыі	75
Андрэй Бурдзейка. Земляўласны і земляроб па Літоўскаму Статуту 1566 г.	89
А. Арцимович. К вопросу о признаках ремесленного и кустарного предприятия, как единицы наблюдения в промышленной статистике	106
Проф. В. Н. Перцев. Дантонысты в брюмере и фримере II года	120
М. Гольман. К вопросу о законе неравномерного экономического развития и о формах его проявления	130
Т. І. Забелы. Земляўласник і земляроб па Статуту Літоўскаму 1588 г.	152
Проф. В. И. Ничета. Французские дипломаты о торговле России с Францией в первые годы царствования Екатерины II.	172